БК
30
Е-12

Историческіе
ОЧЕРКИ
по исторіи
МАНУФАКТУР
КОЛЛЕГІЙ

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР
ТРУДЫ ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА
ТОМ ПЕРВЫЙ

БК
30
Б12

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ „Мануфактур" КОЛЛЕГИИ

Дм. Бабурин

*

МОСКВА
1939

Тэи

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
583327V

ВВЕДЕНИЕ

В марксистско-ленинском учении вопрос о государстве «...и в теоретическом и в практически-политическом отношениях» [1] всегда играл особо важную роль.

Общеизвестно, что ленинское «Государство и революция», этот шедевр марксистского учения о государстве, создавался в бурные месяцы революционной подготовки большевистской партии к захвату власти в Октябре, что теоретические лекции «О государстве» слушателям Свердловского университета в июле 1919 года Ленин читал в разгар гражданской войны. Даже в эти годы Ленин находил время для того, чтобы вести борьбу за очищение учения Маркса и Энгельса от попыток буржуазных и мелкобуржуазных идеологов опошлить это учение; Ленин с предельной ясностью устанавливает основную идею марксизма по вопросу об исторической роли и сущности государства: «Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примиримы. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы» [2].

---

[1] Ленин,— т. XXI, стр. 369.
[2] Ленин,— т. XXI, стр. 372.

Государство, не будучи силой извне навязанной обществу с классовыми противоречиями, вместе с тем ставит «себя над ним»[1] и все более и более отчуждает себя от него, представляя с первого дня своего зарождения «орган господства определенного класса, который не может быть примирен со своим антиподом...»[2].

Марксизм-ленинизм, исходя из общей методологии диалектического материализма, дает единственно научное объяснение происхождению и развитию государства. Марксистско-ленинское учение о государстве не ограничивается только рассмотрением вопроса об историческом происхождении и сущности государства.

Рассматривая государство, как историческую категорию, оно не только определяет классовую природу государств всех общественно-экономических формаций, но и перспективы развития и неизбежность гибели этих государств. Марксизм-ленинизм подчеркивает особо важную революционную роль государства, после захвата власти пролетариатом, как наиболее действенного оружия за освобождение всех трудящихся от ига капитализма, за построение коммунистического общества. Признавая неизбежность отмирания государства, ленинизм учит, что путь к отмиранию государства идет через еще большее укрепление нашего социалистического государства. Вот почему в марксистско-ленинском учении о победе социалистической революции вопрос о государстве играет исключительно важную роль, а вопрос о диктатуре пролетариата является центральным и главным вопросом этого учения.

Каждый господствующий класс любого государства до-социалистической формации осуществляет свою государственную власть посредством создания особого аппарата угнетения, посредством особой системы государственных учреждений, конечная задача которых сводится к умерению «столкновений» классов антиподов в целях удержания в подчинении одного из них, к тому,

---

[1] Энгельс,— «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Партиздат, 1932 г., стр. 172.

[2] Ленин,— т. XXI, стр. 373.

чтобы держать данное общество «в границах порядка» [1]. «Краткий курс истории ВКПб)» учит нас, что «источник формирования духовной жизни общества, источник происхождения идей, общественных теорий, политических взглядов политических учреждений нужно искать не в самих идеях, теориях, взглядах политических учреждениях, а в условиях материальной жизни общества, в общественном бытии, отражением которого являются эти идеи, теории, взгляды и т. п.

«...если в различные периоды истории общества наблюдаются различные общественные идеи, теории, взгляды, политические учреждения, если при рабовладельческом строе встречаем одни общественные идеи, теории, взгляды, политические учреждения, при феодализме — другие, при капитализме — третьи, то это объясняется не «природой», не «свойством» самих идей, теорий, взглядов, политических учреждений, а различными условиями материальной жизни общества в различные периоды общественного развития.

Каково бытие общества, каковы условия материальной жизни общества, — таковы его идеи, теории, политические взгляды, политические учреждения» [2].

Общественный способ производства определяет идеи, теории, политические взгляды и государственные учреждения данного общества. Каждому общественному способу производства соответствуют определенные, не зависящие от воли людей, производственные отношения, «которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» [3]. Переход от старых производственных отношений к новым производственным отношениям не может проходить мирным путем, без конфликтов, потрясений и революций. Стихийное развитие производительных сил и изменений в области производственных отноше-

---

[1] Энгельс,—«Происхождение семьи, частной собственности и государства», Партиздат, 1932 г., стр. 172.

[2] История ВКП(б) «Краткий курс», стр. 110. Подчеркнуто мною.

[3] К Маркс,— Избранные произведения, т. I, стр. 269.

ний может происходить только до определенного момента, когда созревшие производительные силы для дальнейшего своего развития встречают «непреодолимое» препятствие в существующих производственных отношениях. Ликвидация преград на пути дальнейшего развития производительных сил может быть совершена только «путем сознательной деятельности новых классов», которые насильственными, революционными средствами, при ожесточенном сопротивлении старых классов, осуществляют эту задачу.

«Краткий курс» подчеркивает, что в такие периоды «особенно ярко выступает громадная роль новых общественных идей, новых политических учреждений, новой политической власти, призванных упразднить силой старые производственные отношения»[1].

Борьба классов антиподов, их враждебные столкновения и стремление господствующего класса сохранить свою власть, все это целиком обусловливает те изменения и реформы, которые вынужден проводить класс-эксплоататор в системе своих государственных учреждений для сохранения своего господства.

Эксплоатируемый рабочий класс не может сбросить господство класса-эксплоататора «не только без насильственной революции, но и без уничтожения того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан и в котором это «отчуждение» воплощено»[2]. Стремясь сбросить господство паразитирующих классов, угнетаемые в ходе этой борьбы создают свои собственные учреждения, цель и назначение которых заключается в использовании их для борьбы с угнетателями. Результатом этой борьбы, в случае победы пролетарской революции, является уничтожение старого государственного аппарата и утверждение господства нового класса. При других условиях и формах классовой борьбы происходят изменения в государственном аппарате или отдельных учреждениях господствующего класса. История любого народа, имеющего ту или иную государственную орга-

[1] История ВКП(б) «Краткий курс», стр. 125.
[2] Ленин,— т. XXI, стр. 373.

низацию, тесно связана с историей изменений, реформ и революционных ломок государственного аппарата, государственных учреждений данного народа.

Из этого следует, какое громадное значение для правильного понимания всего конкретно-исторического процесса имеет научная работа в области изучения истории учреждений. Совершенно неверно представление о том, что изучение истории государственных учреждений представляет интерес только для периодов социальных катаклизмов и революционных потрясений, с которыми связаны изменения, происходящие в учреждениях. Государственный аппарат неотделим от истории и жизни народа, он повседневно входит с народом в соприкосновение, и история народа не может быть отделена и понята без изучения развития его государственных учреждений. Государство, возникнув из необходимости экономически более могущественного класса держать в политическом и ином подчинении угнетенные классы посредством аппарата насилия и управления, иногда вынуждено играть несколько иную, нежели обычно, роль. Энгельс по этому вопросу пишет: «В виде исключения встречаются однако периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними... Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, бонапартизм первой и второй империи во Франции, Бисмарк в Германии»[1].

Для таких периодов вопрос об изучении исторической роли государственных учреждений приобретает особый интерес: выяснение действительной роли органов государственного управления. Это положение марксизма-ленинизма обязывает подходить к выяснению важнейших проблем в истории государственных учреждений с точки зрения конкретно-исторического изучения их деятельности и в связи с общим ходом исторического процесса.

Марксистско-ленинская теория государства в трудах тов. Сталина нашла дальнейшую классическую разра-

[1] Энгельс,—цитирую по Ленину, т. XXI, стр. 377.

ботку, это учение поднято величайшим теоретиком нашего времени на новую высоту. На XVIII партийном съезде тов. Сталин дал не только блестящее изложение теории социалистического государства, обобщив гигантский опыт более чем двух десятилетий существования советского государства в враждебном окружении и тем самым продолжив ленинское «Государство и революцию», но одновременно, попутно тов. Сталин разрешил важнейшие вопросы, связанные с теорией государств, предшествующих социализму общественно-экономических формаций. Громадная заслуга тов. Сталина перед исторической наукой, в данном случае, состоит в том, что он своим учением об основных функциях рабовладельческих феодальных и капиталистических государств дает ключ для исследования важнейших проблем, связанных с деятельностью государства и его учреждений на различных этапах исторического развития:

«Государство возникло на основе раскола общества на враждебные классы, возникло для того, чтобы держать в узде эксплоатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства. Орудия власти государства сосредоточивались главным образом в армии, в карательных органах, в разведке, в тюрьмах. Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме, так обстоит дело при капитализме» [1]. Историческое изучение главной, внутренней функции любого государства (рабовладельческого, феодального и капиталистического) любой страны должно сводиться к восстановлению картины исторически складывавшейся единой системы государственных учрежде-

[1] И. В. Сталин,— «Отчетный доклад на XVIII съезде ВКП(б) о работе ЦК ВКП(б)», журн. «Большевик», 1939 г., № 5—6, стр. 37.

ний, условий, средств, приемов, методов их работы и государственной деятельности возглавлявших их лиц, что все в конечном счете было подчинено задаче «держать эксплуатируемое большинство в узде». Без конкретного представления о механизме и системе учреждений того или иного государства и деятельности его отдельных наиболее важных учреждений невозможно научное разрешение важнейших вопросов исторической науки. Значение и необходимость изучения истории государственных учреждений особо выпукло предстанет перед нами в свете ленинского указания, что государство в сущности сводится к «выделенному из человеческого общества а п п а р а т у у п р а в л е н и я»[1].

Таким образом, изучение истории отдельных учреждений должно в конечном результате преследовать задачу изучения истории данного государства. Переходя к вопросам изучения истории государственных учреждений СССР, мы прежде всего сталкиваемся с необходимостью определенной периодизации истории образования русского государственного строя, установление которой имеет громадное значение. Для интересующего нас периода мы находим абсолютно исчерпывающий ответ у Ленина, которым он показывает характер и направление изменений в системе русских государственных учреждений за три века.

«Русское самодержавие XVII века — с Боярской Думой и боярской аристократией — не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма» и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное «сверху» освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии. К XX веку и эта последняя форма полуфеодального полупатриархального самодержавия изжила себя. Переход к представительным учреждениям национального

[1] Ленин, — т. XXIV, стр. 366 (подчеркнуто мною — Дм. Б.).

масштаба стал необходимостью под влиянием роста капитализма, усиления буржуазии и т. д.» [1].

Почему важно установление этой периодизации? — Потому, что каждый из этих периодов в развитии самодержавия означает новые формы классовой борьбы, иное соотношение сил и необходимость для господствующего класса видоизменить аппарат своей власти, так как только при этих условиях он может удерживаться на положении господствующего класса.

Ленин пишет:

«И самодержавие и конституционная монархия и республика суть лишь разные формы классовой борьбы, причем диалектика истории такова, что, с одной стороны, каждая из этих форм проходит через различные этапы развития ее классового содержания, а с другой стороны, переход от одной формы к другой нисколько не устраняет (само по себе) господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке» [2].

Для историка эти указания Ленина имеют громадное значение и особенное значение они имеют для историка, занимающегося исследованиями в области истории государственных учреждений.

Установление ленинской периодизации для истории государственных учреждений России в целом значительно облегчает исследование отдельных, частных проблем, связанных с историей того или иного учреждения, в данном случае для истории Мануфактур-коллегии.

**
*

Общеизвестно, насколько судьбы нашей мануфактурной крепостной промышленности были тесно связаны с той системой торгово-промышленной политики, кото-

---

[1] Ленин, — т. XIV, стр. 18 (В одной из последующих работ Ленин еще больше детализирует и уточняет периодизацию для XIX и начала XX вв: «Монархия первой половины 19 в.— не то, что монархия 1861—1904 гг. В 1908—10 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая еще один шаг в том же направлении, которое можно назвать направлением буржуазной монархии», т. XV, стр 83.

[2] Ленин, — т. XIV, стр. 18.

рая проводилась самодержавием в России почти в течение всего XVIII века, и совершенно неизвестно, какое конкретное преломление находила эта торгово-промышленная политика в деятельности специальных государственных учреждений, которые были созданы при Петре I в виде Мануфактур-коллегии и Берг-коллегии.

Можно утверждать, что роль их в XVIII веке была иной, нежели соответствующих министерств и других государственных учреждений, имевших отношение к промышленности XIX и XX веков.

Подчеркивая принципиально иную роль учреждений XVIII столетия, связанных с промышленностью, я имею в виду два различных по своему происхождению и социально-экономической сущности типа промышленности: крепостную и капиталистическую — первая характерна (но не исключительно) для XVIII века, рост и развитие второй определяется существом общеэкономических тенденций в сторону утверждения капиталистических отношений, начиная с конца XVIII века и начала XIX века [1].

Задача исследования будет заключаться в том, чтобы расширить наши представления об одном из этапов в истории развития русской промышленности в связи с изучением истории той части правительственного аппарата XVIII века, которая была связана непосредственно с вопросами управления промышленностью и оказывала определенное воздействие внеэкономического принуждения на развитие целого ряда отраслей промышленности.

Именно исследование в области управления промышленностью может внести некоторую ясность в вопрос и о генезисе русского промышленного капитализма, так как чрез Мануфактур-коллегию осуществлялась политика самодержавия в области так называемой кустарной крестьянской промышленности, в недрах которой уже в XVIII веке складывались отношения, тождествен-

[1] Ленин в «Развитии капитализма в России», ограничивая себя в исследовании капитализма пореформенным временем, считал необходимым подчеркнуть, что он оставляет «в стороне те формы промышленности, которые основывались на труде крепостного населения»— см. примечания на стр. 423, т. III, 3-е издание.

ные с теми, какие мы наблюдаем в Западной Европе в домашней системе промышленности.

По степени напряженности борьбы правительственных государственных организаций в лице Мануфактур-коллегии, с «неуказной» промышленностью и в частности с крестьянской промышленностью, можно делать выводы о том, насколько в отдельные исторические промежутки времени крестьянская промышленность определяла общую экономику страны.

«Мануфактура — писал Маркс — лишь очень и очень частично овладевает национальным производством и всегда покоится на широко развитом ремесле и домашне-подсобной промышленности сельского населения» [1].

Было бы ошибочно преуменьшать у нас развитие городского ремесла даже в городах, находившихся в районах с сильно развитыми крепостными отношениями. Но по отношению к условиям развития России центр тяжести замечаний Маркса, по сравнению со странами Западной Европы, нужно все-таки переносить на домашнюю крестьянскую промышленность, существовавшую в крепостной вотчине.

Ленин в работе «Развитие капитализма в России», громя народников, настойчиво подчеркивал, что сущность вопроса о «судьбах капитализма в России» заключается, главным образом, не в вопросе сколь быстро развивается капитализм, а в вопросе — «к а к и м е н н о?», в вопросе «о т к у д а?» (т. е. каков был докапиталистический хозяйственный строй в России?) [2].

Такая постановка вопроса была обусловлена не только тем, что в этом заключалась основная ошибка экономических воззрений народничества, идеализировавшего докапиталистические порядки в России, не только тем, что надо было разгромить это реакционное учение именно такой постановкой вопроса, а и тем, что такой путь исследования является единственно правильным. Генезис капитализма в России, весь исторический процесс развития капитализма в целом, начиная с момента гос-

[1] М а р к с, — «Капитал», т. I, стр. 709.
[2] Л е н и н, — т. III, стр. 295.

подства патриархального земледелия, соединившегося с домашними промыслами «и с барщинной работой на землевладельца» с момента, когда еще, собственно, «совершенно нет ни капитализма, ни товарного обращения» [1], через множество переходных ступеней, до высшей формы в развитии капитализма, весь процесс развития может быть рассматриваем только с этой точки зрения.

Поэтому задача исследователя, занявшегося рассмотрением истории конкретного учреждения (в данном случае Мануфактур-коллегии) должна будет заключаться в раскрытии роли этого учреждения, как учреждения классового, осуществлявшего политику дворянско-крепостнического государства на разных этапах его существования р а з л и ч н о, в зависимости от эволюции самого крепостничества и о д и н а к о в о, т. е. строго классово-последовательно, поскольку существовало самое это государство на протяжении известного исторического отрезка времени, представляя интересы одного и того же господствовавшего класса. Задача будет заключаться в том, чтобы показать, как конкретно проявлялась деятельность учреждения (т. е. часть внутренней политики самодержавия), как это учреждение осуществляло экономическую политику абсолютной монархии, определявшуюся то борьбой привилегированной купеческой фабрики и дворянской мануфактуры против крестьянской промышленности, то борьбой дворян-мануфактуровладельцев и против купеческой фабрики и против «неуказной» крестьянской промышленности. Так можно было бы формулировать задачу в самом ее общем виде.

Характеризуя отношение представителей буржуазной науки к вопросу изучения исторической сущности государства, Ленин писал: «...что едва ли найдется другой вопрос, столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической экономии и публицистики, как вопрос о государстве» [2]. Утверждению буржуаз-

[1] Ленин, — т. III, стр. 293.
[2] Ленин, — т. XXIV, стр. 363.

ными историками принципа извечности существования государства, утверждению его надклассовой роли логически соответствовала антинаучная и шарлатанская посылка о божественной и сверхъестественной силе государства. Буржуазное учение о государстве определило направление и характер конкретно-исторических исследований о государственном аппарате, государственных учреждениях, об их историческом возникновении и развитии. Разумеется, что это замечание следует распространить не только на исторические исследования буржуазных ученых, занимавшихся изучением государственного аппарата той или иной эпохи в целом, но и на исследователей, занимавшихся историей отдельных учреждений, как части всего государственного механизма. Это относится и к «историкам» Мануфактур-коллегии.

Попытки дать очерки по истории управления промышленностью в XVIII веке мы имели в старой дореволюционной литературе, но все они предпринимались вне связи с историей русской промышленности и в лучшем случае представляли собою очень неудачный пересказ наиболее крупных законодательных актов, имевших отношение к данному вопросу. Среди всех этих работ мы не имеем ни одной, которая хотя бы в минимальной степени представляла интерес, даже с точки зрения фактического материала. В журнале министерства внутренних дел в первых трех номерах за 1844 год была напечатана статья Иванова П. И. — «История управления мануфактурной промышленностью в России». Автор ставил своей задачей дать историю управления промышленностью «от основания России до настоящего времени». План далеко не соответствовал возможностям автора в смысле имевшихся в его распоряжении документальных материалов и понимания им всей сложности той задачи, которую он пытался разрешить. Об этом свидетельствует прежде всего та периодизация в истории русской промышленности, которая дана Ивановым [1]. Вся работа построена исключительно

[1] Всю историю развития русской промышленности Иванов делил на пять следующих периодов: первый, от основания Рос-

на законодательном материале, который используется очень неполно и совершенно не анализируется. Автор законодательную норму принимает за действительную жизнь. Об учреждении, которое ведало промышленностью на протяжении почти всего XVIII века, автор находит возможным сказать только следующее: «Для успешного течения мануфактурных дел и особенного надзора над ними, он (Петр I) учредил особую Мануфактур-коллегию, занимавшую равное место на ряду с прочими коллегиями империи» (стр. 73—74).

Иванов делает попытку объяснить изменение промышленной политики, и сам факт ликвидации коллегии при Екатерине II, влиянием идей французских физиократов. Иванов не замечает даже того, что физиократы в своем учении исходили из предпосылки необходимости свободного труда, а в России при Екатерине крепостное право достигло кульминационного пункта в своем развитии. Вся работа в целом очень примитивна.

То же следует сказать и о других попытках написать что-либо по этому поводу. Такова, например, статья М. Семевского — «Очерк управления мануфактурной промышленностью от Петра до Екатерины II»[1], и статья А. Богословского «Управление промышленностью»[2], в которой он только изменяет схему, данную его предшественниками, и для XVIII века насчитывает пять различных периодов в истории развития промышленности. Периодизация у всех авторов формальная, по различным царствованиям, — у Богословского, например, пять таких периодов: период царствования Петра I, Екатерины I, Анны и Петра II, третий

сии до Петра I или учреждение Мануфактур-коллегии; второй от Петра I до Екатерины II, третий от Екатерины до Александра I, четвертый от поступления мануфактур в заведывание мин. вн. дел до присоединения их к мин. финансов и пятый от момента присоединения к мин. финансов «до настоящего благополучного времени».

Автор не дает даже формальных оснований такой периодизации.

[1] Журнал министерства народн. просв., 1859 г., т. 103, стр. 193—232. Имеется отдельное очень редкое издание за тот же год.

[2] В журнале «Юридический вестник» за 1872 г., л. 6—7.

период — Елизаветы и Петра III, четвертый — Екатерины II и последний период — Павла.

Уже одно это обстоятельство говорит о степени «научности» старых дореволюционных работ по этому вопросу. По существу мы не имеем ни одной более или менее серьезной попытки разработать историю данного учреждения. После Богословского, кроме Нисселовича [1], занимавшегося рабочим законодательством, кажется, никто не возвращался к мысли о написании истории Мануфактур-коллегии.

***

По поводу исторических исследований, специально посвященных истории русской промышленности, один из крупных специалистов в предисловии к последней из своих работ заявил, что история нашей промышленности за XVIII век до сих пор не написана [2]. Справедливость такого заявления не подлежит сомнению, несмотря на то, что по истории промышленности XVIII века мы имеем сравнительно обширную литературу [3].

---

[1] Нисселович Л. Н. — «История фабрично-заводского законодательства Российской империи», ч. I (и II), Спб., 1883 г.

[2] Имею в виду профессора П. Г. Любомирова, см. его работу «Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX вв.», «Прибой», 1930 г.

[3] Помимо Туган-Барановского и Лаппо-Данилевского «Русские промышленные и торговые компании в I пол. XVIII в. Спб. 1899 г., см. И. М. Кулишер — «Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореформенное время) постановка их в нашей исторической литературе» и др. его работы. Дяшенко «История русского народного хозяйства», М.-Л., 1927 г. Тарле — «Была ли Екатерининская Россия экономически отсталой страной. Проф. А. Н. Оглоблина — «Мануфактура в Гетманщине» — часть обширной работы «Очерки истории украинской фабрики». Н. Н. Фирсов — «Русские торгово-промышленные компании в I пол. XVII в». Казань. 1896 г. Кулишер И. М. — «Очерк истории русской промышленности», П. 1922 г.; Рожков — «Очерк истории труда в России». М.-Л. 1924; Базилевич К. — «На старейших полотняных фабриках». Архив истории труда, кн. 10. Сыромятников — «Очерк истории русской текстильной промышленности в связи с историей русского народного хозяйства» Иваново-Вознесенск, 1925 г.; С. Дюбюк — «По-

Критика концепций буржуазных ученых с общих марксистско-ленинских методологических позиций одно время отодвинула вопрос о необходимости кропотливых научных изысканий по фактическому изучению материалов и истории самого вопроса. Враги народа на историческом фронте и ликвидаторы исторической науки из «школы» Покровского немало навредили в деле конкретного изучения истории нашей промышленности.

За последнее время наметился перелом в сторону конкретно-исторических исследований по отдельным вопросам из истории промышленности XVIII века. Богатство и необычайное разнообразие исторических источников почти при полной неразработанности вопроса приводят к необходимости, для построения полной истории промышленности России за XVIII век, создавать эту картину путем монографических исследований, освещающих и разрабатывающих детально отдельные проблемы. К настоящему времени попытки в этом направлении дали некоторый результат, во всяком случае мы сдвинулись здесь с мертвой точки.

Все историко-экономические исследования предреволюционной эпохи о русской промышленности написаны на основе изучения относительно второстепенных и даже косвенных источников, так как фонды Мануфактур-коллегии и Мануфактур-конторы были найдены только после Октябрьской революции (до революции считали, что они погибли). Известная работа Туган-Барановского [1], например, написана по некоторым ма-

лотняная промышленность Костромского края во II половине XVIII в. и в I половине XIX в.», Кострома 1921. Слабченко — «Организация хоз. Украины от Хмельницкого до мировой войны». Из ранних работ по истории русской промышленности: Корсак А. — «О формах промышленности вообще и о значении домашней промышленности в Западной Европе и в России», — М. 1861 г. Антонович В. В. — «О промышленности Юго-Западного края в XVIII в.», Киев 1873 г. Бурнашев — «Очерк истории мануфактур в России», Спб. 1833 г. Соколовский К. — «К вопросу о состоянии промышленности в России в конце XVII и начале XVIII в. «Ученые записи Казанского Университета», 1890 г., кн. 3.

[1] Туган-Барановский, — «Русская фабрика», Соцэкгиз, М.-Л, изд. 6-е, 1934 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

териалам архива департамента таможенных сборов, по делам Комиссии о коммерции, частично по материалам фонда Коммерц-коллегии, так же и работа Милюкова о государственном хозяйстве России в первой четверти XVIII века[1] написана по документам Ближней канцелярии, Разрядного приказа, Сената, финансовых коллегий и Кабинета Петра. Работы Фирсова, Лаппо-Данилевского и других писались на основе тех же архивных фондов. Первые годы после революции фонды Мануфактур-коллегии и Мануфактур-конторы не использовались ввиду неподготовленности их для научных исследований, и только начиная со второй половины 20-х годов, работа ученых по использованию этих материалов была начата и продолжается до сих пор. К настоящему времени мы имеем несколько исследований, монографий, документальных сборников, отдельных статей, докладов, в значительной мере построенных на материалах фондов Мануфактур-коллегии и ее конторы.

Укажем наиболее крупные работы:

1. «Социальный состав рабочих первой половины XVIII века». Труды историко-археографического института Академии Наук СССР, т. XI, ч. IV, серия «Крепостная мануфактура в России», изд. Академии Наук СССР, Ленинград, 1934 г. Материалом для составления сборника послужили «сказки» рабочих по различным предприятиям, данные ими при проведении переписи 1732—1733 и 1737—1740 годов. Материал «сказок» сведен в издании в таблицы по полотняному и писчебумажному производствам 1732 года, по полотняному и писчебумажному производствам за 1737—1738 годы, по суконному производству 1737—1739 годов, по шелковому производству за 1738—1739 годы и в общие сводки-таблицы по всем предприятиям за 1736—1740 годы. Внутри каждой отрасли промышленности материал систематизирован по числу рабочих на отдельных предприятиях, социальному происхождению рабочих, по специальностям. Кроме того, даны таблицы со сведениями о занятиях до поступления на данную мануфак-

[1] П. Милюков,— «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра В.», Спб. 1892 г.

туру, рабочем стаже, семейном положении, жилищных условиях, грамотности и прочее.

Издание таблиц сопровождается: комментарием и археографическим введением, приложением в виде типовых «сказок» рабочих по переписи 1737—1740 годов, сводкой-экстрактом по рабочему законодательству, начиная с Уложения 1649 по 1800 год. Даны библиографические указания по истории рабочих крепостной мануфактуры в России XVIII века и историческая справка о мануфактурах, упоминающихся в томе. Разработка данных материалов институтом истории Академии Наук, с нашей точки зрения, сделана так, что она не может избавить исследователя от знакомства с архивными материалами, на основе которых составлялись таблицы участниками сборника. В издании по такому актуальному вопросу нужно было пойти по пути публикации самих документов — «сказок», установив метод их публикации [1].

2. «Московский суконный двор» серия «Крепостная мануфактура в России». Труды Историко-археографического института Академии Наук СССР, т. III, ч. V, изд. Академии Наук, Ленинград, 1934 г. Первая часть тома состоит из документов по истории московского Суконного двора с 1704 по 1803 год, характеризующих историю возникновения компании, переход его из казенного ведомства к частным лицам, вопросы оборудования и техники предприятия, обеспечение производства сырьем, положение русских и иностранных рабочих на мануфактуре, борьбу рабочих с предпринимателями.

Вторая часть тома состоит из таблиц о рабочей силе Суконного двора с группировкой данных по социальному происхождению, по специальности; о жилищных условиях; о движении числа рабочих по годам; о беглых рабочих; о заработной плате, оборудовании, сырье, выпускаемой продукции.

К тому даны приложения: отрывки из «мнения» доктора И. Кульмана о причинах распространения чумы среди рабочих Суконного двора, статья И. С. Снегирева

[1] Необходимо иметь в виду, что в Археографическом Институте долгое время подвизалась троцкистская банда во главе с Томсинским, который «редактировал» эти издания.

о Суконном дворе (появившаяся в 1853 году в «Ведомостях городской полиции» в № 279) и планы Суконного двора и города Москвы с указанием мест производства данной мануфактуры.

3. В том же издании опубликован первый том «Материалов по истории крестьянской промышленности XVIII века и первой половины XIX века», том XV Трудов Историко-археографического института Академии Наук СССР, Москва—Ленинград, 1935 год [1].

В этот том включены, кроме документов фондов Мануфактур-коллегии и Мануфактур-конторы, материалы и из других фондов, хранящихся в ленинградских и московских архивах [2]. Документы, помещенные в сборнике, касаются кожевенного производства, производства шляп, канатов, канифоля и скипидара, производства красок, мишурного и сусального производства, производства карт, стеклянных изделий, пуговиц, изготовления латуни, железоделательной и железообрабатывающей промышленности, красильного дела. По всем этим отраслям промышленности материалы подобраны очень неравномерно: по некоторым производствам сведения имеются почти с начала и до конца века (например, железоделательное, железообрабатывающее и кожевенное), по другим, — имеется всего один—два документа за конец века (стеклянные изделия, производство карт). Это обстоятельство значительно снижает ценность сборника и об'ясняется отнюдь не тем, что за более ранний период не имелось крестьянской промышленности. Скорее это нужно отнести за счет недоработки и известной беспечности, с которой еще подходят у нас к собиранию документов, даже для академических изданий.

Издание снабжено обширными комментариями, даны приложения в виде указателя законодательных актов, относящихся к крестьянской промышленности по полному собранию законов с 1649 года по 1804 год. Сооб-

[1] В настоящее время завершены работы по подготовке к печати II тома о текстильной крестьянской промышленности, который должен выйти в свет по составлению к нему комментариев и другого справочного аппарата.

[2] См. археографическое введение к тому, стр. XXXIX.

щены также библиографические материалы по истории крестьянской промышленности.

Необходимо отметить, что заголовок сборника о якобы имеющихся документах за первую половину XIX века не соответствует действительному содержанию, — самый поздний документ для XIX века относится к 1802 году [1].

Появление сборника очень долго не было отмечено нашей исторической критикой и только недавно в журнале «Историк-Марксист» появилась критико-библиографическая статья К. Базилевича [2].

4. В 1930 году вышла работа профессора П. Г. Любомирова — «Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX веков». Автор для своего исследования использовал богатый и очень обширный фактический материал по фонду Мануфактур-коллегии. Среди работ, которые появились из-под пера ученых старой буржуазной исторической школы после Октябрьской социалистической революции, эта работа явилась одной из первых наиболее обстоятельных с точки зрения изучения фактического материала.

«Очерки» проф. Любомирова ставят перед собой задачу разрешения одного вопроса — изучение организационной структуры промышленных предприятий XVIII века.

В вопросах методологии изучения промышленности автор этой книги остался по существу на старых дореволюционных позициях исторической буржуазной науки. Только в некоторых частных вопросах по истории промышленности Любомиров этой книгой порвал со взглядами Туган-Барановского и др. (вопрос о судьбах петровской промышленности, об искусственности русской фабрики и т. д.).

5. Использованы материалы фондов Мануфактур-коллегии и ее конторы автором книги о первых русских ситценабивных мануфактурах XVIII века [3]. Это иссле-

[1] Приходится допустить, что составители тома собирались дать материал по XIX в. в последующих книгах.

[2] «Историк-Марксист», 1937 г., кн. 1 (59), стр. 167—171.

[3] Н. Н. Дмитриев,— «Первые русские ситценабивные мануфактуры XVIII в.», М.-Л. 1935. Изв. ГАИМК, вып. 116, стр. 310.

дование Дмитриева, изданное в 1935 году, является одним из немногих, посвященных истории текстильной промышленности в России (дореволюционная литература на эту тему почти совершенно отсутствует). Нужно согласиться с редакционным замечанием к книге Дмитриева, что в ней «история первых возникших в России привилегированных ситценабивных мануфактур... иногда недостаточно связана с общей картиной экономического развития России в XVIII веке, а поэтому как роль общей политики крепостнического государства, так и самая среда, в которой происходило зарождение крупной русской ситценабивной промышленности, в книге недостаточно освещены». Большой фактический материал, разработанный автором, в значительной мере проигрывает от того, что общий экономический и социальный фон остается им обойденным. Работа значительно выиграла бы, если бы автор рассматривал поднятые им вопросы именно в связи с экономической политикой, проводившейся самодержавием в XVIII веке по отношению к так называемым «указным» предприятиям посредством Мануфактур-коллегии и конторы, хотя бы только на примере взятых им мануфактур. Правда, нужно сказать, что фонды в научно-техническом отношении настолько плохо обработаны, что такая «дополнительная» задача для исследователя безусловно трудна. Повидимому, поэтому Дмитриевым и не использован целый ряд материалов, оставшихся ему неизвестными.

Дмитриев рассматривает в своей книге историю возникновения мануфактур в начале второй половины XVIII века иностранцев Козенса, Чемберлена, появившегося позднее такого же предприятия Шейдемана (бывш. мастера Козенса) и историю ситцевых и выбойчатых фабрик московских купцов Ивана Кашинцева и Ивана Иконникова и др. Эти фабрики возникли в период расцвета деятельности восстановленной Елизаветой в 1742 году Мануфактур-коллегии в период наибольшего ее влияния на развитие русской промышленности. Последующие 60—70-е годы являются годами упадка и ликвидации самого учреждения и постепенного отмирания «указной» фабрики.

История возникновения, технический уровень пред-

приятий XVIII века, организационная структура промышленности этого типа, состояние рабочей силы на ситценабивных предприятиях, характер и организация сбыта продукции, вопросы о получении сырья, одним словом, вся та группа проблем, разрешение которых взял на себя автор книги, в значительной степени проиграла от того, что все это рассматривается без достаточной связи с общей промышленной политикой Елизаветы и Екатерины II. Вот почему, между прочим, тот перелом в этой политике, который наметился уже в самом начале 60-х годов и развивался до конца 70-х годов или начала 80-х годов, совершенно не характеризуется Дмитриевым на примере истории рассматриваемых им предприятий.

Так обстоит дело с изучением истории русской промышленности и с использованием фондов Мануфактур-коллегии и Мануфактур-конторы [1].

Все названные работы написаны без учета той конкретной политики в области промышленности, которая проводилась учреждением, призванным ведать промышленностью в XVIII веке.

В планах работ наших научно-исследовательских институтов и учреждений также отсутствует такая тема, как история управления промышленностью в XVIII веке. Между тем, такая тема представляет бесспорный интерес, больше того, есть прямая необходимость в постановке и освещении связанных с нею проблем.

Настоящая работа и ставит своею задачей освещение следующих вопросов:

1) История образования Мануфактур-коллегии в связи с общими административными реформами Петра и в связи с торгово-промышленной политикой, проводившейся самодержавием в первой четверти XVIII века.

2) Генезис и анализ регламента Мануфактур-коллегии, как законодательного акта, подводившего итоги некоторому опыту по государственному руководству промышленностью. В этом регламенте господствовавшие в то время идеи о путях поднятия производитель-

[1] Обзор материалов этих фондов см. в моей статье, журнал «Архивное дело», 1937 г., № (43) 2.

ных сил страны и самая практика учреждения нашли определенную норму после многочисленных прожектов и экспериментов, и в качестве этой нормы служили долгое время принципами промышленной политики самодержавия XVIII века. Изучение изменений в промышленной политике самодержавия и попыток пересмотреть регламент с целью привести его в соответствие с изменявшейся политикой в области промышленности.

3. История Мануфактур-коллегии после Петра I до 1779 года, как учреждения, направлявшего всю промышленную политику страны. Причины ликвидации учреждения, как следствие изменения направления промышленной политики самодержавия и отказа от системы покровительства и поощрения привилегированным так называемым «указным» фабрикантам.

Деятельность восстановленной при Павле в 1796 году Мануфактур-коллегии опускается, так как она проходит в иных условиях и с иными, в значительной степени, по своей социальной природе мануфактурами и фабриками.

4. Политика Мануфактур-коллегии по отношению к так называемым «указным» фабрикантам. Существо, характер и объем привилегий «указных» фабрикантов: «жалованные грамоты» (привилегии) на открытия мануфактур, выдача государственных денежных ссуд, право покупки крестьян и деревень, обеспечение фабрик сырьем, освобождение от внутренних пошлин и право свободной торговли, льготы по суду, освобождение от служб и т. д.

Сущность «обязанностей» владельцев мануфактур, «понуждения» их к заведению фабрик и заводов Мануфактур-коллегией, выключение из числа фабрикантов [1].

5. Мануфактур-коллегия, как учреждение, ведавшее рабочими фабрик и заводов: положение различных категорий рабочих на мануфактурах, социальные конфликты рабочих с фабрикантами и «разбор» их коллегией; «подготовка» рабочих кадров для фабрик и заводов; положение иностранных рабочих на русских мануфактурах.

---

[1] Вопрос о «неуказных» фабрикантах и о борьбе с ними Мануфактур-коллегии нуждается в специальном исследовании.

Специальный предмет исследования — история управления промышленностью в XVIII веке — в известном смысле освобождает автора от необходимости говорить о методологических принципах изучения русской промышленности этого периода.

Изучение вопроса об управлении промышленностью вне связи с историей развития промышленности и вне связи с общей историей страны невозможно, поэтому автор, не ставя своей задачей дать ответ на неразрешенные или спорные проблемы данного предмета, будет считать необходимым аргументировать свои взгляды по тем или иным моментам, ссылаясь на исследования и источники, с его точки зрения приемлемые или заслуживающие внимания.

Источниками для написания работы послужили архивные материалы архивохранилищ гг. Москвы и Ленинграда.

По ленинградскому архиву народного хозяйства использованы фонды: Мануфактур-коллегии и Мануфактур-конторы. По московскому государственному архиву феодально-крепостнической эпохи использованы документы фондов: Кабинета Петра I, Берг-коллегии, Сената и Штатс-конторы.

Неудовлетворительная научно-техническая обработка фондов архивных материалов, над которыми пришлось работать, когда зачастую приходилось пользоваться случайными материалами без предварительного общего ознакомления со всей наличностью документов, заставляет выразить неуверенность в максимальном использовании названных архивных фондов. Это обстоятельство в известной степени определило и название самой работы.

ГЛАВА I

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПЕТРА И ОРГАНИЗАЦИЯ МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИИ

В системе центральных учреждений допетровской России XVII века не было такого приказа, который бы сосредоточил в себе все управление промышленностью, все вопросы политики правительства в этой области. Попытки создать новые фабрики и заводы и содействовать развитию ремесла осуществлялись без посредства такого учреждения [1].

Различные приказы ведали промышленными предприятиями, которые составляли личное хозяйство самого царя и одновременно ведали фабриками и заводами, принадлежащими частным лицам и связанными с обслуживанием дворцовых нужд и нужд государства.

[1] По истории промышленности и ремесла в XVI—XVII вв. см. следующие наиболее важные работы: Довнар-Запольский М. В.—«Торговля и промышленность в Москве в XVI—XVII вв». сб. «Москва в ее прошлом и настоящем», ч. III, в. 2. Ефименко, Т. П.— «Очерк организации городских ремесел в Моск. государстве XVI—XVII вв.», Ж. М. Ю., 1914 г., кн. IV. Корнилов, А. А.— «Известия об успехах промышленности в России и в особенности при царе Алексее Михайловиче», Северн. Арх,. 1828 г., ч. V, № 1. Сыромятников, Б. И.— «Очерк истории русской текстильной промышленности в связи с историей русского народного хозяйства». Ив.-Вознесенск., 1925. Базиле-

При Алексее Михайловиче Тайный приказ управлял винокуренными, стекольными заводами царя, производством льна, поташа [1], он ведал также «гранатное дело и заводы». Деньги на «строение того гранатного дела и на заводы», а также на жалованье мастеровым людям собирались из разных приказов [2]. С начала 60-х годов в его ведомство переходит ряд новых царских и частных заводов: в Звенигородском уезде железные заводы в селах Обушковском, Степановском, Брондиловском, на которых изготовляли пушки, гвозди, листовое железо; [3] стеклянные заводы в Измайлове и в Черноголовской волости [4]; сафьяновый завод в Москве. [5] В 70-х годах он ведал писчебумажной фабрикой фон Шведена и его же суконной фабрикой. [6]

Царицына Мастерская палата представляла собой такое правительственное учреждение, которое ведало всем дворцовых хамовным делом в Кадашевской и Тверской, Константиновских слободах и в селах Брейтово и Черкасово.

Номинально учреждение возглавлялось самой царицей и целым рядом должностных правительственных лиц, например, так называемой приказной боярыней, которая «надсматривала» за хамовным делом в Када-

---

вич К. — «Кадашевцы, дворцовые ткачи полотен в XVII в.», сб. «Труд в России», 1924 г., кн. 2. Барановский М. — «Дворцовое хозяйство по делам приказа тайных дел», Сб. студенч. историко-этнограф. кружка при Универс. св. Владимира, вып. III, Киев, 1914 г. Горелин, Я. — «Очерк развития льняной промышленности в бывшей суздальской области и настоящее ее состояние в Шуйской местности». Труды Владимир. губ. стат. кол., в I., 1863, Владимир. Бакланов, Н. Б., В. В. Шавродин, И. И. Смирнов — «Тульские и каширские заводы в XVII в.», М.-Л., 1934 г. П. П. Смирнов — «Московские ткачи в XVII в. и их привилегии», Ташкент, 1928 г. Довнар-Запольский «Организация ремесла в Московском государстве», Ж. М. Нар. Просв. 1910, № 9.

[1] Заозерский, — «Царская вотчина XVII в.», стр. 126.

[2] Гр. Котошихин — «Россия в царствование Алексея Михайловича», изд. 4-ое, Спб. 1906 г., стр. 85.

[3] Заозерский — «Царская вотчина XVII века», стр. 146, 147.

[4] Там же, стр. 148.

[5] Там же, стр. 152, 156.

[6] М. Н. Покровский — «Русская история», т. III, стр. 117.

шевской и Константиновской слободах, в Брейтове и Черкасове [1].

Мастерская палата определяла годовые задания хамовным слободам и селам, принимала от них выработку — «белую казну», ведала суд и расправу над хамовниками, ее доверенные приказчики и старосты производили выдачу денежного продовольственного жалования, вели наблюдения за качеством вырабатываемой продукции. Доверенные лица — приказчики — управляли хамовными слободами и селами на основе специальных наказов, которые они получали от Мастерской палаты [2].

Мастерская палата существовала с начала XVI века до Петра I [3]. Кроме царицыной Мастерской палаты при Алексее Михайловиче была еще совершенно самостоятельная царская Мастерская палата. Этот приказ ведал «царское платье, и всякое одеяние и мастеровые люди». [4]

Тульские и Каширские железные заводы переходили в течение XVII века из приказа в приказ: то они были в приказе Большого дворца, то переходили в приказ Большой казны.

Известный Виниус, владелец тульских и каширских заводов, находился в ведении приказа Большого дворца, который пожаловал его целой Соломенской волостью с 347 душами крестьян, и от которых он получал остальные привилегии [5].

Позднее, тульские и каширские заводы были переданы в ведение Пушкарского приказа, а в мае 1668 года по просьбе другого крупного заводчика Марселиса с ведома царя они были переданы в Посольский приказ — «потому что все иноземцы, опричь служивых, ведомы в Посольском приказе» [6]. В действительности

---

[1] Котошихин,— «О России в царствование Алексея Михайловича», Спб., 1859 г., стр. 88.

[2] «Крепостная мануфактура в России», ч. III, изд. Ак. Н. СССР, М.-Л. 1932 г., стр. 146.

[3] Там же.

[4] Гр. Котошихин, — «Россия в царствование Алексея Михайловича», изд. 4-е, Спб., 1906 г., стр. 107.

[5] «Крепостная мануфактура», т. I, стр. 248.

[6] Там же, стр. 220.

Марселис просто желал стать в ведомство приказа, имевшего отношение к защите интересов иностранцев. Записные ремесленники ведались в разных приказах: каменщики и кирпичники в приказе каменных дел, записные скорняки и портные ведались Казенным двором и Сибирским приказом. [1]

Во второй половине XVII века приказ Большого дворца ведал плотниками, котельниками, оловянишниками, кузнецами, шатерниками, горшечниками, кирпичниками [2]. Записные ремесленники, занимавшиеся изготовлением огнестрельного оружия, были в подчинении Оружейной палаты. Конюшенный двор ведал дворцовыми колесниками, седельниками, шорниками, сыромятниками. Сытный двор — винокурами, пивоварами, бочкарями. [3]

Палата золотых дел и палата серебряных дел для обслуживания царского двора имела в своем распоряжении соответствующий кадр мастеров и ремесленников.

Необходимость удовлетворения государевых и государственных потребностей приводила к появлению особых разрядов населения — дворцовых, казенных и записных ремесленников, рекрутировавшихся принудительным порядком из различных слоев населения [4]. Ремесленники эти пользовались поденным «кормом из царской казны», обелялись и пользовались правом беспошлинной мелкой торговли. Экономически более сильная верхушка этого ремесленного населения иногда получала льготы и привилегии при поставках для казны. Все эти мероприятия носили единичный частный характер и давались в каждом отдельном случае по ходатайству того или иного приказа перед царем.

Эти разряды ремесленного населения, бывшего на учете того или иного приказа, обязывались работой или

---

[1] А. Н. Сперанский, — «Очерки по истории Каменного приказа», Москва, 1930 г.

[2] Котошихин Гр., «О России в царствование Алексея Михайловича», Спб. 1859 г., стр. 73.

[3] Там же, VI-2, VI, 6, VII, 11.

[4] Лаппо-Данилевский,— «Организ. прямого облож. в Моск. государстве», стр. 346.

«службой государевой», они должны были выполнять «урок данного им дела за определенную плату».[1]

Дворцовые мастеровые и записное ремесленное население мало чем по существу отличалось от остального крепостного населения страны[2].

Рост общественного разделения труда между городом и деревней, процесс образования внутреннего рынка, расширение товарно-денежных отношений внутри страны, развитие внешней торговли, — все это обусловливало появление первых фабрик и заводов в России XVII века, усиливало внимание правительства к развитию ремесла, организации мастеровых людей. Это порождало вопросы промышленно-торговой политики и необходимость разрешения этих вопросов теми или иными государственными учреждениями.

Некоторые из черт будущей петровской политики в области промышленности особо заметны во второй половине XVII века. Необходимость обеспечения растущих фабрик и заводов рабочей силой заставляет в более широких размерах приписывать к мануфактурам села и деревни с населяющими их крестьянами. Так, к писчебумажной, стеклянной и суконной фабрикам фон Сведена были приписаны села: Зеленая Слобода и Иванковская волость[3].

Были приписаны крепостные крестьяне к металлургическим заводам Акемы, Виниуса, Марселиса[4].

---

[1] «Крепостная мануфактура», ч. III, стр. XVI.

[2] «Крепостная мануфактура в России», ч. III, М.-Л. 1932 г. см., напр., следующие документы: на стр. 110 — Грамота из Мастерской палаты калужскому воеводе Федору Ивановичу Игнатьеву о присылке в Москву беглого кадашевца Луки Семенова с женой Анной (1642 г., 7 мая). На стр. 124 «Дело о незаконной женитьбе подъячего приказа Большого дворца, Иова Яковлева на кадашевке (1676 г. Янв. Март), на стр. 133. Грамота из мастерской палаты думному дворянину Ивану Петровичу Савелову о присылке в Москву отставного ткача, бившего ему челом в холопство (1691 г., 29 сент.), на стр. 92. Челобитная кадашевца Аксела Григорьева в Мастерскую палату об отпуске его в село Брейтово для свидания с родителями (1662 год).

[3] Лермонтова, — «Шелковая фабрика в правлении царевны Софьи», стр. 20.

[4] Семевский, — «Горнозаводск. крестьяне во II пол. XVII в.». Журн. «Русская мысль» за 1900 г., январь, стр. 3.

Меркантилистическая практика протекционизма в отношении промышленников, выражавшаяся в различных привилегиях, также не была чужда правительству второй половины XVII века [1].

Даже практика подготовки квалифицированных кадров отечественных специалистов для русских мануфактур с использованием иностранцев, которых обязывали обучать русских учеников, была наследована Петром от XVII века. Иностранцу Паульсону в 1685 году было отдано 8 человек учеников для обучения шелковому делу с тем, чтобы в каждый последующий год он брал новых четырех.

Обеспечение расходов, связанных с обучением, правительство брало на себя. Ученики Паульсона через четыре года стали хорошими мастерами [2].

Однако идеям меркантилизма и широкой практики содействия русской промышленности со стороны государства не суждено было развернуться в полном объеме до Петра в XVII веке. Не появилось до Петра и специального государственного учреждения, осуществлявшего промышленную политику страны в целом, ведавшего всеми отраслями мануфактурного производства [3].

Среди многочисленных приказов уже петровского времени мы не находим ни одного, который по кругу вопросов, подлежащих его ведению, выполнял бы те задачи, которые позднее были возложены на Мануфактур-коллегию, между тем, как целый ряд будущих коллегий имел тех или иных предшественников в виде ли самостоятельно существовавших приказов, проводивших так или иначе работу будущей коллегии, в виде ли группы приказов по частям, осуществлявших задачи более централизованных учреждений, какими стали коллегии [4].

---

[1] Лермонтова,— указанная работа, стр. 28—32.

[2] Там же, стр. 12 и 24.

[3] В дальнейшем везде термин мануфактура, мануфактурное пр-во употребляется в том смысле, какое он имеет в документах XVIII в., объединявшем очень часто и мануфактуру в собственном смысле и иногда кустарное ремесло.

[4] М. М. Богословский на 1 сентября, 1699 г. насчитывает следующие 44 приказа: 1— Посольский, 2— Великороссийский, 3— Ма-

Большинство петровских коллегий образовалось в той или иной мере на базе или обломках старых приказных учреждений и их деятельности предшествовала определенная практика и опыт. Мануфактур-коллегия не могла заимствовать этого опыта.

Первым шагам Петра по организации управления промышленностью предшествует энергичная деятельность по стимулированию и развитию промышленности в России. В 1692 году, Петр, в целях стимулирования производства железа в России, издает указ, по которому покупка железа для казенных надобностей разрешается только с железоделательных заводов боярина Нарышкина по «торговой цене».

В 1697 году было предписано окольничему князю Львову, определенному воеводой в Казань, заводить селитренные заводы на счет казенных ассигнований. В 1714 году сенатским указом приказывалось размножать селитренные заводы в Киевской губернии, в великорусских и украинских городах. Стремясь оказать широкое содействие развитию промышленности, Петр еще во время первого путешествия за границу в 1698 году посылает из Голландии для заводов Виниуса иностранных мастеров, специалистов по металлургии [1]. В это же время в Англии заключен договор с 60 мастерами золотого дела и со 100 мастерами голландцами [2].

лороссийский, 4—Княжества Смоленского, 5—Новгородский, 6—Галицкий, 7—Владимирский, 8—Устюжский, 9—Разрядный, 10—Большая Казна, 11—Казенный двор, 12—Большой дворец, 13—Дворцовый судный, 14—Каменных дел, 15—Конюшенный, 16—Стрелецкий, 17—Костромская четь, 18—Житный двор, 19—Иноземный, 20—Рейтарский, 21—Пушкарский, 22—Военных морских дел, 23—Поместный, 24—Московский судный, 25—Владимир. судный, 26—Аптекарский, 27 — Ямской, 28 — Преображенский, 29 — Мастерская палата, 30—Оружейная палата, 31—Палата золотых дел, 32—Палата серебряных дел, 33—Сибирский, 34—Холопьего суда, 35—Печатный, 36—Доимочный приказ, 37—Денежн. сбора, 38—Казанский дворец, 39—Патриарший разряд, 40 — Патриарш. казенный, 41 — Патриарш. дворцовый, 42, Сыскной, 43 — Ратуша, 44 — Земский. М. М. Богословский «Известия Акад. Наук. Отделение гуманитарных наук», № 2, за 1929 г. Статья «Административные преобразования Петра В.», стр. 99—100.

[1] Полное собр. зак., №№ 1433, 1723, С. М. Соловьев — «История России», т. XIV, стр. 235.

[2] С. М. Соловьев — «История России», т. XIV, стр. 237.

В 1702 году Петр, обобщая эту меру, издает манифест о вывозе иностранных мастеров в Россию для развития промышленности и торговли [1]. В 1709 году англичанину Лейду было дано поручение расширить существовавшие в Москве стекольные заводы, поднять их производство и научить русских мастеров работе по лучшим иностранным образцам [2]. Одновременно Петр посылает за границу русских для обучения на «тамошних» фабриках и заводах. В 1697 году была послана для обучения мастерствам группа комнатных стольников. За границу посылались Неплюев, Кайсаров [3], князь М. Голицын, Короткин для изучения писчебумажного производства [4] и много других.

Однако все эти мероприятия, предпринимаемые Петром, не дают нужного эффекта. Петр строительство нужных ему фабрик и заводов вынужден проводить за счет государственной казны. Так возникают Петрозаводская, Сестрорецкая и Охтенская фабрики. Были проведены соответствующие мероприятия в области расширения суконной и полотняной промышленности за счет государственных средств [5].

В 1712 году де-Геннин построил в Петербурге Литейный двор. На Урале в 1711 году был построен Каменский завод, в 1702 году — Унтусский, а до этого в 1699 году самый старый из уральских заводов Невьянский, переданный в 1702 году Демидову [6]. В 1710 и 1712 годах создается ряд бумажных фабрик, а в 1714 и 1718 годах — ряд шелковых [7].

В условиях ведения войны, требовавшей громадных затрат, финансирование промышленности только за счет государственных средств не могло быть выполнено. План правительственного финансирования и создания

---

[1] Там же, т. XV, стр. 87.

[2] Павлов-Сильванский,— «Проекты реформ и записки современников», стр. 39.

[3] Записки И. И. Неплюева.

[4] Павлов-Сильванский,— «Проекты реформ...», стр. 40.

[5] Нисселович,— «Фаб.-зав. законодательство», стр. 20, ч. I.

[6] Попов,— «Татищев и его время», стр. 35, 37. См. также В. де-Геннин,— «Описание уральских и сибирских заводов», Москва, 1937 г.

[7] Туган-Барановский,— «Русская фабрика», стр. 40.

непосредственно правительством фабрик и заводов по существу провалился. Петр решает найти выход средствами комбинирования этого первого плана с привлечением капитала частных лиц. Уже именным указом 1711 года 28 февраля полотняные заводы, которыми ведал Посольский приказ, велено было вместе с призванными к тому делу мастерами-иноземцами, по договорам их и русских людей, обучившихся тому делу, отдать купецким людям, которые торгуют в Москве, а именно: Андрею Турке, Степану Цинбальщикову и другим [1]. Этим было положено начало. Скоро последовал ряд других указов, которыми на известных условиях производилась передача государственных фабрик и заводов частным лицам. Вместе с этим на предпринимателей посыпались различные привилегии, субсидии, новые права, обещания и фактическая поддержка. Эти привилегии касались условий заведения новых мануфактур и связанных с этим льгот, покупки сырья, сбыта готовой продукции, освобождения от государственных пошлин и служб, правительственных гарантий по сбыту изготовленных товаров, обеспечения рабочей силой. Вначале эти привилегии выдаются в виде индивидуальных пожалований, связанных с характером организуемого производства и другими условиями заведения мануфактур, затем мероприятия в этом направлении начинают обобщаться в смысле распространения их на все торгово-промышленное население страны. С целью максимального привлечения возможно большего количества сил к торгово-промышленной деятельности Петр поощрял шляхетство не только заниматься торговлей и промышленностью, но даже переходить из дворянства в «купеческий чин». Он требовал, чтобы тех «...кого в сие вышеписанное вступят, не ставить ни в какое бесчестье ни им, ни их фамилиям, ни словесно, ни письменно» [2].

Некоторой неустойчивости и нечеткости в вопросах промышленной политики в первые годы XVIII века соответствовала и нечеткость в вопросах управления про-

---

[1] Полное собр. зак., № 2324.

[2] Павлов-Сильванский,— «Государевы служилые люди», Спб. 1909 г., II изд., стр. 231.

мышленностью. Управление фабриками и заводами обычно поручалось отдельным лицам по тем или иным частным и случайным соображениям, или тем или иным учреждениям по отдельным отраслям производства.

Эта беспорядочность была наследована от старой системы приказов XVII века и некоторое время держалась при Петре.

При Петре до организации Мануфактур-коллегии некоторыми видами промышленности ведала попрежнему Оружейная палата.

В ведении Оружейной палаты находилось подмосковное село Покровское, жившие в нем крестьяне работали в различных мастерских государева двора. Здесь были оружейные мастерские, столярные, чеканка денег, гравирование, винокуренное производство и др.

В 1704 году известный Иван Тихонович Посошков, организуя производство игральных карт, просит правительство отдать ему на откуп это дело за 2 000 рублей в год. Разрешение на производство было дано Оружейной палатой, которой ведал прибыльщик Курбатов. Оружейная палата выдала Посошкову и двум купцам, вошедшим с ним в компанию, 200 рублей на «новозаводство картного промысла» [1].

На примере полотняных фабрик лучше всего видно, как обстояло дело с вопросом государственного управления промышленностью в первый период царствования Петра I. В связи с заведением военного и торгового флота стали быстро расти полотняные фабрики. «В 1702 и 1705 годах парусные заводы были так хороши, якобы близ голландских». В 1711 году большинство их находилось в заведывании Григория Племянникова. Управляемые им заводы были «в очень дурном состоянии». В это же время другой частью полотняных заводов ведал Посольский приказ. Один из этих заводов был передан известному купцу Турке с товарищами на 30 лет. В 1715 и 1716 годах полотняные фабрики, которыми раньше ведал Племянников, управлялись Андреем Беляевым, при котором они «едва не разори-

[1] Павлов-Сильванский,— «Очерк по русской истории XVIII—XIX вв.», Спб. 1910 г., стр. 42—43.

лись вконец, только три четверти парусной холстины было прислано в Петербург, и то все гнилое». После этого они были отданы в заведывание князю Одоевскому, который содержал их в «изрядном состоянии» и доставлял «добрые» парусные полотна. В декабре 1714 года было приказано отдать в ведомство московского губернатора скатертное, салфеточное и полотняное производство [1]. Такая смена лиц и учреждений в управлении только одной отраслью промышленности объясняется стремлением во чтобы то ни стало улучшить само производство и поставить его в небывалых до того размерах.

Отдельными предприятиями ведало до создания Мануфактур-коллегии даже такое учреждение, как Монастырский приказ, восстановленный Петром I [2].

Даже в первые годы существования Мануфактур-коллегии централизация управления мануфактурной промышленностью не была полностью завершена [3]. У

---

[1] Соловьев,— том. XVI, стр. 168.

[2] «Бумажную мельницу, которая в селе Богороцком на Яузе (построена была из монастырского приказу) с нынешнего 1719 году описав отдате и с постройки до указу во владение иноземцу Ягану Индрику Барфусу и оброчных денег на прошлыя 1716, 1717 и 1718 годы, так же и впредь на нем не спрашивать, насупротив того возмите у него письменное обязательство с добрыми поруками чтоб он те заводы строил и починивал своим иждевением и ни в чем их неопускал и бумагу не только картузную и синюю, но и пищую делал умножая и продавая по вольною ценою с платежем обыкновенной пошлины. А картузную бумагу, которая у него есть ныне на лицо, принять на Москве в Адмиралтейской приказ и заплатить ему за оную деньги, по цене по чем она ему самому стала, и на те деньги чтоб он старался не только что тою бумажною мельницу совсем исправить, но и другую мельницу, на которой солому режут, чтоб он старался совсем отделать и действительно оную произвесть. И в том во всем обязать ево писменно и взять поруки». ГАФКЭ, Фонд Кабинета Петра I, д. 83, лл. 178—179.

[3] Централизации управления не знала и горная промышленность до организации Петром I Приказа рудных дел, позднее замененного Берг-коллегией. До 1668 года управление горными делами было распределено между приказами Большой казны, Посольским, Оружейной палатой и Пушечным двором. В этом году горное дело было поручено ведать приказу Большого дворца, но опять таки вместе с ним этими же отраслями промышленности занимался Сибирский приказ. Д. Толстой, «История финансовых учреждений», стр. 190—191.

Голикова есть упоминания, что в Петербурге в ведении Адмиралтейства были канатные заводы, одновременно другие канатные заводы были в ведении Мануфактур-коллегии. В регламенте адмиралтейского управления даже были введены особые пункты, обязывавшие адмиралтейство наблюдать за производством канатов, определена особая должность комиссара и даны обязанности канатного мастера. Это свидетельство Голикова подтверждается другими данными. В 1720 году был составлен «Концепт» о парусном московском заводе, по которому директор этого завода Иван Тиммерман должен быть «в ведении в Адмиралтейц-коллегии. А кроме оной коллегии никому ево ничем не ведать»[1].

---

[1] ГАФКЭ,— Фонд Кабинета Петра I, д. № 40, лл. 40—44.

«Концепт» этот представляет интерес с точки зрения зарождения и развития отдельных частных пожалований промышленникам, которые позднее по времени утверждения регламента Мануфактур-коллегии, переросли в общую норму. Он состоял из 16 пунктов:

§ 1. По первому Тиммерману поручалось ведать завод «со всяким строением, мельницами, анбарами и снастьми, как и ныне обретается тако же с принадлежащими мастерами, подмастерьеми и со всеми работными людьми».

§ 2. На «отправление» фабрики, «покупку материалов и на заплату работным людям» из казны ему выдавалось 20 000 р. «А боле того числа ему Тиммерману денег не требовать, но содержать и разводить помянутые заводы теми данными ему деньгами».

§ 3. «На тех заводах делать ему полотен сколько возможно и отдавать в адмиралтейство на содержание флота на всякой год по три тысячи кусков какие потребны будут. А что сверх помянутых трех тысяч кусков сделано будет оное давать ему для прибыли его ц. в. и те выданные деньги паки возвращать в фабричную казну».

§ 4. «А за его прилежное смотрение е. ц. в. повелевает ему Тиммерману с того, что в продажу будет давать десятую долю от всяких рук полотен которые на тех заводах делаютца и впредь делатца будут, а окромя того книжного жалования ему не давать, а жить ему Тиммерману и полотна класть на прежнем вице-адмиральском дворе, что куплен в Адмиралтейство».

§ 5. Для «содержания» фабрики из Адмиралт-коллегии Тиммерман получал одного унтер-офицера «книгодержателя», двух писарей и 6 или 8 чел. солдат. Все они должны были получать жалование «из фабричной казны ис прибыльных денег». В случае несчастья (пожар) и за «остановкою купеческого промыслу» Тиммерман мог иметь «прибежище к адмиралтейству и требовать вспоможение».

Мануфактур-коллегия к этому времени насчитывала уже несколько лет своей деятельности и несмотря на это тиммермановская фабрика была отдана в ведение адмиралтейства.

Кроме адмиралтейства отдельными отраслями государственных и частных промышленных предприятий ведал целый ряд других учреждений. При Петре I и Екатерине I таким учреждением была, например, государственная «Канцелярия от строения». Указом 1727 года 9 января этой канцелярии вменялось в обязанность построить мельницы на реке Лаве для «пилования, полирования и точения мраморного камня». Надо полагать, что канцелярия не только должна была построить

---

§ 6. В первый год (1720) Тиммерман должен был поставить в Адмиралтейство 2 000 кусков парусного полотна, в последующие годы по 3 000 кусков. «А когда е. ц. в. впредь более понадобитца во флот или на ластовые суда, тогда ему Тиммерману за те полотна деньги брать, почему ему на заводе полотна становитца будут бес прибылных денег и с тех парусных полотен, которые будут в адмиралтейство отдаватца пошлин не имать... и те деньги возвращать паки в казну фабричную. А что он будет сверх того, что в адмиралтейство возметца продавать на сторону, с того платить тые пошлины обыкновенные по торговому уставу».

§ 7. «О должном быть старании к размножению».

§ 8. «О закупке лучшего сырья на изготовление».

§ 9. «А пока он Тиммерман той фабрики не размножит по то время кроме... припасами и людьми без указу из адмиральтейского коллегии никого не ссужать и никуды не отдавать, но иметь Тиммерману всякую прилежность, дабы оную фабрику привесть в добрый порядок».

§ 10. «Как ему оная фабрика отдастся всем работным людем, мастерам и подмастерьям из адмиралтейской канцелярии заплатить по то число, как оная фабрика отдана будет, також чтоб все материалы, припасы и все что к той фабрике надлежит по росписи ему ж Тиммерману за материалы, которые в нынешнем году заготовлены к оному фабричному делу, отдать ему в счет описав с ценою имянно».

§ 11. О порядке приема материалов.

§ 12. «Публиковать указами, чтоб отнюдь никто не дерзал работных людей с. е. ц. в. от парусных заводов на другие заводы в работу принимать или подговаривать под штрафом и платежем денег, а беглецам чинить телесное наказание, дабы другим бегать было неповадно, от чего бы не было в работе остановки».

§ 13. «Денежную казну, которая выдана будет на содержание заводов двадцать тысяч рублев, иметь в адмиралтейской канцелярии в ево Тиммермановской диспозиции. На покупку материалов и платежа работным людем, как ему понадобятца, такоже и денги,

эти мельницы, но и ведать ими, как заинтересованное ведомство [1].

Централизация управления различными отраслями промышленности происходила постепенно. Вряд ли при создании самой коллегии была мысль подчинить ведению одного учреждения все отрасли промышленности. Если и была такая идея, то в действительности сосредоточение в одних руках управления всеми отраслями промышленного хозяйства происходило постепенно, например, — «табашный завод» (или «табашная мануфактура») в Алатыре была передана «под ведение» Мануфактур-коллегии из Камер-коллегии только в мае 1722 года [2].

Набор и распределение квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы для мануфактур первое время так же не был централизован. Этим делом ведали различные учреждения.

До создания Мануфактур-коллегии какой-то категорией «мастеровых людей» ведал так называемый цейхдиректор [3]. С организацией Мануфактур-коллегии все они были переданы в ведение последней.

которые с продажи в приход будут для всякого опасения, иметь в охранении в той же канцелярии».

§ 14. «На тех же заводах, что всегда надобно будет к адмиралтейству на флот флагдуку, делать ему ж Тиммерману и за оной флагдук платить ему из адмиралтейства денгами по той цене, как ему оной флагдук самому ценою будет становитца для того, что оному флагдуку продажи быть никуда не надеемся и прибыли в том учинить не мочно. А за оное ево дело и прилежное радение дать ему в жалованье пятую долю».

§ 15. «Отчеты и репорта подаются Т. в адмиралтейство коллегию князю Одоевскому».

§ 16. «Адмирал. Колл. и кн. Одоевскому иметь смотрение за фабрикой». (Последние два пункта в подлиннике документа вычеркнуты).

[1] ГАФКЭ,— Фонд Кабинета Петра I, д. № 57, л. 403.

[2] ГАФКЭ,— Фонд Сената, оп. № 16, д. 1/1061, л. 240.

[3] Это видно из одной косвенной и случайной ссылки в черновике письма Петра к графу Брюсу о принятии цейх-директора Аврамова в асессоры Мануфактур-коллегии: «мастеровые люди, которые были в ведении цейх-директора Аврамова взяты все в ведение Мануфактур-коллегии и тако оной Аврамова ныне почитай без дела остался».

Печальный опыт, к которому приводила старая практика поручения различных отраслей хозяйства отдельным лицам, не мог не наталкивать на мысль о необходимости создания единого централизованного учреждения по управлению всеми отраслями промышленности с определенными правами и обязанностями, целиком отвечавшего перед верховным представителем власти и высшими государственными установлениями.

Организация самой коллегии стоит в тесной связи с господствовавшими в то время идеями меркантилизма. С именем первого теоретика и основоположника русского меркантилизма Ордина-Нащокина связаны первые практические шаги в области осуществления этих идей. Но от 1665 года до эпохи Петра почти ничего не было сделано для развития и применения идей Ордина-Нащокина. Развитие этих идей получило свое претворение в практических шагах Петра по организации специальных учреждений, занимавшихся вопросами торговли и промышленности. Но меркантилизм Посошкова и Петра это уже меркантилизм кольберовского толка — промышленный меркантилизм. Проекты Федора Салтыкова, Конона Зотова, Нестерова, Курбатова, Филиппова, Посошкова и других русских современников Петра шли в том же направлении, но они не являлись только следствием наблюдения ими западно-европейской жизни. Появление самих проектов было обусловлено общим ходом исторического развития и необходимостью поднять уровень развития производительных сил страны. Один из вдохновителей и практических советчиков Петра по устройству коллегиального управления в вопросе организации Мануфактур-коллегии особо рекомендовал Петру не следовать в поощрении промышленности каким-либо предвзятым теориям, а сообразовать меры поощрения с фактическими условиями и нуждами страны.

«В рассуждении Мануфактур-коллегии предположил я со членом сей коллегии, чтобы они потребное для сего

Очевидно Аврамов как чиновник-специалист и рекомендовался в Мануфактур-коллегию для использования его по назначению. Документ этот датирован августом 1721 года. Надо полагать к этому времени еще не успели использовать кадры старых учреждений. ГАФКЭ, Фонд Кабинета Петра, д. 53, л. 266.

знание приобрели и историческое понятие о каждой в государстве действующей или еще учреждающейся фабрике, дабы они вообще как фабрики, так и денежный курс разумели» [1].

Фик и Люберас введение коллегий, имеющих отношение к промышленности и торговли, рассматривали с точки зрения развития производительных сил страны, тот и другой были крайними сторонниками правительственной регламентации, которой они хотели подчинить каждую отрасль народного хозяйства и народной жизни страны. Люберас в этих целях «настаивал на устройстве отдельной от Коммерц-коллегии — Мануфактур-коллегии, долженствовавшей заняться специально развитием промышленной деятельности, строго согласованной с «ситуацией» страны, с ее естественными богатствами. С этой же целью внутреннее производство должно было теснейшим образом быть согласовано с условиями внешнего сбыта, для чего Мануфактур-коллегия должна была находиться в постоянной корреспонденции с Коммерц-коллегией, а последняя — со своими заграничными агентами» [2].

Люберас рекомендовал не сразу разрывать связи с прошедшим и постепенно заменять старые учреждения новыми. При большой территории государства он предлагал для Мануфактур- и Коммерц-коллегий учредить в губерниях для помощи им конторы, поручив их особым «интендантам», за которыми должны были следить советчики и губернаторы, «в прочем же побуждать им сии конторы, как в исполнение посылаемых для них из коллегий предписаний так и обо всем в рассуждении их конторы уведомить коллегию» [3].

В преобразовательных планах русских современников Петра (Салтыкова, Нестерова, Зотова и др.), за исключением Алексея Курбатова, мы не находим конкретных предложений, относящихся к области государственного управления, к реформам центральных и губернских

[1] Э. Берендтс,— «Барон А. Х. фон Люберас и его записка...», стр. 14.

[2] Милюков,— «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века...», стр. 604.

[3] Там же, стр. 19.

учреждений. Тем более мы не находим предложений, связанных с организацией управления отечественной промышленностью, между тем как вопрос о поднятии производительных сил страны в связи с развитием промышленности ставится очень многими из них.

О быстром развитии и насаждении фабрик и заводов в России по примеру Запада мечтал Федор Салтыков, долго живший за границей. В его «изъявлениях прибыточных государству», написанных в 1714 году, целый ряд глав посвящен вопросам промышленности: глава XIII «О заводах всяких шелковых парчей», гл. XIV о размножении шелков в российском государстве, гл. XVII о суконных заводах, гл. XVIII о бумажных заводах, гл. XIX о стеклянных заводах, гл. XX о игольных, булавочных и белого железа заводах [1].

Конкретные предложения о развитии национальной промышленности обоснованы у Салтыкова «некоторыми общими замечаниями, заимствованными из теории меркантилизма» [2].

Единственное средство к развитию мануфактур в России Салтыков видел в указах и повелениях, исходящих от верховной власти, как и Петр, он отдавал предпочтение компаниям.

Павлов-Сильванский сообщает нам и о других взглядах современников Петра на пути развития русской промышленности.

Он приводит, например, доношение русского заводчика и «рудных дел промышленника» Даниила Воронова, которое специально посвящено вопросам развития русской мануфактурной промышленности и заграничной торговле. Воронов бывал за границей и усмотрел, что «российские товары, которые до них (иностранных государств — Дм. Б.) из России идут, все им зело потребны суть и без тех товаров пробыть не могут». Исходя из этого, Воронов делал вывод о необходимости повысить цены на товары, продаваемые на внешний рынок, и продавать товар «двойною ценою». Для этой цели Воронов

---

[1] Павлов-Сильванский,— «Проекты реформы в записках современников Петра В.», Спб. 1897 г., II ч., стр. 23—28.

[2] Там же, первая часть книги, стр. 28.

предлагал особую организацию купечества во главе с «командиром главного купеческого правления».

Воронов не связывал перспектив промышленного развития России на ближайшее время с развитием частно-предпринимательской фабричной деятельности: результатов от поощрения правительством купечества теми или иными средствами он не ждал. В этом вопросе он являлся сторонником Посошкова, который рекомендовал правительству строить фабрики и заводы на государственные средства и затем отдавать их на оброк. Воронов возлагал все свои надежды только на казенную промышленность. Он разработал план устройства в обширных размерах особым правительственным управлением фабрик для производства шелковых, хлопчатобумажных и суконных тканей и изделий из льна и пеньки: чтобы делать в России «колико потребно», «сукна на солдатские мундиры и на продажу из иноземческие и русские волны», «из персидского шелка и бумаги — всякие венецкие шторы и китайские камки и другие всякие шелковые и бумажные парчи», «из российского льна и пеньки на продажу в окрестные государства, — полотна толстые и тонкие, также корабельные всякие припасы, канаты и верви, по иноземческому их обычаю». На организацию всех этих фабрик и заводов, по мнению Воронова, правительство должно было ассигновать деньги, затрачиваемые им на покупку обмундирования для войска, а также достать для этого средства путем выпуска особых кредитных денег. Он предлагал выпустить кредитных денег на 5 000 000 руб. сроком на 50 лет с последующим изъятием их из обращения. Идея кредитных денег для 1712 года была новинкою не только для России, но и для Западной Европы [1].

Таким образом идея о необходимости государственного управления промышленностью была не чужда некоторым прожектерам петровского времени, в особенности тем из них, которые побывали за границей.

Промышленно-экономическая политика первой четверти XVIII века была типичной политикой мерканти-

[1] Павлов-Сильванский,— «Проекты реформ в записках современников Петра», стр. 135—137.

лизма в условиях значительной отсталости феодально-крепостной России от Запада, которому так стремился подражать Петр I. Но в основе этой меркантильной политики лежала не первичная формула раннего меркантилизма Западной Европы Д—Т—Д, а другая, которая видела уже источник стоимости в производстве $Д_1$—$Т_1$..—П..—$Т_2$—$Д_2$. Производство это строилось на крепостнической базе с помощью бюрократического государственного аппарата и преследовало своею целью укрепление национального государства помещиков и торговцев.

Политическая, культурная и экономическая отсталость России конца XVII и начала XVIII веков была такой отсталостью, которая перерастала в большое препятствие для дальнейшего развития русского государства и создавала реальную угрозу возможной зависимости от более передовых и сильных стран Западной Европы. «Когда Петр Великий, — пишет Сталин, — имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости» [1].

Для содержания громадной армии, в условиях беспрерывного ведения войны, когда создались большие затруднения в торговых отношениях с Западной Европой, требовались: сукна, сапоги, оружие и другие предметы военного снаряжения и обмундирования. Слияние, еще в XVII веке, мелких рынков и местных торжков в единый «всероссийский рынок» [2] к началу XVIII века создавало чрезвычайно благоприятную кон'юнктуру для быстрого развития фабрик и заводов в России. К этому нужно добавить, что верхушка нарождающегося класса купечества накопила в торговле значительные денежные средства, которые теперь можно было выгодно использовать при вложении в мануфактурное производство. Вся торгово-промышленная политика Петра I была в конечном результате подчинена стремлению «выскочить из рамок отсталости» и создание Мануфактур-

[1] Сталин,— «Вопросы ленинизма», 9-е изд., 1933 г., стр. 359.
[2] Ленин,— том I, стр. 73.

коллегии стоит в тесной и прямой связи с этой исторической «попыткой», когда Россия стала в один ряд с крупнейшими государствами Западной Европы того времени и создала свою собственную крупную крепостную промышленность. Понятно, Петр I не был в силах, несмотря на все свои личные способности и неутомимую энергию, полностью преодолеть отсталость России. Эта задача была значительно выше личных способностей Петра и выше исторических возможностей господствующих классов, представителем которых он был.

Характеристика, данная тов. Сталиным политике Петра I, полностью определяет сущность петровской эпохи:

«Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры[1].

Деятельность Петра I, направленная на укрепление национального государства «помещиков и торговцев», находила опору и поддержку в среде прогрессивной части неродовитого дворянства, осознавшего необходимость петровских преобразований в области государственного строительства, как средства, с помощью которого Россия сумеет поднять уровень производительных сил страны и станет государством европейского ранга. Разумеется, к этой части дворян примыкали известные слои знатного родовитого дворянства. Поскольку реформа решительно и беспощадно уничтожала систему старых государственных учреждений, на которой держался весь прежний порядок государственной и частной жизни, и поскольку экономические и политические жизненные интересы некоторых слоев дворянства, духовенства и купечества были связаны с этими основами,

[1] Сталин,— «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», журн. Большевик, 1932 г., № 8, стр. 33.

то естественно, что Петр встретил реакционное сопротивление, оппозицию среди некоторой части родовитого дворянства и попов, к которой принадлежал его собственный сын.

Борьба оппозиции против петровских реформ развертывалась по всему фронту как по линии государственно-правовых отношений, так и в области частноправовых отношений.

Прогрессивная часть дворянства во главе с Петром I не могла итти на компромисс ни в той, ни в другой области. Общегосударственные интересы «возвышения класса помещиков» требовали радикальных средств борьбы и историческая необходимость сломить реакционно-враждебное сопротивление оппозиции оправдывала насильственные и «варварские»[1] методы, которыми было ликвидировано это сопротивление. Но сломить и раздавить открытое сопротивление консервативно настроенной оппозиции потомков старых княжеско-боярских родов духовенства и некоторых других враждебных социальных групп означало сделать только полдела: необходимо было усилить и обезопасить утвержденный абсолютизм петровского государства. В значительной степени этим обусловливалась реорганизация системы всего центрального аппарата государственного управления. Абсолютную власть монарха, выражавшую господство класса дворянства, была призвана охранять система государственных учреждений, построенная на принципе коллегиальности.

Система, построенная на таком принципе, обеспечивала возможность контроля и противодействия государственного аппарата враждебным и пассивным реформе элементам.

Петровская коллегиальная система высших центральных государственных учреждений имела иные основания, нежели старая приказная администрация XVII века. Государственный строй XVII века представлял собою монархию «с Боярской думой»[2]. Этим определялось существо центральной приказной администрации. Мо-

[1] Ленин,— Собр. соч., т. XXII, стр. 517.
[2] Ленин,— т. XV, стр. 83.

нархия 3-х первых Романовых, опиравшаяся на Боярскую думу, не имела сильно развитой администрации с четким разделением государственных функций управления и строгой регламентацией. Объем компетенции каждого ведомства, пределы прав, предоставленных каждому из них, иерархическая лестница зависимости и подчинения учреждений, общее количество их и место каждого в общей системе не были точно определены.

Общая неопределенность всей системы в целом предопределяла неустойчивость внутренней организации отдельных приказов. «Монархия XVII века с Боярской думой не похожа на чиновничью дворянскую монархию XVIII века» [1].

Усиление централизации и единство администрации, служащие целям укрепления государственного аппарата, едва ли и не есть главнейший результат административных реформ Петра I.

Строгое и правильное распределение об'ектов управления и единообразие всей коллегиальной системы давали ей не только теоретическое, но и фактическое превосходство над старыми приказными учреждениями. Коллегиальная система была более совершенным орудием классового господства. Преимущества коллегиального управления, как они понимались государственными деятелями XVIII века, были превосходно изложены Феофаном Прокоповичем в духовном регламенте [2].

---

[1] Ленин, — т. XV, стр. 83.

[2] Теория этих преимуществ изложена Феофаном Прокоповичем в таком порядке:

1) «... Известнее взыскуется истина соборным сословием нежели единым лицем».

2) «... яко известия в познании, тако и сила в определении дела большая зде есть: понеже вяще ко уверению и повиновению преклоняет приговор соборный, нежели единоличный указ».

3) Коллегия есть государственное учреждение, представляющее самодержавную власть, а не ту или иную партию или группу.

4) При системе единоличного управления болезнь или смерть «возглавляющего учреждение ведет к замедлению решения дел», инако в правлении соборном: не присутствующу единому, аще бы и первейшему лицу действуют другие, и дело идет непресекомым течением».

5) «... в коллегиум таковом не обретается место, пристрастию, коварству, лихоимному суду».

**
*

Необходимость усиления государственного аппарата и централизации государственного управления была осознана правительством Петра значительно раньше, нежели была «заимствована» и откристаллизовалась идея коллегиального устройства.

Учреждению Сената в 1711 году предшествовали два важных шага в этом направлении: в 1701 году[1] начала действовать Ближняя канцелярия — центр, сосредоточивший в себе решение наиболее важных государственных дел, ранее находившихся в различных ведомствах, и в 1708 году была принята система губернского управления с губернаторами во главе, подчиненными непосредственно верховному носителю государственной власти и облеченными по существу неограниченными полномочиями на громадной территории новых административных единиц. Сенат, поставленный во главе государственного управления, как единственный орган центральной власти, очень скоро столкнулся с невозможностью разрешить бесконечный поток дел, поступавших на его усмотрение. Неудачи первых лет в области административного управления страной объясняются именно

---

6) «... коллегиум свободнейший дух в себе имеет к правосудию: не тако бо яко же единоличный правитель гнева сильных боится».

7) «... от соборного правления не опасатися отечеству мятежей и смущения, яковые происходят от единого собственного правителя духовного».

8) Даже президент коллегии подлежит суду своих сотоварищей и не может поступать самовластно.

9) «...в таковом правительстве соборном, будет аки некая школа правления... Ибо от сообщения многих и различных рассуждений и советов и доводов правильных, яковых частые дела требуют, всяк от соседателей удобно может научится духовной политики и повседневным искусством навыкнути...» Полное собр. законов т. VI, № 3718. Разумеется, жизнь внесла очень существенные поправки в эти рассуждения Феофана Прокоповича. Соображения, высказанные им о преимуществе коллегиальной системы, имели отношение не только к духовному ведомству, но и ко всем коллегиям вообще.

[1] Токарев Н. Я.,— «Ближняя канцелярия при Петре Великом и ее дела», «Описание документов и бумаг, хранящихся в архиве мин. юстиции». М., 1889 г., книга 6, стр. 44.

тем, что Сенат не имел возможности опереться на посредствующие звенья между ним и областными учреждениями, в виде специальных ведомств центральной администрации, которые заменяли бы старые приказы XVII века, не соответствовавшие новым потребностям государства. Разрешение задачи укрепления государственной власти страдало в наиболее важном пункте — в вопросе создания сильного и совершенного дворянско-бюрократического аппарата классового господства. Новые национально-государственные учреждения не могли появиться вдруг, только как результат определенной теории государственных преобразований, несмотря на то, что в русском обществе второй половины XVII века можно обнаружить все элементы, вошедшие позднее в планы петровских реформ.

После того, как стала ясна неудовлетворительность административно-политического аппарата, созданного в первые годы XVIII века, аппарата, не отвечавшего грандиозно выросшим потребностям господствующего класса, правительство Петра переходит к дальнейшему совершенствованию государственной машины, которое вылилось по существу в новую реформу. Тогда и была введена коллегиальная система управления. Строго говоря, это было, конечно, продолжение все тех же реформ, нащупывание путей которых началось еще в самом начале века. Распад старой приказной системы с случайным поступлением и разрешением дел, с пестрой разнородностью их, с хаотичностью делопроизводства, с вершением дел по обычаю, старинке только усиливал эту необходимость дальнейших преобразований. С введением нового коллегиального управления не спешили: основная причина постепенности в этом вопросе состояла в том, что введение новых учреждений тормозилось недостатком в людях и необходимых сведениях по организации коллегиального устройства, хотя личная осведомленность Петра о коллегиальной системе управления должна быть отнесена к очень раннему времени [1].

[1] Милюков в работе «Государственное хозяйство» утверждает, что еще в 1698 г. во время пребывания Петра в Англии, по его просьбе некто Френсис представил ему проект об учреждении се-

По общему мнению всех исследователей, первые шаги в организации коллегий были вялыми, бессистемными и случайными.

Три года спустя после учреждения Сената, в начале 1715 года, Петр предпринимает, повидимому, твердое решение об организации коллегий. Проект организации коллегий, поданный Петру весною 1715 года, начинается интересной фразой, показывающей, какой основной задаче была подчинена самая идея организации коллегий: «Ежели ваше царское величество последующие 7 коллегий в государство свое... уставить соизволите, то может правительство между господами сенаторами сицевым образом разделено быть» [1].

М. Богословский пишет, что «Окончательное решение ввести коллегии на иностранный образец созрело у Петра в 1715 году. В письме к Лейбницу от 26 апреля этого года ганноверский уполномоченный при русском дворе Вебер уведомлял, что царь твердо решил устроить коллегии» [2]. Тогда же был принял на русскую службу известный голштинец Генрих Фик, специалист по государственному праву, и отправлен в Швецию для изу-

---

ми «комитетов или коллегий». В 1702 году в манифесте, написанном известным Паткулем, которым вызывались иностранцы на службу в Россию, говорится о решении правительства организовать «Криге-Ратс-коллегиум. В 1711 г. было подано предложение «рудокопного офицера» Иоганна Фридриха Блигера об организации правильного развития горной промышленности, подчиненной особой коллегии. В это время только что был уничтожен Рудный приказ с передачей рудосыскного дела по губерниям и на этом основании проект Блигера был отвергнут (в скором времени Рудный приказ был восстановлен). В 1712 г. неизвестный автор подал предложение об организации Коммерц-коллегии и Ревизион-комиссион и уже 12 февр. 1712 г. Петр дал письменный указ «об учинении коллегиум для торгового дела исправления». Находившиеся в Москве иностранцы Дитмар, Бомгарт и др. были привлечены к ее организации. Указом Сената в начале марта 1713 г. было приказано оберкомиссару Соловьеву выбрать из московских знатных купцов несколько человек в коллегию. Иностранцы представили проект состава и работы коллегий. В 1715 г. Коммерц-коллегия уже появляется в Петербурге под управлением П. М. Апраксина, стр. 565—570.

[1] Милюков,— «Государственное хозяйство...», стр. 571.

[2] Богословский,— «Областная реформа Петра Великого», М. 1902, стр. 29.

чения тамошних административных учреждений. Но и после того, как созрело решение ввести администрацию на иностранный образец, несколько лет было посвящено сравнительному изучению западных учреждений. Предпринят был их обзор: очевидно представленными ему до того времени проектами Петр не хотел ограничиваться. Помимо миссии, возложенной на Фика, русским резидентам при иностранных дворах поручено было составлять описание учреждений тех стран, при которых они была аккредитованы. Так, кн. В. Долгорукову, посланнику в Копенгагене, предписано было «прислать весь анштальт экономии государства датского, а именно: сколько коллегиум, что каждой должность и о штате их». Такое же поручение получил Веселовский в Вене. Предписывалось высылать из-за границы сведущих в административном устройстве чиновников, которые бы могли познакомить русских с иностранными учреждениями, «понеже», жаловался царь, «всех циркумстанций в книгах не пишут». От иностранцев, состоявших на русской службе, требовались сведения об иностранных административных учреждениях. Петр однако не ограничивался чтением доставленных ему описаний и, где было можно, обозревал учреждения сам. Сохранилось известие, что в бытность в Копенгагене в 1716 году он посещал датские коллегии и сам описывал правила их делопроизводства. Можно поэтому думать, что когда пришлось сделать окончательный выбор учреждений для России, и выбор этот пал на шведские, он сделан был сознательно, и сам Петр I из личных наблюдений, из книг, из специально составленных описаний и из бесед со сведущими иностранцами был уже настолько знаком с организацией государственного управления нескольких европейских стран, чтобы оценить по достоинству шведское [1].

Проект 1715 года предусматривал создание семи коллегий: Юстиц-коллегия, Канцелярный коллегиум, т. е.

[1] Герье,—«Отношение Лейбница к России и Петру В.», Ж. М. Н. П. 1870 г. апрель, стр. 369. Милюков,—«Гос. хоз-во России», стр. 574, 589. Берендтс,—«Несколько слов о коллегиях Петра», стр. 17. Богословский—«Областная реформа Петра Великого», М., 1902 г., стр. 29—30.

Коллегия иностранных дел, Адмиралтейская коллегия, Криг-коллегия, «Каммер-коллегия или большая государева казна», Штатс-контора, ведающая вопросами государственного бюджета и Коммерц-коллегия, которая «правительствует всю торговлю и еже к тому принадлежит, яко все таможни, акцизы, лиценты, портории», кроме того, президент ее «содержит устроенные манифактуры и печется о тех манифактурах, которые еще построить надлежит, а именно о таких, которым материя в государстве есть» [1].

Таким образом, первоначальный проект организации коллегий не предусматривал создания Мануфактур-коллегии как самостоятельного учреждения, которое бы ведало вопросами промышленности и промышленной политики.

1716 и 1717 годы были заняты путешествиями Петра за границу: это время, когда вопрос с организацией коллегий мало продвинулся вперед, но сам Петр не забывает и за границей об организации нового управления [2].

В конце 1717 года Петр озабочен подбором людей во вновь учрежденные коллегии. В делах Кабинета Петра сохранился его собственноручный список-набросок пре-

---

[1] Проект цитирую по книге Милюкова «Государственное хоз.». стр. 572.

[2] 20 августа 1717 года в Амстердаме тайному советнику барону Люберасу была дана Петром Шафировым по указу Петра инструкция:

§ 1. «Господин тайный советник будет по крайнему разумению своему при обязании требованных от его царского величества особ таких людей избирать, которые он искусными и к его царскому величества службе достойными и угодными изобрящет».

§ 2. «Якоже весма нехудо будет когда бы оные особы при том богемской (или ческой) язык разумели, дабы они толь скорее российскому языку научится могли».

§ 3. «Г-н. т. с. будет старание иметь искусных и угодных людей сыскивать, которых его ц. в. в гражданских чинах с ползою употреблять может, о их кондициях по которых они помянутые службы у его ц. в. принят хотят, выслушат и с ними до благоизволения е. ц. в. договоритца, однако не с ними ничего подлинного и совершенного не заключать, пока он г-н т. с. сам в Спбурх не приедет и где усмотрено будет какие особы подлинно коллегиям потребны».

§ 4. «Оконничного, стеклянного, серы горячей, проволочного, сталного мастеров и иных других к приусмотрению земли угод-

зидентам и вице-президентам коллегии. На пост Берг- и Мануфактур-коллегии в этом списке выдвинут Брюс [1].

В середине декабря 1717 года были осуществлены некоторые практические меры по организации коллегий: подобраны и назначены президенты и вице-президенты коллегий, установлены штаты, определено время вступления их в действие.

Весь 1718 год предполагалось посвятить подготовительной работе и начало нормальной деятельности отнести на 1719 год. Ход подготовки коллегий к открытию не удовлетворял Петра и он 2 июня 1718 года написал в Сенат:

«...в прошлом декабре я при отъезде своем начало учинил коллегиям, и чтобы оные в нынешнем году себя в такое состояние привели, дабы с будущего 1719 года в состоянии были каждая свое дело зачать. А когда возвратился я из Москвы, тогда нашел в некоторых немного, а в иных ничего. Того ради господам президентам накрепко ныне подтверждается, дабы коллегии свои с ревностью в дело производили» [2].

Немногим ранее 28 апреля 1718 года Петр писал: «Всем коллегиям надлежит ныне на основании шведского устава сочинить во всех делах и порядках по пунктам. А которые пункты в шведском регламенте неудобны или

ных и искусных ремесленников и рукодельников может г-н т. сов. в службу е. ц. в. действительно принять, с ними капитуляцию чинить и заключить».

§ 5. «Обещаемые оным людем кондиции и жалования предаютца в рассуждение его г-на т. с. и будет он все сие по крайнему разумению и верности своей так смотреть, чтоб все к наилучшему ползы е. ц. в. произведено было».

§ 6. «Свободное отправление веры такоже, и что справедливость по основанию протчих иноземцов учинена будет, может им обещана быть».

§ 7. «И ежели некоторые люди г. т. с. явятся, которые намерены будут в Россию ехать и тамо оселитися, то может г-н т. с. оных особливо протекции е. ц. в. обнадеживать и что оным в государстве е. в. к поселению требуется их, всякое благоволение и споможение учинено будет». ГАФКЭ, Фонд Берг-коллегии указы, д № 1, 154—155.

[1] ГАФКЭ, — Фонд Кабинета Петра I, д. 32, д. 163

[2] М. Богословский,— «Областная реформа Петра Великого», М. 1902 г., стр. 67.

с ситуацией сего государства несходны и оные составить по своему рассуждению». Таким образом, речь идет не о механическом рабском копировании со шведского подлинника, а об использовании шведских уставов, как наиболее удовлетворяющего и близкого образца. Эта мысль о необходимости переработки шведских регламентов настойчиво повторяется Петром и в позднейших его указах, имеющих отношение к организации коллегий: в июне того же года он напоминает Сенату: «Надлежит шведский регламент с русским сводить... а что переменить и каким образом оному быть, оное поставя, приносить в Сенат, одну коллегию по другой. А в Сенате оные спорные дела решить и ставить свое мнение, и готовить тогда в доклад, где буду присутствовать, и ставит на мере»[1]. Проект регламента и инструкции каждой коллегии разрабатывались самим учреждением. После этого проект передавался на рассмотрение Сената, а окончательное утверждение он получал после доклада самому Петру. Так обстояло дело с разработкой и утверждением регламента Мануфактур-коллегии.

Ряд принятых мер и повторные напоминания Петра о более энергичных действиях по завершению подготовительных работ к открытию коллегий не давали все-таки желаемых результатов, и 12 декабря 1718 года был издан новый указ, которым откладывалось открытие коллегий еще на один год и предписывалось в 1719 году вести дела в коллегиях старым порядком, «а с 1720 года новым манером, понеже новым манером еще не управились». Однако и в 1720 году организационная работа не была завершена: основные препятствия заключались в подборе кадров для коллегий и в разработке инструкций-регламентов. Надо полагать, что «прожекты» Фика и Любераса не удовлетворяли Петра, механическое перенесение норм Швеции и других западных стран на практике могло приводить только к недоразумениям. Медленность реформ центрального управления совершенно понятна: происходила энергичная ломка старого аппарата государственного управления сверху донизу.

[1] Полное собр. зак., № 3197, № 3208.

При таком положении вещей требовалось, исходя из общего стремления, выработать новую систему административно-политического устройства государства, равняясь на западно-европейские образцы с поправкой на конкретные условия русской действительности. В этой общей системе центральных учреждений необходимо было определить роль и место каждого из них, дать им желаемую организацию, установить круг ведомства и, наконец, определить отношение каждого из этих центральных учреждений к вновь созданным органам местного так называемого областного управления.

Имеются основания для утверждения, что Берг- и Мануфактур-коллегии в начале проектировались, как два совершенно самостоятельных учреждения: первоначальный указ об учреждении Берг-коллегии целиком посвящен кругу вопросов, входящих в компетенцию только этого учреждения, — в нем говорится о «рудокопных заводах», «рудокопных делах», «всяких металлах» сиречь: «Злато, сребро, медь, олово, свинец, железо; такоже и минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок потребных земли и каменья» [1]. Но в этом указе нет ни одного слова о мануфактурах в том смысле, как их понимало законодательство начала XVIII века (которые в дальнейшем находились в ведении Мануфактур-коллегии). Если некоторое время Мануфактур-коллегия и существовала, как самостоятельное учреждение, то это был, во всяком случае, очень непродолжительный период. Уже с момента более или менее нормальной и систематической деятельности новых коллегиальных учреждений, мы застаем Мануфактур-коллегию объединенной с другой Коллегией, ведавшей горное дело, — с Берг-коллегией. Это первоначальное слияние, возможно, объясняется просто недостатком в людях, которым можно было поручить руководство данным учреждением.

Некоторая общность предмета ведомства оправдывала самый факт временного слияния отдельно проектировавшихся учреждений.

---

[1] ГАФКЭ,— Фонд Кабинета Петра I, д. 53, л. 188 и П. С. З., т. V, № 3464.

Доказательством случайности слияния Мануфактур-коллегии с Берг-коллегией служат два обстоятельства: во-первых, то, что Люберас проектировал Мануфактур-коллегию, как самостоятельное учреждение в отличие от шведской системы, где и промышленная и торговая политика осуществлялась Коммерц-коллегией, и где никогда не было такого учреждения, как Мануфактур-коллегия. В своей записке об устройстве коллегий в России Люберас писал, что он «...проектировал учредить особо, как о коммерции, так и о мануфактурах коллегии для того, что за мануфактурами, кои состоят душою торговли, при первом учреждении, а наипаче в государстве вашего вел., где подданные о выгоде оных первое иметь должны попечение, не могут почти надлежащее об оных иметь смотрение» [1].

И, во-вторых, то обстоятельство, что Мануфактур-коллегия очень скоро была отделена от Берг-коллегии, которая имела свои самостоятельные и притом большие задачи в связи с растущими потребностями страны в металле для ведения войны и продажи на внутреннем и внешнем рынках.

Берг-Мануфактур-коллегия, как одно объединенное учреждение под начальством президента Якова Брюса, существует с 1717 года, если о начале деятельности этого учреждения судить по времени назначения Брюса, и до 1722 года [2]. Первое упоминание в полном собрании законов о Мануфактур-коллегии относится к 17 января 1718 года [3]. Именным указом 11 декабря 1717 года штат коллегий определен в составе президента, вице-президента, четырех советников и 4 асессоров, всего десять

---

[1] Э. Берендтс,— «Барон А. Х. фон Люберас и его записка об устройстве Коллегий в России». Спб., 1891, стр. 13-14.

[2] ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 10/914, л. 451.

[3] «Объявляем, ежели кто пожелает ко всяким мануфактурам партикулярным (которые имеют привилегию) в мастеровые люди и ученики и оным надлежит иметь свидетельства на руках: 1) от коллегии мануфактурной от тех людей которые будут от коллегии учреждены в том городе или месте, которые к тому городу ведомы; 2) от губернатора той губернии или от коменданта и прочих начальников того места, что он подлинно такого художества мастеровой человек, а не подложный». Полное собр. зак., № 3142.

человек. С 1722 года Мануфактур-коллегия начинает свою самостоятельную деятельность, являясь одним из центральных петровских учреждений со всеми правами и полномочиями аналогичных ведомств, по отношению к органам местного и городского управления и со специальными функциями и обязанностями, которые были определены регламентом Мануфактур-коллегии, данным ей 3 декабря 1723 года. До этого момента в своей повседневной практике Мануфактур-коллегия руководствовалась общими законами, имевшими отношение к промышленной политике правительства и Генеральным регламентом 28 февраля 1720 года [1].

Надо полагать, что до утверждения регламента имели место попытки дать Мануфактур-коллегии какую-либо временную инструкцию, определявшую основное направление ее деятельности и круг вопросов, которыми она должна была заниматься.

После образования Мануфактур-коллегии, как самостоятельного учреждения, штат ее приговором Сената от 6 июля 1722 года был увеличен: кроме президента и вице-президента позволено было иметь трех советников, четырех асессоров и пять комиссаров. Указами Верховного тайного совета в 1726 и 1727 годах штат всех коллегий был сокращен до шести человек: президент, вице-президент, два советника и два асессора [2]. Это правило было распространено и на Мануфактур-коллегию. Формирование и подбор личного состава коллегий проходил неудовлетворительно: 5 февраля 1722 года Петр, уезжая, дает указ «господам Сенату», «чтоб набрать указное число в Коллегии добрых (людей), которых представить по возвращении моем» [3].

Перед этим указом в самом начале января 1722 года был обновлен состав правительства, во все коллегии были назначены новые президенты: в Камер-коллегию Герасим Кошелев, в Штатс-контору Алексей Плещеев, Генерал-прокурор Павел Ягужинский, Обер-прокурор Григорий Писарев, в Герольдмейстерскую контору Степан Колычев, в Рекетмейстерскую контору Василий Пав-

[1] Полное собр. зак., т. VI, № 3534.
[2] ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 10/914, л. 451.
[3] ГАФКЭ,— Фонд Кабинета Петра, д. 32, л. 372.

лов, в Коммерц-коллегию Иван Батурлин и в Мануфактур-коллегию Василий Новосильцов, вместо Якова Брюса.

Новые президенты должны были приступить к исполнению своих обязанностей спустя три месяца после этого указа (для Камер-коллегии был дан год), «старым» президентам было приказано «отправлять» дела до «положенного срока, а новым обучатца [1].

В марте 1722 года было приказано всем коллегиям «учинить списки кто имяны у них из иноземцев коллежские члены обретаются и подписать, кто из них к делам тех коллегий вперед надобней». Берг-Мануфактур-коллегия представила список на пять чиновников иностранцев:

1. Тайный советник барон фон Люберас «человек искусный и знающий, токмо непрестанно болен и за тою своею болезнию в коллегии гораздо редко бывает и неже по указу велено было ему быть в Москву и за оною болезнею и в Москву не бывал».

2. Советник Михаилис по указу работал в Сибири у рудных дел, «а в Коллегии быть надобен».

3. Асессор Шлаттер — «в Петербурхе для плавки медной руды и обучению оному русских учеников, а в Коллегии быть надобен».

4. Асессор Винцет Рейнзар (Регнзар) — в Коллегии быть надобен.

5. Делейн — просил «апщета», «в Коллегии нужды в нем мало понеже на его место из иных стран выписать возможно...» [1].

Таким образом, среди чиновников-иностранцев в коллегии имелись не только знатоки и вдохновители коллегиальной системы административного управления (как Люберас), но и специалисты в определенных отраслях промышленности. Состав иностранцев в общем был подобран очень неплохо.

Из русских в состав коллегии входили:

Президент Василий Яковлевич Новосильцов; советник из стольников Ефим Панкратьевич Зыбин, — ведавший в

---

[1] ГАФКЭ,— Фонд Берг-коллегии, д. 2, л. 45.

[2] ГАФКЭ,— Фонд Берг-коллегии, д. 2, л. 103, 107, «апщет» — так написано в подлиннике.

главной «алтилерии»; полковник князь Никита Матвеев Варбольский, работавший «в Туле у оружейных дел»; капитан князь Василий Григорьевич Волконской также работавший на тульских заводах; поручики Федор Васильев Лагорчин, работавший в Москве в оружейной канцелярии комиссаром, Алексей Гаврилович Макаров — в Москве в артиллерии у цехвартейских дел, Алексей Иванович Марков — в Москве «в алтилерии у правления вагерместерских дел»; прапорщик Борис Иванович Тарбеев — в Туле у оружейных дел.

Стольники: Юрий Степанович Нелединской-Мелецкой — в Москве на денежных дворах судьею, Александр Петрович Шетаев — там же в «товарищах» у предыдущего, Петр Иванович Кологривов — в Ярославле у овчарных заводов, стряпчий Киприян Иванович Лунин — в Москве «в алтилерии» у управления «всяких алтилерских» дел; жильцы: Ермол Степанович Мосолов — у надзирания широких полотен и Василий Семенович Пушечников — в Белеве у надзирания широких полотен; драгун Ананий Иевлевич Богданов — у «надзирания широких полотен и у размножения пенки»; рейтар Трофим Михайлович Черемисов — «у овчарных заводов во Мценске»; городовые: Козьма Иванович Буров — в Путивльском уезде у надзирания овчарных заводов; князь Иван Васильевич Кугушев — «в Керенску у покупки овец; Алексей Леонтьевич Дураков — «в Керенску на овчарном дворе у присмотру овец»; Никита Денисов Юрасов — в Болохове у надзирания широких полотен и «размножения пенки»; Федор Федорович Шетилов — в Новосили — «у надзирания широких полотен и размножения пенки» [1].

Этот перечень должностей чиновников и уполномоченных Берг-Мануфактур-коллегии на местах очень любопытен. Он вскрывает круг тех вопросов, которыми интересовалось в это время учреждение. Все названные чиновники обслуживают отрасли промышленности, имеющие отношения к военному делу: железорудное, медное дело, артиллерия, суконное и полотняное производство.

---

[1] ГАФКЭ,— Фонд Берг-коллегии, д. 2, л. 104—105.

Личный состав коллегии, подбор нужных кадров был одним из больных мест в деятельности учреждений: Мануфактур-коллегия неоднократно ставила перед Сенатом вопрос об определении «к делам Мануфактур-коллегии из афицеров и из царедворцев».

При Петре в ее аппарате вообще работало большое количество военных чинов, офицеров в частности: майор Колотривов в г. Алатыре и «подпорутчик» Мясоедов в Киеве у надзирания табашных заводов, поручик Белоутов «который был в Санкт-Пб. у надзирания полотняной крухмальной и коломиношной фабрик, поручик Безобразов в Киевской губернии у размножения пеночного дела и у присмотру широких полотен» [1].

Наличие офицерских чинов в аппарате учреждения и ходатайства Мануфактур-коллегии в данном случае объясняются тем, что все перечисленные люди, по мнению коллегии, имели большой опыт «и могут в тех делах знать силу» [2].

В организационных вопросах дело обстояло плохо не только с подбором людей для учреждения, но и с целым рядом других моментов: с ассигнованием средств на содержание аппарата коллегии, с выработкой инструкций и положений, на основе которых должна была работать коллегия и даже с предоставлением ей помещения. Доношением в Сенат 25 мая 1722 года Мануфактур-коллегия жаловалась, что она «не имеет места, где дела свои править, того покорнейше просит дабы Оружейная палата для Мануфактур-коллегии, которая ныне впусте, отдана была...» [3].

Решением Сената эта просьба была удовлетворена и о передаче помещения Оружейной палаты под Мануфактур-коллегию был послан указ Военной коллегии. Однако несмотря на это Мануфактур-коллегию вселить не удалось, так как Оружейная палата оказалась занятой.

Почти на всем протяжении своего существования Мануфактур-коллегия находилась в Москве. Она непосред-

---

[1] ГАФКЭ,— Фонд Берг-коллегии, д. 2, л. 216.
[2] Там же, л. 216.
[3] ГАФКЭ, Фонд Сената, д. 1/1061, лл. 99, 100.

ственно управляла мануфактурами Москвы, Московской губернии и губерниями центральной и северо-восточной части империи. Именно здесь были центры крупной промышленности XVIII века. В сферу ее деятельности входили также мануфактуры Поволжья (Казань, Астрахань), Сибири. Мануфактур-контора почти все время находилась в Петербурге и ведала фабриками Петербургской, Новгородской и Псковской губерний. Это были малозаселенные и в промышленном отношении только что осваиваемые районы [1].

19 ноября 1722 года Мануфактур-коллегия в своем доношении в Сенат снова ставит вопрос об упорядочении вопроса с ассигнованиями на нужды промышленности и на содержание самой коллегии:

«...А чтоб ныне иметь надежду на продажу зделанных с оных мануфактур и фабрик товаров, и в том надежды не имеется, разве со временем. Ибо так скоро как нужда востребует продать не можно, к тому же Берг-коллегия присланной промеморией объявила те зделанные товары отобрать хощет для того, что на содержание оных мануфактур и фабрик и на покупку материалов денги употреблены из оной коллегии з денежных дворов и с прибыльных денег и из иных мест, а шпалерным мастерам дача жалованья была ис кабинетных денег...» [2].

---

[1] Такое положение, когда центральное ведомство по управлению промышленностью не находилось в столице империи, где были все остальные высшие органы государственной власти, объясняется только тем, что Москва была центром промышленной деятельности страны. Это был старинный промышленный район с большой плотностью населения по сравнению с другими областями. В конце 60-х годов XVIII в. по свидетельству Щербатова в Московской губернии было 2 169 288 душ населения, за Московской губернией следовала Казанская 1 256 201 душ населения в то время как в Петербургской губернии было только 71 744 душ населения, в Новгородской и Псковской вместе с Великолуцкой провинцией было 845 114 душ. «Санктпетербургская губерния есть весьма мала обширностью и немногонародна». «Новгородская губерния пространная, покрытая великими лесами, наполненная болотами и озерами и мало населенная». М. М. Щербатов — «Статистика в рассуждении России», Москва 1859 г., стр. 15—16; 46—47.

[2] ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 1/1061, л. 127.

Положение Мануфактур-коллегии в финансовом отношении было настолько затруднительным, что она вынуждена была писать: «...иные, как мастеры, так и ученики и работники от недачи жалованья такую нужду претерпевают, что гладом тают» [1], и дальше «ежели ныне показанного капитала определено не будет, то мастеры и ученики разбредутся...» [2].

Мануфактур-коллегия просит в этом доношении оставить в ее распоряжении собранные ею за гербовую бумагу 3 060 руб., которые она должна была отослать в Штатс-контору и, что впредь будет собираться за гербовую бумагу — оставлять в распоряжении Мануфактур-коллегии.

К доношению был приложен рапорт с перечнем фабрик, на содержание рабочих которых и на другие нужды требовалось уплатить 11 870 руб. 80 коп. и выдать 108 четвертей муки и 12 четвертей овса за 1722 текущий год.

Реестр государственных предприятий, бывших на государственном полном иждивении, в это время очень невелик. Это:

1. Коломиношная мануфактура (где и когда возникла не указано). Жалованье рабочим следовало уплатить с 1 апреля по январь 1723 года — 328 руб. и 75 четвертей муки с 1 марта. Шести солдатам в год 45 руб. (по 7 руб. 50 коп.) и по 3 четверти муки — всего 18 четвертей. Вольным людям, плотникам «за разные починки» — 215 руб. Комиссару да подьячему годовой оклад «и за хлеб денгами» 260 руб. Всего 848 руб., муки 93 четверти.

2. «Готоваленного дела и шпажных ножен и кроватных и стулных уборов мастерам русским 3 человеком по 36 руб. на год. Итого 108 руб.».

3. На шпалерный завод мастерам-иноземцам всего семи человекам (шпалерным мастерам 5 человекам, одному переводчику и красильному мастеру) и их русским ученикам 10 человекам «по объявлению директора Багарета и по контрактам 2 762 руб.». Кроме того, на за-

[1] ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 1/1061, л. 127.
[2] Там же.

купку сырья (золото, серебро, шелк) 1 000 руб.. Всего 3 762.

4. Восковой белильный завод. Мастеру годовое жалованье — 400 руб. Трем ученикам — 84 руб. 15 четвертей муки и 12 — овса, трем драгунам и 10 работникам — 146 руб. 80 коп. и 3 500 руб. на покупку воска.

5. Полотняный и крахмальный завод, «который в Катерингофе. От кабинетной конторы выдано мастерам и ученикам на майскую треть 1 000 руб., да за ту же треть нужно додать 611 руб., а на весь год надлежит додать 2 222 руб. да для крухмальной работы нужно купить пшеницы 200 четвертей по 4 руб. четверть — 800 руб.». «А что впредь на оные кроме жалованья мастерам и работным людем на покупку разных припасов материалов и инструментов и дров в расход быть имеет, о том не только подлинно, но и на пример положить невозможно для того, что каждого года бывает расход неравный» [1]. Несмотря на организационные и финансовые затруднения Мануфактур-коллегия уже в первые годы своего существования начала энергичное осуществление возложенных на нее задач в области промышленности. В первые годы деятельности Мануфактур-коллегии при Петре I привилегии, даваемые указным фабрикантам, носят характер индивидуальных актов. Мануфактур-коллегия выдавала их, строго считаясь с полезностью для правительства заводимой мануфактуры, размером и характером производства, состоятельностью просителя и другими условиями.

Например, 14 февраля 1718 года был дан указ за подписью Петра, которым купцам запрещалось впредь из-за границы привозить и продавать чулки в Москве, так как на их производство и продажу была дана привилегия «иноземцу француженину Мамвриону». В Петербурге и других городах империи, не бывших в сфере монопольного пожалования Мамвриона, торговля заграничными чулками разрешалась [2].

---

[1] В данном случае, очевидно, речь идет о тех казенных предприятиях, которые не были переданы в руки частных лиц и обслуживали собственно нужды дворца. ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 1061, л. 128—129.

[2] ГАФКЭ,— Фонд Кабинета Петра I, д. 32, л. 180.

В этот же день был дан другой указ, которым устанавливалось запрещение ввоза и продажи каразеи для всей территории России. Продавать каразею по этой групповой привилегии могли только отечественные мануфактуристы [1].

Сахарный завод купца Павла Вестова и его компаньонов возникает в Москве по привилегии, данной из Мануфактур-коллегии в 1718 году. Эта компания сахарозаводчиков обязалась открыть завод своим коштом и получала привилегию на монопольное производство сроком на 10 лет. Завод работал на полуфабрикате, вывозимом из-за границы. На первые три года фабриканты были освобождены от всех пошлин. Компанейщикам было обещано, что коль скоро они сумеют наладить производство и будут вырабатывать достаточное количество сахара, то будет запрещен ввоз готового сахара из Европы. Запрещение это было проведено в 1721 году, а с Вестова было взято обязательство, что он расширением своего производства удовлетворит внутренний спрос на сахар в такой степени, что запрещение ввоза не будет чувствоваться [2].

В 1718 году владельцу фабрики шелковых лент Алексею Милютину была выдана жалованная грамота о запрещении привоза в Россию лент из-за границы и об освобождении его от каких бы то ни было податей [3]. В 1719 году была дана привилегия стольнику Афанасию Савелову и Томилиным на устройство в Московской и Тверской губерниях скипидарных, канифольных и гарпиусных заводов [4]. Таким образом, Мануфактур-коллегия еще до появления регламента 1723 года широко проводила самостоятельно политику поощрения промышленности и «указных» фабрикантов. Однако не-

---

[1] «Из-за моря и из других краев каразеи никому не вывозить и в рядах кроме своих, которые делают в России, не продавать. И того, как у портов так и на границах смотреть накрепко, а у кого ныне прежних привозов каразеи есть и купецким людям на продажу даетца срок с сего числа впредь на год...» ГАФКЭ,— Фонд Кабинета Петра, д. 32, л. 181.

[2] Полное собр. зак., 3181 и 3774.

[3] Полное собр. зак., 3176.

[4] Полное собр. зак., 3358.

смотря на это, старая практика вмешательства верховной власти в вопросы выдачи привилегий и субсидий имела место и в это время. Финансирование, дача привилегий, как и самый почин организации той или иной мануфактуры или промышленной компании в первые годы существования Мануфактур-коллегии — все это очень часто проходит без особого вмешательства коллегии, в особенности в делах с крупными предприятиями. По крайней мере все наиболее важные вопросы, касающиеся деятельности этих мануфактур, проходят или по именным указам Петра и его личному вмешательству или с ведома Сената.

Во всяком случае с первыми крупными промышленными предприятиями правительству было много непосредственных забот и на долю Мануфактур-коллегии оставалась реализация этих решений и дальнейшее руководство по управлению создаваемыми фабриками и заводами.

Так, например, одни из первых полотняных компанейщиков начала XVIII века Андрей Турка и Степан Цымбальщиков (фабрика в Немецкой московской слободе им была передана в 1711 году), спустя несколько лет после того, как они получили фабрику, подали в 1718 году челобитную в Сенат, в которой жаловались, что не могут «в государственную всенародную пользу и себе в прибыль произвести» работу фабрики. Челобитная была подана несмотря на то, что к этому времени в компанию влились новые члены: Нестеров, Карамышев, Зубков и Аникиев. Все зло, по мнению компанейщиков, заключалось в том, что сбыту производимой на их мануфактуре продукции мешают привозные иностранные полотняные изделия. Компанейщики просили царя запретить ввоз полотняных изделий. Правительство пообещало удовлетворить их просьбу, но от компанейщиков потребовало подписки, что они производством своей фабрики удовлетворят весь внутренний спрос [1].

Указом 1720 года Владимир Щеголин с товарищами был освобожден от взимания печатной пошлины, так как «их фабрика для умножения в Российском Государ-

[1] Полное собр. зак., §§ 2324, 3174, 3313.

стве отдана по именному е. ц. в. указу, а не по их челобитью...» Что же касается всех остальных фабрикантов, то вопрос, о них был решен так: «...которым (фабрикантам.—Дм. Б.) такие же фабрики отданы по именному же е. ц. в. указу, а не по их челобитью, ...печатных пошлин до указу не имать же, а которые фабрики отданы по челобитью компанейщиков, о таковых, что печатные пошлины имать ли доложить ц. в...» [1].

Отмена даже такой сравнительно небольшой пошлины, как печатная, проводилась не в виде общей, а в качестве частной привилегии. Так обстояло в первые годы и с другими пожалованиями.

Постепенно единичные пожалования-привилегии начинают обобщаться в смысле распространения их на все торгово-промышленное население страны, обладавшее для заведения мануфактур необходимым «достатком» и «пожитками».

В 1721 году 17 января последовал именной указ об увольнении заводчиков от градских служб с правом освобождения от этих служб соучастников фабрикантов по списку, составленному самим фабрикантом и утвержденному Мануфактур-коллегией. По поводу сотоварищей указ сопровождался гарантийной оговоркой. «Которые его товарищи тако же свободны будут от службы и которые от начала завода в полтора года в товарищество вступят; а которые после, те от службы не свободны, разве особливо необходимо того случаи какой требовать будет, а за нашей рукою указ о том дан будет» [2].

Мануфактур-коллегия в своей повседневной деятельности сталкивалась с таким острым вопросом, как обеспечение новых мануфактур рабочей силой. Надо полагать, что она ставила этот вопрос перед правительством. Указ Петра, разрешавший покупать для фабрик и заводов деревни с крестьянами, был дан не без колебаний. Отдельные случаи, когда купечество владело крепостными крестьянами, вотчинами были и до Петра, но дво-

[1] Полное собр. зак., т. VI, и 3549.
[2] Полное собр. зак., № 3688.

рянское правительство рассматривало такие факты именно, как редкое исключение.

Когда же при Петре во весь рост встал вопрос об обеспечении рабочей силой фабрик и заводов, то пришлось пойти на допущение такого мероприятия в виде уже не исключения, а общей нормы.

Еще задолго до появления указа от 18 января 1721 года правительство пыталось разрешить вопрос с рабочей силой путем ссылки для работы на фабриках ведомства Мануфактур-коллегии «гулящих» баб и девок с правом содержать их на работе под караулом без указания срока, а в случае надобности «по смерть». На фабрики отсылали бродяг, нищих, осужденных по суду и т. д. На фабрику в город бежали очень часто крепостные крестьяне от своих помещиков. За год до появления указа о покупке деревень Сенатом был дан указ, запрещавший заводчикам держать на мануфактурах рабочих без записей [1].

Очевидно, паллиативными мероприятиями нельзя было разрешить вопроса о рабочей силе создаваемых мануфактур.

Так появился указ, разрешавший покупку крепостных владельцами мануфактур: «...для размножения... заводов, как шляхетству, так и купецким людям к тем заводам деревни покупать невозбранно, с позволения Берг- и Мануфактур-коллегий, токмо под такою кондициею, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно. И для того, как шляхетству, так и купечеству, тех деревень особо без заводов отнюдь никому не продавать и не закладывать, и никаким вымыслы ни за кем не крепить, и на выкуп деревень никому не отдавать, разве кто похочет для необходимых своих нужд те деревни и с теми заводы продать, то таким продавать с позволения Берг- и Мануфактур-коллегий» [2]. Право владения крепостными крестьянами было условным правом, но зато оно приобрело характер общей для промышленников привилегии [3].

[1] Полное собр. зак., т. VII, № 3507.
[2] Полное собр. зак., № 3711.
[3] Понятно, что очень часто владельцы мануфактур предпочитали использовать на своих фабриках другие категории рабочих

Исключительное право представителей крупного торгового капитала и шляхетства, вкладывавших свои средства в промышленность и приобретавших монополию на эксплоатацию дарового труда крепостных крестьян в мануфактурном производстве, усиливало экономические позиции этих социальных групп петровского общества.

Мануфактур-коллегией осуществлялось право распространения его на всех фабрикантов и других привилегий: освобождение от податей, налогов, покупка изготовленных товаров казной, закупка сырья, установление монополий на производство, выписывание из-за границы квалифицированных мастеров и т. п.

Наконец, новый таможенный тариф 1724 года, в выработке которого Мануфактур-коллегия принимала непосредственное участие, устанавливал высокие ставки ввозных пошлин на иностранные товары (от 25 до 75%)[1]. Это было обусловлено общими принципами меркантилистической политики правительства, осуществляемой Мануфактур-коллегией.

**
*

Курс правительства Петра и Мануфактур-коллегии на максимальное поощрение роста частнопредпринимательской промышленной деятельности и связанное с

и, в частности, бежавших крепостных. На этой почве возникали беспрерывные конфликты между фабрикантами и помещиками. Правительство вынуждено было вмешиваться в эти вопросы и дать на этот счет необходимые директивы Мануфактур-коллегии. В июле 1722 г. Петр лично писал по поводу одного из таких столкновений: «...директор полотняной фабрики Иван Тамес доносил нам, что у него от фабрики учеников помещики их чрез отдачу канцелярских судей берут и от того чинится остановка, того для объявить указ: ни с которой фабрики никому учеников и работников не отдавали чьи б они ни были, но чтоб интересанты фабрик платили за каждого человека в казну осмигривенные подушные денги, а помещиком их подати, против того, сколько те их платили им, будучи у них помещиков, как определенного о крестьянах, которые выдут в посад по указу данному апреля в 13 день 1722 года». ГАФКЭ,—Фонд Кабинета Петра, д. 32, л. 519.

[1] Павлов-Сильванский,—«Проекты реформ в записках современников Петра», стр. 40.

этим увеличение числа различных привилегий «указных фабрикантов» приводили к столкновению последних с другими социальными группами. Прежде всего эти столкновения происходили с представителями купечества, не вкладывавшими своих средств в промышленные предприятия. Владельцы мануфактур, получая право беспошлинной торговли товарами своих предприятий для продажи этих изделий, пооткрывали большое количество лавок для розничной торговли, в которых велась торговля и другими товарами. Возможность неограниченной конкуренции монополистов-промышленников была разорительна для купечества. Весной 1722 года петербургские купцы обратились к правительству с просьбой запретить фабрикантам розничную торговлю, указав при этом, что государство от этого только выиграет, так как по торговому уставу при оптовой продаже для всех была обязательна уплата таможенной пошлины. Правительство указом запретило розничную торговлю для фабрикантов [1].

Заручившись таким указом, купечество повело дальше атаку на фабрикантов. Оно организовало бойкот товаров отечественной промышленности, требуя снижения цен. В этом же году по донесению президента Мануфактур-коллегии Новосильцова, Петру пришлось отменять только что изданный указ и снова давать разрешение на розничную торговлю промышленникам [2].

Борьба между фабрикантами и купечеством развертывалась и по другим вопросам, поскольку купечество не пользовалось привилегиями, которые давались владельцам мануфактур.

Правительству выгодно было искусственно поддерживать эту борьбу между купечеством, состоявшим в ведомстве бесправного по части привилегий магистра-

[1] Полное собр. зак., 3892.

[2] 18 июля 1722 года Петр писал в Сенат о необходимости издать указ в случае «...ежели купцы, кои сидят в лавках зделанных в фабриках товаров по указу февраля 3 дня сего году надлежащею ценою в ряды покупать не будут, то интересантам фабрик дайте позволение попрежнему свои товары продавать свободно, а ежели лавочники того не хотят, то бы шли они сами в компанию тех фабрик». ГАФКЭ,— Фонд Кабинета Петра, д. 32, л. 519.

та, и фабрикантами, которыми ведала щедрая на поощрения, льготы и субсидии Мануфактур-коллегия.

Искусственное поддержание резкого различия в предоставлении льгот купечеству и мануфактуристам должно было способствовать «перекачиванию» средств из торговли в промышленность. Повседневная практика Мануфактур-коллегии в этом направлении и преследовала указанные цели, предоставляя льготы фабрикантам, пропорционально вкладываемому ими капиталу в производство. Это не исключало однако в действительности такого положения, когда и самую коллегию вводили в заблуждение фиктивными обещаниями вкладывать крупные суммы в производство. Вследствие этого появился закон 8 ноября 1723 года о лжефабрикантах, которых переводили в ведомство магистрата и лишали всех привилегий, коль скоро они не выполняли взятых на себя обязательств [1].

Петровская политика поощрения крупной промышленности и необходимость, в связи с непрекращающимися войнами, максимально форсировать ее развитие, поневоле приводила к противопоставлению «указной» мануфактуры «безуказной» промышленности, к преследованию последней Мануфактур-коллегией, к борьбе между монополистами-фабрикантами и представителями мелкокрестьянской и мелкопосадской промышленности.

Всесторонняя регламентация как крупной, так и мелкой промышленности была одной из характерных черт в деятельности Мануфактур-коллегии.

Будучи неотделимой частью всей промышленной политики как петровского, так и послепетровского времени, эта регламентация была иногда настолько неудобна и разорительна для населения, что само учреждение, призванное проводить эту политику, изыскивало способы для смягчения ее последствий.

Особо тяжело отразились на народном хозяйстве, как известно, скоропалительные стремления Петра иметь любою ценою широкий холст для флота, армии и вы-

[1] Полное собр. зак., 4352.

воза за границу и связанные с этим запрещения крестьянам изготовлять узкие холсты.

Последствия этих указов не замедлили сказаться уже при самом Петре, вызвав известные колебания в этом вопросе у самого законодателя. В этих колебаниях известное влияние оказало мнение Мануфактур-коллегии и Новосильцова, выступавших против беспощадности царя к регламентации кустарного и крестьянского ткачества.

В июле 1723 года Мануфактур-коллегия, за подписью своих членов, во главе с президентом В. Новосильцовым, подала доношение в Сенат, в котором она высказывала свою точку зрения на запрещение производства узких холстов. Запрещение делать узкие холсты упиралось прежде всего в большой спрос на внутреннем рынке: «...за неотпуском оными холстами в сибирских городах стало быть как русским людем, так и ясачным и иноземцам не малая нужда, для чего иные принуждены ходить и наги...»[1].

Когда разрешили продавать узкие холсты в Сибири, то Мануфактур-коллегия заявила, что «делание широких полотен никогда вкоренится, а Мануфактур-коллегия по должности своей принудить не может...» так как и купцы и кустари с крестьянами заявляют, что они продают и изготовляют узкие холсты в «Сибирский отпуск». Поэтому в упомянутом доношении Сенату Мануфактур-коллегия рекомендовала следующие меры для смягчения регламентирующих сторон указов Петра:

1. По всей империи объявить указом, чтобы «...весьма делались широкие полотна и уские».

2. Купцов, промышлявших продажей полотна в Сибири и торговавших за границей, обязать в первый год по издании указа привозить полотен для продажи узких $^4/_5$ общего числа и широких $^1/_5$, на другой год «широкие две части, уских три», на третий год «широких три части, уских две части», в четвертый год «широких четыре части, уских пятая часть».

Тем, которые не выдерживали установленной про-

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 79/149, д. 51, л. 2.

порции, запрещалась продажа свыше нормы и излишки задерживались до будущего года, когда он мог дополнительной покупкой широких полотен установить требуемое соотношение.

Мануфактур-коллегия полагала, что при осуществлении такого проекта «делание широких полотен весьма вкорениться может, ибо всякой купец, который теми товарами торгует принужден будет купить сперва ту часть широких полотен и с прибавкою цены перед ускими, для того, чтобы его промыслу остановки не было, добыватели, которые делают тонкие полотна, видя, что за широкие против пропорции материалу и работы перед ускими получать будут цену больше, могут и сами для своей ползы самохотно, а не принуждением и с убытком к деланию полотен тщание прилагать...» [1]

Таков план, который предложила Мануфактур-коллегия для вкоренения производства широких полотен среди крестьянского населения, стремясь к смягчению регламентирующей стороны петровской промышленно-торговой политики по отношению к этому виду промышленности.

Закон 1715 года, запрещавший ткать узкий холст безотносительно к тому, какими мотивами руководствовался его автор, сразу же стал орудием борьбы крупных полотняных фабрикантов против мелких ремесленников посада и главным образом крестьян, кустарей и против всех безуказных фабрикантов. Мануфактур-коллегия так и понимала его, когда ей приходилось сталкиваться с практическим его применением. Начало борьбы Мануфактур-коллегии с крестьянской промышленностью было положено при Петре, но резкий поворот в сторону решительного ограничения прав крестьянства и посадских на занятие промышленностью мы наблюдаем после его смерти, это конец 20-х и начало 30-х годов — все аннинское царствование в особенности.

Борьба Петра против «безуказной» и в частности против крестьянской промышленности значительно отличается от той политики гонения и преследования, ко-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 79/149, д. 51, лл. 2—3.

торой подверглась «безуказная» промышленность в более позднее время после его смерти.

При Петре I отношение к «безуказным» фабрикантам было обусловлено стремлением «выскочить из рамок отсталости» и, отсюда, необходимостью всемерно поощрять и стимулировать рост крупной крепостной, монопольной «указной» мануфактуры. Мелкая крестьянская и ремесленная промышленность не была в состоянии быстро удовлетворить чрезвычайно сильно увеличивающийся спрос на товары промышленности. Петр поддерживает «зачинателей» крупного мануфактурного производства с большими капиталами из среды купечества и дворян, которые, по его мнению, в короткие сроки сумели бы поставить Россию в число передовых стран с сильно развитой крупной мануфактурной промышленностью, обеспечивающей армию, флот и потребности внутреннего рынка.

**
*

Таким образом, к моменту появления регламента Мануфактур-коллегии в 1723 году большинство принципиальных вопросов, касающихся направления промышленной политики и непосредственной деятельности этого учреждения, были разрешены текущим законодательством Петра I. Практика и некоторый опыт Мануфактур-коллегии давали фактическую проверку жизненности этого законодательства. Все это облегчало дело составления регламента коллегии. К важнейшим вопросам, которые были разрешены законодательством и практикой учреждения до появления регламента Мануфактур-коллегии, нужно отнести:

1. Законодательство, связанное с обеспечением рабочей силой фабрик и заводов и, прежде всего, право владельца мануфактур на покупку крепостных крестьян с землей и без земли (закон 1721 года).

2. Создание централизованного государственного учреждения по управлению всей мануфактурной промышленностью страны, прямой обязанностью которого было реальное обеспечение правительственных приви-

легий так называемым «указным» фабрикантам. Законодательство закрепило эти привилегии в виде:

а) Освобождения от несения многочисленных государственных «служб».

б) Права на беспошлинную и свободную от налогов торговлю внутри страны, произведениями данных мануфактур, и иногда на внешнем рынке (указы, направлявшие таможенную политику Коммерц-коллегии).

в) Гарантия монопольного производства и преимущественного обыта для нужд самого государства (армия, двор, другие ведомства).

г) Предоставление займов и денежных пособий от государства владельцам мануфактур.

д) Привилегии, вытекавшие из организации особого суда, суда Мануфактур-коллегии.

е) Наследование фабрик, заводов и привилегий, выданных на эти мануфактуры до истечения их срока, преимущественное право продления выданных привилегий наследникам мануфактур.

Регламент Мануфактур-коллегии явился законодательным документом, оформившим наиболее полно те принципы в области поощрения развития промышленности, которые проводились Петром I до этого и утверждением тех оснований, которые он считал необходимыми для управления промышленностью.

ГЛАВА II

РЕГЛАМЕНТ МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИИ

Люберасом еще в 1717 году был составлен проект регламента Мануфактур-коллегии, который в конце ноября 1718 г. вместе с другими проектами по коллегиальному устройству поступил к Ягужинскому. К проектам Любераса отнеслись с совершенно непонятным равнодушием: они не только не были приняты, но и даже не рассмотрены, хотя Ягужинский и Шафиров были знакомы с их содержанием [1].

Равнодушие это, очевидно, следует объяснить стремлением выработать регламенты (в частности регламент Мануфактур-коллегии), исходя из известной практики уже созданных учреждений и их политики, хотя бы в той же области торговли и промышленности, которую, конечно, не мог отразить Люберас в своем проекте: он не знал конкретной русской действительности и не воспринимал ее.

Указом Сената 24 мая 1722 года предписывалось приступить к составлению регламентов всем коллегиям: «выписав, что принадлежит из регламента и из должностей адмиралтейской коллегии» [2].

Прототипом регламентов всех коллегий, таким об-

[1] О том, что регламент Мануфактур-коллегии был выработан Люберасом, сообщает Милюков в работе «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века...», который видел этот проект вместе с другими бумагами Любераса в быв. архиве мин. иностранных дел (д. № 47).

[2] ГАФКЭ,— Фонд Берг-коллегии, д. № 2 (указы), л. 322.

разом, должен был стать регламент Адмиралтейств-коллегии. Надо полагать, что речь шла не только о заимствовании форм регламента и общей его архитектоники, а и основных положений, данных в нем применительно к специфике других вновь создаваемых центральных учреждений.

Как бы там ни было, но Люберас не принимал непосредственного участия в выработке регламента Мануфактур-коллегии 1723 года. Возможно, что в отстранении его и Якова Брюса от участия в разработке регламента для Мануфактур-коллегии, сыграла роль произведенная Петром смена в 1722 году всех президентов коллегий, — своеобразный «кризис правительства».

По поводу участия Любераса в разработке регламента коллегии в исторической литературе господствует иная точка зрения. Например, Милюков в своей работе о государственном хозяйстве России первой четверти XVIII века, совершенно правильно указывая на известное влияние Любераса в организации Мануфактур-коллегии, когда последний настаивал на независимом ее существовании, возражал против слияния с Берг-коллегией [1], делает на этом основании совершенно неправильный вывод, что вторая редакция регламента, составленная Люберасом, «имела влияние на составление печатного регламента» 1723 года [2].

Милюкову, как и позднейшим исследователям петровского коллегиального устройства, не был известен, хранящийся в фонде Сената, другой, не люберасовский проект регламента Мануфактур-коллегии, составленный после указа 24 мая 1722 года и после соответствующих переделок и предварительных «апробаций», явившийся непосредственным предшественником печатного регламента. Проект этого варианта регламента Мануфактур-коллегии был составлен во второй половине 1723

---

[1] Это видно из одной записки Любераса, приводимой Милюковым: «если уже суждено мануфактурам остаться под инспекцией Берг-коллегии, то было бы не лишним — составить генеральный план регулирования мануфактур и назначить для надзора за мануфактурными делами специального члена». П. Милюков, «Государственное хозяйство России...», стр. 607.

[2] П. Милюков,— там же, стр. 607.

года и принадлежал новому президенту коллегии Василию Новосильцову [1].

В этом проекте каждый пункт регламента имеет помету об источнике его происхождения, кроме этого, к проекту приложен «Экстракт проекта к сочинению инструкции Мануфактур-коллегии» [2] с детальным указанием на все источники регламента. Заимствований из проектов Любераса при анализе этих источников обнаружить не удается.

О заимствовании и влиянии шведских законоположений говорить не приходится, хотя бы уже потому, что шведские центральные учреждения не имели в своем составе такого учреждения, как Мануфактур-коллегия, и все вопросы управления промышленностью были сосредоточены там в Коммерц-коллегии [3]. С 1669 года промышленная политика Швеции определялась данной в этом году Гедевиг Элеонорой [4] «Привилегией о рукодельных домах», целый ряд принципиальных положений которой был совершенно противоположен основам промышленной политики России, изложенным в регламенте Мануфактур-коллегии, утвержденном Петром I [5].

Положение, что шведские законодательные нормы не оказали влияния на регламент Мануфактур-коллегии, подтверждается и анализом источников, на основе которых был составлен первоначальный вариант Новосильцова.

«Экстракт проекта к сочинению инструкций Ману-

---

[1] ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 1/1061, лл. 393—411. Проект по тексту скреплен подписью В. Новосильцова.

[2] ГАФКЭ,— Фонд Сената оп. 16, д. 1/1061, лл. 365—368 «Экстракт» скреплен двумя подписями секретаря Семена Селезнева и канцеляриста Ивана Чюлкова.

[3] Шведская инструкция Коммерц-коллегии была составлена в 1651 г. и оказала частичное влияние на русский регламент Коммерц-коллегии 1719 г., Милюков, стр. 605.

[4] Мать-регентша малолетнего Карла, вместо которой фактически управление страной, в это время, находилось в руках шведской аристократии.

[5] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 75/143, д. № 1, лл. 14—22. Эта шведская привилегия Гедевиг Элеоноры не анализируется в настоящей работе и дается к ней в качестве приложения в целях проверки вышеизложенной точки зрения (См. прилож. № 1).

фактур-коллегии», насчитывающий 74 статьи, позволяет установить следующие основные источники регламента 1723 года:

Адмиралтейский регламент 5 апреля 1722 года, Генеральный или «Коллежский» регламент 1720 года. Привилегии, данные Петром, Сенатом и Мануфактур-коллегией владельцам предприятий на открытие фабрик и заводов до 1723 года включительно. И, наконец, значительная группа статей, вновь составленных самими членами коллегии нового состава 1722 года.

Характерно, что авторами проекта совершенно не были использованы, в качестве источника для составления регламента Мануфактур-коллегии, ни регламент-инструкция Берг-коллегий, ни регламент другой, родственный Коммерц-коллегии.

Не были использованы, кроме Генерального и «коллежского» регламента, регламенты и других коллегий, на составление которых оказали влияние шведские образцы [1].

Уже при первых коррективах, которые вносились в проект Новосильцова, эти 74 статьи частью были объединены, а частью исключены, но в первоначальном своем виде в «Экстракте» по источникам своего происхождения они могут быть распределены следующим образом.

А. Соответственно переработанные статьи из адмиралтейского регламента

О персонах в коллегии; о служителях канцелярии; «о собрании коллегии»; о должности президента и вице-президента; о дирекции во всей российской империи над

---

[1] Составление регламента Мануфактур-коллегии по сравнению с другими коллегиями значительно затянулось: в 1719 г. были составлены и утверждены регламенты Камер- и Штатс-контор-коллегии, инструкция-регламент ревизион-коллегии была утверждена в 1722 году (в это время она уже стала конторой Сената), регламент Коммерц-коллегии в 1719 г., 3 марта, который был перередактирован 31 января 1724 г., 5 апреля 1722 г. был издан регламент Адмиралтейской коллегии, указ о Берг-коллегии был дан 10 декабря 1719 года. Милюков,— «Госуд. хоз-во», стр. 593—611.

мануфактурами и фабриками; «о подписях на пакетах в коллегиум и о распечатывании оных»; «о ведении иностранных манифактур и фабрик, их регламентов и новоманерных инструментов»; «о пробах всем вещам»; о подыскании подрядчиков, заключении с ними договоров, об отдаче подрядов «верным людям», о платеже с подрядных покупных вещей пошлин и объявлении всего, что относится до подрядчиков, о тех, кто из подрядчиков «отречется», о запрещении «вступать в торги и подряды»; о принятии денег комиссаром, о посылке указов по расходованию денег; об отчетности всех в принятых деньгах перед комиссаром, кроме подрядчиков; о вычете на содержание госпиталя по копейке с рубля, о ведении приходных и расходных книг; о даче жалованья наследникам после умерших; о невыдаче жалованья тем, которые отпущены «в домы свои»; о свидетельстве приходных и расходных книг деньгами и «об отсылке щетов в Штатс-контору»; «объявления при щетах в Штатс-контору чем кому еще коллегия должна»; «о закреплении посылаемых указов: у последней речи не оставлять порожжего места»; «при перемене служителей из службы давать указы, чтоб отдавали все, что имели вступающим на их места»; за мануфактурные долги вещи должников продавать от магистрата и присылать деньги в Мануфактур-коллегию; о приеме в службу годных; «почему брать за труды в суде»; о переписи пожитков после умерших, у которых останутся наследники малолетны; «по какому артикулу судить тех, кто что возьмет без указу»; «о решении дел на которые в регламенте примеру нет» [1].

Из этого перечня видно, что большинство статей, взятых в том или ином виде из адмиралтейского регла-

---

[1] Это статьи проекта 1 и 2 из § 2 адмиралтейского регламента; 4-я и 5-я из §§ 3, 4 и 5; 7-я из § I; 9 из § 9; 34 статья из § 91 адм. регл. и «вновь прибавлено»; 47 из § 13 статьи 48—55 из адм. регл. §§ 41—18 и 25, 26, 30 и «вновь прибавлено», статьи 56—61 из адм. регл. §§ 31—34 и 36, 37. Статья 62 из адм. регл § 44; ст. 63 из § 45; ст. 64 из § 46; ст. 65 из § 47; ст. 66 из § 50; ст. 67 из § 52; ст. 68 из § 53; от. 69 из § 56; ст. 71 из § 102; ст. 72 из § 107; 73 из § 108; ст. 74 из § 111. ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 1/1061, лл. 365—368.

мента и внесенных в проект регламента Мануфактур-коллегии, имели отношение к очень ограниченному и относительно второстепенному кругу вопросов:

Во-первых, вопросы о штате коллегии и ее чинах. Во-вторых, вопросы, связанные с организацией делопроизводства и общими для всех учреждений вопросами финансового характера и отчетности. Третья группа вопросов касается так называемых подрядчиков и, наконец, четвертая группа касается общих вопросов, имеющих отношение к другим различным делам, как-то: наследование, вексельное и долговое право и др. Иначе говоря, в группе статей, основными источниками которых является регламент адмиралтейства, мы не находим вопросов, в которых бы излагались принципы и идеи промышленно-торговой политики и пути ее конкретного осуществления. Большое количество статей этого раздела проекта позднее совершенно не вошло в состав регламента [1], так что удельный вес статей в регламенте Мануфактур-коллегии 1723 года из регламента адмиралтейства количественно очень невелик, а по их важности играет совершенно незначительную роль.

Б. Статьи, заимствованные из генерального регламента

Статья 3-я — о порядках в коллегии (глава 3 «коллегиального регламента»).

Статья 8-я — о исполнении указов (глава 2, 4).

Статья 10-я — о печатях коллегии (глава 13).

В. Статьи, внесенные в регламент из выданных ранее привилегий на открытие фабрик и заводов

Статья 13-я излагает взгляды правительства на размножение фабрик и мануфактур. Декларация о стремлении правительства «споспешествовать» «размноже-

[1] Такими статьями, которые были в проекте и не вошли позднее в регламент 1723 года являются статьи: 9, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 69, 71, 72. Кроме этого, некоторые статьи вошли только частично или в очень большой переделке.

нию» фабрик и заводов, являвшаяся неотъемлемой частью каждой из выдаваемых привилегий на вновь заводимые мануфактуры.

Статья 18-я «о волной продаже произведенных товаров и о покупке потребных вещей безпошлинно».

Статья 19-я о приеме на мануфактуры «работных людей».

Статья 20-я о том, что фабриканты, получившие привилегии, нигде «инде судом и расправою не ведать», кроме Мануфактур-коллегии.

Статья 21-я об увольнении от службы и постоев фабрикантов, получивших разрешение на открытие фабрик.

Статья 22-я о вспоможении деньгами и «прочим» фабрикантам, организующим мануфактуры.

Статья 26-я — «О исполнении по данным привилегиям».

Все эти статьи, базировавшиеся на определенной практике промышленной политики Петра, были проверены жизнью и являлись составной частью меркантилистических идей, которые были столь характерны для взглядов русских экономистов начала XVIII века. Все вышеприведенные статьи вошли в последующие варианты регламента и в его утвержденный текст. Рожденные практической деятельностью учреждения они имели своим источником не те отношения, которые фиксировались шведскими и иными регламентами, а те, которые складывались в условиях русской действительности.

Г. Статьи, внесенные в регламент Мануфактур-коллегии из именных указов

Статья 23-я о запрещении вывоза товаров из-за моря (именной указ 13 июля 1722 года).

Статья 27-я о разрешении покупать к фабрикам деревни и крестьян (указ 7 февраля 1721 года).

Статья 28-я «О содержании под видом мануфактур и фабрик» (тот же указ).

Статья 45-я и 46-я «О рассмотрении материалов» и товаров (именной указ 13 июля 1722 года).

Статья 70-я о выдаче паспортов иностранным мастерам, приезжающим в Россию (указ Сената).

Необходимо отметить, что для регламента Мануфактур-коллегии был использован законодательный материал только времени самого Петра, из всего предшествовавшего законодательства не было заимствовано ни одной буквы.

Д. Статьи, внесенные в регламент Мануфактур-коллегии, которые были составлены вновь

Статья 11-я о порядке решения дел; статья 12-я о невмешательстве других коллегий в дела Мануфактур-коллегии; статья 14-я о позволении каждому заводить мануфактуры; статья 15-я о выдаче разрешений на заведение мануфактур только в том случае, когда челобитчик сам является в Мануфактур-коллегию [1]; статья 16-я «о неисключении» других фабрикантов в случаях, когда привилегия выдается одному лицу; статья 17-я «чтоб на каждой мануфактуре и фабрике были добрые мастера»; статья 24-я о порядке содержания мануфактур и фабрик на государственном «коште»; статья 25-я о содержании компанейщиками фабрик и мануфактур; статья 29-я о предоставлении в определенные сроки в Мануфактур-коллегию образцов содержателями фабрик и о «свидетельстве достоинства» самих фабрик; статья 30-я «О особливой каморе и о свидетельстве всяких материалов»; статья 31-я о разделении мануфактур и фабрик для «надзирания» между членами коллегии; статья 32-я о непринуждении фабрикантов при заведении мануфактур вкладывать в производство «капитал великий»; статья 33-я о порядке «выезда» иностранных мастеров; статья 35-я «О смотрении на мануфактурах каждого должности и о сочинении оным регламентов»; статья 36-я о надзирателях или комиссарах на фабриках и мануфактурах и «о сыску трав и красок»; статья 37-я о командировках за границу для обучения «науки»; статья 38-я «О доброте деланных вещей» и о продаже

[1] 14 и 15 статьи сходны с соответствующими статьями регламента Берг-коллегии.

их ценою не выше иностранных; статья 39-я о заведении государственных табачных плантаций; статья 40-я «О сообщении инструкций Магистратцкой и Коммерц-коллегии»; статья 41-я о цехах; статья 42-я «О даче иностранным мастерам русских учеников» для обучения; статья 43-я о скором решении между служителями споров; статья 44-я об употреблении денег на «всякие расходы» из самой коллегии, «а не из разных мест» [1].

Эти двадцать две заново составленных статьи почти все вошли в окончательную редакцию регламента. Они представляют собою вторую по важности часть регламента. Как видим, все статьи последней группы делятся на три категории, первая из которых детализирует принципы промышленной политики и показывает конкретные пути осуществления этих принципов. Другая часть статей этой группы касается уточнения практики и деятельности самого учреждения. И, наконец, последняя часть говорит о порядке заведения и условиях содержания мануфактур.

Таковы виды источников, послуживших основанием проекта регламента Мануфактур-коллегии, составленного президентом коллегии Василием Новосильцовым.

**
*

Что касается самого проекта В. Новосильцова, который назывался «Проектом к сочинению инструкции Мануфактур-коллегии», то он претерпел некоторые изменения при его редактировании, первоначально, очевидно, в самой коллегии, затем в Сенате и при окончательном утверждении Петром. Первый вариант его имел, после несущественных поправок, 38 статей, а в окончательной редакции их осталось только 27.

В регламент 1723 года не был включен ряд статей, имевшихся в проекте:

Статья 15 проекта «О запрещении вывоза из-за моря» [2], была составлена на основе именного указа 13 июня

---

[1] ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 1/1061, лл. 365—368.

[2] «Понеже ныне вновь зачатые манифактуры и фабрики зделанными своими товары, хотя ко удовольствованию оного впредь и надежда подается, однако же сей империум удовольствовать еще

1722 года, и указа от 6 ноября 1723 года, т. е. указов, изданных почти в момент составления регламента. Следовательно, исключение самой статьи из регламента, следует объяснить отнюдь не устарелостью ее, а какими-то другими обстоятельствами. Возможно просто считали ненужным дублировать действующее законодательство по данному вопросу.

Статья 30 проекта регламента «О табаке, который содержится на нашем коште» [1] была исключена не только ввиду ее частного значения, а и потому, что авторы проекта предлагали «прибыльные деньги» от продажи табака с плантаций «оставлять» в Мануфактур-коллегии для размножения новых фабрик и заводов. Ввиду финансовых затруднений правительства такое предложение было невыгодным и его отвергли. Поступления от табачной монополии позднее никогда не шли в распоряжение Мануфактур-коллегии на нужды промышленности. Также в виду частного характера была исключена статья 35 проекта «о пеньке» [2] и исходя из финансовых соображений, исключили статью 36 о том, «чтобы на всякие расходы употреблять деньги от Коллегии, а не из разных мест» [3]. Эта последняя статья предусматривала централизацию всех средств, идущих на раз-

---

не могут, того ради. Понеже фабриканты которые и размножили разоряются от вывозных товаров, которых наделано много, да никто не покупает, того ради надлежит смотреть, дабы по препорции зделанных на такие вывозные товары налагать пошлину по силе наших указов, чтоб со временем вывоз оных был пресечен. А ежели кто своей фабрики или мануфактуры зделанными вещами наш империум без вывозу из за моря тех вещей и без остановки в народе удовольствовать может, чего коллегия повинна смотреть, не токмо удовольствования, но доброту и цену и буде то от Коллегии усмотрено будет, то потребной вывоз тех вещей из за моря запретить, чего крепко смотреть надлежит и сносится с Коммерц-коллегией. А буде не будет у них в том смотрения, то Сенату протестовать в том прилежно и нам объявлять». ГАФКЭ,— Фонд Сената, оп. 16, д. 1/1061, лл. 339—400.

[1] ГАФКЭ,— Фонд сената, оп. 16, д. 1/1061, лл. об. 407—408.

[2] «Ис Польши в Ригу пенька изрядная идет. Того ради тщится на Украине, как в великороссийских так и в малороссийских городех оную умножать и акомодовать пристойным образом, чтоб российская пенька в доброте не плоше других быти могла». ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 1/1061, л. 409.

[3] ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 1/1061, л. 410.

витие промышленности в Мануфактур-коллегии и устанавливала твердый и постоянный источник финансовых поступлений, закреплявший за Мануфактур-коллегией все доходы государства от монополии на производство и продажу гербовой бумаги. Необходимость реальной материальной базы для плодотворной деятельности по стимулированию роста промышленности, вот что отстаивали авторы проекта. Однако это не удалось осуществить им при утверждении регламента учреждения.

Кроме того, были исключены полностью еще три статьи проекта: статья 31 «О сообщении инструкции магистратской и Коммерц-коллегии» [1], которой предусматривалась координация деятельности всех трех учреждений, имевших отношение к купечеству, «чтобы учиненные в одной коллегии резолюции не нарушены и другой коллегии противны не были» [2]. Последующая история этих учреждений знала попытки совместного разрешения наиболее важных вопросов, но единодушие в их разрешении достигалось в очень редких случаях.

Статья 32 «О цехах» [3] была исключена потому, что она имела отношение к Главному магистрату. И, наконец, была опущена статья 37 «О покупке и о продаже казенных товаров» [4], которой авторы хотели облегчить покупку и продажу товаров на мануфактурах, отменив «публикации» и записи в расходные книги с обязательным донесением рапортом о покупке и продаже товаров стоимостью от двадцати рублей и ниже. Такая статья являлась бы поправкой к Генеральному регламенту и, очевидно, благодаря этому, она была отвергну-

---

[1] ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 1/1061, л. 408.

[2] Там же, л. 408.

[3] «Какие в империи нашей от Главного магистрата учреждены быть имеют цехи и во оных цехах какие будут художества и о должности оных данные инструкции надлежит в Мануфактур-коллегию для ведома сообщить, чтобы Мануфактур-коллегия, ведая о цехах и художествах, имела рассуждение каких в России не обретается о таких стараться каким образом ввести, а которые и есть, да не в совершенном достоинстве делаются, о таких тщится исправить, чтоб в Российской империи всех художества деланы были во всяком достоинстве против чюжестранных». ГАФКЭ,— Фонд Сената, оп. 16, д. 1/1061, л. 409.

[4] Там же, л. 411.

та, хотя авторы ее достаточно убедительно мотивировали, ссылаясь на «продолжение и остановки» в производстве, которые может принести строгая финансово-отчетная волокита Генерального регламента.

Основательно был переделан проект регламента Мануфактур-коллегии в общедекларативной вступительной части, при утверждении окончательного текста. Эта часть проекта регламента была построена по такому плану:

1) Природные условия («натуральные материалы») и фактическое состояние мануфактур и фабрик в «окрестных» государствах, как один из важнейших моментов в увеличении государственных «зборов» этих стран.

2) Сравнение России с этими иностранными государствами и утверждение, в связи с этим двух положений.

а) Россия «преизобилует... потребными материалами» для развития у себя мануфактур;

б) «Главнейшая» причина слабого развития мануфактур у нас состоит в том, что «наши подданные к мануфактурным делам, каким образом оные в государственную всенародную пользу произвести, искуства и прилежания не имели», а другие «отвадится не хотели» боясь, что «когда от оных плод усмотрится отняты б от них не были» [1].

3) В настоящее время в России заводятся мануфактуры и фабрики. В целях оказания «помощи» фабрикантам правительство организует Мануфактур-коллегию, которой оно дает «власть и мочь» «единым судиею над всеми ими и охранителем быть» [2].

В утвержденном тексте регламента вступительная часть изложена иначе:

1) Учрежденной Мануфактур-коллегии дается регламент в целях лучшего «произведения и умножения мануфактур и фабрик» [3].

2) Вторая часть посвящена выяснению сущности

---

[1] ГАФКЭ,— Фонд Сената, оп. 16, д. 1/1061, л. 393.

[2] Полное собр. зак., № 4378.

[3] См. прилож. № 2 к настоящей работе «Проект к сочинению инструкции Мануфактур-коллегии». ГАФКЭ,— Фонд Сената, оп. 16, д. № 1/1061, л. 393—411.

«присяжной должности» коллегии и ее членов, как слуг императора.

3) Текст клятвы-присяги, даваемой письменно и словесно каждым членом коллегии.

Все остальные изменения проекта регламента были в значительной мере сведены к уточнению и улучшению редакции отдельных статей и их объединению [1]. В некоторых случаях эти редакционные поправки приводили к очень существенным изменениям и носили принципиальный характер: например, в проекте была отдельная статья (12) о том, «Чтобы нигде инде судом и расправою не ведать» владельцев фабрик и заводов, кроме Мануфактур-коллегии. Эта статья мотивировала причины, обусловливающие необходимость сословного суда и точно указывала круг лиц, подлежащих этому суду, чего не было дано в окончательном тексте регламента.

Разночтения статей «О содержании мануфактур и фабрик, сущих на коште е. в.» дает также представление о характере изменений по вопросу вложения государственных средств в развитие промышленности:

В проекте:	В принятом тексте:
«Которые мануфактуры и фабрики содержатся сопственною нашею казною, оные от манифактур-коллегии имеют в крепком смотрении, дабы содержаны были в добром порядке и что надлежит к пользе интересам нашим, того отнюдь бы отпущено не было. А бу-	«Которыя мануфактуры и фабрики заведены и впредь заведутся казною е. в., такие приведя в доброе состояние отдавать партикулярным людям, и в том Коллегии иметь прилежное старание» [2].

[1] Были объединены статьи 5 и 6 проекта, статья 9 вошла в статью 23 окончательного текста, статья 12—в статью 13, статья 13 проекта явилась ее сокращенным продолжением, статья 16 была видоизменена, статья 23 — перередактирована, статья 25—объединена с 23 статьей, статья 26 в сокращенном виде вошла в 23 статью и 33 стала частью статьи 25 окончательного текста.

[2] Полное собр. зак., 4378, § 15.

де которые в чем явятца неисправно, такие со всяким усердием и прилежностью, что к лучшему нашему интересу надлежит, исправлять и ни до какого непорядка не допускать. Или по благоизобретению охочим людем в сопственное содержание отдавать, хотя с награждением на каких кондициях согласится можно. Ежели же от таких плода весьма усмотрено не будет, и содержать невозможно, о том доносить нам или Сенату со мнением»[1].

Проект регламента настолько исчерпывал круг вопросов, подлежащих ведению коллегии, что в окончательный текст были внесены только две новых статьи, которые касались организации работы внутри самой коллегии, а не принципов промышленной политики[2]. Эти две статьи были заимствованы из адмиралтейского регламента. Кроме этих статей, из адмиралтейского регламента, как указано выше, заимствовано еще четыре статьи, все остальные были взяты из текущего петровского законодательства и в большинстве составлены вновь[3]. Следовательно, вновь составленные статьи и те-

---

[1] ГАФКЭ,— Фонд Сената, оп. 16, д. 1/1061, л. 400.

[2] Это статьи: «2 при собрании большей части членов коллегии начати дело в четверть часа» и статья 3 «о подписях на пакетах в коллегию и кому их распечатывать», Полное собр. зак., № 4378.

[3] Статьями, заимствованными из адмиралт. регламента, явилась статья 1 проекта и утвержденного регламента, статья 2 проекта или 4 регламента; ст. 26 проекта или часть статьи 23 регламента. Точное указание на происхождение каждой статьи см. в приложении № 2.

кущее законодательство Петра явились основой регламента 1723 года.

Окончательный текст регламента Мануфактур-коллегии был подписан Петром 3 декабря 1723 года. 24 января 1724 года рапортом в Сенат за подписью президента Новосильцова Мануфактур-коллегия доносила, что она получила утвержденный регламент [1].

**
*

Подводя итоги известному опыту руководства промышленностью, регламент Мануфактур-коллегии явился таким документом в этой области петровской политики, где сами идеи о путях поднятия производительных сил страны и практика учреждения приобретали известную определенность, после бесконечного количества прожектов и экспериментов в этом направлении.

Регламентом Мануфактур-коллегии завершается дело централизации управления всей русской промышленностью, за исключением горнодобывающей, которой ведала Берг-коллегия [2], и некоторых других отраслей, как например, винокуренная, салотопенная, которыми продолжали ведать другие учреждения.

Было покончено с таким положением, когда промышленность ведалась различными коллегиями и даже Сенатом. Очевидно, к этому времени твердо пришли к мысли, что только централизованная система управления даст возможность преодолеть трудности в деле обеспечения армии необходимыми товарами промышленности и разрешить задачу развития производительных сил страны.

«Коллегиум-мануфактур имеет верхнюю дирекцию над всеми мануфактурами и фабриками и прочими делами, которые касаются к оному правлению, какого б звания ни были во всей Российской Империи...» [3]

---

[1] ГАФКЭ,— Фонд Сената, оп. 16, 1/1061, л. 449.

[2] Берг-коллегия заменила существовавший в 1700—1711 г. и восстановленный в 1715 г. так называемый приказ Рудных дел.

[3] Полное собр. зак., № 4378. Регламент Мануфактур-коллегии, § 1 «О дирекции» во всей Российской империи над мануфактурами и фабриками».

Толкование такой формулировки могло быть очень широким, по которому права учреждения могли быть расширены далеко за пределы непосредственного руководства и контроля объектами промышленности. Слова «прочими делами, которые касаются к оному правлению», юридически означали участие данного учреждения в разрешении вопросов, касающихся не только промышленности страны, а и смежных областей политики. Что законодатель именно так представлял себе дело, видно из последующих пунктов регламента: в 4-м пункте специально упоминается о непосредственном надзоре, руководстве и помощи со стороны президента и членов коллегии отдельным мануфактурам [1], т. е. оговаривает эту задачу, как частную и специальную. Статья пятая требует, «чтоб другие коллегии в дела мануфактурные не вступали» [2]. Это положение подтверждается и последующей деятельностью учреждения: в делах коллегии, Сената, Коммерц-коллегии мы встречаем разработанные членами Мануфактур-коллегии различные проекты, имеющие отношение к вопросам экономической политики правительства, в области торговли, таможенных тарифов, участие ее в различных общегосударственных комиссиях и собраниях.

Вопросы, относящиеся к собственно внутренней организации самого учреждения, в регламенте занимают относительно небольшое место. Это обеспечение контроля и посещение мануфактур (§ 4), о собраниях и порядке заседаний (§ 2), о подписях на пакетах и о их вскрытии (§ 3), «о разделении мануфактур и фабрик в надзирание членам» (§ 21) и об ответственности коллегии перед верховным представителем власти, за «нерадение»

[1] Полное собр. зак., № 4378, § 4 «О особливой должности президента. Президент должен фабрики и мануфактуры, которые в близости суть, надзирать сам, как часто время допустит, а не меньше дважды или трижды в год; буде же время до того не допускать, посылать члена осмотреть, как на фабриках и мануфактурах работа и прочее, или в чем какая остановка происходит, и ежели, что противного усмотрится, или что упущено будет, как наискорее коллегия тщится исправить и в надлежащий порядок привесть».

[2] Полное собр. зак., № 4378, § 5 «Чтоб другие коллегии в дела мануфактурные не вступали».

и «упущения» (27). Вряд ли можно говорить о какой-либо системе в размещении самих статей регламента.

Все остальные статьи регламента представляют собой краткое изложение принципов промышленной политики и взглядов правительства на пути и средства к «произведению и умножению мануфактур и фабрик» в Российской империи.

Руководителям Мануфактур-коллегии указывалось, что на их учреждение возлагается задача организации разных мануфактур и фабрик к «пользе общего блага и пожитку подданных»[1] империи. Особое внимание должно быть обращено на развитие тех мануфактур, для «которых материалы в Российской империи найтися могут». Право выдачи жалованных грамот-привилегий на открытие фабрик присваивалось Мануфактур-коллегии в то время, как раньше это право принадлежало непосредственно верховному носителю власти и Сенату.

В каком отношении стоял регламент Мануфактур-коллегии к существовавшей до этого времени практике (в конце XVII и начале XVIII веков) на право заведения промышленных предприятий непривилегированным населением? — Юридически, декларативно он расширял круг классовых и сословных групп, имевших право на открытие мануфактур. В общем плане быстрого развития производительных сил страны это было совершенно правомерной постановкой вопроса, но регламент Мануфактур-коллегии, вводя монополию и противопоставление «указной» мануфактуры «безуказной», фиксировал имевшееся противоречие. В регламенте прямо указывалось: «е. и. в. соизволяет всем какого б чина и достоинства кто ни был, во всех местах где за благо обрящет, мануфактуры и фабрики заводить и о том, публиковать всенародно, и кто такие явятся, о тех коллегии в начале смотреть о пожитках и достоинстве и потом не токмо скорое решение учинить, но и всякие способы показать коими обязан с тою мануфактурой наилучше ему поступать, и в доброе и неубыточное состояние привести»[2].

[1] Там же, § 6.
[2] Полное собр. зак., 4378, § 7.

Эта противоречивость соответствовала по существу всей политики Петра по отношению к крестьянству и посадскому населению. Юридическое и фактическое закабаление крестьянства, полное подчинение его власти помещика не могло мириться с свободным развитием крестьянской промышленности; обеспечение дворянских и купеческих монопольных привилегий во всех областях хозяйственной жизни страны должно было неизбежно повести к ограничению, а затем и к полной ликвидации получения крестьянами и посадскими людьми разрешений на открытие мануфактур. Даже при жизни Петра Мануфактур-коллегия регламентом обязывалась вначале ознакомиться обстоятельно «о пожитках и достоинствах» каждого желающего завести мануфактуру и только после этого давать разрешения на открытие производства.

Эта не вызывающая сомнений формулировка была принята исключительно в интересах дворянства и купечества и должна была послужить соответствующим фильтром заявок и претензий крестьян-промышленников и «посадской мелкоты». Население посада и крестьяне-промышленники даже с относительно крупными средствами не всегда получали разрешение на открытие фабрик. О представителях мелкой крестьянской промышленности не приходится уже и говорить.

Последующее укрепление системы привилегированных и монопольных предприятий, продолжавших быстро расти после Петра, естественно привело к открытой и жестокой борьбе с «дикими» непривилегированными так называемыми «безуказными» владельцами фабрик и мануфактур. Правительство, тысячью нитей связанное с монополистами, путем законодательства и чрез Мануфактур-коллегию и подчиненные ей инстанции, оказывало в этой борьбе всемерную поддержку последним.

Резкий поворот в сторону решительного ограничения прав крестьянства и жителей посада на занятие промышленностью мы наблюдаем после смерта Петра I, это конец 20-х и начало 30-х годов — все аннинское царствование в особенности. Последующие годы до средины столетия являются временем максимального рас-

цвета «указных» монопольных предприятий и наибольшего ограничения прав крестьянства на торговлю и заведения промышленных предприятий. Начало 60-х годов является временем пересмотра этой старой политики в сторону решительного ослабления режима предыдущей поры.

Таким образом, конкретно-исторические условия в области развития русской крестьянской промышленности складывались так, что ее роль в этот период (до 60-х годов) не расширялась, а наоборот, всячески суживалась, насильственно урезывалась. Это зависело от общего хода исторического развития страны в XVII и первой половине XVIII века, которым крестьянство в России все больше и больше закрепощалось.

Маркс, давая характеристику формирования крепостнических отношений, усиления власти дворян в России со времени Бориса Годунова до конца царствования Петра, писал:

«...власть дворянства над крестьянами стала быстро усиливаться, и в дальнейшем крепостное состояние постепенно сделалось общим условием их быта. Однако оно оставалось незаконной узурпацией со стороны бояр до тех пор, пока Петр Великий в 1723 году не легализировал его. Крестьяне, не будучи освобождены от оков, привязывавших их к имениям, были теперь превращены так же в личную собственность дворянина-помещика...»[1].

Маркс, таким образом, обращает наше внимание на факт неодинакового положения крестьян при Борисе Годунове, при первых Романовых в начале XVII века с тем, чем они стали в первой четверти XVIII века при Петре I. Из этих положений Маркса следуют такие выводы:

1. В XVII веке, в первой половине в особенности, крепостное состояние крестьян не стало еще «общим условием их быта». Иначе говоря, определенные слои и категории крестьянства пользуются относительной свободой, выражающейся, между прочим, в свободе передвижения, в известной юридической свободе отношений и в выборе рода занятий.

---

[1] Маркс и Энгельс,— т. XI, ч. I, стр. 536—37.

2. Прикрепление крестьян к помещичьему имению в течение XVII века не вылилось пока что окончательно в такое условие, при котором крестьянин превращен в личную собственность дворянина — характер взаимоотношений определяется «незаконной узурпацией со стороны бояр».

3. Легализация, законодательное оформление процесса, длившегося на протяжении больше столетия, было закончено только в конце первой четверти XVIII века, когда превращение крестьян в личную собственность помещика в основном было завершено.

Завершением этого процесса и его законодательным оформлением решался вопрос о судьбе крестьянской промышленности, ее дальнейшем развитии и тем самым о промышленности, насаждавшейся с такой энергией Петром. Со времени Петра особо резко определяются рамки развития крестьянской промышленности. Безраздельно господствующий крепостник имеет все большую и большую тенденцию к тому, чтобы не делать различия в формах эксплоатации методами внеэкономического принуждения в собственно вотчинной мануфактуре и в растущей, несмотря ни на какие препятствия, крестьянской промышленности. Петр, создавая систему привилегированной указной мануфактуры, своим регламентом Мануфактур-коллегии поощрял не только стремление помещика поставить в полную зависимость от его желания и произвола крестьянскую промышленность, но поощрял и узаконивал соответствующие стремления со стороны указных фабрикантов из торгово-купеческой среды. Эти последние, сообразно своим интересам, могли или совершенно уничтожить имевшуюся все-таки крестьянскую промышленность и промышленность жителей посада, или полностью подчинить ее себе (путем скупки производимых товаров и т. п.). Но крестьянская промышленность в той или иной мере сохраняла за собою, хотя бы в очень урезанном и жалком виде, некоторую возможность существования.

Возможность некоторого развития крестьянской промышленности гарантировалась тем, что существо самой экономики крестьянского хозяйства не было противоречиво этому развитию, ибо «всякий шаг в развитии

товарного хозяйства неизбежно приводит к тому, что крестьянство выделяет из себя все новых и новых промышленников: этот процесс поднимает, так сказать, новую почву, подготовляет для последующего захвата капитализмом новые области» [1].

Седьмой пункт регламента, «о позволении каждому заводить» фабрики и мануфактуры, в широком его толковании никогда не был применяем, хотя за XVIII век мы встречаем неоднократные попытки со стороны богатых крестьян, выбившихся в торгово-купеческую среду, толковать его в таком широком смысле; представителей из крестьян и посадских людей в числе указных фабрикантов мы встречаем очень редко. Регламент делал свое дело.

Выдача привилегии на заведение мануфактуры не предполагала по регламенту «исключение других фабрик»; других фабрикантов, которые пожелают учредить фабрику, после выдачи привилегии на данный вид производства, «не надлежит выключать», указывает регламент, «чтоб их до того не допускать, ибо из ревности между заводчиками не токмо размножение может происходить, но и достоинства оных, и деланные товары будут продаваться посредственною ценою, и сим образом подданным е. в. не без пользы быть может» [2]. Однако за коллегией было оставлено право по ее усмотрению, в случае если другие мануфактуры давали плохую продукцию, а «первозаведенная» могла «удовольствовать» существовавшие потребности, запретить производство этим позже заведенным предприятиям.

При выдаче привилегий особое предпочтение и внимание Мануфактур-коллегию регламент обязывал уделять промышленным компаниям, «дабы не ослабевали, но в лучшее состояние произвождены были»; в случае ослабления компании, Мануфактур-коллегия должна была выяснить причины этого ослабления и если оно вызвалось нерадением компанейщиков, то надлежало «их принуждать к порядочному содержанию». Когда производство падало за «неимением достойной суммы»,

[1] Ленин,—т. III «Развитие капитализма», стр. 259—260.
[2] Полное собр. зак., № 4378, п. 8.

«таким коллегия имеет чинить капиталом вспоможения» с ведома и разрешения Сената [1].

Правительство при выдаче привилегии гарантировало ее «исполнение» и «обнадеживало» фабрикантов тем, «что у них и наследников их оные мануфактуры и фабрики в данные им годы отняты не будут, и с того их капиталу (вложенного в производство — Дм. Б.) никаких податей, ни десятой деньги (кроме настоящих поборов) иных накладов не будет, и ниже что малое в их потребностях какое повреждение учиниться, разве самая какая важная причина из них показана будет, или сами в состоянии оных содержать не будут» [2].

Регламент Мануфактур-коллегии окончательно утверждает систему общих сословных привилегий, покончив с практикой индивидуальных частных «пожалований» распространив их юридически на все промышленное («указное») сословие и определив их объем и условия выдачи.

Важнейшие из этих привилегий, предусмотренных регламентом, были следующие:

Разрешение всем фабрикантам покупать к своим мануфактурам крепостных крестьян с землею и без земли [3]. Это право регламент по существу только повторил, поскольку оно было дано еще знаменитым указом 18 февраля 1721 года. Надо полагать, что этот указ Петра был дан не без колебаний. Отдельные случаи, когда купечество владело крепостными крестьянами, деревнями, поместьями и даже вотчинами, имели место и до Петра. Но дворянское правительство всегда стояло на точке зрения необходимости максимального уменьшения подобных фактов — все они были исключениями. Когда же при Петре во весь рост встал вопрос об обеспечении рабочей силой фабрик и заводов, то пришлось пойти на допущение такого мероприятия в виде уже не исключения, а общего правила. Но это было сделано не тотчас после того, как была осознана необходимость в обеспечении мануфактур рабочей силой.

---

[1] Там же, п. 9.
[2] Там же, п. 16.
[3] Регламент, § 17.

До издания указа 1721 года правительство Петра пыталось разрешить вопрос о рабочей силе путем ссылки на работу «гулящих» баб и девок с правом содержать их на работе под караулом без указания срока, а в случае надобности «по смерть». За год до появления закона о покупке деревень Сенатом был дан указ, запрещавший заводчикам держать на мануфактурах работников без записей. Очевидно «гулящие» и «бродяги» имелись в количестве, совершенно недостаточном или, что вернее, не всегда были выгодны владельцам мануфактур и последние прибегали в массовом масштабе к найму беглых, вследствие чего и появился сам указ о запрещении держать рабочих без «записей». В ответ на это запрещение последовали челобитные фабрикантов с жалобами на то, что вследствие этих требований правительства мануфактурам может «учинится остановка и заводы все запустеют»[1]. Правительство попыталось снять это запрещение для отдельных отраслей промышленности (например, для винокуренной), но очень скоро столкнулось с массовыми претензиями на эту тему, и пришло к выводу, что половинчатыми мероприятиями нельзя разрешить вопрос о рабочей силе для мануфактур.

Так появился указ, отменявший запрещение покупать деревни купечеству.

Статья 17-я регламента «о позволении купли деревень» и указ 1721 года почти в одних выражениях толкуют снятие этого запрещения: «...хотя по прежним указам, е. в. купецким людям деревень покупать было и запрещено, и тогда-то запрещение было для того, что они кроме купечества к пользе государственной других никаких заводов не имели, а ныне как всем видно, что многие люди компаниями и особенно возымели к приращению государственной пользы заводить вновь разные мануфактуры и фабрики, из которых многие уже в действо произошли, того ради позволяется для размножения таких заводов, как шляхетству, так и купечеству к тем заводам деревни покупать невозбранно с позволения Мануфактур-коллегии, токмо под такою

[1] Полное собр. зак., 3507.

кондициею, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотложно, и для того как шляхеству, так и купечеству, тех деревень, особо без заводов, отнюдь никому не продавать и не закладывать, и никакими вымыслы ни за кем не укреплять, и на выкуп таких деревень никому не отдавать...» [1]. Продажа могла производиться только в исключительных случаях и с ведома Мануфактур-коллегии.

Крепостники в условиях развивающейся абсолютной монархии, на базе расширения феодальной эксплоатации давали возможность представителям торгового капитала, вложившим свои средства в промышленность, получить известную часть прибавочного продукта из общей суммы «доходов» крепостников. Этот вид «прибыли» был основан также на внеэкономическом принуждении. Различие состояло только в том, что промышленник получал за известную сумму, которую он уплачивал при покупке крестьян, право на выколачивание прибавочного продукта методами внеэкономического принуждения при соблюдении определенного условия — феодальное право эксплоатации крестьянина он мог осуществить только в области мануфактуры при условии известной затраты собственных средств. Кроме того, это условное право владения крепостными было, как мы видели, оговорено целым рядом других обязательных положений для каждого фабриканта из купеческой среды. Исключительное право представителей крупного торгового капитала и шляхетства, вкладывавших свои средства в промышленность и приобретавших монополию на эксплоатацию дарового труда крепостных крестьян на фабриках и заводах, усиливало экономические позиции этих социальных групп петровского общества.

Мелкие промышленники юридически не были лишены этого права (по мере возможности некоторые из них его использовали), но они не могли покупать целых деревень и безнаказанно эксплоатировать крестьян на мануфактуре и главным образом вне ее, как это делали их более сильные собратья. В этом вопросе пет-

[1] Полное собр. зак., № 4378, п. 17.

ровская политика поощрения крупной (по масштабам производства, а не по типу ее) промышленности нашла самое решительное выражение.

Регламент, разрешая покупку деревень для фабрик и заводов, решительно оберегал интересы дворянства от тех представителей промышленников, которые под видом мануфактур пытались получить права на крепостных; таких «вымышленников» приказывалось коллегии «смотреть накрепко» и, если таковые явятся, — «штрафовать отнятием той купленной деревни и сверх того штрафом». Право приобретения крестьян купцами-фабрикантами по регламенту было, таким образом, необходимым условием развития промышленности в интересах крепостнического государства, а не абсолютной привилегией, данной купечеству. Это право условного приобретения не было, впрочем, дано какому-либо одному сословию, им мог воспользоваться по букве закона каждый.

Окончательно регламентом закреплялось положение, по которому фабриканты, открывавшие заводы, освобождались от государственных «служб» вместе с детьми, братьями, приказчиками, мастерами и учениками, живущими с ними в одном доме. Все они должны были ведаться судом и расправой только в Мануфактур-коллегии, «кроме государственных и криминальных дел».

Организация особого сословного «скорого» суда с словесным судоговорением была одной из очень крупных привилегий.

На всех «товарищей» участников предприятия организатор мануфактуры, получавший привилегию, должен был «подавать роспись» в Мануфактур-коллегию, которая определяла в каждом отдельном случае их число и доносило об этом в Сенат. Свободными от служб могли быть те участники предприятия, «которые от начала завода в полтора года в товарищество вступят»; вступавшие позднее установленного срока, привилегиями не пользовались и могли получить их только в исключительных случаях по указу самого царя.

Фабриканты, «обретающиеся» «при мануфактурах и фабриках» «под прикрытием», «для вида», должны были по решению коллегии лишаться данных им привилегий

и передаваться в магистратское ведомство. Это правило распространялось также и на тех, которые «издавна старых мануфактур фабрики завели» и у которых оные «в совершенном действе» «происходят» [1].

Все владельцы мануфактур, промышленная продукция которых мало интересовала правительство, по прямому смыслу закона должны были исключаться из числа «указных», привилегированных фабрикантов. Лишение их привилегий и уравнение в отбывании гражданских служб и несение податей с прочими гражданами из купечества с изъятием из ведомства Мануфактур-коллегии и передачей в ведомство магистрата, очень непонятно: убивался стимул к «произведению» и умножению мануфактур, коль скоро одна из очень важных привилегий носила характер временный. В практической деятельности Мануфактур-коллегии нам не удалось встретить случаев передачи таких фабрикантов в магистратское ведомство по вышеприведенному мотиву. Жизнь показала нецелесообразность такого мероприятия.

Отчетливо представляя трудности организации новых фабрик и заводов, Петр регламентом освобождает фабрикантов на несколько лет от пошлин за покупку заграничного оборудования, сырья, от пошлин за продажу изготовленных товаров на данной фабрике [2].

Весь вложенный и наличный капитал промышленников не подвергается обложению никакими государственными налогами, «ни десятой деньги» [3].

Эта привилегия не была автоматически и одновременно распространена регламентом на всех и каждого, заводившего новую мануфактуру: освобождение от пошлин должно было производиться специальным решением коллегии в каждом отдельном случае «по силе дела» и «состоянию» заведенного предприятия. Освобождение должно было выдаваться на различные сроки по усмотрению коллегии. Несомненные потери в поступлениях государственной казны заставляли правительство быть осторожным с выдачей такого сорта льгот.

---

[1] Полное собр. зак., 4378, п. 13.
[2] Полное собр. зак., № 4378, п. 11.
[3] Полное собр. зак., 4378, п. 16.

Регламент предусматривал заведение мануфактур и фабрик за счет государственных средств с последующей передачей их «партикулярным людям». Коллегия должна была иметь о том «прилежное старание» [1]. Это общее положение о «размножении» промышленности силами государства не было гарантировано в регламенте никакими реальными ассигнованиями с указанием на определенный источник поступлений. Кроме того, регламент установил широкое авансирование кредитами владельцев привилегий и в особенности «компанейщиков», правда, опять без определенных указаний на конкретный источник этого кредитования и без особой ясности в этом вопросе [2].

Наконец, регламент устанавливает группу привилегий, которые были связаны с организацией самостоятельного органа управления промышленностью и его функциями, направленными к «произведению и умножению мануфактур и фабрик»: обеспечение сырьем, иностранным оборудованием, оформление найма рабочей силы, подготовка квалифицированной рабочей силы, установление особого сословного суда со «скорым» и «словесным» быстрым решением коллегией «споров» между мастерами и работными людьми на мануфактурах [3].

Таковы средства, которыми Петр намеревался форсировать развитие промышленности в России.

***

Регламентом на коллегию возлагались широкие задачи по надзору за выполнением установленных положений и мелочной опеки над промышленниками и промышленностью. Если буквально понимать некоторые пункты регламента, то она должна была выполнять функции ведомства снабжения материалами фабрик и заводов, организовывать испытания на пригодность того

[1] Там же, п. 15.
[2] Там же, п. 14, 9.
[3] Там же, п. 26.

или иного сырья для массового производства [1]. Фабриканты обязаны были представлять в коллегию образцы изготовленных ими товаров по заранее указанным нормам, «дабы могла коллегия видеть, как в доброте оные производятся» [2], коллегия имела права вмешиваться в вопросы, связанные с постановкой технологического процесса производства, в вопросы капиталовложений [3], найма рабочей силы и заработной платы рабочим [4], в вопросы, связанные с подготовкой на мануфактурах квалифицированных учеников и мастеров [5], она же ведала их переброской с одного предприятия на другое и проч. Это последнее право было присвоено коллегии в связи с тем, что на нее возлагались обязанности верховного учреждения по промышленным кадрам страны и даже функции высшей аттестационной комиссии с правом технических экзаменов и выдачей дипломов [6].

На коллегию были возложены все обязанности по сношению с иностранными промышленниками и мастерами для привлечения их в Россию.

При этом Мануфактур-коллегия в регламенте получила общие и конкретные условия, на которых приглашались иноземцы для развития иностранных «художеств»:

1) Свободный въезд в Россию и свободный выезд со всем принадлежащим имуществом.

2) Право беспошлинной торговли товарами, изготовленными на заведенных ими фабриках, на внутреннем рынке России.

3) Беспошлинный ввоз иностранного оборудования для организуемых предприятий. Свободная покупка оборудования и сырья в России.

4) Обеспечение квартирами.

---

[1] Материалы для употребления в производство надлежало «освидетельствовать с фабрикантами, где оные употребляют и с оными, искусными людьми, и которые годны могут быть, те производить в дело».

[2] Полное собр. зак., 4378, № 20, п. 19.

[3] Полное собр. зак., 4378, п. 22.

[4] Полное собр. зак., 4378, п. 12.

[5] Полное собр. зак., 4378, п. 10.

[6] Полное собр. зак., 4378, п. 25.

5) Освобождение от поборов, служб, постоев. Покровительство Мануфактур-коллегии.

6) Предоставление денежных ссуд, кредитов и т. д. [1].

По всем этим вопросам коллегия получила право самостоятельных переговоров с иностранцами и право заключения контрактов. Практически привлекались иностранцы, приезжавшие в Россию, договоры с которыми заключались Мануфактур-коллегией. Иногда договоры с иностранными мастерами заключались через русских резидентов и представителей, а также через специально посылаемых для этой цели людей за границу.

Таким образом, сфера деятельности Мануфактур-коллегии по петровскому регламенту была чрезвычайно обширна, полномочия ее достаточно широки.

***

Попытка пересмотреть петровский регламент Мануфактур-коллегии в течение XVIII века была предпринята только один раз в связи с планами правительства Елизаветы организовать работу кодификационной комиссии. Вскоре после указа 11 марта 1754 года вице-президенту Мануфактур-коллегии было предложено «по Мануфактур-коллегии касающимся делам в применении для различия времен обстоятельств» дополнить и изменить регламент коллегии 1723 года. Вице-президент Мануфактур-коллегии Кондрат Геннингер, будучи человеком очень болезненным и пожилым, после некоторого сопротивления, тем не менее, за работу по исправлению регламента взялся. Над составлением поправок он начал работать тотчас по получении указаний общего порядка, которые сводились к таким положениям:

1) Учесть «разность времен и перемен других обстоятельств» и сообразно этому внести изменения [2].

2) Объединить пункты по вопросам «кои до одной материи принадлежат», но по «разным местам рассеяны», вследствие «сочинения» их в разное время. Иначе

---

[1] Полное собр. зак., № 4378, п. 23.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 317, д. № 11858, лл. 11—12.

говоря, устранить противоречия регламента с законами, изданными после 1723 года.

Указания, как видим, носили несколько общий и не конкретный характер.

К порученной ему задаче Геннингер отнесся вначале очень серьезно и приступил немедленно к собиранию необходимых ему сведений для обоснования составляемого им проекта. По его просьбе Мануфактур-коллегия поручила собрать данные о привозе в Россию иностранных товаров за последние несколько лет, сделаны были специально в связи с этим запросы о «размножении суконных фабрик и шелковой промышленности за различные годы [1].

Значительная работа Геннингера была проведена впустую; его проекты не были осуществлены и остались вместе со множеством других проектов, представленных в комиссию по составлению нового Уложения, в архиве этой комиссии.

К его проекту неоднократно возвращались в различных случаях после его смерти (он умер в 1762 году) вплоть до 1767 года. Но проект за эти 12½—13 лет не был даже рассмотрен более или менее серьезно ни на одном из заседаний Мануфактур-коллегии; за все это время действовал официально регламент 1723 года. Поскольку необходимость в пересмотре регламента, очевидно, назрела уже в половине 50-х годов XVIII века, чрезвычайно любопытно будет проследить общую линию поправок и изменений в том виде, как она намечалась лицом, на протяжении многих лет, близко стоявшим к управлению промышленностью и принимавшим непосредственное участие в руководстве ею. Геннингер вносил свои поправки последовательно по пунктам, как они были расположены в регламенте, составленном при Новосильцове. В каждом случае он давал объяснения причин, почему, по его мнению, необходимо было внести те или иные поправки. Проследим эти изменения в той системе, как они даны у автора, опуская самые незначительные из них.

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 317, д. № 11853, лл. 11—18—19.

Поправки начинаются только с четвертого пункта регламента, в котором говорится о «должности» президента, вице-президента и членов коллегии. Геннингер предлагал заменить старую обязательную практику обследования предприятий по два-три раза в год обследованием по силе возможности и по усмотрению самого президента, так как за тридцать лет число предприятий сильно «умножилось». Таким образом, не предлагалось полностью отказаться от правительственного надзора, а только хотели придать ему иную обязательность. При этом Геннингер предлагал о предстоящих обследованиях не доводить предварительно до сведения фабрикантов, как это часто делалось, а производить неожиданные ревизии,—«нечаянно приезжать... дабы тем лутче усмотреть можно было, как производится ежедневно работа и в каком состоянии и порядке фабрика обыкновенно бывает, а не так как будто бы оная токмо на показ и для вида учреждена была, когда фабрикант по объявленному осмотру еще прежде все приуготовления сделает...» [1].

Взгляды на пути промышленного развития и на роль государства, вмешивающегося в повседневную жизнь мануфактуры, как видим, совершенно не изменились за это время: за правительством остается неограниченное право контроля и ревизии в целях наведения желательного порядка и улучшения работы на фабрике.

Геннингер был неудовлетворен той властью, которая была предоставлена Мануфактур-коллегии по отношению к другим центральным учреждениям и формулирована пятым пунктом регламента, запрещавшим другим коллегиям вмешиваться в ее дела. Желая придать этому положению действенный и реальный характер, он предлагал усилить его: «Ежели коллегия, канцелярия, приказ, господин сенатор или воевода, в противность сего учреждения, вмешается в дела, касающиеся до Мануфактур-коллегии, через что мануфактура пресечена будет и фабрикантам много убытку, препятствия и трата времени причинится, то такая коллегия, канцелярия и проч.

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 317, д. 11853, л. 63.

не токмо фабриканту через то учиненный убыток заплатить должна, но еще сверх сего надлежит наложить на оную штраф (... р.) и притом без всякого упущения, ибо они ведая и с умыслу против сего узаконения поступали»[1].

Здесь важно отметить не столько требование реальной гарантии невмешательства, сколько продолжающуюся и усиливающуюся тенденцию покровительства мануфактуристам из дворян и организованному в особое сословие купечеству, занимающемуся промышленностью. Так как количество дворян, владевших фабриками в этот период было относительно невелико, то, очевидно, роль купечества, вложившего средства в промышленность, все больше и больше возрастала, одновременно возрастал и характер требований к правительству с его стороны.

Шестой пункт регламента, в котором говорилось, что Мануфактур-коллегия должна стараться заводить новые и «любопытные» мануфактуры путем дачи вольностей и привилегий фабрикантам, Геннингер предлагал совсем опустить, поскольку он «в других пунктах явствует». Но здесь же он дает любопытную трактовку этого параграфа: «...но ежели сей пункт так толковать, что Коллегия сама такие фабрики государственным иждивением заводить должна, то о сей материи в следующем пункте упомянуто будет, хотя государству более пользы и прибыли, когда все к мануфактуре нужные материалы в государстве найдены будут, ибо тогда уже не должно было платить денег чужестранным, но понеже не все земли все потребные вещи производят, то и тогда не малая есть польза, хотя материал и из чужестранных земель выписывать, но ежели за работу платежем коростыватца можем, понеже тогда деньги, которые бы чужестранным за дорогую их работу платить надлежало, останутся в государстве, так как сие из других государств, в которых также материалов не находится и с великою пользою происходит; таможе, наконец, в сем пункте явствует, что фабрикантов долж-

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 317, д. 11853, л. 64.

но снабжать надлежащими привилегиями, то о том уже из других пунктов упомянуто»[1].

Эти теоретические рассуждения о промышленной политике России середины XVIII века практика-экономиста имеют самостоятельный интерес для изучения степени проникновения к нам с Запада экономических систем и учений того времени.

Позволение всем и каждому заводить мануфактуры и фабрики в России Геннингер считал необходимым расширить и уточнить: «Понеже заведение всякого рода фабрик и мануфактур не токмо к государственной пользе вообще служит, но и тому, которой такие фабрики заводит и продолжает, кроме привилегий, много прибыли приносит, то не должно пренебрегать сего полезного предприятия, но каждому какова бы чину и нации был позволяется заводить фабрику в государстве на таком месте, которое для него наиспособнейшее покажетца, выключая такие фабрики, кои великое множество дерева требуют и сего ради не везде без различия заведены быть могут, дабы оные через то не учинили великого вреда и убытка в сей провинции»[2].

Нового в этой формуле, собственно говоря, нет ничего: разрешение заводить всем фабрики, в том числе и иностранцам, фактически всегда имело место до Геннингера, последний настаивает только на законодательном оформлении существовавшей практики. Обращаем внимание, что Геннингер понимает привилегии, даваемые фабрикантам, как условие, сопутствующее размножению фабрик, которое владельцам «много прибыли приносит»[3].

При даче привилегии Геннингер считал необходимым смотреть «более на общую пользу, нежели на приватный интерес одного фабриканта». Это последнее рассуждение относится у него к выдаче привилегий на монопольное производство того или иного товара: «ежели один имеет позволение делать и продавать ка-

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 317, д. 11853, л. 65.

[2] Там же, л. 65.

[3] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануф.-кол., св. 317, д. 11853, л. 65.

кой товар, на оный выше цену наложить может, нежели когда бы еще многие фабрики того же рода учреждены были... Так называемые монополии или привилегии с исключением других, обществу весьма вредительны...» [1].

Поэтому автор нового проекта регламента предлагал не давать таких привилегий, при которых другие бы «вечно выключены были» и только в исключительных случаях считал возможной выдачу разрешения на монопольное производство на срок не более 10 лет, при условии, что в стране такой фабрики еще нет и на учреждение которой требуется «не малой капитал». По истечении определенного количества лет, за которые фабрика, открытая с такой привилегией, «в совершенное состояние придет» и будет выпускать «хорошие» товары и «оными все государство должным образом снабжать» сможет, а «учреждение многих подобных фабрик более за вредительное нежели полезное усмотрено будет», то при этих условиях возможно продление срока привилегии. Но «Мануфактур-коллегия должна прилежно смотреть когда кому привилегия дана будет, одному какой товар делать и продавать, чтоб не было вредимо обществу, ежели он на товары свои наложит пуще цену, но чтоб оная расположена была по состоянию и справедливости» [2].

Сокращение привилегий фабрикантов намечалось и в отношении организации ими промышленных компаний: «Кто фабрику заводит или уже завел, должен иметь дозволение, когда он к лучшему успеху фабрики запотребно рассудит, 2-х или более компанейщиков принять, и оным надлежит иметь те же привилегии, кои той фабрике даны; но Мануфактур-коллегия должна прилежно смотреть, чтоб к такой фабрике, которая малым капиталом заведена и продолжаема быть может, не принимать 2-х, 3-х или более компанейщиков, которые оной фабрике не нужны, но стараетца токмо под сим именем и видом суммою некоторые получить себе привилегии, и дабы тем лутче отвратить сие принебрежение привилегии, то компанейщики, коим особливые

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануф.-кол., св. 317, д. 11853, л. 65.
[2] Там же, л. 66.

привилегии иметь надлежит, всегда прежде правительствующему Сенату представлены, и им по рассмотрению опробованы быть должны»[1].

По сравнению с петровским законодательством число компанейщиков, таким образом, строго лимитировалось, но вместе с тем проект Геннингера не предполагал ограничений во времени вступления в компанию, тогда как регламент 1723 года предусматривал, что компанейщики могут стать членами компании не позднее, чем через полтора года по заведению фабрики. Вступивший в компанию по истечении этого срока привилегиями организатора предприятия не пользовался. Во всем остальном взгляды петровского времени на организацию торгово-промышленных компаний, как видно, не были пересмотрены.

Отмена внутренних таможенных пошлин к моменту составления нового проекта регламента делала излишним предоставление льгот в области внутренней торговли. Привилегии на ввоз иностранного оборудования были сохранены: «...тому, который новую и государству полезную мануфактуру завести пожелает, и в которой чужестранные материалы ему потребны, по препорции пользы, которую такая новая фабрика государству принести может и в рассуждении на то потребного капитала, портовая пошлина с тех материалов, кои мануфактуре ево необходимы, на несколько лет или совсем или отчасти уступлена (отпущена) была, так сие чинится при заведении новых фабрик и в других землях и мало казне убыток, которой токмо несколько лет продолжатся, но должно сравнивать с будущею и всегда продолжающеюся прибылью, которая государству от полезной мануфактуры прирастет, что и в Англии усмотрено, что для поощрения и приумножения льняных мануфактур в Ирландии оным не токмо вся портовая пошлина уступается, но сверх того, за каждую штуку, которую она за море посылает, деньги дают, таким же образом и во Франции...»[2].

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,—Фонд Мануфактур-коллегии, св. 317, д.11853, л. 67.

[2] Там же, л. 68.

Геннингер в своем проекте настаивал на расширении круга лиц, пользовавшихся при заведении фабрик освобождением от государственных повинностей и служб:

«Разность времени и государственной пользы требует, чтоб перемена или какое прибавление в сем пункте сделано было, ибо когда указ сей был выдан, и когда еще немного было разных фабрик, то кажется, что намерение... и паче к тому клонилось, чтоб все роды мануфактур в государстве учреждены были, ободрения к тому людей обещаны были особливые выгоды и привилегии тем, которые всех прежде новой род фабрики учредят, с выключением тех, которые после такие ж фабрики заведут. Может быть думали, что ежели каждого рода фабрик хотяб она учреждена будет, то оные уже после сами собою умножатся, и что может быть одна прибыль, которую фабриканты от деланных своих товаров получать будут, еще много и в других к учреждению таких же фабрик побудит, хотя они увольнением от служеб пользоваться не будут...»[1]. Геннингер утверждает, что расчеты эти не оправдались и время после Петра подтвердило несостоятельность такой политики в области поощрения промышленности. Стремления государства производить «самонужнейшие» товары внутри страны и не быть зависимым от других государств с тем, чтобы сохранить «великие суммы» денег иностранцам, оказались нереализованными.

За истекшие 30 лет суконные мануфактуры еще «не столь умножились», чтоб «обмундировать» сукном всю русскую армию и удовлетворять потребность растущего внутреннего рынка. То же следует сказать и о шелковых мануфактурах, «чего ради ежегодно великие суммы за иностранные шелковые парчи платить должно».

Полотняная промышленность давала столько, что парусной каламенкою, фламкою и ревендуком не только обеспечивала в достаточной мере внутренние потребности, но создавалась возможность благодаря ее работе ежегодно вывозить большие партии за границу. Однако и в работе этой отрасли промышленности чувствовался «великий недостаток», — очень мало производи-

[1] УЦГАЛ, АНХ,—Ф. Мануф.-кол., св. 317, д. 11853, лл. 69—70.

лось высококачественного тонкого полотна; несмотря на обилие сырья — его приходилось привозить из-за границы.

Одной из важных причин, обусловившей такое состояние мануфактурной промышленности, Геннингер считал недостаточное поощрение и покровительство фабрикантам вообще и, между прочим, в вопросе освобождения их от служб. Отвергая старую систему выдачи привилегий на освобождение от служб, он предлагал давать это освобождение не только тому, кто прежде других «новой род фабрики выдумает и учредит», но и всем тем, которые такую же фабрику завести пожелают, хотя бы она была и не «новая», «но такая, которая государству весьма полезна и которых еще немного учреждено» [1]. Предвидя возражение своих противников, что при такой системе поощрения слишком много будет освобожденных от служб, а остальные (купечество) будут «чрезвычайно отягощены», — Геннингер отвечает, что такое «прекословие не столь важно», чтобы с ним можно было считаться ввиду той пользы, которая последует государству от роста и размножения фабрик.

Таким образом, к 50-м годам XVIII века все еще считали необходимым расширять в определенном направлении круг сословно-классовых привилегий, которыми пользовались так называемые «указные» фабриканты.

Полагая, что привилегии на заведение новых фабрик и заводов должны даваться Мануфактур-коллегией «с рассмотрением и с осторожностью», вместе с тем Геннингер настаивал на том, чтобы данные привилегии, «каковы бы оные ни были, ненарушимо содержаны» быть должны.

По вопросу разрешения фабрикантам покупать к мануфактурам деревни и крепостных вице-президент Геннингер стоял на крепостнической точке зрения: «Понеже манифактуры и фабрики в рассуждении своего пространства много работников требуют, только вольных людей сыскать или потребное число работников без

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 317, д. 11853, л. 70.

земли трудно, то запотребно, рассуждаю, для умножения и приращения манифактур позволить гражданам, кои фабрики уже завели или ещѐ завести пожелают, по препорции к тому потребного числа работников, купить деревню. Но как (понеже) сия такая есть привилегия, в которой протчие граждане ни малого участия не имеют, и токмо фабрикантам особливо дана с тем намерением, дабы они фабрики свои тем наилутче продолжать и умножать могли, то по силе сего пункта справедливо, чтоб такая гражданином купленая деревня всегда была при фабрике, и что ежели кто сию привилегию презрит и оную преступит, то будет наказан так, как о сем гласит в сих двух пунктах...» [1]

Геннингер возражает против статей петровского регламента, предусматривавшего наказания за нарушения «сей кондиции» для дворян. «Сие совсем противно намерению», писал он, так как каждый дворянин в силу своих прав может купить и продать деревню тогда, когда он это пожелает сделать, а такое общее условие, распространявшееся и на промышленников не из дворян и на промышленников из дворян, могло последним «воспретить завести фабрику в своей деревне, ибо он через то прежнюю свою привилегию потеряет и не в состоянии уже будет так как прежде деревню продать или заложить, что как ему, так и впредь потомкам ево, к великому препятствию служить может» [2].

Для дворянства право покупки деревень, конечно, не являлось привилегией, поскольку они всегда имели такое право, но юридическая возможность быть лишенным своих привилегий на владение крепостными, в случае отказа от дальнейшего содержания фабрики помещиком, действительно имела место в формулировке старого регламента Мануфактур-коллегии. Геннингер был в этом отношении прав, хотя на практике таких инцидентов с дворянами в деятельности Мануфактур-коллегии мы не встретили ни разу, и сами помещики никогда не указывали на юридическую возможность,

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 317, д. 11853, л. 72.

[2] Там же, л. 73.

вытекавшую из такой формулировки соответствующих пунктов регламента 1723 года.

Рост и укрепление дворянского законодательства, обусловленного укреплением мощи и силы дворянства за время после Петра, и стремление все больше и больше расширить, закрепить и уточнить размер прав и преимуществ этого класса во всех областях общественной, политической и экономической жизни страны и заставляют Геннингера говорить о том, что эта неудачная законодательная формулировка может каждого дворянина удержать «для сей притчины от заведения фабрики в своей деревне...» [1]

Установленную указом 1752 года норму покупки крестьян к фабрикам и заводам Геннингер предлагал оставить и в новом регламенте Мануфактур-коллегии.

О заведении фабрик на счет государственной казны, с последующей передачей их частным лицам, Геннингер держался особого мнения:

«Когда запотребно усмотрено будет, чтоб такая новая фабрика заведена была, то кажется лутче бы было, чтоб сперва смотреть не найдется ли приватные персоны, которые такую фабрику завести пожелают, нежели как оную так скоро государевым иждивением, заводить, ибо известно, что сие всегда с убытком делается и, наконец, оные приватным же персонам отдавать будет должно, того ради о заведении такой фабрики можно сперва и в государстве публиковать и ежели не найдутся, тогда к тому охотники, что можно о том особливое уведомление в чужестранные ведомости вписать. Может быть и иностранной какой к тому охотен явитца. Когда ж никто ни в государстве, ни вне оного к заведению такой фабрики не явитца, то тогда уж можно такую фабрику, ежели она очень полезна, государевым иждивением завести и на оную потребные деньги по указу 1723 года из приходов гербовой бумаги взять...» [2]

При всем этом Мануфактур-коллегия должна особо смотреть, чтоб вновь заведенная и передаваемая фабри-

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 317, д. 11853, л. 73.

[2] Там же, лл. 70—71.

ка была отдана таким людям, которые бы «к доброму содержанию и продолжению оной искуство и имения довольно имели».

При передаче фабрики частным лицам надлежало отдать им имеющихся мастеров и рабочих, все инструменты и сырье, находящееся в запасе, по той цене, как оно закупалось.

Насильственное принуждение к заведению мануфактур и расширению торговли Геннингер считал «препятственным и вредительным». Он стоял за полную свободу в вопросах определения размеров капиталовложений, размеров производства и даже характера производимой продукции. На этом основании он предлагал исключить из нового регламента статьи, по которым «казалося, будто бы в России фабриканты понуждаемы бывали...» [1]

Наконец, по вопросу о привилегиях иностранцам при организации ими мануфактур в России на особо льготных условиях, Геннингер считал неудобным делать публикации в иностранных государствах, «ибо оная великие беспокойства между обоими дворами произвести может, понеже ни в каком государстве или земле не позволят, чтоб чужестранный монарх во оной публично объявлял манифест» [2].

Из многочисленных обещаний иностранцам, пожелавшим заводить в России мануфактуры, он предлагал исключить, при публикациях в газетах, предоставление квартиры по причинам «беспокойства» и «затруднений» для коллегии. Все остальные привилегии должны были остаться.

Таков объем и характер изменений к петровскому регламенту, предлагавшихся спустя тридцать лет, после испытания его практикой жизни и деятельностью учреждения, одним из видных практических деятелей XVIII века в области промышленной политики. Предложения Геннингера не были осуществлены по той простой причине, что работы кодификационной комиссии при Елизавете не были доведены до конца. Что касается дея-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануф.-кол., св. 317, д. 11853, л. 73.
[2] Там же, л. 74.

тельности Мануфактур-коллегии, то она, в эти и последующие годы, изменялась и протекала именно так, как это отображено в предложениях Геннингера. Геннингер в своих теоретических рассуждениях и предложениях о необходимых изменениях в регламенте 1723 г., обобщал существовавшую практику учреждения, с учетом назревающих изменений в промышленной политике.

ГЛАВА III

МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИЯ В ПЕРИОД С 1725 ГОДА ПО 1779 ГОД

Преобразовательная деятельность Петра и приобщение России к числу европейских цивилизованных государств «варварскими» методами все это было куплено ценою разорения народа: крестьянства и городской бедноты. Грандиозные затраты на ведение шведской войны истощали средства страны и подрывали финансовое хозяйство. Громадные людские потери в двадцатилетних войнах, непрерывные мобилизации вырывали из производства лучшую часть крестьянства — основного производителя страны. Все это не могло не привести к падению производительных сил страны, к ее разорению. 1725 год был неурожайным годом, повлекшим за собой еще большее разорение крестьянства и голод.

Создавшееся положение, после смерти Петра, способствовало усилению тревоги за политическое спокойствие в стране, время было чрезвычайно тяжелое и напряженное: возможность крестьянских, народных волнений была очень вероятным делом. Правительство Екатерины I не чувствовало себя достаточно устойчивым и прочным [1].

[1] Милюков,— «Государств. хоз. России в 1-й четверти XVIII века». См. Соловьев, кн. IV, т. XIX, гл. I и II.

Укрепление Петром I государства дворян и купцов за счет жизненных интересов «крепостного крестьянства с которого драли три шкуры»[1] привело к возможной угрозе социальных потрясений.

Вероятно в этой связи и нужно, главным образом, рассматривать создание при Екатерине I Верховного тайного совета. Коллегиальная диктатура «верховников», при глухом брожении в стране, казалась наиболее реальной гарантией спокойствия. Учредительный указ 8-го февраля 1726 года прямо, хотя и недостаточно ясно указывает на это обстоятельство: Сенат, как слишком многочисленная корпорация господствующего класса «за многолюдством» не может «чинить резолюции» «на государственные внутренние дела». «Того для за благо мы рассудили и повелели с нынешнего времени при дворе нашем, как для внешних, так и для внутренних государственных важных дел, учредить Верховный тайный совет...»[2] При организации Верховного тайного совета играли роль также интересы родовитой аристократии и крупных землевладельцев-дворян во главе с Михаилом Михайловичем Голицыным, которые использовали в качестве знамени династические претензии Петра Алексеевича. Как известно, в состав Верховного совета вошли ближайшие соратники Петра I, «которые все еще при е. и. в.... в важнейших государственных делах употреблены были...», между которыми к этому времени назрели существенные разногласия. Боязнь крестьянского народного движения, вот что является центральным вопросом деятельности этого высшего государственного учреждения. Это и заставляло временно забывать разногласия и находить общий язык для решения основных вопросов внутренней политики. Угроза волнений была настолько очевидна, что уже через полмесяца после смерти Петра I правительство поспешило сложить 4 коп. из подушного сбора[3]; в указе Сената от 31 марта 1725 года прямо записано: «неизвестно, не чи-

---

[1] Сталин,— «Беседа с Эмилем Людвигом», «Большевик», 1932 г., № 8.

[2] Полное собр. зак., № 4830 и Соловьев, т. 19, стр. 879.

[3] Полное собр. зак., № 4650.

нится ли от сбиравших подати комиссаров и офицеров уездным людям каких обид и излишних сборов»[1]. Сенат предупреждает местную администрацию о том, чтобы обиды крестьянам не чинились и лишнего чтоб с них не брали.

Осенью 1726 года крестьянский вопрос снова был поднят в Верховном тайном совете в связи с общим финансовым положением страны. Верховному тайному совету было предложено разрешить такие задачи: 1) как облегчить положение крестьян в сборе подушных денег; 2) где найти сумму денег, снимаемую с крестьян и необходимую для содержания армии; 3) как разрешить вопрос о штате государственных учреждений, 4) как исправить финансовое положение страны; 5) как улучшить юстицию; 6) каким образом расширить торговлю.

Практическая сторона «мнения», поданного по этим вопросам Меньшиковым, Остерманом, Макаровым и Волковым, сводилась к таким предложениям:

1. Для скорейшего облегчения крестьян в платеже подушной подати на 1727 год дать отсрочку до сентября и провести ряд других мер, облегчавших крестьянам уплату этой подати, например, подушный оклад предлагалось разрешить уплачивать наполовину деньгами, наполовину провиантом или фуражом.

2. Предложено было отменить меры, стесняющие развитие крестьянской промышленности. Собственно речь шла «...о холстах российских, которыми прежде у города большой торг был, много тысяч крестьян кормилось и немалая пошлина в казну собиралась; а когда указ состоялся, чтоб не ткать больше узких холстов, но ткать холсты на широкие берда, то крестьянству прибыла немалая тягость и в казну убыток, потому что крестьянину широкого стану сделать нечем и широкие берда купить не сможет, а у иных крестьян и в избах столько места нет, где такой широкий стан поставить; да и широкие холсты за море мало потребны, больше узкие требуются; разорились от этого крестьяне северные, у которых хлеба мало родится».

[1] Полное собр. зак., № 4687.

Экономию средств авторы «мнения» предлагали провести путем сокращения штатов государственных учреждений и полной ликвидации некоторых из них. Авторы «мнения» предлагали: «лишних управителей и канцелярии, и конторы, земских комиссаров, вальдмейстеров и прочих тому подобных вовсе отставить, равно как и Мануфактур-коллегию». Вместо Мануфактур коллегии предлагалось «определить из больших фабрикантов без жалованья, которые хотя на один месяц зимою для совета в Москву будут съезжаться, и без приговоров и протоколов коллежских все неважные определения делать, а о важных доносить»[1]. Верховный тайный совет вообще высказался достаточно резко за сокращение штатов всех коллегий. При Петре в состав коллегий входил 1 президент, 1 вице-президент, 4 советника, 4 асессора, т. е. всего десять человек, кроме канцелярского и административно-технического персонала этих учреждений: канцеляристов, подканцеляристов, копиистов, протоколистов, архивариусов и т. п. Совет уменьшил присутствие коллегий до 6 человек.

По поводу состава коллегии члены Верховного совета рассуждали, что «в таком множественном числе, в правлении лучшего успеху быть не может, ибо оные все в слушании дел за едино ухо почитаются и не токмо, чтоб лучший способ был, но от многого разногласия в делах остановка и продолжения, а в жалованье напрасный убыток происходит»[2].

Шаги верховников против административных реформ Петра и в частности против коллегий и коллегиального управления нельзя объяснить только финансовыми затруднениями и желанием экономить на сокращении расходов по государственному аппарату.

Павлов-Сильванский поход верховников против реформ Петра объясняет тем, что главой этого «реакционного движения» стал Меньшиков, к которому присоединились барон Остерман и кабинет-секретарь Макаров. Такую позицию Меньшикова он склонен объяснить тем, что последний не играл никакой роли в пе-

[1] С. М. Соловьев,—т. XVIII, стр. 889.
[2] Сб. И. Р. И. Общ. т. 63, стр. 458—459.

тровских административных реформах 1718—1722 годов, будучи в немилости за обнаружившиеся злоупотребления, взяточничество и казнокрадство. Помощниками Петра в этом деле были иностранцы Брюс, Фик, Люберас, русские — Феофан Прокопович, генерал-прокурор Ягужинский, Новосильцов, которые в период власти Верховного тайного совета не играли видной роли и не могли поэтому оказать решающего влияния на судьбу петровских учреждений [1].

Нельзя отрицать известных оснований в пользу такого объяснения, но при всем этом необходимо выяснить обстоятельства, которые заставили названных лиц во главе с Меньшиковым занять такую, а не иную позицию.

Прежде всего заметим, что общая «антиколлегиальная» линия была направлена по пути не окончательной ликвидации самих коллегий, а скорее по пути их объединения, по линии ликвидации дублирования их деятельности и дальнейшей централизации. Так 16 июня 1726 года Штатс-контор-коллегия, ведавшая расходы государства и государственную казну, была объединена с Камер-коллегией, которая ведала государственные доходы. В этой реорганизации вряд ли можно усмотреть желание принципиально уничтожить центральную петровскую администрацию, скорее — это рационализация и совершенствование государственных бюджетно-финансовых учреждений. Тем более, что оно «стояло в тесной связи с уничтожением подчиненных Штатс-конторе рекетмейстеров-казначеев с передачей их дела камерирам, подчиненным Камер-коллегии...» [2].

В фактической ликвидации Мануфактур-коллегии играли роль другие соображения, хотя они были внешне прикрыты теми же мотивами рационализации.

В постановлении Верховного совета 15 июля 1727 года записано: дела «...в трех коллегиях, которые касаются до купечества, а именно, Коммерц, Ману-

---

[1] Павлов-Сильванский,— «Очерки по русской истории XVIII — XIX вв.», стр. 386—387.

[2] Павлов-Сильванский, стр. 395.

фактур и Магистрат, лучше всего соединить в одном присутственном месте»[1].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Верховный совет рассматривает деятельность всех трех учреждений, как деятельность, имеющую отношение к нуждам и интересам всего купечества в целом. В действительности же интересы купцов-фабрикантов, владельцев мануфактур, которых ведала Мануфактур-коллегия, очень часто противоречили интересам и стремлениям остальной части купечества, не занимающегося промышленной деятельностью.

Решение о слиянии трех учреждений в этой формулировке объясняется заботой о купечестве между тем, как Меньшиков в своей записке прямо высказывался за ликвидацию и м е н н о Мануфактур-коллегии:

«Между лишними канцеляриями не только в губерниях, но и здесь в резиденции почитаются и Мануфактур-коллегия, и понеже оная без Сенату и Кабинету никакой важной резолюции учинить не может, того ради и жалованье напрасно получает»[2].

Столь решительное мнение Меньшикова о ликвидации одного из самых значительных среди новых учреждений Петра, на создание которого он затратил столько сил и с деятельностью которого соединялось столько перспектив, встретило противодействие у некоторых членов Верховного совета, которые предлагали компромисс в виде организации конторы при Коммерц-коллегии или Сенате. Предполагалось, что контору возглавит сенатор Новосильцов (автор регламента Мануфактур-коллегии) в звании протектора фабрикантов.

Встретив противодействие и поняв невозможность окончательной ликвидации учреждения, Меньшиков предложил передать дела Мануфактур-коллегии в ведение Коммерц-коллегии, решительно возражая против организации особой конторы по делам мануфактур при Сенате или при Коммерц-коллегии. К мнению Меньшикова присоединился князь Голицын.

---

[1] П а в л о в-С и л ь в а н с к и й,—«Очерки по русской истории XVIII—XIX вв.», стр. 395.

[2] «Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым»,— Сб. отд. родн. яз. и слова и Ак. Наук», т. IX, стр. 94.

Борьба за ликвидацию петровского учреждения, каким была Мануфактур-коллегия, прикрывала собою желание части сановников во главе с Меньшиковым, Остерманом и Голицыным ревизовать и отменить принципы экономической политики Петра в области развития отечественной промышленности. Эта позиция отражала, с одной стороны, стремление купечества, противившегося вложению капиталов в промышленность и желавшего пустить их в торговлю, с другой стороны, стремление известной части дворянства, не желавшей увеличения числа «указных» фабрикантов. Известно, что Меньшиков тесно был связан с этой частью купечества. Легче всего начать борьбу можно было с ликвидации самого учреждения, ведавшего вопросами промышленности.

Эти заботы об охране прав купечества, не занимающегося промышленностью, а только торговлей, особо видны из мнения, поданного Меньшиковым, Остерманом и Макаровым в комиссию о коммерции, учрежденную в 1727 году [1].

В этой записке авторы развивают тезис о значении торговли вообще, доказывают, что Россия к «коммерции» «наипаче способна», так как она «собственных своих товаров гораздо больше в другие края отпустить может, нежели оному чюжих товаров потребно». Несмотря на это, русское купечество, по их утверждению, «едвали не вовсе разорено», на этом основании авторы требуют решительных изменений в области правительственной политики по отношению к купечеству. Для этого они предлагают:

1) Открыть для свободной торговли русского купечества все порты, и в особенности Архангельский порт, открытие которого должно повести к оживлению крестьянской северной промышленности (узкие холсты) и к расширению посевов технических культур (лен, конопля).

2) Комиссии о коммерции вести определенную политику с тем, чтобы препятствовать «отвлечению купе-

[1] Материал приведен Павловым-Сильванским в его статье об отношении «верховников» к реформам Петра.

ческих капиталов от торговли». Это было прямым выступлением против мер Петра по перекачиванию капиталов в область промышленности.

3) Устранить конкуренцию помещиков в торговле.

4) Рассмотреть вопрос о фабриках и мануфактурах «которые из оных к пользе государственной, а которые к тягости».

Противники петровской промышленной политики не только изложили свое «кредо», но и приступили к осуществлению своих замыслов: когда 9 января 1727 года на имя Верховного тайного совета последовал манифест, предлагавший целый ряд вопросов для обсуждения в целях скорейшего исправления плохого состояния «духовных и светских дел», то в числе прочих вопросов было предложение рассмотреть вопрос и о Мануфактур-коллегии.

«Мануфактур-коллегию, которая также ничего важного не может сделать сама собою, уничтожить, а вместо того определить самих фабрикантов без жалованья, которые бы для совета съезжались в Москву, чтобы чинить все неважные определения; для важных же дел учредить контору особливую при Берг- и Коммерц-коллегии». На заседании Верховного тайного совета при обсуждении этого вопроса решили: Мануфактур-коллегию, как самостоятельное учреждение, уничтожить, а «фабрикантам, когда случатся у них дела, быть в ведении Коммерц-коллегии, а протектором быть у них сенатору Новосильцову». Меньшиков на этом заседании отверг предложение об организации конторы при Сенате во избежание лишних расходов. Остерман, соглашаясь подчинить фабрикантов Коммерц-коллегии, предлагал о Мануфактур-коллегии иметь «особливое рассуждение в комиссии о коммерции» [1].

Спустя некоторое время, именным указом 24 февраля 1727 года коллегия была упразднена. Мотивировка этого шага, данная в самом законодательном акте, вряд ли правильно освещает действительные причины, заставившие правительство ликвидировать учреждение, тем

[1] Протоколы Верховного тайного совета, ЧОИДР, 1858 г., кн. III.

более, что 28 марта того же года последовал новый указ, отменявший старое решение. Указ 24 февраля, изложив тяжелое финансовое положение страны, констатирует, что причина такого явления заключается «во множестве правителей и канцелярий», существующих только «к великой тягости народной». «Между теми канцеляриями в резиденции почитается и Мануфактур-коллегия и понеже оная без Сенату и (нашего) кабинета никакой важной резолюции учинить не может, того ради и жалованье напрасно получает и для того той коллегии дела отдать, и всем фабрикам ведомым быть в Коммерц-коллегии, а для неважных дел, вместо оной Мануфактур-коллегии определить из самих фабрикантов без жалованья, которым хотя на один месяц зимою для совету в Москву съезжаться, и без приговоров и протоколов коллежских, все неважные определения чинить, а когда о каких важных делах указа требовать надлежит, о том им доносить в Коммерц-коллегию, и для того быть у тех фабрикантов протектором сенатору Новосильцову, к которому бы те фабриканты могли адресоваться, а впрочем что до мануфактур надлежит, то рассмотреть учрежденной Коллегии о коммерции» [1].

Как видим, формулировка Верховного тайного совета вошла в законодательный акт по этому вопросу без существенных изменений.

Фабриканты-промышленники, лишенные учреждения, через посредство которого они раньше заявляли о своих запросах и нуждах, имели теперь только право на неофициальные совещания один раз в год по «неважным» делам. О важных делах они не могут непосредственно через Мануфактур-коллегию требовать указа, а должны действовать через своего протектора, бывшего президента Мануфактур-коллегии Новосильцова.

Указ, направленный против Мануфактур-коллегии, был направлен против представителей промышленности и преследовал защиту интересов нарождающейся торговой буржуазии.

В том же 1727 году правительство, испытав нажим

[1] Полное собр. зак., № 5016.

со стороны тех, кто был заинтересован в существовании Мануфактур-коллегии в сохранении принципов петровской промышленной политики, было вынуждено отменить указ о ликвидации коллегии и признать, что оно наносило вред промышленникам и промышленности, когда передавало дело управления промышленностью в Коммерц-коллегию, уравнивая содержателей мануфактур в правах с купечеством. Приводим содержание этого указа:

«Хотя указом нашим из Верховного нашего тайного совета в Сенат минувшего февраля 24 дня сего 1727 года объявлено, что Мануфактур-коллегии дела отдать и всем фабрикантам ведомым быть в Коммерц-коллегии и над мануфактурами протектором быть сенатору Новосильцову; а понеже усмотрено и рассуждено ныне, тем делом при Коммерц-коллегии быть неприлично: того ради указали мы, по силе прежнего нашего указа 3 дня генваря сего года, быть оным мануфактурным делам при Сенате, впредь до определения в ведомстве сенатора Новосильцова. Чтоб фабрики не пришли в слабое состояние своим действом» [1].

Таким образом, после неудавшейся попытки ликвидировать специальное учреждение по управлению фабриками и заводами с передачей всех дел в ведомство Коммерц-коллегии, была создана указом 28 марта 1727 года Мануфактур-контора «и при той конторе оставить секретаря да канцеляриста и двух копиистов» [2].

Тенденции правительства ликвидировать совершенно Мануфактур-коллегию сказались и на том, что оставленная после известных колебаний Мануфактур-контора, как самостоятельное учреждение по управлению промышленностью, фактически влачила такое жалкое существование, что «протектор» Василий Новосильцов в 1729 году был вынужден обратиться с «всенижайшим доношением» к Петру II. Новосильцов в этом доношении писал:

«Прошлого 1727 году апреля 17 дня по указу бабки вашего величества блаженные и в. д. памяти е. и. в.

---

[1] Полное собр. зак., № 5052.
[2] Полное собр. зак., № 5052.

из Верховного тайного совета велено у отправления дел прежде бывшей Мануфактур-коллегии оставить при мне служителей секретаря одного, канцеляриста одного, копиисто дву по крайнему рассуждению самое малое число, а солдат и сторожей и на мелочной конторской расход денег ничего не определено и таким малым числом служителями имеющихся во оной конторе по казенным и по партикулярным фабрикам многих дел исправить и тех фабрик порядочно и безубыточно содержать и в лутчее состояние произвести ни по которой мере невозможно, а без солдат и без сторожей имеющийся денежной казны и разных многих по казенным фабрикам материалов и товаров караулить и для всяких дел посылать некова и без мелочного расходу нетокмо на топление конторы двор, но и бумаги и чернил и свечь купить не начто»[1].

Еще до этого Новосильцов тремя доношениями сообщал о тяжелом положении дел и просил об увеличении штата и ассигновании сумм на делопроизводственные и иные расходы. Трижды ему было отказано во всех его просьбах и «велено о том требовать указу от Верховного Тайного совета». Не добившись результатов, Новосильцов самовольно проводит некоторые административные меры «по необходимой нужде», увеличивая штат Коллегии, о чем он доводит до сведения молодого царя: «при тех делах (т. е. делах Мануфактур-коллегии) ко определенному числу в прибавок ис прежних Мануфактур-коллегии служителей в Санкт-Петербурхе и в Москве секретарь один, канцеляристов два, в том числе у приходу и расходу денежной казны и протчего за комиссара один, копиистов четыре, солдат двенадцать, сторожей два человека»[2]

Новосильцов сообщает нам сведения о бывших ранее (т. е. в последние годы жизни Петра I) на службе в Мануфактур-коллегии и Мануфактур-конторе людях («кроме членов»): секретарей 2 человека, протоколистов 1 чел., регистратор 1, канцеляристов 7 чел., подканцеля-

---

[1] ГАФКЭ,— Фонд Сената, оп. 16, д. 10/914, л. 447.
[2] ГАФКЭ,—Фонд. Сената, п. 16. д. 10/914, л. 447—448.

ристов 1 чел., копиистов 13 чел., «юнкеров» 2 чел., солдат 20 чел., сторожей 3 чел., итого 50 человек.

Он просит санкционировать изменения в штатах и отпустить средства на оплату чиновников Мануфактур-коллегии.

Новосильцов настоятельно добивается восстановления существовавшего при Петре положения Мануфактур-коллегии. Это делается путем доношений о необходимости увеличения штата Мануфактур-конторы, увеличения ассигнований и т. д. В 1731 году он пишет Сенату, что президент коллегии, будучи занят в Сенате и в различных сенатских комиссиях, не может принимать активного участия в решении «текущих дел» учреждения и поэтому необходимо в Мануфактур-коллегии «определить членов и комиссара», поручив последнему финансовые дела [1].

**
*

Рассмотрим теперь те изменения, которые пережило управление мануфактурной промышленностью в 30-е и 40-е годы XVIII века.

Первый указ аннинского правления в области промышленности 7 апреля 1731 года отражает ту борьбу, которая происходит между владельцами «указных» мануфактур и купечеством. В марте этого года владелец парусной и бумажной фабрик Филатов подал в Мануфактур-контору прошение о разрешении ему розничной торговли парусными полотнами ввиду того, что спрос на этот товар усилился в связи с большим строительством морского флота в Петербурге и на Ладоге. Розничная продажа полотен производилась по оптовой цене. Перед этим продажа Филатову была запрещена, чем и было вызвано прошение, в котором Филатов указывает, что всем остальным фабрикантам продажа в розницу не запрещена. На это прошение последовал указ Сената со ссылкой на законодательство Петра по этому предмету:

«...компанейщикам сделанные свои товары купецким

[1] ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 10/914, л. 455.

людям в лавки продавать немалым числом, с убавкою той цены, почему врознь из лавок продаваны могут быть, а по чему та убавка надлежит быть, о том определение учинить в Мануфактур-коллегии; буде же купецкие люди у тех компанейщиков сделанных их товаров всех покупать не будут, то оным компанейщикам мануфактур позволить в тех рядах, где которые товары продаются, наймовать лавки и держать и продавать те свои в мануфактуре же сделанные товары, которые за продажею у них оставаться будут, безвозбранно по прежним данным им привилегиям»[1].

Документ очень характерен: на Мануфактур-контору в данном случае возлагается обязанность практического урегулирования конфликтов между компанейщиками-владельцами мануфактур и купечеством. Ссылка на петровские указы не мешает Анне сделать некоторую незначительную уступку купечеству: оптовая цена товаров должна быть ниже розничной и мануфактуристы должны продавать весь товар купечеству оптом и только в случае отказа купцов приобрести эти товары, владельцы фабрик имеют право розничной продажи. Поскольку же установление оптовых цен остается за Мануфактур-конторой, постольку фактически остается большая возможность уступку купечеству превратить в юридическую фикцию. Надо полагать, что фабриканты широко использовали связанные с этим фактом возможности. Поэтому правильно будет сделать заключение, что Анна, лавируя между купечеством и фабрикантами, считала для себя за правило проводить в этом пункте промышленной политики принципы Петра. Этим указом правительство развязывало себе руки в той борьбе, которая шла между фабрикантами-купцами и просто купцами. Было бы неверно представлять себе дело таким образом, что Анна полностью проводила в жизнь все петровские принципы в области промышленной политики. В качестве материала, заставляющего придти к другому выводу, может служить именной указ «о службе промышленников по разным должностям и о выборах к оным», данный 28 июня того же 1731 года:

[1] Полное собр. зак., № 5739.

«Которые фабриканты и заводчики имеют привилегии о небытии им в службах, о тех рассмотреть в Мануфактур-конторе, и которые свои фабрики, по данным привилегиям и указам, действительно произвели, и иждивение свое положили довольно, и в пользу государственную умножили, а не для лица отбывая от служеб, содержат, тем от службы быть свободным; а которые хотя привилегии на фабрики и заводы получили, и те фабрики и заводы для лица завели и содержат малые, таковым быть в службах наряду. Также всем фабрикантам, купеческим людям, не выключая никого, для главных советов гражданских и выборов в бурмистры, приходить, и в том быть послушным, а впредь ни для каких фабрик и заводов от служеб не выключать, дабы прочим купцам тягости не было, разве кто вновь знатную и государству полезную фабрику, или завод заведет, такому от служеб давать увольнение первому фабриканту и заводчику, а другим, кои после такую же фабрику заведут, увольнение в службах не чинить. А чтоб и впредь всегда действительно все фабриканты свои фабрики производили, а не под одним именем, о том смотреть Ратушам и, по усмотрению, о недостойных писать в Мануфактур-контору, где поступать с ними по вышеписанному» [1].

Мануфактур-контора получает задание провести «чистку» привилегированных фабрикантов в целях лишения привилегий не только тех, кто просто «для лица» завели фабрики, но и тех, кто имеет небольшие по своим размерам мануфактуры. Мало того, дано категорическое указание «впредь» ни для каких фабрик и заводов от служб не освобождать за небольшим исключением. Почти все промышленники лишены, таким образом, одной из существенных привилегий, которую им дал Петр.

Каковы причины такого распоряжения? То ли количество привилегированных фабрикантов очень велико, и это вредно отражается на государственной службе? То ли это попытка подстегнуть отнятием привилегий рвение к большему прилежанию по устройству промышленности? Богословский, Семевский, Иванов и Ниссе-

[1] Полное собр. зак., № 5794.

лович проходят мимо этих фактов в своих работах, посвященных истории управления русской промышленности, или, просто неверно освещают изменения в 30-х и 40-х годах, утверждая, как Семевский, что преемники Петра: «Екатерина, Петр II и Анна Ивановна не изменяли привилегий, дарованных Петром I классу фабрикантов» [1]. На самом деле в этот период обостряется борьба между привилегированными «указными» мануфактуристами и купечеством, что и отражает законодательство аннинского времени. В связи с этим существенные положения Регламента были пересмотрены и в других своих частях. В 1730 году мартовским указом было предписано «всякого чина людям суд давать и решение чинить» исключительно в Судном приказе. Но вследствие протестов фабрикантов и заводчиков Сенат вынужден был дать разъяснение, что это постановление к фабрикантам не относится, судом и расправою они ведаются в Коммерц-коллегии, ввиду слияния, в конце 1731 года с последней Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии [2].

Остановимся теперь на самом факте слияния этих трех учреждений. Если следовать буквально за мотивировкой законодательного акта, то нужно считать, что слияние это было вызвано стремлением правительства сократить казенные расходы и ликвидировать ведомственную бюрократическую неразбериху.

На самом деле анализ текста указа о причинах слияния этих учреждений позволяет сделать несколько иные выводы. «Хотя Коллегии Коммерц, Берг и Контора мануфактур поныне в разных правлениях и в особливых членах и приказных служителях состоят, но от того никакой пользы не находится, кроме казенного убытка и в делах затруднения и между ими излишних переписок, понеже сделанное на горных заводах железо, а на мануфактурах парусные и прочие полотна за море отпускать не надлежит чрез Коммерц-коллегию, которая по указам Нашим и по уставам должность имеет смотреть может ли что на Российских

[1] Семевский,— журн. мин. народн. просв., 1859 г., стр. 222.
[2] Нисселович,— «История фабрично-заводского законодательства Российской империи», Спб., 1883 г.

фабриках и горных заводах со удовольствием на все Государство сделано быть или некоторую часть, по чему б пошлину прибавлять и умалять, и тако одно дело в разных руках обретается, и для того указали мы, Берг-коллегию и Мануфактур-контору сообщить в Коммерц-коллегию»[1].

Здесь содержится ответ на поставленный вопрос о причинах, вызвавших такое мероприятие: правительство желает сосредоточить в руках одного учреждения дело внутренней и в особенности внешней торговли. Таким учреждением была Коммерц-коллегия, очень тесно связанная с купечеством. Подчинение Мануфактур-коллегии и Берг-коллегии торговому ведомству означало не только установление фактической монополии последнего на внешнюю торговлю «указных» мануфактур, но и попытку уравнять в правах владельцев мануфактур с купечеством. Мы только можем догадываться, в каком действительном отношении стоял к банде бироновских авантюристов, наживших на коммерческих аферах громадные состояния, президент вновь сформированного учреждения Александр Нарышкин и его заместитель Илья Исаев.

Реорганизованное учреждение было разбито на три экспедиции: «I. К коммерции принадлежащие. II. Горная и Минеральная. III. Фабрики и мануфактуры». Новое руководство промышленностью однако не совсем удовлетворяло правительство и в начале 1734 года Сенат, заслушав мнение представителя Коммерц-коллегии о фабриках и мануфактурах в государстве, как «оные поправить и в доброе состояние привесть и фабрикантов к тому побудить»[2], в своем определении указал для лучшего «смотрения», за фабриками определить оберкомиссара и в помощь ему трех комиссаров, «достойных и искусных людей». Задача комиссаров заключалась в том, чтобы в лучший «распорядок привести» фабрики страны. Если по настоянию самой Коммерц-коллегии вводилась эта инспектура, то можно себе пред-

[1] ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 10/914, л. 700 и ПСЗ, № 5860 (подчеркнуто мною — Дм. Б.).

[2] Полное собр. зак., № 6546.

ставить, что из себя представляла III экспедиция Коммерц-коллегии. Коммерц-коллегия при таком расширении объема ее задач, естественно, не справлялась, более или менее, удовлетворительно с делом руководства «указной» промышленностью и «указными» фабрикантами. Из обширного аннинского законодательства о мануфактурах нужно еще остановиться на указе 7 января 1736 года. Он касается главным образом вопросов, связанных с обеспечением рабочей силой фабрик и заводов. Появление указа следует объяснить той борьбой, которая шла между помещиками и фабрикантами из-за беглых крепостных крестьян, находивших приют на фабриках и заводах. В Сенат было подано прошение от фабрикантов Ивана Затрапезного, владельца Ярославской полотняной мануфактуры, Владимира Щеголина с товарищами, Авдотьи Микляевой, владелицы полотняной и парусной фабрики, Федора Подсевальщикова и других (все хозяева полотняных и суконных фабрик). Подавшие прошение фабриканты жаловались на то, что ранее заведенные ими фабрики испытывают острую нужду в мастерах, подмастерьях и работных людях. Обученные ими в течение многих лет люди оказались беглыми помещичьими, синодальными, архиерейскими крестьянами. Фабриканты по указу должны были возвратить этих людей, и кроме того, заплатить их прежним владельцам пожилые и штрафные деньги, что грозило, по словам фабрикантов, им большими убытками. Фабриканты прямо указывают правительству, что такая политика убивает стимул к заведению новых предприятий. Из всего сказанного можно сделать вывод, что эта группа крупных промышленников прибегала к найму якобы свободных рабочих, предпочитая известный риск покупке деревень с крестьянами. Все названные фабрики в техническом отношении стояли значительно выше, чем другие предприятия. В этом причина того, почему именно данная группа фабрикантов предпочитала вместо труда приписных к фабрикам крестьян применение труда наемных рабочих из числа беглых крестьян. Крупные фабрики с многими тысячами рабочих, выпускавшие большое количество продукции, играли такую роль в крепостническом государстве,

что к голосу их владельцев нельзя было не прислушиваться.

Правительство, очень детально рассмотрев данный вопрос (разбор прошений в Сенате, несколько переписей о составе рабочих на этих фабриках), вынесло такие решения:

«1. Все обученные мастерству люди, за исключением неквалифицированных «работных людей», остаются «вечно при фабриках» с исключением их из подушного оклада. Фабриканты обязывались уплатить бывшим владельцам за крестьян, записанных в подушный оклад и бежавших, по 50 рублей — за семью и за детей, членов семьи сверх определенного возраста по 10 и 5 рублей в зависимости от пола.

2. «Впредь на тех мануфактурах и фабриках всяким мастерствам обучать и в мастера производить из детей вышеписанных отданных им вечно» [1].

Этим ограничивался круг квалифицированных рабочих. Наряду с привилегией вечного закрепления определенной группы людей за фабрикантами суживался круг лиц, среди которых владельцы мануфактур могли выбрать будущих подмастерьев и мастеров.

3. Все чернорабочие мануфактур подлежали немедленному возвращению их бывшим владельцам без уплаты пожилых. Впредь разрешался наем только отпущенных крестьян с паспортами. Расчет с нанявшимися производился фабрикантом через помещика, который выдавал им заработную плату по своему усмотрению, с удержанием части заработка для уплаты подушной подати казне.

4. Те рабочие, которые показали, что они не знают «из каких чинов отцы» их, оставляются при фабриках.

5. Рабочие «вечно отданные» фабриканту объявлялись полными его крепостными. Во взаимоотношениях их с фабрикантами государство гарантировало последним применение всех полицейско-административных мер воздействия. В случае, кто из вечно отданных рабочих «явятся невоздержные и ни к какому учению не прилежные, о тех самим фабрикантам по довольном до-

[1] Полное собр. зак., № 6858, п. 2.

машнем наказании, объявлять в Коммерц-коллегию или в контору, откуда по свидетельству фабрикантскому и мастеров, за такое их непотребное житье ссылать в ссылки в дальние города или на Камчатку в работу, чтоб другим был страх; а ежели в ссорах или драках или пьяные где взяты будут, а в воровстве никаком не показались и к тяжкому розыску не подлежат, тех не держать нигде ни одного дня и не убытча, отсылать на фабрики и иным фабрикантам самим чинить им наказание при других их братьи» [1].

6. Указ категорически предупреждает фабрикантов о недопустимости использования в качестве рабочих на фабриках беглых крестьян. Каждый из них обязан был дать подписку, что он знает такой закон.

7. Деклассированные элементы из купечества и «разночинцев», без призрения по городам и по слободам» «праздно шатающиеся» и собирающие милостыню должны были посылаться на фабрики сроком до 5 лет. На это время они становились крепостными фабрикантов. Это правило не распространялось на помещичьих, монастырских, дворцовых крестьян и вообще на все крепостное крестьянство. Этим положением самодержавие еще раз подчеркивало исключительность привилегии господствующего класса.

8. За фабрикантами закреплялись только те купленные ими к фабрикам крестьяне, которых они приобрели без земель и не целыми деревнями. На будущее время мануфактуристам запрещалось покупать крестьян с землей и целыми деревнями. Это было отменой одной из самых крупных привилегий петровского регламента. Прежде всего эти положения касались, конечно, тех «промышленников», которые приобретали крестьян не для того, чтобы заводить фабрики, а заводили фабрики для того, чтобы иметь крестьян.

Крепостное состояние отданных фабрикантам людей было оформлено этим же законодательным актом: «Которые ж на их фабриках собственные их мастеровые люди явятся в разбоях и в воровствах, или в держании без пашпортов, в том им фабрикантам ответствовать

[1] Полное собр. зак., № 6858.

так, как и о помещиковых людях и крестьянах по указам определено; для того, что те мастеровые люди будут за ними крепостные»[1].

Кроме всего излагаемого, указ по адресу промышленников весьма недвусмысленно расточал угрозы с требованием организации тщательного расследования о правильном использовании отпущенных государством субсидий, «сколько своего капитала в них положили», каково общее состояние мануфактур и качество производимых ими товаров. «Нерачительных» и «подложных» было приказано «немедленно из фабрикантов выключать и быть по прежнему с купечеством наряду в службах и во всяких градских тягостях»[2]. Таким образом, политика самодержавия в 30-х годах в вопросе о рабочей силе мануфактур совершенно ясна. Она сводится к следующим положениям: 1) Гарантировать в максимальной степени интересы дворянства за счет интересов фабрикантов. Петровские, относительно широкие, привилегии, данные промышленникам, почти ликвидируются. 2) В виде компенсации и частичной уступки фабрикантам квалифицированные рабочие признаются вечными крепостными фабрикантов, на будущее время разрешено покупать крестьян «токмо без земель и не целыми деревнями». Все это сопровождается усилением неограниченной власти фабрикантов над рабочими мануфактур. 3) Правительство, рассматривая мануфактуру, как каторгу, решает использовать на ней в качестве рабочей силы, путем насильственного водворения на фабрики и заводы бродяг, нищих, пьяниц, полууголовный и деклассированный элемент. Вряд ли все это отвечало интересам фабрикантов. О том, какие коррективы вносила в эту правительственную политику жизнь, говорит статистический материал о составе рабочих мануфактур за годы после издания этого указа. Это материал, составленный Историко-археографическим институтом Академии Наук СССР на основе «сказок» переписи, произведенной по указанию Сената в 1737—1740 гг.

---

[1] Полное собр. зак., № 6858, п. 14.
[2] Полное собр. зак., № 6858, п. 10.

Рассмотрим данные о рабочих из крестьян мужского пола. О роде своих занятий до поступления на производство они дали следующие показания:

Жили при родителях	22,8%
Нищенствовали	16,3%
Работали по найму	28,3%
Работали на мануфактуре	19,2%
Занимались ремеслом	2,6%
Торговали	1,6%
Жили разной работой	5,3%
Крестьянствовали	2,8%
Прочих занятий	1,1%[1]

Из таблицы следует, что из общего числа всех рабочих из крестьян, на фабриках 47,5% работало уже давно по найму. Это люди, судьба и условия существования которых связаны с продажей их рабочей силы. Основной контингент рабочих мануфактур не представлял собою деклассированный элемент, хотя процент ранее нищенствовавших все-таки очень высок. К сожалению, мы не имеем возможности сравнить его с данными других переписей до указа 1736 года.

Правительственная регламентация мануфактурной промышленности в 30-е—40-е годы при Анне достигла исключительно больших размеров. Правительство буквально на каждом шагу пыталось вмешиваться во все детали производства. В связи с организацией одной из фабрик сусального и листового золота и серебра кабинет министров в 1740 г. ставил следующие условия:

«Быть той фабрике в Москве, и положить им капиталу своего по три тысячи рублей каждому, а всем 5 человекам 15 000 рублей, а что больше, то лучше, и произвесть им оную действительно в доброй порядок, как скоро возможно, и не продолжая более года, и делать сусальное золото и серебро добрым мастерством, чтоб никакой охулки не было». Район, где должна была строиться данная фабрика, определялся Мануфактур-коллегией. Точно так же определялась и сумма денег, которую должны были ассигновать на ее строительство

[1] Труды Историко-археографического института, «Крепостная мануфактура в России», т. XI, ч. IV, стр. 116, Ленинград, 1934.

компанейщики. Это, так сказать, условие выбора места и вопросы капиталовложений. По поводу технических условий производства говорилось:

«Для нагревания камней, на которых то сусальное дело производиться будет, топить им печи всегда свободно, токмо чтоб те печи сделаны были в указных местах и на каменном фундаменте».

По вопросам реализации произведенных товаров и цен на эти товары указывалось:

«Деланное на той фабрике сусальное золото и серебро продавать им в Москве в ряды, и в отвоз в городы по той цене, по чему ныне в ряды продается, токмо не выше тех цен, как сами они объявили, а именно: золота книжку в 60 листов, первой руки, по 1 рублю по 80 копеек, второй руки, по 1 рублю по 50 копеек, серебра книжку по 46 листов, первой руки по 15, второй руки по 13 по три четверти, двойник золото с серебром книжку ж по 40 же по 6 листов» и т. д.

Технический контроль, отчетность и оборудование предприятия предлагалось поставить следующим образом:

«Для усмотрения, в каком размножении те их фабрики будут происходить присылать им в коллегию ведомости и сделанному товару образцы, с показанием цены, за печатью, в год по дважды; а именно: в генваре и в июле месяцах, объявляя в тех ведомостях, сколько инструментов и материалов и сделанного сусального листового железа и серебра и мастеровых людей имеется»[1].

Иной раз эта регламентация носит еще более мелочный и придирчивый характер, превращающий ее в прямую помеху, делающую невозможным самое производство. Такая чрезмерная регламентация, естественно, сказывалась на развитии промышленности. Грозный тон требований и характер приказаний заставляли изощряться в поисках выхода в целях невыполнения этих претензий и должны были приводить к тому, что правительственные распоряжения просто игнорировались фабрикантами, а учреждение, руководившее ими, ста-

[1] Полное собр. зак., 8122.

вилось в ложное и противоречивое положение, не имея возможности примирить существующую практику и законодательство.

Суровость правительственной регламентации по отношению к представителям указной мануфактуры не мешала решительному курсу правительства на ликвидацию — прямое уничтожение — неуказных промышленных предприятий. В том же документе, выданном правительством Анны, есть такое место: «И всех неуказных содержателей, кои поныне в Москве то сусальное золото и серебро делали, инструменты отобрав в Коммерц-контору, отдать оным же компанейщикам за деньги, оценя настоящею ценою», т. е. отдать тем компанейщикам, которым было дано разрешение на устройство мануфактуры.

Многочисленность аннинских приказов об исключении псевдо-фабрикантов, беспощадность в борьбе с ними и большие полномочия, предоставляемые по этому предмету Коммерц-коллегии, наводят на мысль о том, что в число этих фабрикантов «для лица» попадали отнюдь не только любители использовать привилегии, связанные с заведением фабрик и приобретением даровой рабочей силы, но и действительные фабриканты. Причем в разряд ликвидируемых попадали они по совершенно сознательным побуждениям правительства и тех групп правящей верхушки дворянства и определенных слоев купечества, которым была выгодна эта ликвидация.

«Эпоха» правления герцога курляндского была ознаменована еще одной победой русского дворянства и купечества, интересы которых защищала Коммерц-коллегия: «российским фабрикерам» была запрещена розничная торговля произведениями их фабрик[1].

Весь период правления Анны и ее немецких ставленников, когда Мануфактур-коллегия была соединена с Коммерц-коллегией и фактически подчинена ей, можно характеризовать, как время, когда задачи стимулирования роста промышленности и сама политика поощре-

[1] Указ 1740 г. по отношению к таким фабрикантам требовал больших штрафов.

ния «указных» фабрикантов были отодвинуты на третий план. Бироновское правительство разрешение вопросов финансовой политики государства видело в активизации внешней торговли, в предоставлении льгот и привилегий купечеству. Устремление капиталов страны в сферу торговли стимулировалось авантюристски-мошенническими планами «сановных» курляндских правителей, пробравшихся к власти.

Вместе с этим промышленная политика Петра I, строившаяся на государственном поощрении и вмешательстве в вопросы развития промышленности, на покровительстве фабрикантам и заводчикам, нашла в этот период времени уродливое выражение в чрезмерной регламентации и мелочной опеке, порой очень сильно стеснявшей развитие «указной» промышленности. Вся промышленная политика страны была сосредоточена в руках Кабинета, роль мануфактурной экспедиции в составе Коммерц-коллегии была сведена к исполнительным функциям по мелочным вопросам повседневной практики учреждения.

При Елизавете, по высочайше утвержденному докладу Сената 7 апреля 1742 года, вместо генерал-берг-директориума, состоявшего при Анне под главенством «знаменитого» барона Шемберга, восстанавливалась Берг-коллегия. Этим же указом восстанавливалась и Мануфактур-коллегия, бывшая до этого частью (т. н. экспедиция) Коммерц-коллегии:

«...понеже при жизни блаженные и вечно достойные памяти е. и. в. Петра Великого та Коллегия особливо для лучшего порядка и приведения оных в состояние, была учреждена, и токмо б об одном том деле попечения имела, понеже, те фабрики и мануфактуры зело нужны; а Коммерц-коллегия, за положенными на нее, что к собственному ее правлению принадлежит, делами, того совершенно усмотреть и поправления учинить не может» [1].

Восстановлению этих двух учреждений, ведавших промышленностью России, предшествовал елизаветин-

[1] Полное собр. зак., 8543.

ский указ [1], которым восстанавливалась вся система государственных учреждений Петра, ведавших делами внутреннего управления: «Правление внутренних всякого звания государственных дел иметь на основании... государя Петра Великого» [2]. Законодательство, изменяющее систему и порядок внутреннего управления, данное после Петра, отменялось в тех случаях, когда оно с «состоянием сего настоящего времени не сходно, и пользе государственной противно» [3].

Подходящим под такое определение Сенат признал и аннинские реформы в области управления промышленностью, ибо «...за сообщением в 1731 году Мануфактур-коллегии в Коммерц-коллегию не уповательно», так как Мануфактур-коллегия «особливо для лучшего за... фабриками и мануфактурами смотрения и доброго порядка... была учреждена» Петром. Никаких других документов, оправдывающих восстановление в петровских правах этого учреждения, составитель сенатского указа не приводит. Это обстоятельство дает возможность предполагать, что потребность в существовании специального учреждения по управлению мануфактурной промышленностью при Елизавете понимали так же, как и при Петре I.

В восстановленном виде Мануфактур-коллегия просуществовала с 1742 года по 1779 год [4], когда она была ликвидирована правительством Екатерины II.

Восстановленная Мануфактур-коллегия, также как и при Петре, во время царствования Елизаветы, сосредоточивает в своих руках все управление мануфактурной промышленностью страны. За Сенатом по-прежнему оставался верховный надзор и законодательство по наиболее важным и принципиальным вопросам про-

[1] Этот указ был дан 12 декабря 1741 года.
[2] Тоже указ 12 декабря 1741 года.
[3] Полное собр. зак., № 8543.
[4] При восстановлении Мануфактур-коллегии в 1742 г., как самостоятельного учреждения, архив ее был выделен из делопроизводственных и архивных материалов Коммерц-коллегии; поэтому в теперешнем составе фонда документы за 1731—1742 гг., имеющие отношение к истории мануфактурной промышленности XVIII в., представлены так, как будто учреждение функционировало все время самостоятельно.

мышленной политики правительства. Основой этой политики и в это время продолжал оставаться петровский регламент 1723 года.

При Елизавете Мануфактур-коллегия энергично добивается восстановления основных принципов старой петровской промышленной политики, направленной к поощрению монополистов фабрикантов и заводчиков. В первой половине царствования ей это удается сделать по ряду существенных вопросов. Указом Сената от 15 апреля 1754 года предписывалось, чтобы никто без дозволения Мануфактур-коллегии не занимался безуказным производством товаров под угрозой конфискации всего имущества сырья и инструментов [1].

Указом Сената 1756 года был разрешен беспошлинный ввоз из-за границы шерсти для суконных фабрик [2]. Снова усиливаются денежные казенные беспроцентные субсидии фабрикантам [3].

Указ 1754 года о пошлинах с изделий русских фабрик, вывозимых за границу, предоставляет значительные льготы фабрикантам-монополистам, связанным с внешним рынком [4].

Предоставление длительных привилегий на основе регламента снова становится обычным делом. Установление монополии немногих владельцев крупных мануфактур приводит первое время к усилению борьбы Коллегии с «безуказными» фабрикантами, к их беспощадному преследованию. Среди указных фабрикантов на льготы и привилегии снова устанавливается взгляд как на политику, обязательную для правительства.

В это же время Мануфактур-коллегией проводится освобождение фабрикантов от наиболее стеснительных и мешающих условий в мелочном регламентировании промышленности, например, обязательное клеймение на гостинном дворе и в таможнях, испрошение разрешений от коллегий по каждому пустяковому делу [5].

---

[1] Полное собр. зак., 9889.
[2] Полное собр. зак., 10537.
[3] См. след. главу о субсидиях «указным» фабрикантам.
[4] Полное собр. зак., 10205.
[5] Полное собр. зак., 8895.

Разумеется, это не было стремлением совершенно отказаться от вмешательства в фабрично-заводские дела со стороны коллегии. Наоборот, в решающих и важных вопросах жизни и работы мануфактур регламентирование даже усилилось.

Расшатавшаяся система финансов привела однако к тому, что правительство сочло необходимым, в целях максимальной мобилизации средств, лишить фабрикантов некоторых привилегий. Именным указом 17 сентября 1742 года в подушный оклад были включены купленные и отданные фабрикантам крестьяне, беглые подлежали высылке на «прежние жилища» [1].

При проведении ревизии в 1745 году в специальной инструкции по проведению этой переписи правительство снова указывало на необходимость включения в подушный оклад рабочих фабрик и мануфактур:

«На всех казенных и партикулярных заводах и фабриках и мануфактурах мастеровых и работных людей переписать, и которые явятся данные им по указам и купленные, оных хотя по прежним указам в подушный оклад писать было и не велено; но понеже, содержатели тех заводов, фабрик и мануфактур получают от того себе прибыль: того ради ныне всех и детей их написать с прочими наряду при тех заводах, фабриках и мануфактурах; а которые явятся беглые чьи люди и крестьяне, таких высылать на прежние жилища, и велеть тем заводчикам, фабрикантам и мануфактурщикам отвесть их на своих подводах, и отдать с росписками, как публикованным сего 1743 года февраля 5 числа указом повелено, и в тех местах, куда вышлются, в нынешнюю перепись и написать; а там держателям сказать указ с подписками, чтоб они впредь беглых людей и крестьян на те свои заводы, фабрики и мануфактуры, отнюдь не принимали, не токмо под платежем пожилых денег, но и под потерянием всех своих заводов, мануфактур и фабрик» [2].

Однако правительству очень скоро пришлось отказаться от положений, высказанных этим указом, так как

[1] Полное собр. зак., 8620.
[2] Полное собр. зак., № 8836.

оказалось, что от высылки беглых «на прежние жилища» «оным фабрикантам помешательство причиниться может» и «те фабрики в совершенное разорение и опустошение приведены быть могут»[1]. Судя по тексту самого документа, можно утверждать, что появление этого указа обязано прямому влиянию таких промышленников как Демидов, Федор Толбузин, Мельгунов. В своих решениях правительство должно было пойти еще дальше: 27 июля 1747 года высочайше утвержденным докладом Сената позволялось фабрикантам покупать деревни и фабрики. Этим был отменен аннинский указ 1736 года, запрещавший приобретать деревни с землей.

Интересно, что указ, восстанавливающий право покупки деревень с землею, возникает по частному прошению фабриканта Гребенщикова, который ходатайствовал о разрешении произвести покупку деревни в 50 дворов. Сенат, ссылаясь на соответствующие пункты регламента Мануфактур-коллегии 1723 г., рассматривая прошение Гребенщикова, обобщает эту просьбу, доказывая, что «також и прочим находящимся в российской империи фабрикантам к их фабрикам для размножения и приведения их в лучшее состояние деревни покупать... позволять надлежит». Указав на необходимость отмены аннинского указа, Сенат так аргументировал этот шаг: «...отставить, для того, что оной учинен помянутой данной Мануфактур-коллегии инструкции в отмену, к тому муж, ежели к тем фабрикам людей и крестьян, по силе того 1736 года указа, покупать без земель, то из того никакой пользы последовать не может, кроме того, что оные покупные без земель с тех фабрик на прежние свои жилища, нерадя о фабричных работах, учнут бегать, и через то наивсегдашнее помешательство в произведении фабрик происходить будет, да и фабрикантам таких покупных без земель людей содержать будет не на чем»[2].

---

[1] См. по этому поводу пространное решение Сената по докладной записке из Кабинета барона Черкасова, Полное собр. зак., № 8969.

[2] Полное собр. зак., № 8969.

Следует отметить, что Гребенщиков подавал свое прошение в начале 1742 года в Коммерц-коллегию, которая ведала тогда мануфактурами и фабриками, и получила отказ. При восстановлении вновь Мануфактур-коллегии, как самостоятельного учреждения, его новому прошению был дан ход, в результате чего и появился вышеприведенный указ. Очевидно, восстановленное учреждение располагало влиянием и по данному вопросу могло рассчитывать на поддержку влиятельных сфер.

Очень скоро однако правительство вынуждено было в некоторой степени ограничить действие этого указа. Злоупотребления с покупкой деревень приняли снова массовый характер. Вследствие этого указом Сената 1752 года приказывается:

1. «Покупным, в силе прежних указов, к заводам и фабрикам содержателям оных до нынешнего времени деревням, в которых, по усмотрению правительствующего Сената, противу нынешнего Берг- и Мануфактур-коллегий, общего рассуждения и положения... никакого излишества и признавается, быть при тех заводах и фабриках. И кому сколько заводчикам и фабрикантам в нынешнее обеими теми коллегиями число к заводам и фабрикам, к покупным деревням и приписным казенным крестьянам и данным из разных мест и приписным же по нынешней ревизии, надлежит еще крестьян прикупить, оным в том по их желаниям не воспрещать».

2. «Впредь заводчикам и фабрикантам к распространению и произведению их заводов и фабрик дозволение от обеих тех коллегий в покупке деревень давать...» [1] по определенной норме. Так например: на каждый стан бархатного, штофного, грезетного производства по 16 душ, к тафтяным, платочным и ленточным по 12, к суконным по 42, к полотняным по 12, к «шляпному лучку» по 30 душ мужского пола, «а женска пола, сколько при мужьях обретаться будет, и из оных в фабричные работы действительно употреблять так, как по мнению Берг-Мануфактур-коллегий показано, к шелковым четвертую часть, а три части оставлять при

[1] Полное собр. зак., № 9954.

крестьянских работах, к суконным, полотняным, шляпным и прочим фабрикам третью часть, а две части оставлять при крестьянских работах; к прочим же разных мастеров, во мнение Берг- и Мануфактур-коллегий порознь не описано, в покупке деревень позволения давать, применяясь к вышеописанному, смотря по мастерствам, по скольку к каким работам употребляется, без всякого излишества, под опасением, ежели впредь какое против вышеозначенной положенной пропорции излишество явится, взыскания немалого штрафа, и дабы сверх вышеписанного положения заводчиками и фабрикантами к заводам и фабрикам, окроме тех, кои деревни покупают по дворянству, а не к заводам и фабрикам их излишних крестьян отнюдь в покупке быть не могло» [1].

Мануфактур-коллегию указ обязывал «крепкое смотрение» иметь, дабы заводчики и фабриканты не злоупотребляли покупкой крестьян.

Дворянство, подчеркивал указ, имеет право бесконтрольной и неограниченной покупки деревень и крестьян к заводимым ими фабрикам и заводам. Даже «пожалованным в чины» фабрикантам «за тщательное произведение и размножение» заводов и фабрик воспрещалось покупать крестьян свыше нормы, определенной Мануфактур-коллегией, «потому что они ни в какой службе, то есть в воинской, статской и придворной не бывали» [2].

Так тщательно сохранялась чистота кастово-дворянского сословия при Елизавете.

В начале ноября 1753 года последовал сенатский указ, разъясняющий указ 1744 года о покупке фабрикантами земель и крестьян. Разъяснение-подтверждение потребовалось потому, что Юстиц-коллегия отказала Мануфактур-коллегии, по представленным ею промемориям, в юридическом санкционировании крепостей на крестьян, купленных фабрикантами с землей и без земли. Характерно то, что Юстиц-коллегия пошла на это запрещение и ведомственную борьбу с Мануфактур-

[1] Полное собр. зак., № 9954.
[2] Полное собр. зак., № 9954.

коллегией, зная об указе 1744 года, на который она даже ссылается в своем донесении Сенату. Сенат подтвердил разрешение покупать крестьян без земли и с землею.

Показателем того, насколько правительство 50-х годов было далеко от решительной политики Петра в организации активной поддержки со стороны государства развитию промышленности, может служить следующий факт.

В 1753 году в Сенат было подано донесение Мануфактур-коллегии, в котором она просила дать разрешение на посылку 4-х учеников за границу «на казенном коште» для обучения их рисовальному и красильному мастерству в целях улучшения работы шелкоткацких русских фабрик, ибо «на оных фабриках рисовальщики рисунки сочиняют токмо с вывозных из-за моря образцов, а собою без образца вновь рисунка сочинить не могут». Сенат отказал Мануфактур-коллегии и фабрикантам в посылке этих 4-х человек, в то время как при Петре они посылались сотнями на средства государства. Фабрикантам приказано было объявить, «чтоб они для своих фабрик рисовальных и красильных мастеров, кои к тем их фабрикам для собственной их пользы потребны», выписывали из «чужестранных государств» по разрешению Мануфактур-коллегии с содержанием на своем «коште» [1].

Русскому «фабрикеру», воспитанному на мелочной опеке и покровительственной политике, правительство начала 2-й половины XVIII века, пересматривавшее принципы петровской промышленной политики, заявило о том, что фабрики, которые они имеют, «для собственной их пользы потребны» и что поэтому нужно рассчитывать только на свой карман.

Относительно большой рост числа крупных крепостных мануфактур и увеличение «сословия» указных фабрикантов, пользующихся правительственными привилегиями, все это осложняло деятельность Мануфактур-коллегии по руководству промышленностью и не могло не влиять на объем и характер льгот, предоста-

[1] Полное собр. зак., № 10129.

вляемых монополистам. К концу царствования Елизаветы с каждым годом все больше и больше начинает выясняться тенденция на ограничение преимуществ «указных» фабрикантов. Указом Сената от 30 августа 1754 года было предписано ликвидировать все железные, хрустальные и стекольные заводы, отстоящие в 200 верстах от Москвы [1], указом 12 января 1759 года совершенно запретили учреждать новые фабрики и заводы в районах, близко расположенных к Петербургу [2]. Меры эти были вызваны хищническим уничтожением лесов владельцами мануфактур, которые вырубали леса не столько для нужд промышленности, сколько в целях торговли и спекуляции лесом. В деятельности Мануфактур-коллегии в этот период намечается стремление, с одной стороны, к сокращению привилегий «указных» фабрикантов из купечества и, с другой стороны, к сохранению этих привилегий для фабрикантов из дворян.

Со времени Петра I развитие экономической жизни России шагнуло далеко вперед. Расширение крепостничества и усиленное ограбление народа приводит к росту могущества и богатства дворянства.

Время Елизаветы, это время, когда в руках дворянства начинает быстро расти число крупных мануфактур, причем дворянство, также как и «указные» фабриканты из купечества, получает от Мануфактур-коллегии привилегии на содержание своих фабрик и заводов. С каждым годом число фабрикантов из дворян увеличивается; изменения в составе владельцев «указных» фабрик, бывших раньше по преимуществу купеческими, происходит и за счет роста числа владельцев мануфактур из среды крепостного крестьянства. В соответствии с этим изменяется несколько и характер деятельности Мануфактур-коллегии, когда гарантия и предоставление целого ряда льгот с ее стороны становится совершенно излишней для фабрикантов из помещиков, пользующихся этими льготами в силу своего дворянского происхождения. Усиление при Елизавете громадного влияния дворянства как класса на политическую

[1] Полное собр. зак., 10285.
[2] Полное собр. зак., 10914.

жизнь страны и государственные дела, приводит к еще большему вмешательству помещиков в промышленную политику, осуществляемую Мануфактур-коллегией, к лишению «указных» фабрикантов из среды купечества наиболее существенных привилегий и льгот.

29 марта 1762 года была совершенно запрещена владельцам мануфактур не из дворянского сословия покупка крестьян с землей и без земли, одновременно было указано Мануфактур-коллегии, чтоб «в заведении вновь фабрик и заводов никому воспрещения не чинить»[1].

Этим самым за счет интересов «указных» фабрикантов устанавливалась своеобразная привилегия для дворянства: не дворянам запрещалось впредь приобретать крепостных и земли[2].

При Екатерине II был взят решительный курс на ликвидацию привилегий «указных» фабрикантов. Только одним указом 31 июня 1762 года были отменены привилегии Шемякина на снабжение иностранным шелком-сырцом русских шелкоткацких мануфактур, который до этого ввозился беспошлинно, уничтожена привилегия содержателей сахарного завода Кованаха и Маева и привилегия петербургской ситцевой фабрики на монопольное производство ситца. При этом всем, в том числе и крестьянам, было разрешено без всякого ограничения заводить такого рода фабрики[3].

18 февраля 1763 года были отменены привилегии фабриканта Федорова с товарищами, а производство сусального листового золота и серебра, бумажных и полотняных обоев было разрешено «всем, кто пожелает»[4]. В марте следующего года было принято решение по докладам сенаторов Никиты и Петра Паниных

---

[1] Полное собр. зак., № 11490.

[2] Правительство Петра III и Екатерины II, лишив русских фабрикантов важнейших привилегий — права на владение крепостными крестьянами, оставило однако эту привилегию для фабрикантов иностранцев, которые заводили в России фабрики и заводы. Право покупки крепостных крестьян к мануфактурам иностранцев было дано указом Екатерины в 1763 г. (Полное собр. зак., № 11880).

[3] Полное собр. зак., 11630.

[4] Полное собр. зак., 11761.

о дозволении заводить всем без исключения фабрики и заводы, «особливо такие, с которых вещи на содержание полков потребны, то есть суконные, кожевенные, ...или гусарских киверов, пуговичные, полотняные, конские и другие овчарные...» [1]

Общеизвестно, что Екатерина в своем «наказе» комиссии 1767 года выступила в качестве решительной противницы не только частных, но и государственных монополий в области торговли и промышленности [2].

В 1769 году, указом от 10 сентября правительство сделало еще одно наступление на привилегированное положение фабрикантов-монополистов: все они были подвергнуты обложению государственным налогом, от которого раньше освобождались.

Фабрики, подчиненные Мануфактур-коллегии, на «которых работа ткачеством» производится, должны были уплачивать налог по рублю со стана, все остальные — один процент от стоимости произведенных товаров на мануфактуре [3].

Указы Екатерины II, разрешавшие «всем и каждому» заводить фабрики, не означали еще полной отмены всех привилегий «указных» фабрикантов. Заводить фабрики и мануфактуры можно было только при условии уплаты подати в государственную казну. Борьба с неуказными фабрикантами путем их преследования Мануфактур-коллегией продолжалась долгое время после этих указов Екатерины II. В Мануфактур-контору в 1774 году подали челобитную «указные» шляпные фабриканты «генерал-поручик» Рамбург, Иоган Якоб, Цейхнер, Михаил Швалев, крестьянин-фабрикант Степан Ложешников с жалобой на притеснения от безуказных фабрикантов, занимавшихся изготовлением шляп. При рапорте был приложен реестр неуказным петербургским шляпным фабрикантам; состав этих безуказных конкурентов был чрезвычайно неоднороден по своему имущественному и общественному положению, в преобладающей же массе это была мелкая буржуазия

[1] Полное собр. зак., 12099. т. 16.
[2] Полное собр. зак., 13090.
[3] Полное собр. зак., 13375.

русского города конца XVIII века и отпущенные на оброк крестьяне[1].

Мануфактур-коллегия приказала «оное доношение с приложением, записав отдать в повытье, а об оном учиня обстоятельную справку и выписав ис приличных законов доложить немедленно»[2], т. е. по этому делу должно было вестись обычное следствие, как о безуказных промышленниках, наносивших урон привилегированным фабрикантам. Указом 1769 года, собственно говоря, был только значительно расширен контингент указных фабрикантов. Правда, эта часть «новоуказных фабрикантов», в отличие от «староуказных», не получала обычно тех преимуществ, которые имели последние. Вообще это был шаг на пути расширения состава «указных» фабрикантов за счет других социальных групп, но еще неполный отказ от системы привилегированных мануфактур. Борьба с безуказными предпринимателями продолжалась. В 1774 году в Мануфактур-конторе разбиралось дело крестьянина Ильи Зубкова, который работал на трех ткацких станах, не получив на это разрешения от конторы. При разборе этого дела Мануфактур-контора ссылалась на старые (до 1769 года) указы и рассматривала Зубкова не просто, как предпринимателя, неуплатившего определенной государственной подати, а как неуказного мануфактуриста. Зубкову было объявлено, «чтоб он впредь отнюдь не отваживался... никакого заводу фабричного заводить

---

[1] В этом реестре были: иностранные мастера: Матиас Любек, имевший производство на Васильевском острове в доме купца Линкина, Михаильсон, Самуил Генрих, Петер Бергер, Лапарт; Спб., купец Сергей Чубаров, имевший производство в собственном доме в Московской части, Кашинский купец Иван Ветошников, любимский купец Иван Иванов на Фонтанке в доме графа Апраксина, цеховой мастер Дмитрий Михайлов в Невской слободе в своем доме; «Экономический крестьянин Алексей Иванов на Петербургской стороне в доме купца Шишелова; матрос Александр Сергеев в Малой Коломне в своем доме; лейб-гвардии Преображенского полка солдат Иван Семенов в том же полку; отставной солдат Иван Александров на Литейной части». УЦГАЛ, АНХ,—Фонд Мануфактур-конторы, св. 69/136, д. 41, лл. 623—624.

[2] УЦГАЛ, АНХ,—Фонд Мануфактур-конторы, св. 69/136, д. 41, л. 625.

без указного дозволения, а буде желает на станах какую производить работу, то б для этого с платежем положенных пошлин брал каждогодно указные билеты»[1]. Мануфактур-коллегия и ее контора старались тщательно следить за лицами с просроченными билетами, за неисправно и несвоевременно «выправляющими» новые билеты, или за теми, которые совершенно не желали их брать[2].

Как мы уже указывали, социальный состав этих преследуемых неуказных безбилетных фабрикантов 70-х годов был самый пестрый: это не только крестьяне-оброчники, но и беглые крестьяне, осевшие в городах и посадах, мелкое купечество, бывшие рабочие мануфактур, обучившиеся мастерству на указной фабрике, и теми или иными способами порвавшие с ней связь, неудачливые искатели счастья иностранцы-авантюристы, просто иностранные рабочие, иногда мелкие чиновники, бывшие солдаты и прочие.

Мануфактур-коллегия, кое-как, с большим трудом могла бороться с безуказными «фабрикантами» в крупных городах, как Москва и Петербург, своим аппаратом и с помощью полиции, магистратов и других ведомств. Но на периферии, в губерниях, такую борьбу было вести значительно труднее. Мануфактур-коллегия была не в силах выполнить возложенную на нее задачу побороть растущую стихию безуказной и в первую очередь крестьянской безуказной промышленности. Кроме того, Мануфактур-коллегия не могла иметь никакой га-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 74/142, д. 2, л. об. 62.

[2] См., например, д. 13, св. 74/142 по фонду Мануфактур-конторы: «Дело о посылке канцеляриста Федора Полеваева по инструкции за дрезденским уроженцем Карл Фридрих Иоганесом для отобрания у него билета за прошествием по нем срока» или дело № 12 «Об отобрании у Спб. купца Ильи Пивоварова, данного ему в 1772 г. для производства на три ткаческих стана билета за прошествием по нем срока; дело № 11, за 1774 г. о задержанном главной полициймейстерской канцелярией» французской нации Антон Жахман, который делает шелковые бахромы и тесьмы без дозволения... конторы и без платежа положенной пошлины; дело № 10 «О сыске чрез главную полицию в 1773—74 гг. неуказного производителя «на станах ткаческой работы саксонского уроженца Готлиба Лейне» и т. д.

рантии в том, что «фабрикант», взявший разрешение на 2—3 стана, не будет работать на значительно большем количестве станов. Возможность подобных обходов установленных правил фабрикантами Мануфактур-коллегия учитывала, и, исходя из этого, на органы полицейского надзора возлагала обязанность контролировать в этом отношении фабрикантов. С этой целью, например, в 1772 году Мануфактур-контора сообщала главной полицеймейстерской конторе реестр тех, кто взял билеты «с требованием, чтоб оная канцелярия благоволила за оными... иметь крепкое смотрение, дабы каждой производил работу на толиком числе станов насколько по билету производить каждому означено, а не свыше...»[1].

Также, в целях контроля за «новоуказными» фабрикантами, Мануфактур-коллегия требовала от них представления ведомостей за каждое полугодие о работе их «фабрик». В ведомости нужно было указывать количество произведенного товара, рыночную цену его, источники получения сырья и проч.

Рапорты эти рассматривались коллегией и ее конторой и в случае сомнений в истинности изложенных в них сведений прибегали к проверке этих показателей непосредственно на месте. Тогда, когда ведомость не вызывала сомнений и по ней не требовалось производить расследований, она направлялась в повытье и служила для справок в необходимых случаях[2].

Несмотря на различные средства принуждения, к которым прибегала Мануфактур-коллегия, дело с выдачей билетов на ткацкие станы продвигалось очень плохо. «Новоуказные» фабриканты избегали всякими возможными способами уплаты в казну за билеты положенного сбора. Даже в первый год этого сбора в 1770 году Мануфактур-конторой было собрано с «фабрик» в марте месяце 6 рублей, в мае 11 рублей, в июне 6 рублей, в июле 3 рубля и в августе также 3 рубля, всего 29 рублей. Кроме того, «с цены наделанных товаров» (т. е. с тех мануфактур, где не было станов) 292 рубля 51 копейку[1].

[1] УЦГАЛ, АНХ,—Фонд Мануфактур-конторы, св. 74/142, д. 8, л. 4.

[2] Там же, д. № 7, лл. 7—103.

Когда в 1771 году Мануфактур-коллегия составила реестр на тех фабрикантов, которые «на производство в Москве ткаческих станов билетов не объявили», то таких безбилетников оказалось 1 121 человек [2]. Так терпела поражение попытка использовать, в интересах пополнения средств казны, капиталы «новоуказных» фабрикантов. Само екатерининское правительство вряд ли в это время серьезно рассчитывало на солидность этих поступлений.

Суть дела заключалась, конечно, не только в том, что правительству нужны были деньги, поступавшие от этих сборов, а в том, что это было начало постепенной ликвидации привилегии «указных» фабрикантов. С 60-х годов правительство по-иному, нежели при Петре, начинает относиться к льготам монополистов-фабрикантов. Это несколько иное отношение правительства Екатерины II к «указным» фабрикантам и вместе с тем его боязнь рабочего движения на крепостных мануфактурах превосходно могут быть иллюстрированы следующим эпизодом в истории Мануфактур-коллегии.

В самом начале 70-х годов правительство поставило перед Мануфактур-коллегией вопрос о необходимости вывода в другие города и провинции всех московских фабрик. Вопрос этот был поставлен в конце 1771 года по инициативе Сената и генерал-прокурора князя Александра Алексеевича Вяземского. Официальными мотивами для перевода фабрик и заводов Сенат выдвигал такие обстоятельства:

1. Дальнейший рост и просто самое существование фабрик в Москве «с давнего времени признано вредным и уже помышляемо было о выводе их в другие города» Жители Москвы несут «отягощение» «по притчине дороговизны, причиняемой умножением в столичном городе черни в съестных припасах» [3].

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 74/142, д. 3, л. 3

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 258, д. 5670, лл. 14—27.

[3] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 317, д. 11855, л. I.

2. В это время в Москве свирепствовали «прилипчивые болезни, которые и начало свое от фабрик восприяли» [1], так как «...чернь (рабочие фабрик. — Дм. Б.) яко не наблюдающая в житии своем никакие чистоты первым началом всех опасных и заразительных болезней бывает...».

3. «...Сверх того всего из давного у нас времен доволно усмотрено что и самые даваемые фабрикантам исключенные привилегии непосредственно тягостны обществу...» [2].

Останавливаясь на этом последнем обстоятельстве, авторы предложений ссылались на указ Анны 1731 года 11 июля, которым приказывалось отнять привилегии у тех фабрикантов, что держали мануфактуры «для лица».

Было решено вывести в другие города все фабрики без исключения, оставив в Москве только «одни рукоделия в домах производимые».

В целях наиболее «удобного» способа вывода фабрик Мануфактур-коллегии было предписано указом, чтобы она призвала всех фабрикантов в коллегию и объявила им решение Сената, потребовав от них представление сведений, какими «способами» сами они желают осуществить эту операцию и кто в какие города пожелает из них перевести свои фабрики.

Все фабриканты подали в Мануфактур-коллегию в связи с этим свои челобитные, в которых они отмечали тягостность такого решения правительства для их предприятий.

Затем последовал коллективный «ответ» всех московских фабрикантов на этот указ Сената и Мануфактур-коллегии.

Ответ этот состоял из пяти пунктов:

1. «Вообще подвергаемся мы с рабским и всеподданнейшим благоговением всему тому, что о наших фабриках е. и. в. указать соизволит».

2. «Долженствуем при том всенижайше представить, что колико принадлежит до способов, которыми бы лутче фабрики отсюду перевесть можно было, то теперь мы

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-кол., св. 317, д. 11855, л. 1.
[2] Там же, л. 2.

в скорости никак придумать не могли, в прошедшем несчастливое время претерпели мы, столько убытков и разорения, что новых убытков никак понести не можем или же разоримся в конец и кредиторы наши много претерпят».

3. «Всеподданнейшие просим принять в рассмотрение, что почти нет ни одного города, где бы какое хотя малое и для фабрик способное строение к помещению их имелось, а тем еще труднее, чтоб во окружности его свободные могли сыскаться сукновалительные и протчие ко многим фабрикам необходимо нужные мельницы и потому на одно заведение весьма довольное время иметь и капиталы употребить нужно».

4. «Известно государственной Мануфактур-коллегии, что теперь фабрики лишней тесноты делать не могут и что большая часть работ производится в уезде и уездными людьми, о чем пространно и доказывать не смеем, яко о деле известном».

5. «А что принадлежит до пожалованных некоторым из нас по государственным законам и грамотам за монаршим подписанием привилегий, то мы никак не смеем монаршей милости какую-либо цену или замену положить все то единственно предаем в монаршее е. и. в. милосердие» [1].

Таким образом, все содержатели московских фабрик и мануфактур в очень выдержанной форме, но с убедительной аргументацией протестовали против вывода фабрик в другие города и против отнятия у них привилегий, данных «по государственным законам» и за «монаршим подписанием».

Действительные причины, побуждавшие правительство Екатерины II к мысли о выводе из Москвы всех фабрик и заводов, заключались, конечно, не в том, что было указано в официальном документе, адресованном в коллегию для сообщения фабрикантам. Екатерина II просто боялась могущего вспыхнуть среди рабочих мануфактур движения. Еще слишком свежа была в памяти борьба пятидесяти тысяч приписных рабочих на гор-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 317, д. 11855, л. 19.

ных заводах при вступлении Екатерины на престол [1]. Что причины вывода заключались именно в этой боязни восстания рабочих мануфактур, об этом свидетельствуют два следующих факта:

1. 8 ноября того же 1771 года генерал-фельдцейхмейстер князь Григорий Орлов объявил вице-президенту Мануфактур-коллегии «повеление дабы Мануфактур-коллегия по означенному правительствующего Сената указу исполнение оставить и оной указ хранить никому не объявляя: какие же к тому настоят резоны о том имеет объяснить правительствующему Сенату господин президент сам» [2].

Очевидно, генерал-фельдцейхмейстер имел какие-то основания для того, чтоб хранить содержание указа в тайне и истинные «резоны» передать лично только вице-президенту коллегии.

2. Мануфактур-коллегия в своем доношении правительствующему Сенату в начале 1773 года присоединилась к мнению фабрикантов и в дополнение к соображениям последних — о невозможности вывода фабрик из Москвы, сообщала о том, что в Москве осталось небольшое количество фабрик с незначительным числом занятых в них рабочих. По ее данным «в Москве всех родов фабрик, коих только и есть семьдесят девять, при них ныне людей налицо приписных и покупных мужеска 1622, женска тысяча сто тридцать душ, да вольных, которые... работают временно обоего пола не более как только до 3 435 человек...» [3]. Всех рабочих, занятых на 79 мануфактурах Москвы, было, таким образом, не более 6 187 человек. Из доношения Мануфактур-коллегии видно, что правительство пугала именно численность рабочих на фабриках и заводах столицы.

Если в данном случае вопрос о выводе из Москвы мануфактур был разрешен в интересах «указных» фабрикантов, то объясняется это отнюдь не тем, что Ману-

---

[1] Семевский,— «Крестьяне в царствование Екатерины».

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 317, д. 11855, л. 29.

[3] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 317, д. 11855, л. 75.

фактур-коллегия сыграла в этом деле решающую роль своим вмешательством.

Наоборот, значение Мануфактур-коллегии в это время, в смысле ее активного влияния на промышленную политику правительства, становится все более и более слабым и не авторитетным.

Ее практическая деятельность и покровительство, оказываемое «указным» фабрикантам, наталкиваются на резкое противодействие и беспощадную критику влиятельных слоев дворянства, желавших ликвидации учреждения.

Наиболее крупные дворянские идеологи выступают публично с критикой ее работы и с предложениями уничтожить Мануфактур-коллегию.

В конце 1776 года, т. е. за два с небольшим года до ликвидации учреждения, князь Щербатов дает следующую характеристику современной ему Мануфактур-коллегии:

«Сия Коллегия мудро учрежденная Петром Великим для надзирания над всеми фабриками и мануфактурами и для побуждения оных, разными злоупотреблениями не токмо полезна, но и вредна учинилась. Первое зло произошло от несправедливого растолкования слова закона, что фабриканты по их делам неподсудны нигде инде, как токмо в Мануфактур-коллегии. Сие и должно бы разуметься по их делам, сиречь мануфактурным, то есть, в их доброте товаров, в споре в нужных для фабрик и прочаго подобного, которые никогда инде не могут быть суждены, как в таком месте, где должно почитать, что сии дела и вещи знаемы, и так сказать, чтобы судьи учили сию часть. Но сие бы не прибыльно было, и для того вздумали распространять сие право на особы и на имение и почти на всякие дела, из чего и произошло что Мануфактур-коллегия сделалась Судным приказом и Вотчинною коллегией; зачали в ней суды говорить, зачали имения искать, за все стали взятки брать, а от главного предмета ее установления совсем отстали; судьи по регламенту ездят осматривать фабрики, но какие судьи? Судьи, не имеющие ни смысла, ни вкуса, ездят токмо брать взятки и пить у фабрикантов. Роздали деньги по страстям, смешали мануфактуры с руко-

дельями, для дания каждому фабриканских привилегий и разрушили все. Оставалась хотя тень еще Мануфактур-коллегии, но видя такие злоупотребления, государыня восхотела вдруг сделать большие ремеслы, позволя каждому в домах работать особливым и точным указом; а как уже Мануфактур-коллегии за сими не можно надзирание иметь, то и в самом своем предмете, она упала, а тогда же худыми дешевыми мануфактурами хорошие фабрики стали подрывать, а самым же сим крестьяне сделавшись ткачами, и земледельство некоторое ослабление почувствовало. Разсмотрим какого же бы направления требовала Мануфактур-коллегия? Никакого иного, как чтобы ей не быть, а быть, вместо того, генерал-директору над фабриками, мужу честному, имеющему вкус, знающего в таких работах и искусствах, который бы наблюдал из своей канцелярии о доброте товаров, давал бы им наставления, как лучше их производить подпирал бы силою их прозьбы у двора дела-бы, до граждаства касающиеся, оставил быть сужденными в обыкновенных судебных местах, а дела бы их ремеслам рещал с совету людей знающих и самих фабрикантов, наконец, имел бы право давать награждения тем, которые лучше производят работу, и имел бы знания и сообщение с Коммерческим правлением, дабы положение мануфактур с общим положением торговли согласить»[1].

За год перед этим, 17 марта 1775 года, Екатерина II окончательно подтвердила, что «всем и каждому дозволяется добровольно заводить всякого рода станы и производить на них всевозможные рукоделия, не требуя на то уже иного дозволения от вышнего и нижнего места»[2].

Щербатов предвидел неизбежность ликвидации Мануфактур-коллегии и отстаивал принципы нового направления в промышленной политике самодержавия конца 70-х годов XVIII века. В чем видит Щербатов порочность старой, доекатерининской политики в области промышленности и «вредность» деятельности учреждения?

---

[1] М. Щербатов,— «Статистика в рассуждении России», стр. 83—84.

[2] Полное собр. зак., 14275.

Прежде всего, Щербатов протестует против тех привилегий, которыми пользуются указные фабриканты, как обособленная корпорация. Он протестует против подсудности фабрикантов только Мануфактур-коллегии, когда она, став Судным приказом и вотчинной коллегией, распространила право монопольной и привилегированной подсудности «на особы и на имении и почти на всякие дела». Щербатову и его сторонникам подсудность фабрикантов коллегии было желательно ограничить более узким кругом вопросов и придать ее судебной деятельности совершенно иное направление: контроль и привлечение к судебной ответственности за плохое качество товаров, производимых на мануфактурах, разрешение различных конфликтов по мелким вопросам заводской жизни. Широкие судебные полномочия Мануфактур-коллегии, по их взглядам, привели к большим злоупотреблениям, взяточничеству и подкупу ее чиновников.

Линия екатерининского правительства на развитие «вольных ремесел» и разрешение каждому в «домах работать» была началом конца покровительства монопольным указным фабрикантам и тем самым снимала вопрос о поощрительно-покровительственной политике, проводившейся на протяжении многих лет Мануфактур-коллегией. По выражению Щербатова, она (коллегия) «в самом своем предмете... упала». Отпадала забота по охране прав фабрикантов-монополистов от конкуренции «безуказных» промышленников из среды крестьян и посадской мелкоты. Позиция Щербатова в известной мере противоречива, когда он заявляет о том, что крестьяне, наводнив рынок «худыми дешевыми мастерствами хорошие фабрики стали подрывать». Это его замечание создает впечатление, что он является сторонником монопольных крупных привилегированных фабрикантов и заводчиков. Дело однако обстоит не совсем так. Щербатова беспокоит в этом вопросе другая сторона дела, а именно то обстоятельство, что «земледельство некоторое ослабление почувствовало». Он беспокоится за интересы дворянства, помещика-землевладельца. Исходя из всего этого, Щербатов предлагает совершенно ликвидировать Мануфактур-коллегию, предугадывая

решение правительства. Но он не отказывается от мысли иметь какой-то высший орган государственного управления промышленностью с иной программой и задачами, нежели это было формулировано в петровском регламенте 1723 года. «Генерал-директор» Щербатова это прежде всего специалист в вопросах промышленности, «наблюдающий» за производимой продукцией, дающий наставления фабрикантам, как лучше производить, лицо, отстаивающее нужды фабрикантов перед правительством. Объем его полномочий не вытекает из привилегированного положения самих фабрикантов, поскольку покончено с самой системой «указных» фабрик и заводов.

Щербатов является решительным защитником интересов дворянства и под этим углом зрения он и решает вопрос о промышленной политике правительства и об управлении промышленностью. Елизаветинский период существования Мануфактур-коллегии он рассматривает, как отрезок времени, в течение которого роль русского дворянства в развитии фабрично-заводской промышленности была особенно велика: «по 1742 год было суконных фабрик только 16; с вышеозначенного году[1] когда дворяне зачали в оные вступать до ныне еще их 60 прибавилось, и чрез такое прибавление Россия стала в состоянии армию свою собственными своими сукнами довольствовать; полотняных же, которых было по вышеозначенный год только 20, с того году еще 68 прибавилось»[2].

В екатерининской комиссии 1767 года и позднее Щербатов указывал на возросший удельный вес помещичьей фабрики и отстаивал необходимость ее дальнейшего развития. Не ограничивая ничем право заведения помещиками любой фабрики, а равно и право торговли произведенными на них товарами, Щербатов считал необходимым поставить рогатки заведению мануфактур купечеством:

1. Фабрика должна была строиться обязательно

---

[1] Это был год восстановления Мануфактур-коллегии Елизаветой (Дм. Б.).

[2] Щербатов,— Собрание соч., т. I, стр. 25.

только на земле, купленной для завода. Работа может производиться только вольнонаемными или приписанными крепостными.

2. Фабриканту из купцов запрещается всякая торговля, кроме как товарами, произведенными на его фабрике или заводе.

3. Для этой торговли он может завести только одну лавку с тем, чтобы остальные купцы (не владельцы мануфактур) могли торговать продуктами его производства.

4. Дома и на фабрике всякая торговля фабриканту запрещается.

5. Содержание фабрики не освобождает ее владельца от всех тех тягостей, служб и повинностей, которые несет все остальное купечество [1].

Мотивы и соображения, которыми руководствовался Щербатов, и решили позднее вопрос о необходимости ликвидации Мануфактур-коллегии.

В наказе депутату, в екатерининскую комиссию по составлению нового Уложения, от Мануфактур-коллегии, вице-президенту коллегии Сукину следующим образом формулировалась точка зрения коллегии на историю учреждения и его дальнейшую судьбу:

«Необходимость заставила Петра Великого учредить почти насильно фабрики и мануфактуры: число их простирается ныне до 500, а доходы до 2-х миллионов рублей. Но в то же время неудобства, которые при первом заведении фабрик оказались малозначащими, или которых и вовсе не примечали, начали увеличиваться со дня на день. Заводчики стали покупать деревни, пользоваться через то правами дворянства и вступать в военную службу: — от сего произошло такое смешение состояний, что едва можно было прекратить оное. Большие заведения вместо того, чтоб распространять промышленность, заключились в своих стенах и подавляли промышленность народную. Число приписных к фабрикам крестьян составило новый род владельческих крестьян вместо того, чтобы увеличить число вольных мастеров и зажиточных мещан. Позволение, данное людям всякого состояния, заводить большие фабрики, обра-

[1] Щербатов,— Собрание соч., т. I, стр. 130—131.

тилось в тягость для маленьких городов. Опыт доказал, что промышленность сих последних начала упадать с тех пор как стали процветать большие заведения. На купцов пало бремя нового рода: содержатели больших фабрик привлекли на себя особую ненависть; одним словом: мануфактуры и большие фабрики обратились в монополию нескольких людей, стесняющих народную промышленность. Надобно пособить сим неудобствам. Все пойдет хорошо, если промышленность предоставить самой себе, если всякому будет дозволено работать, сколько он хочет, или сколько обстоятельства его позволяют. В особенности надобно стараться о распространении промышленности между крестьянами. Во многих фабриках есть уже вольные мастеровые; другие могут приобресть их таким же способом» [1].

Сама Мануфактур-коллегия стала на точку зрения отрицания тех принципов, которые лежали в основе ее деятельности. Требования дворянской программы и желательное изменение промышленной политики очень ясны: лишить всех привилегий фабрикантов монополистов и ликвидировать якобы всякие ограничения для остального населения страны (в особенности для крестьян). Предоставить развитие промышленности «самой себе». Для дворян помещиков это означало увеличение источников эксплоатации крепостного крестьянства. Монопольное производство указных фабрикантов, при беспощадном преследовании крестьянской неуказной промышленности со стороны Мануфактур-коллегии было препятствием, которое стесняло свободу эксплоатации помещиками крепостных крестьян в области промышленности и отхожих промыслов. В связи с таким наметившимся поворотом в промышленной политике естественно вставал вопрос о свертывании деятельности, а затем и ликвидации самой Мануфактур-коллегии.

Полоса ограничений петровских привилегий в области налоговых льгот началась обложением фабричных крестьян по 70 копеек на душу. Подать эту вносили фабриканты в казну единовременно, а затем они сами вычитали ее из зарплаты рабочих. Это нововведение по-

[1] Журнал «Сын отечества», 1822 г., 82 т., стр. 194—195.

вело к обострению борьбы рабочих за сохранение заработной платы и вылилось в целую серию острых конфликтов вплоть до вооруженных выступлений. 15 декабря 1763 года на всех владельцев мануфактур была наложена прямая подать, когда велено было собирать с каждого стана по рублю, а с фабрик, где их не было, с капитала по одному проценту. 14 марта 1774 года мануфактуры были обложены податью наравне со всеми прочими недвижимыми имениями. Как уже указывалось, в 1769 году было дозволено всякому заводить мануфактуры и фабрики без разрешения на то Мануфактур-коллегии.

Каждый имел право путем устного заявления в Мануфактур-коллегию «объявить» любое количество станов и заплатить вперед за них причитающуюся подать. Квитанция в получении подати должна была на весь год служить «дозволительным указом». Коллегии было строго наказано выдавать разрешения без всякого «медления и волокиты», тотчас как будут внесены деньги. В отношении тех, «кто отбывая от сего легкого, но справедливого платежа потаенно на станах работать станет», велено было поступать по всей строгости прежних законов о безуказных фабрикантах [1]. В центре выдача билетов и сбор подати проводился Мануфактур-коллегией и ее конторой, на местах губернаторами и воеводами. Обложению податью не подлежали станы, принадлежавшие дворянам и станы крестьян, находящиеся в их домах «для одного хозяйства и домашнего обихода», «на которых ткутся сермяжные сукна, полотна и холсты, как простые так скатертные и салфеточные» [2]. Облагались только те мелкие и крупные производства, где вырабатывались ткани и материи на манер тех, что вывозились из «чужих краев». Московская полицмейстерская канцелярия должна была строго смотреть «за всеми городскими находящимися в ведомстве ее жителями», чтобы никто из них «в преступления впасть не мог», отговариваясь незнанием того, что они обязаны заводить мануфактуры с уплатой положенной подати.

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 74/142, д. 15, л. 265—272.

[2] Там же.

У безбилетников отбирали произведенную продукцию, сырье и инструменты и кроме того накладывали штраф; половина стоимости конфискованного имущества по закону передавалась тому, кто доносил на безбилетника [1].

Под видом работы для «домашнего обихода» на дворянских мануфактурах и крестьянских дворах очень часто делались товары для продажи на внутренний рынок. Мануфактур-коллегия в начале 1770 года вынесла решение, по которому на «издревле» бывшие для домашнего обихода велено было считать те станы, на которых ткутся «именованные в тарифе простые, а не фабричные салфеточные и скатертные узкие и в аршин шириною полотна», а прочие станы, на которых вырабатывались «камчатные и подножечные скатерти и салфетки» шире аршина, велено было «почитать неиздревле бывшими» [2]. Производство последних без билетов и уплата подати было запрещено для помещиков и крестьян. Позднее Сенат отменил это решение и было разрешено ткать материи любой ширины и доброты помещикам и крестьянам. Эта отмена была еще одним дополнительным ударом по «неуказным» фабрикантам, которые до этого были монополистами в суконно-ткацкой промышленности. По времени это решение почти совпало с ликвидацией Мануфактур-коллегии.

Буржуазно-дворянская историография связывала уничтожение коллегий при Екатерине II с введением в жизнь нового «учреждения о губерниях». По их мнению, областная реформа была в сущности «перенесением коллегий из центра в области, где они должны были оживиться новыми, удалявшимися туда элементами» [3]. Если в отношении ликвидации некоторых коллегий этот довод имеет известное основание, то он неприемлем для

---

[1] Распространение билетов шло очень медленно. В апреле месяце 1771 г. из лифляндской генерал-губернаторской канцелярии, напр., доносили в Мануфактур-контору, что из 20 присланных билетов не выдано за полтора года ни одного, хотя в крае и были различные предприятия. УЦГАЛ, АНХ,—Фонд Мануфактур-конторы, св. 74/142, д. 15, л. 78—80.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 74/142, д. 15, л. 397.

[3] Градовский,— собр. соч., т. I, стр. 253, Спб. 1899 г.

понимания ближайших причин ликвидации Мануфактур-коллегии.

Обращает прежде всего внимание тот факт, что Мануфактур-коллегия была ликвидирована значительно раньше, нежели все остальные учреждения. Если указ о ликвидации Мануфактур-коллегии был дан в 1779 году, то в отношении большинства других коллегий Екатерина обнаруживает намерение закрыть их только в 1785 году, то есть на шесть лет позднее. При этом решения о ликвидации этих коллегий не носят такой категорической и спешной формы осуществления, как это имело место с Мануфактур-коллегией; вначале было приказано освободить их от лишних дел с тем, чтобы они могли без вреда для дела покончить с нерешенными вопросами. Самая ликвидация учреждения шла постепенно. Юстиц-коллегия была закрыта только в 1786 году, в этом же году была закрыта Коллегия экономий, позднее этого именным указом были закрыты Вотчинная коллегия, Ревизион-коллегия и др. [1].

В отношении Мануфактур-коллегии поступили несколько иначе: в 1779 году на доклад Сената об уничтожении коллегии последовал указ Екатерины, первым пунктом которого Мануфактур-коллегии и ее конторе вменялось в обязанность «приложить старания, чтобы в течение полугодового срока», считая с 10 января 1780 года, «непременно» кончить все «нерешенные» дела, «кои же по существу своему принадлежат до других правительств, оные бы препроводили в течение оного же срока куда которые следует» [2].

Мануфактур-коллегия и контора [3] несколько раз пытались безрезультатно ходатайствовать об удлинении

---

[1] Полное собр. зак., 14732, 14833, 16307, 16399, 16419, 16629.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 191, д. 6, л. 61

[3] В год ликвидации учреждения штат только Мануфактур-коллегии состоял из 31 человека с общей суммой годового оклада в 5219 рублей. Из этого состава членами присутствия конторы были: д. стат. советник Михаил Тихомиров с годовым окладом в 750 руб. Надворный советник Александр Дуров с окладом в 600 рублей, секретарь Михаил Гибир с окладом 450 рублей и переводчик Егор Шмид с окладом в 300 руб. Кроме того в штате было три протоколиста с окладом от 300 до 200 руб., 11 чел. регистраторов с окладом от 200 до 154 руб., 2 чел. канцеляристов с окла-

срока ликвидации дел, но даже эта просьба не была удовлетворена [1].

Губернская реформа 1775 года, ставившая своей задачей усиление административно-полицейского надзора за населением, конечно, неизбежно приводила к пересмотру всей системы государственного управления в целях усиления власти дворян-помещиков не только на местах, но и в центре страны. Отсюда неизбежность изменений в коллегиальной системе Петра. Но в деле упразднения Мануфактур-коллегии играли роль и другие непосредственные причины: фактический отказ к этому времени от прежней системы экономической политики Петра в области промышленности, курс на ликвидацию «указных» фабрикантов из среды купечества. В екатерининской комиссии 1767 года торжествовало дворянство, добившееся запрета промышленникам-купцам держать в своих руках фабрики и заводы на основе петровских жалованных грамот-привилегий. Фабриканты, требовавшие возврата к старой петровской политике, с своими планами об отмене законов, запрещавших покупать крестьян к мануфактурам, потерпели поражение. Относительно быстрый рост общественного разделения труда в сельском хозяйстве, создание всей предшествующей историей страны промышленных центров, рост внутреннего рынка, когда в качестве товара начинают фигурировать все больше и больше не только продукты крепостных мануфактур, городских и крестьянских мелких промыслов, но и продукция сельского хозяйства, возрастание роли внешней торговли, все это было свидетельством того, что в недрах крепостного хозяйства медленно, но неуклонно начинали быстро расти товарно-капиталистические отношения. В конечном счете это вело к подрыву натуральных основ крепостнических отношений, феодальные отношения начинали постепенно разлагаться и на их месте намечалось наро-

---

дом от 93 до 81 руб., 2 чел. подканцеляристов с окладом по 36 руб., 1 вахмистер, 6 чел. солдат и два сторожа. УЦГАЛ, АНХ, св. 191, д. 6. Сведений о штате Мануфактур-коллегии за этот период в нашем распоряжении нет, однако, судя по предыдущим годам он был значительно больше, нежели в конторе.

[1] Там же, лл. 76, 77; 147—148.

ждение новых капиталистических отношений. Естественно, что дворянство при таком положении вещей должно было пойти и по пути сопротивления и по пути приспособления к этим новым отношениям. В том и другом случаях оно использовало свой государственный аппарат.

Сообразно этому государственный аппарат, имевший отношение к экономической политике страны, должен был быть построен так, чтобы его повседневная практика обеспечила крепостнику при новых условиях возможность усиления феодальной эксплоатации крестьянства не только в области сельского хозяйства, но и в других отраслях народного хозяйства. Это обстоятельство предполагало, прежде всего, исключение из числа конкурентов значительной прослойки «указных» промышленников, эксплоатировавших крепостное население страны почти на равном феодальном праве и пользовавшегося исключительными привилегиями в сфере торгово-промышленной жизни государства. Во-вторых, это должно было приводить к все большему и большему строительству дворянских мануфактур и закреплению на них все большего числа крепостных крестьян. Все вместе взятое приводило к необходимости ликвидации специального учреждения, ведавшего «указными» фабрикантами, к ликвидации Мануфактур-коллегии. Вместе с тем, самое усиление товарно-денежных отношений, начавшееся в России, снимало необходимость в правительственном насильственном и полунасильственном «побуждении» и «принуждении» к вложению капиталов в промышленность, в той мере, как она практиковалась при Петре и в последующее десятилетие. Сумма этих обстоятельств также приводила к необходимости отказаться от политики беспощадного преследования и уничтожения «безуказной» мелкокрестьянской и городской промышленности.

Владельцы мануфактур из купечества, разумеется, были за сохранение старой политики в этом вопросе. Дворянство, в отношении своих крепостных крестьян, занимавшихся мелкой промышленной деятельностью, располагало достаточной силой власти для подчинения их средствами внеэкономического принуждения, и в

большинстве случаев «процветание» этой промышленности крепостного крестьянства было дополнительным источником обогащения представителей господствующего класса. Дворяне, владельцы мануфактур, не были заинтересованы в сохранении Мануфактур-коллегии, как учреждения, в силу того, что они особенно не нуждались в этих привилегиях. Для них выгоднее было лишить привилегий своих конкурентов.

В именном указе 22 ноября 1779 года причины ликвидации Мануфактур-коллегии были изложены следующим образом:

«Установление Мануфактур-коллегии с ее Конторою имело начало свое в такое еще время, когда к распространению полезных рукоделий и фабрик недовольным побуждением казался собственный каждого в том прибыток, но старания правительства простирались и на изъятие всяких предубеждений. В течение последующих времен на деле испытано было, коль меньше нужным становилося сие учреждение и особливо после того, когда манифестом нашим марта 17-го 1775 года большая часть сборов с фабричных станов, а указами от 28 июня 1777 и августа 1779 годов и все оные сложены, да и всем подданным нашим в заведениях станов и рукоделий столь беспредельная дана от нас свобода, что не стесняются уже они ни частным испрошением на то дозволения, ни надзиранием за делом рук их, где собственная каждого польза есть лучшее и надежнейшее поощрение стараться предуспевать в доброте и прочности вырабатываемых ими вещей. Самое снабдение войск наших потребными вещами из суконных фабрик... приведено в такое состояние, что без малейших принуждений доставление потребных для армии сукон служит одним из надежнейших способов к прибыли фабрикантам и поставщикам и одобрением в качестве и исправности достигать лучшаго по возможности степени»[1].

Ликвидируя Мануфактур-коллегию и основы старой петровской политики в области промышленности, правительство Екатерины делало вид, что оно не затраги-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 191. д. 6 л. 59—62 и ПСЗ, № 14947.

вает интересов «указных» фабрикантов, на самом же деле, как это увидим ниже, последние были очень недовольны тем, что их лишали возможности эксплоатировать крепостных крестьян в мануфактурах методами и средствами внеэкономического принуждения на равных основаниях с господствующим классом [1].

---

[1] Туган-Барановский, слепо следуя за законодательным источником, пытается также доказывать выгодность для фабрикантов ликвидации Мануфактур-коллегии, утверждая, что это «...было прежде всего выгодно самим фабрикантам». «Русская фабрика», ОГИЗ, 1934 г., изд. 6-ое, стр. 38.

ГЛАВА IV

МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИЯ И „УКАЗНЫЕ“ ФАБРИКАНТЫ

Структура Мануфактур-коллегии и ее конторы на протяжении всего XVIII века была различна. О четкости и устойчивости организационных форм учреждения можно говорить только с очень большими оговорками.

Коллегиальная система XVIII века в этом отношении сохранила неорганизованность и путаницу приказной системы государственного управления XVII века. Однако известное разделение функций и определенная субординация между различными частями учреждения, установленная генеральным петровским регламентом и регламентом самой коллегии, проводилась за все время существования учреждения.

Присутствие коллегии, во главе с президентом и вице-президентом, которые назначались верховным представителем власти, включало в свой состав от 6 до 9 ответственных чиновников, коллегиальными решениями которых и осуществлялась повседневная промышленная политика и практика, принципиальные основы которой были закреплены в законах, указах Сената и других высших правительственных инстанций. На рассмотрение и утверждение присутствия коллегии поступали все дела, имевшие отношение к промышленности и фабри-

кантам, даже самые незначительные. Присутствие имело своего секретаря, чиновника с очень большими полномочиями, одной из функций которого была подготовка дел к слушанию в коллегии и установление порядка их прохождения.

При коллегии существовал орган прокурорского надзора по вопросам промышленности, подчиненный вышестоящей инстанции общегосударственного института прокуратуры. С помощью своего особого аппарата прокурор Мануфактур-коллегии осуществлял контроль за общей деятельностью учреждения и его решениями [1].

Исполнительно-канцелярский аппарат коллегии состоял из канцелярии присутствия с постоянно изменявшимся распределением обязанностей между ее чиновниками. Канцелярия возглавлялась ее начальником, секретарем, в распоряжении последнего было несколько других секретарей, между которыми и распределялись различные категории дел. Канцелярия, таким образом, состояла из отдельных частей работавших под руководством секретарей или членов коллегии, носивших название экспедиции. Например, в 1764 году экспедиция секретаря Гаврилы Лобкова ведала все «интересные дела», «окромя отпуску во все места гербовой бумаги, а притом иметь ему и всякого рода челобитчиковые дела, кроме судных». Экспедиция секретаря Николая Бардина «исправляет все, что следует до клеймения гербовой бумаги и отпуску оной», ведает сборы «за оную денежной казны, приход и расход поташа, а сверх того и следственные дела». Кроме этого, были экспедиции, в ведомстве которых находились фабрики и заводы определенных районов. Эти экспедиции назывались обычно по имени чиновника, возглавлявшего их. Ка-

[1] В фонде Мануфактур-коллегии сохранился делопроизводственный материал ее прокуратуры. Это прежде всего так наз. «Записные ордера полученным от генерал-прокурора и обер-прокурора на имя прокуроров коллегии и учиненным в оной коллегии журналам и протоколам», УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 137—143. Всего 30 ед. хр. Или «Записи ко входящим бумагам от генерал-прокуроров и других высших и равных мест и при оных записываемые входящие бумаги с ответами на них сделанными» за 1760—1780 гг. УЦГАЛ, АНХ,—Фонд Мануфактур-коллегии, св. 144.

ждая экспедиция имела определенное число канцеляристов, подканцеляристов и копиистов. Кроме того, Мануфактур-коллегия имела: 1) переводчиков, 2) бухгалтерию, 3) штат протоколистов, 4) архивариуса.

Наконец, она располагала военно-исполнительной оперативной частью, состоявшей из вахмистеров, капралов и нескольких солдат, выполнявших распоряжения об аресте, задержаниях, телесных наказаниях по приговору коллегии, приводам и т. д. [1].

Мануфактур-контора, будучи отделением Мануфактур-коллегии в Петербурге, ведала промышленностью самого города и Петербургской губернии, Прибалтики и Новогордской губернии. Она имела устройство аналогичное Мануфактур-коллегии с поправкой на размах и масштаб деятельности.

Промышленностью всей остальной России, включая центр тогдашней промышленной деятельности — Москву и Московскую губернию, ведала непосредственно Мануфактур-коллегия.

Как почти все высшие центральные учреждения государства, Мануфактур-коллегия за все время своего существования была подчинена Сенату, даже в годы, когда значение Сената падало, коллегия юридически и фактически выполняла указы Сената (исключение представляет время Верховного тайного совета и кабинета Анны). Являясь высшим органом надзора за правильной деятельностью коллегий, Сенат придирчиво контролировал всю их деятельность, даже в мелочах. В Сенат должны были поступать все указы Мануфактур-коллегии и ее конторы на окончательную «апробацию», без этого запрещалось их печатать и публиковать. Перед Сенатом коллегия отчитывалась в расходовании сборов за гербовую бумагу, за распределение субсидируемых «указным» фабрикантам казенных денежных сумм, каждые полгода систематически посылала ведомости о размножении фабрик и заводов, о покупаемых фабрикантами деревнях и крестьянах, о вложенных капиталах в промышленность, о количестве и качестве производи-

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегий, д. 9380, лл. 10—18.

мой продукции. Короче, вся деятельность Мануфактур-коллегии была подконтрольна Сенату. Генеральный регламент повелевал коллегиям исполнять сенатские указы «неотложно». За невыполнение указа устанавливался штраф.

Из центральных учреждений империи Мануфактур-коллегия в своей деятельности была очень тесно связана по целому ряду вопросов с магистратом и Коммерц-коллегией. Кроме того, она была постоянно связана с органами полицейского управления — главной и московской полицмейстерскими канцеляриями (а ее контора с петербургской полицмейстерской канцелярией), откуда на протяжении многих лет присылался для работы на фабриках всякий бродячий элемент. Это были солдатские «жонки», схваченные на улице и обвиняемые в «пьянстве», «в хождении в ночные неуказные часы», «в житии блудно» [1] и т. д. Среди этого бродячего элемента были выходцы самых различных социальных групп угнетаемых классов: вольноотпущенные, беглые, «опустившиеся» и прочие.

Теми же полицейскими учреждениями империи через Мануфактур-коллегию на фабрики ссылались осужденные по уголовным делам, которые в качестве рабочей силы использовались на мануфактурах. Мануфактура для них была настоящей каторгой, здесь строго следили за отбыванием ими наложенного наказания (они работали в цепях, в колодках) и фабриканты несли ответственность за их побеги.

***

В каком отношении стояла Мануфактур-коллегия к органам местного управления?

Необходимо отметить, что не все коллегии были поставлены в одинаковое отношение к органам областного управления, хотя всем было дано право посылать указы губернаторам. Отношения коллегий с губерниями не были фиксированы каким-либо законодательным

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 331, д. 13754, св. 332. № 13741—13760.

актом и складывались сообразно той практике, которая ими проводилась на основе выработанных регламентов, хотя в инструкции воеводам в январе 1719 года (позднее разосланной по определению Сената губернаторам и обер-комендантам) Петр указывал, что «немалые суммы денег», затраченные государством на заводы, обязывают представителей власти на местах «старательно смотреть» за заводчиками, за тем, что и как они производят, «удовлетворены ли у них работные и рукодельные люди». Этим наказом на воевод возлагаются прямо некоторые функции представителей Мануфактур-коллегии на местах [1].

Некоторые из коллегий выработали для себя лестницу инстанций в губерниях и провинциях, не зависящих от местных органов власти, с определенным кругом ведомства. Мануфактур-коллегия не имела своих периферийных инстанций и подчиненных ей лиц, несмотря на то, что все дела, имеющие отношение к промышленности, были изъяты из ведома губернской власти. Все управление промышленностью на местах было сосредоточено в руках Мануфактур-коллегии и ее конторы.

Однако Мануфактур-коллегия в последующей широко развернувшейся практической деятельности не могла справляться силами только своего аппарата с массой самых разнообразных дел, имевших отношение к фабрикам и мануфактурам отдаленных губерний, и в ряде случаев, которые постепенно приобретали характер системы, использовала административный аппарат губерний.

Сама правительственная администрация губерний чувствовала ответственность за фактически возлагаемые

---

[1] «Воевода ж должен тщательное смотрение иметь, чтоб рудокопные и прочие всякие заводы, где какие есть, в добром состоянии были содержаны и мастера б и рукодельные люди при тех заводах всякие припасы и что понадобится со временем доставали, а возвышением цены в хлебе и в прочих харчах не утеснять и выведывать ему воеводе, не явятся ли такие места в его провинции, в которых бы можно руды и минералы копать, а заводы распространять и подданных под обещанием награждения на объявление оного привлекать, казенным рудокопщикам и о том о всем прилежную корреспонденцию с Коллегиями Берг и Мануфактур всегда иметь». Полное собр. зак., № 3294.

на нее обязанности по заботам о развитии промышленности и вмешивалась в работу и жизнь предприятий на местах по самым различным вопросам. Например, в декабре 1720 года казанский губернатор Кудрявцев писал в столицу: «...чтоб повелено было прислать в Казань красильного мастера для крашения сукон, которые делают в Казани, на перемену прежнему, который к тому делу явился негоден»[1].

Взаимоотношения между центральным ведомством по управлению промышленностью и областными учреждениями, проводившими на местах предписываемую промышленную политику, со временем все больше и больше усложнялись в смысле ответственности губернских властей за выполнение тех или иных поручений. Как сложились в конце концов эти взаимоотношения, видно из другого примера, относящегося к последнему периоду деятельности Мануфактур-коллегии.

В начале 1770 года воевода Белозерской провинции надворный советник Астафьев рапортовал о том, что в марте присутствие белозерской провинциальной канцелярии слушало полученный из Мануфактур-конторы указ с решением Сената от 30 октября 1769 года «о незапрещении» «делания на станах ткачества» и о новой подати в связи с этим решением. Обстоятельно изложив в рапорте содержание указа Сената и то, что было приказано от Мануфактур-конторы самой воеводской канцелярии для реализации этого решения по Белозерской провинции, воевода доносит, какие мероприятия им уже осуществлены и какие решения приняты на будущее.

Точный перечень выполненных и намеченных мероприятий белозерским воеводой не оставляет никаких сомнений в том, насколько обязательным были для него предписания Мануфактур-коллегии, а известная осведомленность в текущих вопросах промышленной политики, которая также явствует из этого донесения, не оставляет никаких сомнений в том, что выполнение поручений коллегии было для него делом выполнявшимся постоянно, систематически[2].

[1] ГАФКЭ,— Фонд Кабинета Петра I, д. 32, л. 295.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 74/142, д. 15, л. об. 372, лл. 373—375.

В большинстве случаев поручения местным органам власти Мануфактур-коллегия давала при обстоятельствах, вынуждавших ее к этому: или вследствие отдаленности мануфактур, или тогда, когда невозможно было послать своего представителя или при каких-либо иных исключительных положениях.

Во всяком случае распоряжения Мануфактур-коллегии местным властям всегда носили характер отдельных поручений или заданий, и только. Так как очень немногочисленный и малокомпетентный в вопросах промышленности чиновный аппарат Мануфактур-коллегии и ее конторы не мог обеспечить реальный контроль за качеством и количеством выпускаемой продукции на фабриках и заводах, то поэтому руководители учреждения очень часто привлекали к делу управления промышленностью самих фабрикантов, делая их уполномоченными агентами правительства с реальной властью и обязанностями. Мы можем наблюдать два типа таких агентов: главные и первые директора (обычно их называли обер-директорами) фабрик и заводов той или иной отрасли промышленности и агенты-надзиратели, назначавшиеся со специальными полномочиями и целями. Полномочия их носили или неопределенно долгий характер или давались только на определенный срок.

В 1750 году Мануфактур-конторой таким агентом по кожевенным мануфактурам был назначен владелец кожевенного предприятия Иван Терентьев. Петербургские кожевенные фабриканты Христофор Рыхтер, Иоган Кеснер, Родим Чиркин, Сава Яковлев, Илья Соболев, Иван Лукьянов, Петер Галактионов, Иван Терентьев в своем челобитье жаловались на то, что «в противность указов к подрыву их фабрик привозят в С.-Петербург из разных городов и деревень и ис протчих мест для розничной продажи старого дела кожи с дехтем и бес фабричного клейма, которые к ношению обуви весьма безнадежны и непрочны»[1]. Они просили запретить привоз в Петербург из разных городов и деревень кожевенных товаров и с целью контроля за продажей «неуказного кожевенного товара» поставить знающего

[1] УЦГАЛ, АНХ,—Ф. Мануфактур-конторы, св. 74/142, об. л. 20.

человека. В связи с этим и был назначен «надзирателем» Иван Терентьев [1]. Помимо назначения Терентьева Мануфактур-контора при рассмотрении челобитной фабрикантов вынесла решение о принятии целого ряда мер:

1) Подтверждено запрещение делать и продавать кожи старым «маниром» и в губернии посланы об этом указы. Важнейшая задача, поставленная перед Терентьевым, состояла в «искоренении» старых методов приготовления кожи и в «размножении» нового способа. Ему даны были из Конторы образцы, по которым он должен был браковать товар. Для производства ареста и конфискации он получил право требовать «соцких и десяцких». Такие же права предоставили ему по бракеровке вывозных товаров при таможне [2].

2) В целях обеспечения сырьем все шкуры с убитого скота в мясных рядах Петербурга и Кронштадта должны были продаваться только на местные кожевенные фабрики, а излишки могли продавать «куда похотят» [3]. В целях предотвращения спекуляции сырыми кожами со стороны фабрикантов запрещался вывоз кож за пределы Петербурга и в другие города.

3) Чтобы не было отговорок о нехватке ворвани для выделки кож по новому «маниру» было постановлено просить Коммерц-коллегию оставить из отпускаемого за границу этого товара необходимое количество по заявкам, поданным самими фабрикантами [4].

Терентьеву поручалось «под смотрением» Христофора Рыхтера реализовать все эти решения; для осуществления надзора он получил от Мануфактур-конторы особую инструкцию.

В данной ему инструкции Мануфактур-контора подробно перечисляет все указы и распоряжения правительства, начиная с указа 1715 года, которым предписыва-

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 56/124. л. 409.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 293, д. 9385, л. об. 20.

[3] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегий, св. 293, д. 9385, л. 29.

[4] Там же, л. 30.

лось «под жестоким страхом» не производить кожи, которые «от мокроты распалзываются и вода проходит».

Он должен был смотреть и за производством и за продажей кожевенных товаров и допускать только те из них, которые делались на немецкий «манир». Терентьев получил право ареста и конфискации товара тех фабрикантов, которые производили товары неуказным способом. «Для наикрепчайшего тех, яко что самонужнейших на обувь военнослужащих кожевенных фабрик утверждения и размножения к лутчему охранению и к наибольшему... государственной и всенародной прибыли приращению, то все тебе Терентьеву исполнять, под смотрением здешних кожевных фабрик директора первого и з давных лет кожевного мастера и фундатора Христофора Рыхтера, о чем ему с сей инструкции копия дана»[1]. Таким образом над Терентьевым в качестве особого уполномоченного стояло еще другое лицо, представляющее кожевенных указных фабрикантов, и в этой отрасли промышленности Мануфактур-коллегию,— обер-директор кожевенных мануфактур Христофор Рыхтер. Так пыталась Мануфактур-коллегия восполнить недостатки своего аппарата в инспекторских кадрах, контролировавших работу отдельных мануфактур.

В том же 1750 году Мануфактур-коллегией была предпринята широкая и серьезная ревизия работы кожевенных мануфактур, состоящих в ведомстве коллегии. Обследование производил вице-президент Мелесино. Он ознакомился с работой фабрик Петра Ерофеева, Федора Богданова и бывшей Ивана Сапогова (сам Сапогов к этому времени умер). Мелесино отмечал, что «хотя на оных фабриках и многое число кож в переделывании находитца», но товар производится «самой плохой работы и хуже быть никак не можно». Работа производилась не так, как того требовали указы и инструкции Мануфактур-коллегии, а по старому обыкновению. Фабрикант Петр Ерофеев заявил Мелесино, что на его фабрике можно по новому образцу разных кож изготовить более 15 тысяч, «да за препятствием

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 56/1249, лл. 409—414.

от вольных промышленников (кои состоят в ведомстве магистрацком), такого числа выделать и употребить оных всех в расход невозможно»[1]. Так как многие неуказные промышленники перекупают на рынках кожи и выделывают из них через короткое время, «не держав в дублении и неупотребляя ворвани», то они им дешево обходятся. Если же они (указные фабриканты) будут делать кожи хорошего качества, то их никто не будет покупать вследствие их дороговизны. Все эти отговорки о нежелании делать кожи хорошего качества на ворвани Мелесино признал «за великую глупость» и утверждал, что хорошие кожи, даже если их продавать более высокой ценой, будут покупаться на рынке «с охотой» и «фабриканам будем немалая в том прибыль и можно за остатком оных, о которых они рассуждают, что расходу не будет, из России за море отпускать, как юфти отпускаются, отчего интересу е. и. в. от пошлин была прибыль и у них фабрикантов не убыток»[2]. Мелесино предлагал для поправления дел кожевенного производства в России выписать иностранных мастеров и тем самым констатировал, что за 35 лет со времени грозных петровских указов о делании юфти не на дегте, а на ворвани на «немецкий манир», работа в этом направлении не дала никаких особых результатов. Указным фабрикантам было выгоднее, при обеспеченном сбыте и острой нужде в коже военного ведомства, изготовлять ее дешевым способом по старому русскому обычаю.

Кроме этого, вице-президент Мелесино предложил для улучшения производства юфти призвать всех владельцев кожевенных предприятий в Мануфактур-коллегию и обязать их «подпискою» делать кожи по указам правительства и рецептам коллегии, а также перевести в ведомство Мануфактур-коллегии все кожевенные фабрики, состоявшие под наблюдением магистрата, и с этой целью иметь совместную конференцию с членами последнего.

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 293, д. 9385, л. I.

[2] Там же,— св. 293, д. 9385, л. 2.

На учиненном допросе в Мануфактур-коллегии все кожевенные фабриканты показали, что они не могут делать яловочные кожи «лутче нынешнего», «ибо они так обучены те кожи делать от мастера иноземца Готфрида Бевенрота» [1]. Мануфактур-коллегия настаивала на дублении кожи не ивовой, как это делали фабриканты, а дубовой корой. Фабриканты отвечали, что «в дубовой коре дубить они те кожи умеют, а к заготовлению оной дубовой коры старание они не прилагали и прилагать было невозможно, ибо той дубовой коры к Москве ни от куда никто не возит» [2]. Дубление кож дубовой корой они соглашались производить при условии, если будет организована доставка коры к фабрикам. По поводу обид от фабрикантов, состоявших в ведомстве магистрата, все они заявили, что это частное мнение фабриканта Петра Ерофеева, которого они не разделяют и к магистратским фабрикантам никаких претензий не имеют.

Требование регламента о непосредственном осмотре фабрик и заводов президентом и вице-президентом Мануфактур-коллегии в действительности почти не осуществлялось [3]. Управление промышленностью в целом трудно было сочетать с личным и всеобщим контролем над работой фабрикантов, в особенности тяжело было установить такой контроль над деятельностью «городовых» фабрикантов. В целях систематического осмотра этих фабрик, по решению, принятому коллегией в 1746 году, в города посылались асессоры, «а президенту и прочим той коллегии присутствующим для такого фабрик осмотру не отлучаться» [4]. Это решение не было

[1] Мастер Рудольф Бевенрот до 1743 г. сам был фабрикантом, а с этого года попросил его из фабрикантов выключить.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 293, д. 9385, л. 12.

[3] Иногда все же президент и вице-президент лично осматривали московские и столичные фабрики, так например, в 1752 г. советник Щербачев в одном из донесений рапортовал, что он порученные ему по экспедиции фабрики не обследовал, так как они «осматриваны собственною персоною.... господином президентом». УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 128—44, кн. 169, л. 24—25.

[4] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 127/43, кн. 166, об. л. 145.

особым новшеством: до 1746 года обследования проводились таким же образом.

В большинстве случаев обследования мануфактур производились одним чиновником с приданным ему для такой работы штатом секретарей и канцеляристов. Иногда фабрики осматривались и большими комиссиями. Так, в 1752 году мануфактуру Тамеса осматривала комиссия в составе советников Щербатова, Аргамакова, майора Баранова и асессора Бутурлина.

После решения коллегии в 1746 году между асессорами Мануфактур-коллегии были распределены все городовые и московские фабрики по так называемым экспедициям, каждая из которых носила название по фамилии возглавлявшего ее чиновника [1].

Экспедицией советника Щербачева должны были обследоваться фабрики: московские суконные Ефима Болотина с товарищами и Федора Серикова; шелковые Ивана Евреинова, Андрея Евреинова, Семена Мыльникова, Ивана Старцова, Игнатья Францова, Петра Филатьева, Ивана Соловникова и Ивана Дудорова; полотняная директора Ивана Палаева; суриковая и белильная Семена Нестерова; картная «иноземки» Ненилы Фордеверстальши; пуговичная и булавочная Ивана Маркова; бумажная и картная Василия Короткого и табачных трубок Афанасия Гребенщикова [2].

Экспедиция Долгова-Сабурова ведала московской суконной мануфактурой Романа Журавлева с товарищами; шелковые — Данилы Земского, Андрея Семенова, Михаила Савина, Михаила Демидова, Моисея Сандукова, Никиты Анелова, Осипа Тянрянского, Якова Полуцкого, Андрея Бабушкина, Николая Иванова; полотняные — Егора и Ивана Овошниковых, Андрея Никонова; суриковую и белильную Якова Леонова; плащильного и волочильного золота и серебра Ильи Докучаева с товарищами; мишурные Михаила Засекина с товарищами; сургучную Михаила Хилкова с товарищами; шляпную Михаила Гусятникова; кожевенную Григория Егорова с товарищами. В городах и в уездах

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 127/43, кн. 166, л. 146.

[2] Там же,— л. 146.

экспедиция ведала; в Переславле Залесском — бумажную Василия Соленинова; в Угличе — бумажную Максима Переславцева; в Рыбной слободе — парусную и стекольную Петра Нечаева. В Суздале — полотняную княгини Марьи Юрьевны Черкасской; в Ярославле и Ярославском уезде — полотняную, бумажную и масляную фабрики Дмитрия Затрапезного; шелковые — Афанасья Гурьева, Федора Холщевникова (у него же и стекольную в Вологодском уезде); бумажную, сургучную и крупяную Федора Свешникова; в Казани — суконную Афанасья Дрябкова; в Цивильске — стекольную Филиппа Толмачева; в Алатыре Леонтия Симонова — замшевую; в Владимире — стекольную Потапа Клюева; в Дмитрове — стекольную Богдана Стенцеля; в Малом Ярославце — полотняную Афанасия Гончарова и бумажную Григория Щекошина [1].

Экспедиция члена коллегии асессора Меженинова ведала московской суконной и бумажной фабриками Ивана Полуярославцева с детьми и Бориса Евреинова; шелковыми — Алексея Милютина, Ивана Панфилова, Ильи Петрова, Панкрата Колосова, Сергея Боронина, Мины Иконникова, Алексея Леонова, Сергеева, Василия Макарова с товарищами; полотняные — Василия Чюрашева, Василия Евреинова (у него еще бумажная и картная); картную — Петра Цивилина; проволочную и «звездочную» — Ивана Гвоздарева с товарищами; мишурную — Григория Осипова; суриковую и белильную — Петра Киреева; «музычную» — Емельяна Мещанинова; в Московском уезде в селе Ялкине — стекольную Василия Куприянова; в г. Серпухове — полотняную Григория Кошкина; полотняную подполковника Алексея Дохтурова в Туле; полотняную и бумажную фабрики Максима Мосолова с братьями в Тарусском уезде; полотняную и бумажную Михаила и Ивана Фалеевых; полотняные — Ивана и Петра Золотаревых, Степана Золотарева; купоросную — Ивана Карасева с детьми; полотняную генерала Григория Петровича Чернышева; игольные Михаила Дроздова, Панкрата Рю-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 127/43, л. 146.

мина с товарищами в Сапожке; суконную Алексея Третьякова в Воронеже; суконную Федосея Постовалова (у него же кожевенная и бумажная); суконные Потапа Гордеина, Михаила Тулинникова в Можайске; стекольную Василия Мальцева в Твери; скипидарную Данилы Томилина; шелковую Егора Масленникова; казенные суконные в Путивльском уезде; в Киеве шелковый завод.

Кроме этого, надзор за фабриками, расположенными в «отдаленных местах», возлагался на местных губернаторов, которые должны были систематически осматривать находившиеся на территории губернии фабрики и присылать ведомости и рапорты в Мануфактур-коллегию, как это требовалось инструкцией. Эта обязанность за губернаторами «дальних» губерний была закреплена указом 20 августа 1744 года, но отчеты от них поступали очень плохо и коллегии приходилось посылать многочисленные напоминания. Наиболее крупными фабриками, расположенными в отдаленных губерниях, которые были на учете Мануфактур-коллегии, являлись: в Иркутске суконная мануфактура Якова Бобровского с товарищами, в Астрахани и Кизляре шелковые заводы Василия Макарова, Гаврилы Избилева, Вартана Давыдова с товарищами, в Тобольске Ивана Медведева с детьми и стекольные дворян Петра и Якова Матегоревых [1].

Таким образом, принцип прикрепления обследователей к городовым и московским мануфактурам был территориальный, обследователи отнюдь не были специалистами в области той или другой отрасли промышленности, в сферу их инспекторской деятельности входили самые разнородные по характеру производимой продукции мануфактуры и фабрики. Впрочем, в большинстве случаев задача и цель обследования всегда точно определялись инструкцией [2], которой обследователь должен был руководствоваться, и сводилась к фотографированию состояния дел на мануфактурах. Ин-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 127/43, л. 147.

[2] Пример такой инструкции см. УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 128/44, л. 207.

струкции асессорам-обеследователям обычно, помимо общих указаний и мероприятий по отношению ко всем фабрикам, содержали пункты, касающиеся отдельных фабрик или групп фабрикантов. В инструкции обязательно сообщалось, на основе каких законов и указов производится осмотр, точный перечень фабрик и заводов, подлежащих осмотру, личный состав командируемых обследователей и их функции, указывался объем предоставляемых полномочий в отношении неисправных фабрикантов и, наконец, следовала собственно инструкция обследования. В представляемом отчете необходимо было указать: «коликое число в настоящем году на тех их фабриках зделано было товаров порознь по сортам, и что в них мерою, и по какой цене ис того числа сколько в продажу употреблено и к портам в отпуску, куда именно и что за тем к настоящему году осталось на лицо и что где к тому же году размножено и на скольких станах» [1]. Кроме этого перечня вопросов, для составления ведомости чиновник должен был, «по взятии тех ведомостей на фабрики, ...осматривать в каком оные состоянии находятся или в чем какая происходит остановка. Буде же при том явитца, что на тех фабриках достойных мастеров нет и товары делаютца худым мастерством, в том тех фабрик содержателей накрепко принудить и обязать подписками, дабы они в том имели крайнее старание... и от времени до времени те делающиеся товары были в лутчей доброте, под опасением за то фабриканом лишения от тех фабрик, а чтобы оные фабриканы в том были послушны, а от губернских и воеводских канцелярий по требованию вашему чинено было вспоможения, о том как к оным содержателям, так и в губернские и воеводские канцелярии, где оные фабрики состоят, указы при сем прилагаютца» [2].

Основная цель обследования по существу сводилась к задаче «принудить» фабрикантов средствами государственного аппарата к «лутчему размножению». Фабриканты обязаны были дать подписку, что они приложат все силы к расширению своего предприятия и

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 127/43, кн. 166. об. л. 159.

[2] Там же,— л. 160.

улучшению качества выпускаемой продукции. Государство не связывало себя в средствах и мерах принуждения вплоть до угроз лишить фабрик и заводов тех, кто не выполнял того, что от него требовали.

Как правило, командируемые чиновники избегали разрешать вопросы, выходящие за пределы того, на что указывалось в инструкции, но в некоторых случаях посылаемые, при необходимости, брали на себя ответственность за разрешение вопросов, не предусмотренных таким наказом, и в своих отчетах сообщали об этих фактах.

Например, при очередной ревизии в 1748 году асессору Ергалину на «его тракте» — маршруте пришлось самостоятельно разрешить вопрос о судьбе двух неуказных фабрикантов в Воронеже и Путивле [1].

Осмотр фабрик Мануфактур-коллегией и ее конторой носил, обычно, двоякий характер: или это был очередной, так сказать, «плановый» осмотр, производившийся по самой «должности» и регламенту Мануфактур-коллегии, или это был осмотр, вызывавшийся каким-либо особым обстоятельством, связанным с работой данной фабрики или с положением и состоятельностью ее содержателя, кредитоспособность которого внушала опасения.

Как например, осмотра первого порядка можно сослаться на обследование, проводившееся Мануфактур-коллегией в 1752 году, московских и городовых фабрик. Осмотр московских фабрик производился экспедитором Барановым и асессором Бутурлиным, городовых фабрик — асессором второй экспедиции Павловым [2].

В январе 1752 года полотняную фабрику Тамеса осматривает большая комиссия в составе советников Щербачева, Аргамакова, майора Баранова, асессора Бутурлина. «А по осмотре явилось работа производится каменных в десяти палатах, деревянных в восемнадцати светлицах и во оных имеетца станов парусных сорок пять, ревендушных девяносто семь, каламиноч-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 127/43, кн. 166, л. 207.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 128/44, кн. 169.

ных сто восемь, фламских уских шестьдесят четыре, фламским широких осмнадцать, полотен широких сорок семь, салфеток подножных пять, салфеток камчатых пять, скатертей подножных один, скатертей камчатых один, тик галанский широкий один, тик галанский уской один» [1].

Никаких других сведений о работе этой комиссии нет. И только позднее, в марте, в журнале Мануфактур-коллегии мы находим лаконичную запись: «оной осмотр сообщить к протчим за подписанием коллегии. Докладывал секретарь Сергей Неронов» [2].

В марте того же года майором Барановым был произведен осмотр шелковой фабрики Ивана Мочалова: «Фабрика осматривана, на которой явилось: в первой светлице станов платочных семь, на пяти станах ткут, в двух срезаны, да два вновь зделаны, да ленточный один. Во второй (светлице) широких одиннадцать станов, на одном стану — средние да уские. На четырех станах две сновални. В третьей, одна шелковая мельница о шестнадцати столбах. Мотовая светлица, в которой бабы шолк мотают, шелку сырцу на 2050 катушках, шелку ис разных цветов с полтора пуда крашеных. При той фабрике красильня, в ней два котла медных да куб деревянной. Оной Мочалов по усмотрению к произведению фабрики рачителен» [3].

Этот осмотр затрагивает большое количество вопросов, имеющих отношение к постановке самого производства. Помимо сведений о постройках и оборудовании фабрики, сообщается о сырье, произведенной продукции, подсобных предприятиях и об отношении самого предпринимателя к делу.

В 1752 году Николай Бутурлин обследовал ряд фабрик г. Москвы и Московской губернии. В числе прочих была обследована суконная фабрика Ивана Полуярославцева:

«В 3-х палатах суконных станов 16, каразейных 4, в одной палате три подушки стригальных, да станок вор-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 128/44, кн. 169, л. 3.
[2] Там же, л. 4.
[3] Там же, л. 9.

сельной, в другой — в четырех винтах пресуются сукна и каразеи, да в той же зделанных сукон сорок половинок; в красильне три котла медных, да куб деревянной; в двух толчеях, — одиннадцать суконовалятельных ступ в двух анбарах. Материалов и красок довольно. В другом анбаре шерсти, по объявлению содержателя, пуд до пяти сот и более, суровых сукон 70 половинок, да при собственном его доме в одной палате суконных два стана»[1].

Тот же Бутурлин провел в это время обследование многих других фабрик самого разнообразного типа: проволочных, трубочных и ценинных, труб «заливных» (Евдокима Шапошникова), латунной и меди зеленой Ивана Карунина, картной Федора Ширмова и др. Понятно, что обследователь не мог быть специалистом в области каждого из этих производств и, поэтому, обследование неизбежно носило поверхностный характер или, вернее, имело очень ограниченную цель: общий контроль и общий надзор за предприятиями. Обследование так называемых городовых фабрик проводилось по такому же плану. Различие, пожалуй, заключалось только в том, что в этих случаях рапорты о состоянии мануфактур представлялись более обстоятельные и исчерпывающие. По осмотре бумагоделательной мануфактуры Григория Переславцова в г. Угличе в декабре 1751 года асессор Мануфактур-коллегии Павлов представил подробный рапорт об этой фабрике:

«На той фабрике бумажная водяная мельница, в ней три рола и работа производится на четыре чана с принадлежащими инструменты. И притом, на дело той бумаги тряпье рубят. Наверху оных зделана для сушения бумаги сушильня; две светлицы — в одной бумагу отделывают, в другой бумагу ж разбирают, два анбара, в них: в первом — наделанной первого, второго, третьего и четвертого номеров бумаги, например, до тысячи стоп, во втором — неотделанной неклееной выше писанных же номеров, до 1000 стоп; сарай сушилной на тридцати саженях о двух апартаментах, в нем для

[1] УЦГАЛ, АНХ, Фонд Мануфактур-коллегии, св. 128/44, кн. 169, л. 17.

сушения на веревках развешано бумаги до 3-х тысяч стоп. Четыре анбара, в них тряпья... довольное число, тысяч на 10 стоп и более. На верху оных (анбаров) зделано сушилня о двух апартаментах, ...в ней развешано бумаги до 4-х тысяч стоп. Ветряная мельница, которая действие свое имеет в вешнее время, когда за полою водою на водяной мельнице работа не производитца. Сарай, в нем два винта железных, в которых для отделки бумагу кладут. Построена бумажная водяная мельница, в ней поставлено три рола, на которых будет производитца работа. Светлица для раздачи работным людям заработных денег. На другой, ево ж Переславцова бумажной водяной мельнице, состоящей от города Углича в 15 верстах, три рола и работа бумаги производитца на двух чанах. На верху оной зделана сушилня о 3-х апартаментах; две светлицы на 14 сит, в которых бумагу разбирают в стопы, на верху оных зделана сушилня о двух апартаментах, сарай сушилной на 50 саж. о дву апартаментах, ...бумаги в них развешано до 1000 стоп, в кладовом анбаре неотделанной бумаги до 2-х тыс. стоп, вверху анбара сушилня о 2-х апартаментах. Изба, в которой рубят и замачивают тряпье. Да к тем же фабрикам заготовлено материалов: квасцов до ста, клею мездриного до пяти сот пуд». Мастер Осип Дементьев «крепостной оного содержателя Переславцева, токмо ни от кого в том мастерстве не свидетельствован и аттестату не имеет. Крепостных работных людей двадцать четыре человека, вольных по контрактам, кои на ту фабрику приняты на урочные годы, семдесят один человек. Всех мастеров и работных 95 человек...» [1].

Обследование Павлов проводил с ноября 1751 года по июль 1752 года. За это время он осмотрел мануфактуры в Переславле-Залесском, Угличе, в Ярославской провинции, в Рыбной слободе, в Суздале, Ярославле, в Вологодском, Дмитровском, Ростовском уездах, в г. Ростове, Цивильске, в Архангельске, Шацком уезде и других местах. В результате обследования Павлов должен был рапортовать в коллегию о печальном состоя-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 128/44, кн. 169, лл. 30—31.

нии многих фабрик по ряду районов, некоторые из которых давно бездействовали, о чем Мануфактур-коллегия до этого не имела никакого представления и числила владельцев этих предприятий в реестре «указных» фабрикантов [1].

Представленные отчеты обследованных фабрик обычно докладывались присутствию Мануфактур-коллегии, и по каждому из них принималось то или иное решение. Основная цель обследования сводилась к выяснению положения: имеет или не имеет смысл оставить за данным содержателем мануфактуры те привилегии, которыми он пользовался, и какую меру административного нажима нужно применить, чтобы лучше заставить работать того или другого фабриканта. Об этом свидетельствуют резолюции-пометы уполномоченного на документах обследования. Темы этих помет-резолюций всегда касаются одних и тех же вопросов: или «фабрика достойная и товары делаются хорошим мастерством и, повидимому, содержатели к размножению оной немалую охоту имеют» [2], или следовала отрицательная формула, а за нею решение об исключении из числа фабрикантов. Так было, например, при обследовании в 1746 году, когда из числа указных фабрикантов были «выключены»: в Ярославле — содержатель шелковой мануфактуры Михаил Москотильников, владелец суриковой и белильной Иван Мазин, кожевенной Михаил Викулин; в Володимирском уезде — содержатель полотняных фабрик Иван Руковишников, Федор и Яков Луговские и крестьянин Федор Федоров; в Суздале — фабрикант Григорий Бутрюмов; в Боровском уезде в Суходольском стану — Андрей Бодров, содержатель полотняной фабрики; в г. Алатыре — владелец парусной фабрики Иван Симонов; в Вологде — владелица сургучной фабрики иноземка Годзманша, полотняный фабрикант Иван Шапошников и владельцы суконной и каразейной фабрики Дмитрий и Степан Щелкуновы [3].

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 128/44, кн. 169, л. 25 и послед.

[2] Там же, л. 82.

[3] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 127/43, кн. 166, л. об. 161.

Изучение материала фонда Мануфактур-коллегии дает основание для утверждения, что в результате обследований Мануфактур-коллегия принимала решения об оказании помощи фабрикантам в том или другом производственном вопросе, в финансировании, в обеспечении рабочей силой и т. д.

***

Несмотря на то, что промышленная политика самодержавия с Петра I по конец третьей четверти XVIII века претерпевала много существенных изменений и не была за весь этот период чем-то неизменяющимся, в ее общем направлении и руководящих мотивах мы находим принципы определенной и последовательной системы взглядов на пути и средства промышленного роста страны. Весь этот период времени, так или иначе, характеризуется политикой правительственной опеки над частной фабрикой, политикой поощрения и покровительства «указным» фабрикантам.

Этим общим направлением промышленной политики характеризуется повседневная деятельность Мануфактур-коллегии по заведыванию и руководству всеми фабриками и мануфактурами государства.

Конкретным содержанием деятельности учреждения, в отношении «указных» фабрикантов, за этот промежуток времени было: выдача привилегий-указов на заведение вновь фабрик и заводов, рассмотрение и решение вопроса о государственных субсидиях фабрикантам, покупка ими крестьян и деревень, снабжение указных фабрикантов сырьем, освобождение от торговых пошлин, обеспечение привилегий по суду, освобождение от «служеб», обеспечение квалифицированной рабочей силой, сбыт производственной продукции «указных» фабрик и практическое разрешение задач широкой правительственной регламентации «указной» промышленности.

При учреждении фабрики владелец ее должен был обязательно получить разрешение Мануфактур-коллегии в виде так называемой привилегии. История каждой «указной» фабрики XVIII века начинается с получения

этого правительственного документа. Мы уже видели, что регламент Мануфактур-коллегии обязывал производить выдачу привилегий прежде всего обладателям крупных капиталов. Гарантией правительственных разрешений на заведение мануфактуры было наличие известного капитала у просителя, какого именно капитала регламент не говорил прямо — это дело практики и такта самого учреждения, но общая директива была формулирована совершенно отчетливо: прежде чем «учинить привилегию, должно тщательно «смотреть о пожитках и достоинстве» [1] тех, кому эти привилегии выдаются.

Юридически регламент расширял круг классовых и сословных групп, имевших право на заведение промышленных предприятий, утверждая, что разрешается «всем какого б чина и достоинства кто ни был, во всех местах где за благо обрящет мануфактуры и фабрики заводить» [2].

Несмотря на это, среди лиц, получивших привилегии за время от Петра и почти до ликвидации Мануфактур-коллегии, представителей из крестьян и мелкой буржуазии города мы встречаем очень мало.

Мануфактур-коллегия, прежде чем выдать привилегию на открытие той или иной фабрики, помимо тщательной проверки сведений, сообщенных о себе просителем, всегда наводила подробные справки о том, как обстоит дело с работой таких же ранее заведенных фабрик, в каком они находятся состоянии, сколько и как производят товар, какие привилегии даны их владельцам, не будет ли производство вновь заводимой мануфактуры в ущерб другим фабрикантам [3].

Попытки Мануфактур-коллегий регулировать выдачу привилегий не всегда устраняли борьбу между фабрикантами. Сплошь и рядом получаемая привилегия обращалась в орудие борьбы между предпринимателями.

---

[1] Полное собр. зак., 4378, п. 7.

[2] Там же.

[3] См. например, дело о даче разрешения в 1766 г. на заведение шляпной фабрики Петру Шорину. УЦГАЛ, АНХ,—Фонд Мануфактур-конторы, св. 54/122, д. 13, л. 105—106.

В 1770 году бывший мастер фабрики Лимана Иоаган Шейдеман получил привилегию на открытие ситцевой выбойчатой фабрики. Указом 1762 года строительство фабрик вообще было запрещено в городской черте Петербурга и Москвы. Предприимчивый Шейдеман, купив «порожжее» место на Выборгской стороне на Малой Невке, пост-фактум поставил об этом в известность Мануфактур-контору. Он просил дать ему разрешение на заведение фабрики на купленной им земле, тем самым сделав для него исключение на том основании, что фабрику он открывает без государственных субсидий, своим «коштом», что он считается здесь «первым человеком», который в России такую «знатную фабрику» организует впервые на собственные деньги. В «отдалении» от Петербурга фабрику он завести был «не в состоянии». Все это было маневром со стороны Шейдемана, проделанным в целях конкурентной борьбы с его бывшим хозяином Лиманом, фабрика которого была расположена в 60 верстах от города [1].

Содержатель ситцевой красносельской фабрики Лиман был однако своевременно информирован о происках Шейдемана и подал протест-челобитную, указывая на нарушение его привилегии и указа 1762 года, от чего его «первозаведенной» фабрике может последовать «немалой подрыв». При таком обороте дела уже трудно было дать разрешение Шейдеману, Мануфактур-коллегия отказала ему в его челобитной. В ответе Лиману Мануфактур-контора, будучи недовольна общим тоном его челобитной, указала, что законодательство о промышленности она знает и без Лимана и что без его челобитной было бы поступлено по законам: «поданную же от фабриканта Лимана челобитную, оставя с нее при деле копию, отдать ему обратно с распискою с сею надписью, что и без оной челобитной Мануфактур-контора за состоявшимися указами того ему Шейдеману дозволения не дает, а буде что им противное в том

[1] Надо полагать, что на такую авантюру, получить привилегию и после построить фабрику в неуказном месте почти явочным порядком, Шейдеман мог пойти при подкупе какого-либо влиятельного чиновника в Мануфактур-конторе.

заведении новой фабрики впредь усмотрено будет, то тогда надлежащим образом бить челом может»[1].

Мануфактур-коллегия и ее контора в выдаче привилегий не была бесконтрольна: институт прокуратуры контролировал законность деятельности учреждения по всем вопросам, в том числе, конечно, и по выдаче привилегий. В начале 1743 года московский купец второй гильдии Ефим Ливенцов подал челобитную в Мануфактур-коллегию о дозволении ему завести фабрику шерстяных полотен и производства красных и желтых кушаков «против турецких и персидских», которые делались в большом количестве «безуказными» крестьянами-фабрикантами, по его мнению, «весьма неискусно». Ливенцов просил запретить неуказное производство и дать ему привилегию на монопольное производство.

Мануфактур-коллегия, ознакомившись с «пожитками» и «достатком» фабриканта, выдала ему привилегию на изготовление всех указанных им товаров.

Но прокурор Мануфактур-коллегии Сабуров своим «предложением» опротестовал выдачу разрешения на производство кушаков. Мотивы запрещения кушачного производства у Сабурова очень любопытны: он ссылается на указы Петра, запрещающие носить иное платье, кроме иностранного, и указывает, что кушаки составляют необходимую принадлежность русского платья и торговля ими поведет к нарушению указов Петра о ношении немецкого платья, поэтому прокурор предлагал запретить делание кушаков и отобрать у фабриканта данный ему указ. «Предложение» кончалось таким, очевидно, достаточно веским, в глазах прокурора, доводом:

«Кроме пахотных крестьян кушаков никто носить не может, а ежели дать ему позволение, то и кроме крестьян покупать и носить могут, а и в продажу употреблять будет и с чего придаст к слабости народа, как прежде бывало за неуказное платье, немалые числены противности...»[2].

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 67/135, д. 39, л. 190—202.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 294, д. 9578, л. 1—8.

Привилегии на открытие фабрик выдавались до момента ликвидации Мануфактур-коллегии в 1779 году. Понятно, что объем предоставляемых ими льгот менялся в зависимости от того, как изменялась политика самодержавия в вопросах промышленности за этот период времени, но основные из них, предусмотренные петровским регламентом с теми или другими изменениями, включались в привилегии. Объем предоставляемых прав был меньше или больше также в зависимости от того, кому давалась данная привилегия. В некоторых случаях выдаваемая привилегия на открытие фабрики со всеми правами, предоставляемыми ею, могла наследоваться потомством получившего ее, в других случаях предоставляемые права не наследовались и ограничивались определенным сроком.

Абсолютное большинство даваемых привилегий исходило непосредственно из Мануфактур-коллегии, но в некоторых случаях они выдавались Сенатом и даже прямо представителями верховной власти. Привилегия обычно состояла из общей части с предложением всем нижестоящим властям оказывать содействие новому владельцу мануфактуры с подробным указанием того, на основе каких законов и распоряжений верховной власти дается данная привилегия означенному лицу. Дальше излагалась челобитная фабриканта, указания на то, как Мануфактур-коллегия познакомилась со всеми обстоятельствами дела, связанными с выдачей привилегии. Сами права, даваемые привилегией, излагались всегда обстоятельно и точно, как и условия, на которых давалась привилегия.

Мануфактур-контора, в качестве полномочного представителя коллегии, имела право самостоятельной выдачи привилегий и их продления.

Для иллюстрации рассмотрим две привилегии — одну, выданную Анной в середине 30-х годов, и другую, выданную Мануфактур-конторой в 1762 году.

Первая из названных привилегий была выдана по челобитью московских купцов Андрея Еремеева, Ивана Василькова, Андрея Товарова, Андрея Косарева, Григория Колобова, Романа Журавлева и Григория Бабкина, просивших разрешения на заведение в Москве компа-

нейской суконной фабрики. Компанию возглавлял Еремеев; фабрика должна была изготовлять мундирное сукно на армию. Привилегия компанейщикам содержала такие пожалования:

1. На заведение фабрики компанейщики получали десятитысячную беспроцентную ссуду из государственной казны, возвращение которой должно было производиться по выбору или поставкой сукон на армию, или деньгами в течение трех лет.

2. Ввиду «новости» фабрики со старых суконных мануфактур Володимира Щеголина и Ивана Полуярославцева и других фабрик «первой статьи» передавались обученные рабочие сроком на один год. За это время компанейщикам предлагалось обучить своих рабочих или выписать из-за границы.

3. К фабрике был пожалован «на вечно» Кадашевский «монетный двор», «да на Яузе плащильная мельница, со всем строением, имеющимся при той мельнице». Спустя 10 лет по заведению фабрики, они должны были вносить в казну сукон за мельницу ежегодно на пятьдесят рублей.

4. Для «правки и сушки сукон» фабриканты получали в Москве на Царицыном лугу необходимые земли «по препорции размножения той фабрики».

5. Для валяния сукон и каразеи они получали в оброк в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в Московском уезде, село Тушино, на реке Сходне три мельницы с «урочищами и с водами». В случае, если мельницы перестанут их почему-либо удовлетворять, за ними оставалось право отказаться от оброка и по усмотрению Коммерц-коллегии и по их представлению получить новые места для постройки мельниц. Вновь отстроенными мельницами они имели право владеть безоброчно десять лет.

6. К фабрике разрешалось вырубить в калужских и пехорских лесах дуба, «сколько потребно без излишества». За употребление дубового леса не по назначению привилегия грозила штрафом.

7. «В эту фабрику повелеваем им фабриканам положить собственного своего капиталу тридцать тысяч рублев и впредь по крайней возможности прибавлять».

8. За купленную за границей шерсть и инструменты фабриканты должны были платить по тарифу. Сырье и оборудование для фабрики, закупаемое в России, разрешалось покупать беспошлинно.

9. Сукна, «которые будут оставаться за отдачею на мундир», и другие товары, произведенные на фабрике, могли продаваться беспошлинно в течение десяти лет.

10. Сукна и каразеи, потребные для армии, «приуготовлять им компанейщикам со умножением и с наилутчей добротою и отдавать оные куды указом нашим будет повелено». Для первых двух лет норма сдачи не устанавливалась, а в последующие годы фабриканты должны были сдавать в армию по 25 тысяч аршин. Цена устанавливалась на основании «прошлого» указа 12 ноября 1735 года.

11. Два раза в год (в январе и в июле) фабриканты обязаны были доносить правительству о работе фабрики и в это же время присылать образцы сукон и каразеи.

12. Фабриканты, их дети и братья, приказчики, а также все «мастеровые и работные люди», в силу регламента коллегии должны были ведаться судом и расправою, «кроме криминальных дел», в Коммерц-коллегии. Все указанные лица, проживающие в одном доме с фабрикантами, освобождались от всяких служб, постоев и податей.

Во всех остальных случаях, не предусмотренных привилегией, фабриканты должны были руководствоваться именным указом 7 января 1736 года[1].

Несмотря на слияние Мануфактур-коллегии с Коммерц-коллегией при Анне, мы видим, что привилегия этого периода включает в себя, за некоторым исключением, наиболее важные пожалования, которые были предусмотрены петровским регламентом. В данном случае нет упоминания только о разрешении покупки крестьян с землями или без земель и права свободной розничной торговли в своих лавках.

Следует обратить внимание, что привилегия совер-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 273/185, д. 7248, л. 3—6.

шенно не касается вопроса об урегулировании отношений между членами компании и об их взаимных обязательствах друг перед другом.

Перейдем теперь к рассмотрению образца привилегий, выдававшихся Мануфактур-коллегией в 60-х годах XVIII века.

В понимании людей XVIII века привилегии, даваемые фабрикантам, были ни чем иным, как жалованными грамотами предпринимателям. В документах Мануфактур-коллегии очень часто можно встретиться именно с таким пониманием существа самих привилегий [1]. И такое понимание их следует считать наиболее правильным.

Такой жалованной грамотой явилась привилегия, о которой в 1761 году просил содержатель полотняной фабрики Яган Андреас Делер. Этот фабрикант подал челобитную в Мануфактур-контору о том, что «за неимением капитала» отдал он во владение свою фабрику около дворцового села Красного голландскому купцу фон Лилару и просит записать эту фабрику за означенным купцом, а его «из фабрикантов выключить». Фабрику Делер завел в силу указа Сената от 10 ноября 1759 года, взявшись производить голландское и «шлезское» полотно «собственным коштом». Под фабрику он получил землю около Красного села, а также каменные и деревянные постройки бывшего владельца медного завода фон дер Зандена. Строения были ветхи и почти совершенно непригодны для ремонта, стоимость всего завода была оценена в восемсот рублей. Но кроме земли Делер не получил никакой правительственной поддержки и поэтому от содержания завода и данных ему привилегий отказался. Указом Мануфактур-конторы 14 декабря 1761 года фабрика эта была записана за фон Лиларом. «В силу Мануфактур-коллегии регламента и указов» он должен был содержать фабрику «на нижеследующем основании»:

1. «Полотна делать самым хорошим мастерством и продавать против вывозимых из иностранных государств со уменьшением цен».

---

[1] См., например, о таком отождествлении. УЦГАЛ, АНХ,—Фонд Мануфактур-конторы, св. 54/122, д. № 14, л. 174.

2. «Фабрику размножать и капитал употреблять со удовольством».

3. Судом и расправой он ведается в Мануфактур-конторе по всем делам своей фабрики, кроме криминальных.

4. На изготовляемых его фабрикой полотнах должны были быть вытканы «российские литеры» или ставиться сургучная печать с тем, чтоб его товары можно было отличать от иностранных.

5. Рабочих на фабрику его обязывали принимать по «указным пашпортам» и копии контрактов с их владельцами представлять в Мануфактур-контору. Под опасением штрафа он обязывался беглых и «бес пашпортов» на фабрику не принимать и «не держать».

6. Информировать Мануфактур-контору два раза в год о работе на фабрике, выпускаемой продукции, обучении рабочих и пр.

7. «В доме, в котором объявленная фабрика производится будет, в силу указов постою не ставить».

8. Он должен был на свой счет выписывать иностранных «достойных» мастеров с тем, чтобы они обучали российских учеников.

9. «Помянутого Лилара обнадежить е. и. в. высочайшей милостью, что оная фабрика, пока он и наследники его содержать будут в добром порядке, от него и от наследников ево отнята не будет» [1].

Различие этих двух привилегий, взятых произвольно, бросается в глаза: последняя из них скорее напоминает одностороннее обязательство со стороны фабриканта. Взамен многочисленных обязательств фабрикант получает фактически только освобождение от служб и то не для всех своих братьев, детей и приказчиков, а только для тех, кто жил вместе с ним в доме, где организовано производство. Суть здесь, конечно, не только в том, что мы имеем дело с фабрикантами различных отраслей промышленности, о развитии одной из которых (суконной) правительство больше беспокои-

[1] УЦГАЛ, АНХ,—Фонд Мануфактур-конторы, св. 54/122, д. 14, лл. 173—175.

лось, нежели о развитии другой (полотняной), суть дела в тех изменениях, которые принесли с собой истекшие 30 лет с момента первой привилегии.

Выдача привилегий на заведение «указной» фабрики была сопряжена с получением целого ряда значительных преимуществ для владельцев мануфактур. Крупное и среднее купечество всячески старалось получать эти привилегии наиболее легким для них способом. Это обстоятельство приводило к злоупотреблениям и стремлению обойти контролирующий институт. Особенно злоупотребляли в получении привилегии московские содержатели мануфактур за время, когда Мануфактур-коллегия была объединена с Коммерц-коллегией и последняя находилась в Петербурге. Москвичи, минуя Коммерц-коллегию, умели получать привилегии от Коммерц-конторы, находившейся в Москве. В 1738 году Коммерц-коллегия писала в контору о том, что ей известно о «произведении» в Москве многих новых мануфактур, «а на каком основании» они заведены, ей «не объявлено». Конторе было предложено «немедленно» прислать ведомость на вновь заведенные мануфактуры с указанием всех необходимых данных, свидетельствующих о законности выданных привилегий, и «впредь без позволения коллегии о заводе таких мануфактур указов не давать» [1].

Надо полагать, что выдача привилегий привела к таким злоупотреблениям, при которых вопреки существовавшей ранее практике, конторе была запрещена их выдача и продление старых привилегий.

Право «условной» собственности владельцев мануфактур на фабрики, заводы и крепостных рабочих, при котором предполагалось сохранение верховной собственности за государством, действовало долгое время после смерти Петра I, его можно проследить и во второй половине XVIII века. Феодальной форме собственности в мануфактурном производстве соответствовала и юридическая терминология в официальных актах на право заведения фабрик и заводов, на покупку крестьян, вы-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 79/149, д. 51, л. 159.

дачу ссуд фабрикантам, выдачу привилегий и т. п.[1].

Сами фабриканты не осмеливались называть себя иначе, как только «содержатели» мануфактур. Этот термин одинаково применялся как к фабрикантам, заводившим мануфактуры «собственным коштом», так и к тем, кому передавались, на тех или иных условиях, казенные фабрики и заводы.

**
*

Выдача беспроцентных денежных ссуд фабрикантам ведомства Мануфактур-коллегии производилась во все время существования самого учреждения, начиная с Петра и по день ликвидации коллегии. За все это время Мануфактур-коллегия ни на один год не имела специальных ассигнований по государственной росписи для оказания денежного «вспомоществования» фабрикантам.

На субсидии содержателям мануфактур расходовались суммы, получаемые из самых разнообразных источников. В значительном количестве случаев в деле финансирования промышленности и промышленников за коллегией оставалась роль специального ведомства, только ходатайствующего перед высшими правительственными инстанциями о предоставлении ссуды. Авторитетность этого мнения и удовлетворение ходатайства очень часто зависели от общего состояния финансового хозяйства государства, от усмотрения чиновников высших государственных учреждений и самого правительства. В очень ограниченном количестве случаев коллегия решала вопрос самостоятельно.

Поскольку в компетенцию Мануфактур-коллегии

---

[1] Фабрикантов обязывали «иметь прилежное смотрение» за мануфактурами, как будто бы речь шла не об их имуществе; коллегия должна была их «принуждать» к «государеву делу». В одной из привилегий, выданной в 1762 г. на открытие новой мануфактуры, сказано, что у владельцев мануфактур и их наследников «оные мануфактуры и фабрики в выданные им годы отняты не будут». УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 54/122, д. 14, лл. 173—175. Фабрикантов «обязывали» «употребить» определенные указами капиталы. Указами определялось количество рабочих, качество сырья, продукции и т. п.

входили дела о строительстве новых государственных фабрик и мануфактур, а не только дача разрешений на «произведение» новых предприятий частным лицам и сама она не имела твердых бюджетных ассигнований, ей приходилось к финансированию этих предприятий привлекать заинтересованные ведомства. В первую очередь привлекались к организации новых мануфактур высшие военные и морские учреждения, а именно в тех случаях, когда речь шла о снабжении и обмундировании армии (суконные, полотняные и кожевенные мануфактуры прежде других).

К маю 1722 года из государственных средств, если об этом судить по одному из документов, направленных в Сенат за подписью президента коллегии Новосильцова, были выданы крупные суммы денег с «возвращением» «господам интересантам тайному д. советнику и кавалеру барону Петру Павловичу Шафирову», Петру Андреевичу Толстому для их шелковой мануфактуры «ефимками двадцать одна тысяча шесть рублей», на суконный завод Володимиру Щеголину с товарищами 3 000 рублей «в том числе десять тысяч рублев из военной коллегии из мундирных денег». На каламинковую мануфактуру Никону Васкову из Кабинета 20 000 рублей, на кожевенный завод президента Главного магистрата Ильи Исаева 3 000 рублей, царедворца Михаила Павлова 5 000 рублей, «а которые в Казани, на Воронеже и в других городах мануфактуры, фабрики и овчарные заводы, тем давали деньги по требованию Берг-коллегии по ассигнациям из Штатс-коллегии в губерниях, где который завод обретаетца»[1].

Затруднения, вызываемые отсутствием определенного бюджета Мануфактур-коллегии, касались не только вопроса финансирования фабрикантов, а решительно всех сторон ее деятельности, начиная с содержания штата и затрат на канцелярские расходы и кончая осуществлением планов организации и строительства новых фабрик и заводов. Необходимость финансирования, более или менее соответствовавшего задачам, возложенным на учреждение петровским регламентом, ко-

[1] ГАФКЭ,— Фонд Сената, оп. 16, д. 1/1061, л. 102.

нечно, была понятна руководителям Мануфактур-коллегии, и они пытались об этом неоднократно ставить вопрос перед высшими органами государственной власти и перед представителями верховной власти. До 1722 года, когда еще Берг- и Мануфактур-коллегии были неразделены, финансовое положение Мануфактур-коллегии, как части объединенного учреждения, было сравнительно удовлетворительным, так как Берг-коллегия, имея в своей «дирекции» «денежные дворы», «мануфактуры и фабрики деньгами снабдевала»[1]. Нам неизвестен порядок, которым регулировалось это «снабдевание» деньгами мануфактур. Члены коллегии в своих доношениях в Сенат неоднократно указывали, что финансовое положение Мануфактур-коллегии, после ее отделения от Берг-коллегии, значительно ухудшилось. Рассчитывать на получение отчислений от прибылей вновь заведенных государственных и частных предприятий не приходилось, но над самой идеей таких отчислений руководители промышленной политики самодержавия первой четверти XVIII века задумывались. Однако они должны были отказаться от нее, «ибо (хотя) дирекции оной мануфактуры и фабрики в российской империи основаны, а в совершенную силу еще не пришли, с которых не токмо профиту получить возможно, но еще требуют споможения...»[2]

Это последнее обстоятельство, разумеется, не снижало значения самого факта создания Мануфактур-коллегии и той активной поощрительной промышленной политики, которая проводилась Петром. Это отлично понимали и сами руководители Мануфактур-коллегии. В одном из документов, адресованном в начале 1723 года в Сенат за подписью всех членов Коллегии, мы встречаемся с рассуждением на тему о том, какая польза имеется для государства уже в настоящее время от заведенных фабрик и мануфактур: «первое, множество неимущих от них питаются; второе, которые материалы из России в другие государства отпускались не за высокую цену, те остаются на мануфактурах и фаб-

[1] ГАФКЭ, — Фонд Сената, оп. 16, д. 1/1061, л. 140.
[2] Там же, л. 140.

риках и продаются ценою выше и иные с платежем пошлин по торговому уставу, и некоторых товаров и заморский вывоз пресечен; третье, от суконной мануфактуры отдаются на армейский мундир, что прежде всего покупалось в Европе, а ныне деньги остаются в России, а со временем и всю российскую армию удовольствовать могут; четвертое, многие из российского народа от иностранных мастеров, которые на немалом е. и. в. коште содержались, разным художеством обучились и работы производят с получением хлеба и другие подобные тому пользы находятся...» [1]

Однако Мануфактур-коллегия все-таки вынуждена жаловаться на плохое финансирование промышленности и возлагала в это время большие надежды на доходы, которые она может иметь для этой цели с табачных плантаций, «обретающихся на Украине» [2].

В июне 1722 года Василий Новосильцов также ставил перед Сенатом вопрос о финансировании деятельности коллегии и промышленности. В своем доношении он указывает, что Мануфактур-коллегия призвана «для правления и охранения обретающихся мануфактур, ...которая долженствует начатые и в действе сущие манифактуры в вящее восхождение производить, а старые и запустелые возобновить». При этом он отмечает, что деятельность коллегии не может быть сведена только к тому, чтобы дать разрешение на заведение фабрики, «но еще к тому чинить вспоможения некоторою суммою денег» [3].

Касаясь, в связи с этим вопросом, состояния казенных фабрик и заводов, президент констатирует, что «Мануфактур-коллегия капитала никакого не имеет и не токмо какие мануфактуры вновь заводить или старые, кои отпущены возобновить, но и начатые содер-

---

[1] ГАФКЭ,— Фонд Сената, оп. 16, д. 1/1061, л. 140.

[2] Во главе этой «табашной манифактуры» на Украине стоял уже известный нам по организации овчарных заводов «майор Афанасий Кологривов с протчими офицерами». В это время он был определен к другим делам, и коллегия жалуется на то, что вследствие этого «табашная манифактура пришла в ослабление». Там же, л. 141.

[3] Там же,— л. 103.

жать чем не имеет». Новосильцов для усиления впечатления сообщает, что некоторые из таких, вновь заведенных мануфактур, стоят почти «без всякого действия» «и весьма обветшали, тако же инструменты продают напрасно». Из таких фабрик он указывает на бумажную мельницу под Москвой в селе Богородском на р. Яузе, стеклянные Воробьевские и Измайловские заводы.

В заключение для исправления всех этих затруднений Новосильцов предлагает передать заготовление гербовой бумаги и доходы, связанные с ее продажей, из ведомства Оружейной палаты в ведомство Мануфактур-коллегии. Формальным мотивом этой передачи он выдвигает то обстоятельство, что сами бумажные фабрики находятся в подчинении у Мануфактур-коллегии. По указу Сената 24 августа 1722 года клеймение и продажа гербовой бумаги должны были производиться Мануфактур-коллегией, а деньги отсылаться в Штатс-контору [1]. Эта борьба Мануфактур-коллегии за обеспечение себя денежными средствами кончилась в вопросе с гербовой бумагой изданием указа от 29 сентября 1722 года, которым предписывалось из всех губерний и провинций средства, вырученные за поступавшую гербовую бумагу из Оружейной палаты, начиная с 1719 года, переслать в Мануфактур-коллегию [2]. Передача сборов за гербовую бумагу коллегии, ввиду их незначительности, заставила последнюю в 1723 году поставить вопрос об увеличении на 100% гербовых сборов по некоторым видам сделок, акты которых писались на гербовой бумаге [3]. Нужно сказать, что эта статья доходов, оставшаяся в распоряжении коллегии до момента ее ликвидации, не могла удовлетворить громадные потребности в деньгах такого ведомства, каким была Мануфактур-коллегия.

Настойчивые требования коллегии по всем этим вопросам доходили до самого Петра. В 1723 году 3 декабря он дал свое решение по этому поводу:

---

[1] ГАФКЭ, Фонд Сената, д. 1/1061, л. 103.
[2] Там же, л. 158.
[3] Там же, л. 207.

«На произведение новых мануфактур и фабрик держать ис прибыльных, сверх табели, за гербовую бумагу денег (а ежели оного недостает, то из других употреблять) з докладу Сената, а собою без указу из Сената в расход не держать, и коллегии старатца, чтоб долго таких заведенных фабрик на казенных денгах не держать, но приведчи в доброе состояние отдать партикулярным людям» [1].

Таким образом, средства на «произведение новых мануфактур и фабрик» Мануфактур-коллегия должна была получать из ежегодных очень незначительных ассигнований по общему государственному бюджету (по «табелю»), которых ей нехватало на содержание самого аппарата [2], из средств, также незначительных, получаемых от продажи гербовой бумаги и, наконец, из других статей государственного бюджета, которыми она не распоряжалась, а получала в каждом отдельном случае с особого разрешения Сената. Эта последняя статья в финансировании промышленников государством была самой крупной статьей.

При том общем состоянии финансового хозяйства, которое было невероятно истощено к рассматриваемому нами времени, вряд ли можно было требовать большего от государства, нежели это дано в петровском законе о «вспомоществовании» фабрикантам. Закон этот в последующей практике Мануфактур-коллегии не претерпел никаких изменений до дня ликвидации самого учреждения. Нужно сказать, что получение денежной ссуды от Мануфактур-коллегии не было для большинства фабрикантов легким делом. Исключение представляли только некоторые очень крупные владельцы мануфактур, которые могли использовать свои связи в сановном мире и правительственных кругах.

Мелкие и малоизвестные фабриканты денежных субсидий не получали от правительства или получали их

---

[1] ГАФКЭ,— Фонд Сената, оп. 16, д. 1/1061, лл. 249—150.

[2] В самом деле не могла коллегия существовать на триста рублей, отпущенных ей в 1723 г. Штатс-конторой, с такой суммой денег, по справедливому мнению Новосильцова, «не токмо мануфактур производить и содержать, но и приказной расход содержать невозможно». ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 1/1061, л. 104.

в очень редких случаях и незначительными суммами. Выдача денежных ссуд, во 2-й половине XVIII века в особенности, была сопряжена с длительной процедурой оформления в различных государственных инстанциях и тщательным взвешиванием Мануфактур-коллегией детальнейших обстоятельств, имеющих отношение к работе мануфактуры и состоятельности ее владельца. Мануфактур-коллегия месяцами, а иногда и годами, рассматривала справки, делала предварительные запросы в каждом отдельном случае в Сенат, собирала известия о движимом и недвижимом имуществе просителя, если получала санкцию от Сената на выдачу, требовала поручителей от займопросителя. Наконец, если она получала принципиальное согласие на выдачу или сама приходила к такому решению, посылала своих чиновников на место для осмотра фабрики просителя и имущества его поручителей. Обследователи представляли в присутствие коллегии подробный рапорт-ведомость о состоянии владельца фабрики или завода, подавшего прошение о ссуде. Рапорты-ведомости чиновников, обследовавших фабрики, всегда были настолько исчерпывающи, что в них можно встретить сведения не только о производственных, технических, сырьевых возможностях мануфактур, сведения о вложенных капиталах, качестве продукции, составе рабочей силы, но и буквально каждую мелочь, касающуюся оборудования и работы фабрики, например, количество зимних рам и их исправность, число разновесок к весам и прочее [1].

Примером такого тщательного обследования фабрики может служить дело фабриканта шелковой фабрики майора Льва Орлова в Дмитровском уезде в его селе Дубровках, который в январе 1773 года просил Мануфактур-коллегию «подкрепить» его мануфактуру капиталом в «10 000 рублев с уплатою в год по 1 000 рублев, а для уверения взять в секвестр» его село и фабрику [2].

Фабрика была обследована членом коллегии совет-

[1] См., например, обследование с этой целью фабрики Грязнова. УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 193, д. 2, лл. 66—70.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 333, д. 13889, л. 12.

ником Грабленовым. В представленном им рапорте сообщались самые подробные сведения о состоянии фабрики просителя [1].

Такие тщательные обследования фабриканта и его поручителей, при соответствии стоимости всего имущества с просимой суммой, давало Мануфактур-коллегии гарантию возврата полученной субсидии. Получая такую гарантию в виде имущества фабриканта, коллегия обычно при выдаче ссуды заключала контракт на поставку в казну товаров на сумму, которая должна была возвращаться ежегодно, или включала это условие в указ, которым оформлялась выдача субсидии. Этим дело не ограничивалось: Мануфактур-коллегия устанавливала постоянный контроль особого характера за состоянием кредитоспособности своего клиента на каждый год путем очередной ревизии мануфактуры. Если ссуда выдавалась фабриканту провинции или уезда, то контроль этот осуществлялся через местные правительственные органы [2]. Очень часто, в результате таких обследований, дело для просителей ссуды не

---

[1] «Фабрика явилась деревянная большая близ господского его Орлову дому и в ней покоев: первой — длиною шести с половиной, шириною четырех с половиною аршин, в нем на двух станах ткут тонкие полотна, мужеска полу два человека и при них шпульник один; второй — длиною шести с половиною, шириною шести аршин, в нем мужеска полу пять человек шелк снуют и на четырех колесах с фигурами мотают; третьей — длиною десяти, шириною осми аршин, в нем на одном стану правят и чистят марли и флеры, мужеска три, женска четыре человека, да на шести колесах с разными фигурами шелк мотают, женска ж полу шесть человек; четвертой — порожжей длиною и шириною по шести аршин, в котором временно прядут нитки на тонкие полотна; пятой — длиною семи, шириною пяти аршин, в нем на одном стану вырезывают флеры и платки женска полу четыре человека; шестая — контора длиною и шириною по семи аршин, в ней шелков италианских разных цветов один пуд, да на катушках по примеру до пяти фунтов китайского, два пуда ниток тонких на ширы и на тонкие полотна, три пуда небеленых широв и флеров нитяных, шесть кусков марли ретких и частых...»

Изложение детальных данных о владельце мануфактуры занимает еще две страницы текста. УЦГАЛ, АНХ,—Фонд Мануфактур-коллегии, св. 333, д. 13889, л. 13—14.

[2] Например, при выдаче ссуды, уже упоминавшемуся фабриканту Грязнову, который, кстати сказать, получил ссуду только в

оканчивалось так удачно, как у Орлова и Грязнова: Мануфактур-коллегия отказывала большому количеству фабрикантов или потому, что она сама не располагала необходимыми средствами, или потому, что подавший челобитную не внушал доверия.

Несмотря на все эти предосторожности, субсидируемые суммы часто попадали в руки таких дебиторов, с которыми коллегии приходилось подолгу возиться, чтоб получить назад выданные деньги, которые использовались фабрикантами отнюдь не в целях «размножения» и «преуспеяния» российской промышленности.

В августе 1744 года на поданное доношение из Мануфактур-коллегии Сенат дал указ о выдаче заимообразно на 10 лет 7 500 рублей без процентов фабриканту Третьякову. Ссуду должны были выдать с надлежащим количеством поручителей. Сенат обязал коллегию «прилежно смотреть, дабы от него, Третьякова, сукон и каразеи ставлено было не менее объявленного в том доношении обязательства» — именно сукон по 35 000 аршин, каразеи «по шестидесяти тысяч аршин» по установленным образцам. Выдача денежной ссуды при условии поставки на армию сукна, полотна и других товаров по «указанным пробам», ставила промышленников в «обязанные» отношения к правительству и приводила к осуществлению со стороны коллегии действительного контроля всей производственной и коммерческой деятельности предприятия в целях соблюдения интересов казны. И если право вмешательства со стороны Мануфактур-коллегии в частную предпринимательскую деятельность в других случаях не всегда использовалась ею, то в отношении фабрикантов, получивших государственную субсидию, коллегия старалась осуществить его полностью. Впрочем, владельцев мануфактур, получивших ссуды и использовывавших суммы не для развития мануфактур, это обстоятельство не особо смущало. Объясняется это очевидно тем, что

1766 г. а прошение о «вспомоществовании» подавал дважды в 1762 и 1763 гг. такой контроль был поручен Рузской воеводской канцелярии, которая систематически рапортами доносила Коллегии о работе фабрики. УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 193, д. 2, л. 367, и послед.

организовать действительный контроль за каждым фабрикантом аппарату коллегии было очень трудно. В данном случае, поскольку предприятие было в Москве [1], контроль этот осуществить удалось: при осмотре мануфактуры в августе 1745 года рабочие «объявили», что работа на фабрике стоит за отсутствием «основной и утошной пряжи», которая изготовлялась на этой же фабрике; все 13 станов находились в бездействии. Самого Третьякова при осмотре фабрики не было.

10 сентября того же года коллегия вынесла решение: «содержателя Третьякова в Мануфактур-коллегию сыскать и допросить, чего ради он по обязательству своему сукна и каразеи в комиссариат не завозит и для чего на тех ево фабриках на многих суконных и каразейных станах работа не производится».

Для ареста фабриканта были посланы солдаты Мануфактур-коллегии. Они возвратились с известием, что Третьяков уже арестован комиссариатской конторой «обще с протчими фабрикантами», как выяснилось, за непоставку «по подписке сукон» [2]. Взыскание денег, полученных Третьяковым для каких-то спекулятивно-торговых операций, облегчалось тем, что у него были поручители: московские купцы первой гильдии Григорий Колобов, Борис, Ив. Евреинов, 2-й гильдии Петр Павлов и другие — всего 8 человек. По регламенту и действующему законодательству в случае несостоятельности фабриканта, получившего ссуду, сумму, причитающуюся с него для уплаты в казну, обязаны были внести поручители. В 1759 году за фабриканта пуговичной фабрики Ягана Рудольфа Вакергагена, который получил из Мануфактур-конторы на «размножение» фабрики 10 000 рублей, поручился обер-прокурор Сената Александр Иванович Глебов. Фабрикант оказался несостоятельным, предприятие «лопнуло» и в 1762 году Мануфактур-контора сделала представление о взыскании с Глебова денег, не возвращенных Вакергагеном.

---

[1] Фабрика Третьякова находилась на р. Яузе близ Андрониева монастыря.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 167, д. 81 лл. 54—57.

Дело это тянулось до 1779 года, т. е. семнадцать лет (нужно было взыскать сумму около 10 000 рублей) и деньги с Глебова все-таки были взысканы, причем он уплатил с процентами больше 14 000 рублей, да 1 000 рублей была взыскана в свое время с фабриканта [1].

Также были взысканы деньги (5 000 рублей) с фабриканта Данилы Григорьева в 1764 году [2].

Почти во всех случаях очень трудно было взыскать деньги нормальным путем, хотя Мануфактур-коллегия, при явной несостоятельности фабриканта и действовала достаточно решительно. В начале 60-х годов нужно было взыскать задолженность по ссуде с фабриканта красочной мануфактуры Данилы Григорьева в 1 000 рублей. Мануфактур-контора по этому поводу докладывала Сенату, что «по наступлению к платежу срока» она потребовала внесения денег, но Григорьев объявил, что наличных денег не имеет. Григорьев был одновременно подрядчиком по постройкам различных правительственных зданий. Он попросил отсрочки в платеже, так как должен был получить деньги из конторы Воскресенского Новодевичьего монастыря и из конторы строительства Зимнего дворца, всего около 16 000 рублей. Мануфактур-контора тотчас сообщила в эти учреждения об удержании с него денег. Оттуда конторе сообщили, что он тем и другим должен несколько тысяч рублей сам. Кроме того, он задолжал еще и другим учреждениям, «за что и под караулом содержался». С целью конфискации принадлежавшего Григорьеву имущества Мануфактур-контора послала осматривать его фабрику и пожитки, но и там нечего было взять: единственный двор был продан для уплаты по векселям, выданным во множестве Григорьевым. Мануфактур-контора постановила, как и всегда в подобных случаях, взыскать долг с его поручителей — с фабрикантов Желвунцова и Плотникова и с графа Ягужинского [3]. Фигура Григорьева, купца, подрядчика и фабриканта, очень ха-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 99/178, д. 1, л. 130—131.

[2] Там же, д. № 2.

[3] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 98/177, д. 8, об. л. 526.

рактерна для той части нарождавшегося еще при Петре купечества, которое не могло закрепить достаточно прочно своих экономических позиций в борьбе со своими собратьями и поэтому пускалось на всякие авантюры коммерческого характера, используя, как прикрытие от всяких «поборов» и «служб», свое звание фабриканта и все те преимущества этой части купечества, которые вытекали из регламента Мануфактур-коллегии Петра и сохраняли свою силу еще и в 60-х годах.

Выполняя функции своеобразного промышленного банка или ссудной кассы по финансированию промышленности в XVIII веке, Мануфактур-коллегия и ее контора вели самое дело финансирования бессистемно. Не были установлены какие-либо точные принципы в поощрении ссудами наиболее важных отраслей промышленности. Беспроцентное «вспомоществование» фабрикантам, тесная связь верхушки фабрикантов из купечества и дворянства с сановной правительственной знатью, при продажности чиновников Мануфактур-коллегии, приводили к большой запущенности учета выдаваемых ссуд и прямо к казнокрадству. Дело учета было настолько плохо организовано, что при каждом очередном запросе со стороны Сената Мануфактур-коллегии приходилось запрашивать свою контору о состоянии у нее дел с выдачей и взысканием ссуд и производить розыски в дебрях своего собственного делопроизводства. Контроль Сената за выдаваемыми ссудами носил спорадический характер. Например, запрос такого порядка был сделан в 1760 году. Мануфактур-коллегия немедленно сведений дать не могла и запросила контору о том, сколько она выдала денег для «размножения» заводов и фабрик «партикулярным лицам». Из представленной конторой ведомости мы узнаем, что в разное время были выданы такие суммы:

в 1759 году содержателю шелковой и чулочной фабрики иностранцу Вениамину Миллеру 10 000 рублей сроком на 10 лет;

в том же году владельцу пуговичной фабрики Ягану Рудольфу Вакергагену на 10 лет 10 000 рублей [1];

[1] Ссуда, выданная Миллеру и Вакергагену, была взята из поступлений за гербовую бумагу.

по указу Сената владельцу шпалерной фабрики Ягану Фридриху Леману на заведение фабрики 1 000 рублей.

За эту ссуду Леман обязался изготовлять по 200 локтей обоев, в 1759 году ему же дополнительно было выдано еще 1 000 рублей.

В 1759 году была дана ссуда владелице кожевенной и замшевой фабрики Магдалине Фростовой с детьми в 2 500 рублей на 10 лет с уплатой ежегодно по 250 рублей.

Как видим, только по Мануфактур-конторе за один 1759 год была выдана сравнительно большая сумма денег. Кроме этого, в 1756 году владельцу ситцевой и выбойчатой фабрики Рычарду Козенсу было выдано на 10 лет 30 000 рублей с уплатой по 3 000 рублей в год. В 1753 году сроком на пять лет выдано 4 000 рублей М. В. Ломоносову по решению Сената «на размножение» стеклярусной фабрики. В 1756 году ему же было выдано на 10 лет еще 5 000 рублей.

Всего же фабрикантам за время с 1753 года только по Мануфактур-конторе было выдано 63 500 рублей, из них было возвращено 9 250 рублей, хотя должно было поступить значительно больше. Все эти ссуды выдавались, главным образом, по решению Сената из общегосударственных средств, кроме этого Мануфактур-контора производила выдачу денег из средств, собранных за гербовую бумагу. С возвратом этих ссуд дело обстояло также плохо. Из поступлений за гербовую бумагу контора выдала: в 1754 году содержателю парусной фабрики Тихону Чамову 15 000 рублей сроком на 10 лет (по истечении пятилетнего срока было возвращено всего только 1 684 рубля 59 коп., долг составлял 13 315 рублей 41 копейку); в 1754 году сенатору Борису Григорьевичу Юсупову на 10 лет было выдано 10 000 рублей, из них уплачено 5 000 рублей; в 1755 году князю Шаховскому 4 000 рублей на 5 лет, за которым оставался долг в 1 600 рублей; в 1758 и 1759 годах содержателям суконной фабрики Егору Грунтову и Матвею Шигонину — 25 000 рублей на 10 лет с уплатой по 2 500 рублей ежегодно; не в пример другим они выплату производили аккуратно, внеся в 1760 году 7 500 рублей; в 1760 году графу Гендрикову и владельцу су-

конной фабрики Ивану Третьякову было выдано 30 000 рублей и в 1752 году фабриканту замшевой мануфактуры Ризарю на 5 лет было дано 2 000 рублей, из которых он возвратил только 975 рублей [1].

В 1764 году Сенат, получив и рассмотрев ведомости от Мануфактур-конторы о выданных беспроцентных ссудах фабрикантам и о взыскании этих ссуд, остался очень недоволен состоянием дел. Было приказано отослать ведомость президенту Мануфактур-коллегии Дмитрию Васильевичу Волкову с указом строго взыскивать просроченные деньги без всякого «ослабления», «под опасением, что за всякое в оном упущение, та казенная сумма будет взыскиваться с присутствующих в оных коллегиях нынешних членов» [2].

От президента Сенат потребовал обсудить, возможно ли со всех указанных в ведомости фабрикантов взыскать деньги, тщательно осмотреть с этой целью их фабрики и пожитки. Насколько плохо обстояло дело с оформлением выдаваемых ссуд и с контролем за их возвращением, видно, например, из того, что Волков, отдавая распоряжение Мануфактур-конторе, связанное с этим указом Сената, не был уверен в том, «нет ли еще сверх того фабрикантам казенных денег в раздаче». Мануфактур-контору обязали составить не только тщательную ведомость и провести обследование фабрик должников, но и снять точные копии с тех указов, на основе которых были выданы деньги [3]. В данном случае речь шла уже о недоверии Мануфактур-коллегии к подчиненной ей инстанции, и это понятно: у Мануфактур-конторы уже к этому времени было 11 неисправных должников с долгами в несколько десятков тысяч рублей. Возвращение ссуд фабрикантами путем поставки на военное и морское ведомства произведений мануфактур было по существу расхищением государствен-

---

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-конторы, св. 82, д. 56, лл. 566—567, 573.

[2] Там же, св. 94/175, д. 135, л. 337.

[3] Все это было аккуратно проделано Мануфактур-конторой. См. ведомости на выдачу ссуд, ведомости о состоянии фабрик должников и копии указов о выдаче в фонде Мануфактур-конторы, св. 96/175, д. 135, лл. 343—354; 427—438 и 356—404.

ной казны, так как, во-первых, монополисты сдавали изготовленные товары по высоким ценам, а во-вторых, поставлялась очень недоброкачественная продукция суконными фабрикантами в особенности [1].

Несмотря на предупреждения и вмешательства Сената в дела Мануфактур-коллегии по вопросам, связанным с выдачей казенных денег фабрикантам, государственные субсидии фабрикантам по прошествии некоторого времени снова приобретали такой характер, что правительство было вынуждено в очередной раз призвать Мануфактур-коллегию и ее контору «к порядку» и требовать принятия немедленных мер для срочного взыскания задолженности с запрещением дальнейшей выдачи казенных денег. Так было в 1767 году, когда генерал-прокурор Сената Александр Вяземский сообщил, что при ревизии им денежных субсидий по всем четырем департаментам Сената «о всех состоящих на партикулярных должниках казенных долгах ведомости нашел он, что многое число не только на сроки в казну не вступило, но и за сроками от присутственных мест с тех должников не малое время доныне не взыскано, чрез что казна несет немалый убыток». Вяземский предложил послать от Сената указ во все ведомства «о неослабном взыскании» просроченных долгов, о предоставлении регулярно ведомостей по задолженности «партикулярными» лицами казне, требование «беспощадно» взыскивать по указам и представить соображения ве-

[1] Об этом свидетельствует, например, следующая история: в 1738 г. был взят под арест провинциальной рязанской канцелярией «купецкий человек» Иван Коробов из Переяславля Рязанского, так как за ним числилось «по откупу ево в доимке» 15 593 р. 48 к. Коробов отрицал наличие за ним этой суммы и поэтому велось следствие. Он объявил за собою «слово и дело» «в такой силе, что московской де большия суконные фабрики, что у Каменного мосту компанейщики, а как их зовут, того он Коробов не знает», ставят на казну по контракту сукно за аршин «гривен по семи и больше», отчего казне «чинится» не малый ущерб, а фабриканты получают большие прибыли и если позволят ему Коробову ставить на армию сукна, то он будет ставить сукна по пятидесяти копеек за аршин, при условии кредита со стороны государства. Коробов обещал от этой операции сохранять государству ежегодно до 10 000 руб. Поставку выполнить по контракту он брался один и просил «означенным же» компанейщикам в силу этого кон-

домств о способах взыскания с несостоятельных и неисправных должников. «Мнение» Сената об установлении особого режима для должников было утверждено. После этого решения Мануфактур-коллегия и ее контора систематически рапортовали Сенату о состоянии дел с каждым должником, рапорты представлялись регулярно даже и о тех фабрикантах, которые аккуратно и систематически погашали свои долги [1].

***

Среди привилегий, данных регламентом Мануфактур-коллегии фабрикантам, особое место занимает право покупки к фабрикам деревень. Фабриканты покупку крестьян и деревень отнюдь не рассматривали только с точки зрения обеспечения своих мануфактур рабочей силой. Очень часто главное для них заключалось в возможности приобретения земли для эксплоатации покупаемых крестьян в сельском хозяйстве, а не в мануфактуре.

Уже петровский указ 1721 года, а позднее регламент Мануфактур-коллегии, предвидели возможность злоупотреблений со стороны фабрикантов и грозили тем, кто заводы открывает только «для лица», «чтоб.. у кого деревни купить», «штрафовать отнятием всего движимого и недвижимого имения» [2]. Все эти строгости не мешали однако нарушению самих указов: продажность

тракта, чтоб было повелено «кроме подрядного излишнего не делать и в продажу посторонним людям тех подрядов сукон и каразеи не употреблять, а они компанейщики презря оное, сверх поряду делают излишние сукна, против тех же обрасцов и чинят продажу посторонним людям, от чего себе получают не малые прибыли». В показаниях Коробова речь шла о фабриканте Болотине с товарищами, которые получили от Мануфактур-коллегии денежные субсидии и которых при разборе этого дела Коммерц-коллегия взяла под свою защиту, когда ей предложили дать заключение по этой челобитной. Что касается предложений Коробова поставлять сукна на казну, то Коммерц-коллегия считала, что этого «подозрительного человека» допустить к производству сукон нельзя. Фонд Мануфактур-коллегии, св. 292, д. 9278, лл. 7—10.

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 98/177, д. 8, л. 524 (1).

[2] Полное собр. зак., 3711.

чиновников Мануфактур-коллегии и фактическая бесконтрольность были плохими средствами гарантии правительственных распоряжений от злоупотреблений в этой области.

В 1736 году правительство Анны попыталось ограничить покупку крепостных: фабрикантам позволялось покупать крестьян к своим фабрикам, но только без земель и не целыми деревнями [1]. С восстановлением Мануфактур-коллегии при Елизавете установленное ограничение было отменено указом 1744 года [2]. Нарушения фабрикантами закона при покупке крестьян заставляли правительство прибегать к дополнительным репрессивным мерам: в 1740 году приказано было исключать из числа фабрикантов тех, у кого фабрики окажутся «не в надлежащем содержании». Деревни таких фабрикантов должны описываться в казну в порядке зачета пошлин и штрафа с нарушителя, мастеровых с этих фабрик отдавать другим фабрикантам [3].

Разрешение на покупку фабрикантами крестьян обычно давалось Мануфактур-коллегией. В порядке исключения, при особых обстоятельствах, эти разрешения давались непосредственно Сенатом. Оформление актов и самая покупка крестьян фабрикантами, после того, как они получали разрешение от Мануфактур-коллегии, производилось через посредство Вотчинной коллегии [4]. Выдать разрешение на покупку было куда легче, нежели потом предупредить возможность зло-

---

[1] Полное собр. зак., 6858.
[2] Полное собр. зак., 9004.
[3] Полное собр. зак., 8176.
[4] Так в 1761 г. Мануфактур-коллегия сообщала промеморией в Вотчинную коллегию, что ею по челобитью московского купца первой гильдии Зиновья Иванова разрешено в Москве в Семеновской солдатской слободе завести шелковую фабрику «и для наилутчаго содержания и размножения» той фабрики дано «на первой случай разрешение купить людей мужеска пола с жильями и без земель 40 душ, а женска сколько при них обретаться будет» и о том «дать ему с прочетом указ и куда надлежит сообщить и государственная Вотчинная коллегия да благоволит о том ведать учинить по е. и. в. указу, а ему, Иванову, с прочетом указ дан и куда надлежало сообщено». УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 294, д. 9589, л. 17.

употребления, связанное с произвольным расширением данной привилегии и проконтролировать действительное использование купленных крестьян для работы на фабрике. Когда в 1736 году правительство очередным указом потребовало «разсмотреть обстоятельно» «в совершенное ль действо мануфактуры и фабрики приведены и содержатца, или кто избывая от служеб и постоев и против градских тягостей токмо под именем мануфактур и фабрик время продолжают», предложив «подложных» фабрикантов по обследовании немедленно выключить, Коммерц-коллегия (в это время она ведала мануфактурами) была в очень затруднительном положении, не зная как можно быстро осуществить такое распоряжение. «За множеством фабрик и за дальним их разстоянием» на жалованье и прогоны чиновников требовалось ассигнование сравнительно больших сумм, которыми коллегия не располагала.

Выход из положения был найден путем утверждения такого плана обследования:

1. Фабрики в губерниях должны были «осмотреть» выделенные губернаторами доверенные лица из чинов губернии с приданными к ним членами ратуш, представителями «знатного» купечества и «знатных» фабрикантов. Ответственность возлагалась на губернатора и отчет должен был представляться за его подписью.

2. Мануфактуры и фабрики в провинциальных и «протчих городах» должны были обследоваться самими воеводами с членами ратуш и представителями купечества.

3. Мануфактуры Москвы и в «Московском уезде в ближних местах» ревизовала сама Коммерц-коллегия.

4. В Петербурге осмотр был поручен члену коллегии советнику Мелесино [1].

При таком положении, когда ревизия, возложенная на ответственность центрального ведомства, должна была передоверяться местным органам власти и управления, естественно, были далеко не эффективны и

[1] УЦГАЛ, АНХ,—Фонд Мануфактур-конторы, св. 81/160, д. 54, л. 126—127.

результаты самого обследования, которые запаздывали на много месяцев и даже лет.

Неосведомленность о действительном положении дел в особенности характерна в отношении покупки и использования на фабриках крестьян. Выдача разрешений и контроль за покупкой фабрикантами крестьян были так плохо организованы, что Мануфактур-коллегия очень долгое время не имела у себя всех необходимых сведений.

Серьезно приступить к учету купленных фабрикантами деревень Мануфактур-коллегия решает только в начале января 1749 года. Московские фабриканты были вызваны в Мануфактур-коллегию, где им было предложено «в самой скорости» представить ведомости с указанием в них, где куплены деревни, сколько душ и дворов. Сколько из них употреблено к фабрикам, к каким именно мастерствам [1]. К фабрикантам других городов были посланы соответствующие письменные запросы. Присылка сведений в Мануфактур-коллегию затягивалась, а Сенат требовал немедленного ответа по данному вопросу. Под различными отговорками фабриканты затягивали подачу сведений, и в июне 1751 года коллегия в очередном заседании по этому вопросу констатировала, что необходимо к «городовым фабрикантам» послать «претичные» указы с требованием присылки ведомостей и с угрозой, в случае непредставления этих сведений, фабрики их взять в казну и владельцев из «фабрикантов выключить» [2].

Эта попытка собрать точные сведения о купленных фабрикантами крестьянах так и не была осуществлена до сенатского указа 1752 года от 2 апреля, которым была установлена «препорция» между количеством покупаемых крестьян и числом станов на шелковых, суконных, каразейных, полотняных, шляпных фабриках, «а протчим, ...разных мастеров фабрикам в покупке деревень позволение давать велено применяясь... по ма-

[1] С московскими фабрикантами и заводчиками всегда поступали таким образом: каждое правительственное распоряжение доводилось непосредственно путем вызова их в Мануфактур-коллегию.

[2] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 109/37, кн. 55, л. 81.

стерствам», без всякого излишества. Мануфактур-коллегии приказано было о том, «крепкое смотрение иметь, дабы они фабриканы излишними крестьянами, яко по их званию непринадлежащим интересом, под видом заводов и фабрик, пользоваться случая не имели»[1]. Ограничения 1752 года не касались дворян, покупающих крестьян к фабрикам, но и они должны были обозначать в купчих крепостях, что деревни куплены ими к мануфактурам, чтобы «можно было знать, какие ими деревни точно к заводам и фабрикам куплены и какие ж особно для их дворянства»[2]. Из общего числа купленных фабрикантами крестьян Сенат разрешал употреблять в фабричные работы на шелковых заводах 25%, а на суконных, полотняных и других — одну треть; остальные должны были оставаться на крестьянских работах.

После установления «препорции» Сенат категорически потребовал в 1753 году от Мануфактур-коллегии сведений о каждом фабриканте в отдельности, с мнением коллегии персонально о каждом из них. Вопрос о покупке крестьян фабрикантами Сенат теперь хотел рассмотреть в свете состояния всех дел на каждой фабрике: кроме сведений о купленных крестьянах от Мануфактур-коллегии потребовали известий о количестве производимой продукции на каждой фабрике, какой «доброты» производятся товары.

Сведения, собранные Мануфактур-коллегией, очень интересны для выяснения вопроса о том, как использовалась фабрикантами данная им привилегия на покупку крестьян.

Всего удобнее рассмотреть эти материалы по отдельным отраслям промышленности и внутри отраслевых групп отдельно по владельцам, в связи с общими данными о состоянии каждой мануфактуры[3].

---

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 139/37, д. 54, л. 339.

[2] Полное собр. зак., 9954.

[3] Приводятся сведения только по 177 предприятиям ведомства Мануфактур-коллегии. В нашем распоряжении нет сведений о фабриках Мануфактур-конторы.

Суконные фабрики

Фабрика Ефима Болотина в Москве, основана в 1720 г. (вначале вместе с Тамесом). Сукна поставляла на казну. Производство сукна на фабрике за рассматриваемое время росло: в 1742 году было поставлено на армию 80 000 аршин сукон, а в 1753 году 100 000 аршин. Сукна поставлялись по «апробованным» образцам.

Деревень и крестьян в покупке совершенно не было. Фабрика работала, главным образом, с применением труда приписных и «отданных».

Фабрика Ивана Полуярославцева в Москве, основана в 1734 году. Работала на военное ведомство: в 1742 году поставила 12 000 аршин в год, в 1753 году 20 000 аршин. Помимо заказов казны фабрика Полуярославцева, как и многие другие, работала еще на вольный рынок. Мануфактур-коллегия, в данном случае, не интересовалась количеством товаров, выбрасываемых на рынок. Деревень и крестьян купленных не было.

Фабрика коллежского асессора Козьмы Матвеева в Путивльском уезде. До Матвеева содержалась казной и производила до 3 000 аршин сукна в год. В 1754 году новый владелец обязался поставить 70 000 аршин сукна. Купленных крестьян не было. Фабрика использовала труд приписных украинских крестьян, всего приписано было 4 657 душ.

Фабрика Максима Чуленинова в г. Воронеже, заведена в 1726 году. В 1742 году производилось 8 000 аршин, в 1753 году 15 000 аршин сукон. Деревень и крестьян в покупке не было.

Ивана Горденина в г. Воронеже, основана в 1726 году. В 1742 году фабрика поставила 15 000 аршин. В 1754 году обязалась поставить 25 000. Крестьян и деревень в покупке не было.

Фабрика Федора Серебрякова в Москве существовала с 1736 года. До 1753 года ставила по 17 000 аршин, в 1753 году 20 000 аршин. Деревень и крестьян в покупке не было.

Суконная фабрика Ивана Третьякова работала с 1735 года. Ввиду несостоятельности Ивана Третьякова была отдана в содержание купцу Бухвостову и Борису

Третьякову. При прежнем владельце фабрика ставила ежегодно по 1 200 аршин, в 1753 году было поставлено 20 000 аршин. Деревень и крестьян в покупке не было.

Фабрика Романа Журавлева, Григория Бабкина, Ефрема Еремеева и Петра Носырева в Москве основана в 1736 году. В 1747 году по указу Сената была разделена на три самостоятельные предприятия, одно из которых принадлежало Бакину и Еремееву вместе. До раздела фабрика поставляла казне 32 270 аршин, а после раздела в 1753 году 43 000 аршин. Деревень в покупке не было.

Фабрика Якова Курочкина с товарищами в г. Иркутске работала с 1731 года. С начала основания давала 507 аршин в год, к 1753 году 4 500 аршин. Деревень и крестьян в покупке не было.

Фабрика Дряблова в Казани основана в 1724 году. С 1742 года фабрика ставила для армии ежегодно по 40 000 аршин. В 1752 году фабрика сгорела «без остатку», но в 1753 году она уже ставила снова 25 000 аршин. Крестьян купленных Дряблов имел только одну деревню в 75 душ. По норме «излишества не было».

Василия Постовалова в г. Воронеже работала с 1725 года. В 1742 году ставила 15 000 аршин, а в 1753 году — 16 000 аршин. В Воронежском уезде в Усланском стану Постовалов имел полдеревни купленных крестьян всего 63 души.

Фабрика вице-президента Ревизион-коллегии кн. Григория Шаховского в Коломенском уезде. Работать начала только с 20 ноября 1753 года. Сведений в Мануфактур-коллегию прислано не было [1].

Положение с суконными фабрикантами на первый взгляд кажется несколько непонятным. Почему наиболее привилегированная часть мануфактуристов, тесно связанных с правительственным аппаратом, не использовала одной из наиболее важных привилегий петровского регламента?

Большинство суконных фабрик раньше принадлежало государству или крупным компанейщикам петров-

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 109/37, д. 55, л. 559—561.

ской поры, все они были обеспечены, в количестве совершенно достаточном казенными, приписными рабочими, которые при передаче фабрик частным лицам стали принадлежать фабрикантам. Связанные непосредственно с государством поставками на армию владельцы этих фабрик и позднее получали необходимую рабочую силу в виде приписных и «отданных» с других мануфактур и казенных заводов, пользуясь в этом отношении преимуществом по сравнению с другими фабрикантами.

При таком положении вещей не было необходимости в покупке крестьян для работы на суконной мануфактуре, а для приобретения их с иными целями не было достаточно благовидных законных оснований. Кроме того, часть этих фабрикантов, как князь Григорий Шаховской, асессор Матвеев, владела крестьянами и деревнями как помещики.

К концу 60-х годов положение уже изменилось. Суконные фабриканты, главным образом из тех, что открыли фабрики позднее, начинают покупать крестьян и деревни с землею. Из ведомости, составленной Мануфактур-коллегией в 1767 году, мы узнаем, что у Якова Горденина было куплено 208 душ мужского пола крестьян, из них только 74 человека работали на фабрике, а 134 — в сельском хозяйстве; у суконного фабриканта Медовщикова было куплено 527 душ и только 225 работало на мануфактуре; у Петра Гребенщикова 230 душ и на фабрике из них работало только 80, соответственно было куплено и из них работало на мануфактуре у Козьмы Матвеева из 263 только 180, у Ивана Горденина из 227 только 93, у Андрея Горденина из 211 душ всего 77 и у Ивана Мещанинова из 399 всего 181 человек[1].

Полотняные фабрики

В отличие от суконных предприятий полотняные фабрики не дают однородной картины в отношении использования ими рабочей силы.

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 109/37, д. 54, лл. 531—532.

Различные группы фабрикантов полотняных фабрик не одинаково используют свое право на приобретение крестьян и деревень. Всех содержателей полотняных фабрик можно разбить на следующие группы: а) фабриканты, использовавшие на своих фабриках только вольнонаемный труд; б) фабриканты, работавшие с применением приписных рабочих-крестьян; в) фабриканты-помещики, у которых на мануфактурах работали их крепостные; г) фабриканты, мануфактуры которых работали с применением «смешанной» рабочей силы, но главным образом купленными крестьянами.

А. Полотняные фабрики, применявшие вольнонаемный труд

Алексея Милякова в Керенском уезде. Фабрика была заведена в 1747 году, в том же году имела 20 станов, а в 1753 году 56 станов. В 1753 году в «обращении» было «капитала» 4 700 рублей.

Матвея Шигонина в Москве заведена в 1750 году, в Малом Ярославце в 1752 году. Капитала с начала заведения было употреблено на московской 3 000 рублей, в Ярославце 1 000 рублей, а в 1753 году в «обращении» капитала было на московской до 8 000 рублей, в Ярославце до 4 000 рублей. На московской станов 25, на ярославецкой 17. Мануфактур-коллегия отмечала, что товары у Шигонина «делаются хорошим мастерством».

Ивана Нечаева в Ярославском уезде, заведена в 1749 году. В 1749 году работа производилась на 43 станах, в 1753 на 52 станах. Капитала в обращении до 15 000 рублей.

Фабрика Степана Кондакова в Вязниках, заведена в 1749 году. Имелось сначала 60 станов, а в 1753 году 81 стан. Капитала в обращении соответственно было 5 000 рублей и затем 5 500 рублей.

Фабрика Дмитрия Митрофанова и Ивана Баташова в Перемышльском уезде, заведена в 1746 году. В начале станов было 14, а в 1753 году 115 станов. При основании фабрики капитала было употреблено 7 042 рубля. В 1753 году сделано товаров на 12 899 рублей, а сумма капиталовложений за этот год неизвестна.

Мануфактур-коллегия отмечала, что товары «делаются на фабрике добрым мастерством».

Фабрика Михаила Серебренникова с 1750 года в г. Ростове. В начале было 8 станов, в 1753 году 12 станов. Капитала употреблено 1 450 рублей. «Товары делаются хорошим мастерством».

Ивана Угличанинова в г. Костроме с 1751 года. В начале на фабрике было 76 станов, а в 1753 году 82 стана. При заведении, капитала употреблено 7 500 рублей. В 1753 году в обращении было 9 000 рублей. Товары делались «посредственным» мастерством, как отмечала коллегия.

Ивана Комарова в Москве с 1752 года. При заведении было 30 станов, в 1753 году 65 станов. Капитала употреблено в начале 4 000 рублей, а затем 5 500 рублей. «Товары делаются хорошим мастерством».

Ивана Окорокова в Веневе с 1749 года. Все время работала на 21 стане. В обращени капитала до 5 000 рублей. «Товары делаются хорошим мастерством».

Фабрика Ильи Елизарова в Боровске с 1746 года. С начала заведения было 70 станов, а в 1753 году 25 станов. В обращении капитала за эти годы 8 000 рублей и 8 500 рублей. Товары делались посредственным мастерством.

Фабрика Саввы Тетюшенинова в г. Коломне с 1750 года. В начале было 30 станов, затем 42 стана. Товары делались «хорошим мастерством». Капитала в обращении до 5 000 рублей.

Фабрика Семена и Григория Сивокиных в Гжатской пристани заведена в 1749 году. На фабрике было в начале 63 стана, в 1753 году 50 станов. Капитала в обращении в 1753 году 7 562 рубля 50 копеек. Товары делались хорошим мастерством.

Ивана Овошникова в Москве с 1731 года. Имел в 1742 году 70 станов, а в 1753 году 110 станов. В 1742 году было вложено капитала 5 000 рублей, а в 1753 году до 15 000 рублей. Мануфактур-коллегия отмечала хорошее качество товаров [1].

---

[1] УЦГАЛ АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 109/37, д. 55, л. 565—570.

Все эти 13 фабрикантов работали без применения наемного труда и ни один из них не имел купленных или приписных крестьян. При рассмотрении материала обращают на себя внимание следующие факты, характерные для всей этой группы:

1. Все мануфактуры этой группы организованы в конце 40-х или в начале 50-х годов. Исключение представляет одна фабрика Ивана Овошникова, основанная в 1731 году.

Таким образом, время их организации совпадает с указанными выше правительственными ограничениями на приобретение крестьян и деревень.

2. Все фабрики этой группы за годы с 1742 и по 1753 (или с момента их основания) за очень небольшим исключением, имеют рост производства. Об этом говорит увеличение количества станов и «капитала в обращении». Почти для всей группы фабрикантов характерна положительная оценка Мануфактур-коллегии о качестве выпускаемой продукции: «товары делаются хорошим мастерством».

3. Если говорить на основе этих данных о географическом распространении на полотняных фабриках вольнонаемного труда, то нужно отметить, что его нельзя отнести к какому-либо одному или двум центрам: территориальное размещение этих фабрик достаточно широкое для того времени.

Б. Полотняные фабрики, применявшие труд приписных рабочих

Мануфактуры по производству полотна, работавшие с применением труда приписных, обычно, к основному контингенту приписных рабочих имели или купленных крестьян в незначительном количестве, или вольнонаемных. Полотняные фабрики, которые работали только с использованием приписных, встречаются редко.

Фабрика Дмитрия Затрапезного в Ярославле, основана в 1721 году. В 1742 году на фабрике было 100 станов, в год, к которому относится представление сведений, — 460 станов. Купленных крестьян не было. Приписных 186 человек. Очевидно, к этому числу рабочих

Затрапезный имел для работы на 460 станах еще и вольнонаемных. Капитала в 1742 году «употреблено» 20 000 рублей. В 1753 году сделано товаров на 28 540 рублей.

Фабрика Ивана Затрапезного (в это время его сына Алексея) в Ярославле основана в 1721 году. В 1742 году было 503 стана, а в 1753 году 782 стана. Работал приписными и вольнонаемными людьми. Приписных на фабрике 483 человека. Деревень и крестьян купленных не было. Кроме этой фабрики он еще имел бумажную и «масляную». Во всех трех фабриках капитала в обращении было в 1742 году 50 000 рублей, а в 1753 году 104 807 рублей.

Фабрика Василия Чурашева в Москве с 1720 года. В 1742 году имела 90 станов, а в 1753 году 122 стана. Деревень и крестьян купленных не было, работала приписными, которых было 155 человек, капитала в «обращении» в 1742 году было 10 000 рублей, в 1753 году — 35 000 рублей.

Ивана Тамеса в Москве с 1720 года. В 1742 году на мануфактуре было 308 станов, а в 1754 году 442 стана. Деревень и крестьян купленных не было. «По переписи написано у него 525 человек». Приписных не хватало и поэтому Тамес нанимал вольнонаемных. Капитала в обращении было в 1742 году 18 000 рублей, а в 1753 году 60 000 рублей.

Фабрика Авдотьи Овошниковой с детьми, в Ерапольческом уезде, основана в 1731 году. 1742 году было 67 станов, а в 1753 году 107 станов. Купленных деревень и крестьян не было. Приписных в совместном владении с Иваном Овошниковым было 94 души. К этому числу нанимались еще вольнонаемные. Капитал в обращении вырос с 9 000 рублей в 1742 году до 10 000 рублей [1].

Фабрика Ивана Серикова в г. Серпухове с 1738 года. Покупных крестьян не было, приписных 56 душ, остальные, очевидно, вольнонаемные. Количество станов в 1742 году — 42, а в 1753 году 66 станов. Капитала со-

[1] Очевидно, имеет место какое-либо недоразумение: слишком большой разрыв между ростом количества станов и капитала в «обращении».

ответственно в обращении было 8 000 и 8 500 рублей. О всех этих шести фабрикантах, фабрики которых были заведены или при Петре, или несколько позднее, Мануфактур-коллегия доносила, что товары они «делают хорошего мастерства».

Полотняная фабрика купца Тихона Чамова в Брянском уезде, в селе Ревнах заведена с 1750 года. Работала на 68 станах. Деревень в покупке не было. «Куплен 1 человек, да данных ис подушного оклада 3 человека, отданных прежде бывших на оной фабрике казенных людей 90 человек». Итого 94 человека. Кроме этого использовался труд вольнонаемных. Капитала в «обращении» 18 200 рублей. Товары делаются «хорошим мастерством».

Прокофья Пастухова с 1748 года в Москве и в Московском уезде. В 1748 году было 100 станов, в 1753 году 179 станов. Купленных крестьян без земли только 2 человека, приписных 72 человека, остальные рабочие, очевидно, вольнонаемные. Капитала «в обращении» за те же годы 10 000 рублей и затем 15 000 рублей. Качество продукции хорошее.

Фабрика Степана Серикова в г. Серпухове. С 1748 года количество станов увеличилось с 60 до 80 в 1753 году. Покупных крестьян нет. Приписных 90 душ. Капитала в обращении 8 000 рублей. Качеством выпускаемой продукции коллегия была довольна.

Фабрика жены подполковника князя Килдишева Марьи Сидоровой с детьми в Пронском уезде с 1752 года на 54 станах. Капитала употреблено до 10 000 рублей. На эти 54 стана по указу Сената владелица получила 643 души приписных крестьян [1].

Удельный вес этой группы фабрикантов в полотняной промышленности, применявших приписных крестьян по преимуществу, был велик, как это видно из приведенных данных. По своему составу это почти все фабриканты петровского времени, использовавшие привилегию на труд приписных рабочих. Рабочие этих фабрик представляли собою высококвалифицированную ра-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 109/37, д. 55, л. 562—573.

бочую силу. Понятно, что у этой части фабрикантов не было нужды в покупке крестьян и деревень. Недостаток рабочей силы они восполняли наемными рабочими.

В. Полотняные фабрики, принадлежавшие помещикам, применявшим труд крепостных крестьян

Все фабриканты-помещики были ведомы Мануфактур-коллегией. Сами они, по ряду соображений, считали выгодным для себя состоять в ведении коллегии: это обстоятельство не сужало, а расширяло их классово-сословные привилегии, как это будет показано ниже.

Фабрика Петра Борисовича Шереметьева в г. Суздале основана в 1745 году, имела 52 стана, а в 1753 году уже 205 станов. Работала, как и все нижеприведенные, крепостными. В 1753 году «в сделанный товар употреблено 51 505 рублей. Товары делались посредственным мастерством».

Подполковника Алексея Дохтурова в Дмитровском уезде с 1740 года. В 1742 году 113 станов, в 1753 году 214 станов. Капитала при заведении «употреблено» до 10 000 рублей. В 1753 году 13 500 рублей. Работа по качеству — «посредственная».

С 1749 года работали полотняные фабрики:

Советника Ивана Телепнева в Алексинском уезде. При заведении было 7 станов, в 1753 году 15 станов. Капитала употреблено 500 рублей.

Советника Алексея Артамонова в Арзамасском уезде, у которого в 1742 году было 20 станов, в 1753 году 40 станов (о капиталах сведений нет).

Асессора Алексея Еропкина в Каширском уезде. Об этой фабрике коллегия не имела сведений.

С 1750 года работала фабрика статского советника Никиты Демидова в Мещовском уезде на 200 станах. Капитала употреблено 28 000 рублей. «Товары делались хорошим мастерством».

В 1751 году было организовано 9 полотняных помещичьих фабрик, находившихся в ведомстве коллегии:

Лейб-гвардии капитана Алексея Мельгунова в Болоховском уезде (сведений о ней нет).

Лейб-гвардии ротмистра Сергея Салтыкова «жены его вдовы Веры Ивановой дочери» в Шацком уезде работала на 12 станах (других сведений нет).

Президента Коммерц-коллегии Якова Евреинова в Московском уезде. В начале работало на 9, а затем на 10 станах.

Поручика Николая Маслова в Тульском уезде, на 20 станах (но в том же году фабрика сгорела и в новую «было употреблено» до 3 000 рублей).

Советника Давыдова в Перемышльском уезде (сведений в Мануфактур-коллегии не было).

Секунд-майора Дмитрия Лихарева в Рясском уезде, на 14 станах, с употреблением капиталов до 2 700 рублей.

Секретаря Ревизион-коллегии Василия Полевова в Москве, на 6 станах, а к 1753 году на 12 станах с капиталом до 1 000 рублей.

Генерал-майора Суворова на 30 станах (других сведений нет).

Асессора Алексея Грязнова в Кашинском уезде (сведений в Мануфактур-коллегии нет).

Наконец, в 1752 году было основано еще две полотняные фабрики камергера Романа Ларионовича Воронцова в Костромском уезде на 15 станах и графа Александра Шувалова «при железных его угоцких заводах» на 18 станах и в 1753 году барона Строгонова в Вяземском уезде [1]. Почти все они использовали только труд своих крепостных крестьян, но и среди этой категории встречаются некоторые исключения.

Например, полотняный фабрикант асессор Афанасий Гончаров завел свои фабрики в Ярославском и в Суздальском уездах еще в 1722 году. В 1742 году он имел 248 станов, а в 1753 году 480 станов. Не используя особого разрешения от Мануфактур-коллегии, как фабрикант, он «по своему рангу» купил крестьян в Суздальском уезде 930 душ, в Брянском уезде 1 000 душ, в Белевском уезде 489, в Серпуховском уезде 2 100 душ. Итого 4 703 души. Из этого количества указом было

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 109/37, д. 55, л. 560 и посл.

определено 800 душ быть при его Серпейском «железном заводе», остальным при полотняной и бумажной фабрике. Кроме того, ему было дано от Мануфактур-коллегии 1 064 приписных рабочих. Общее резюме коллегии по рабочей силе у Гончарова формулировано: «излишества нет». Капитала в обращении вместе с бумажной фабрикой в 1742 году было 82 000 рублей, а в 1753 году 135 000 рублей.

Таким образом, большинство полотняных фабрик, принадлежащих дворянам, было организовано во второй половине XVIII века и представляло собой относительно небольшие по размерам производства, работавшие исключительно с применением труда своих крепостных крестьян.

Г. Полотняные фабрики, работавшие с применением покупных и приписных крестьян

Фабрика Григория Щепочкина в Малоярославском уезде основана в 1735 году. В 1742 году было 143 стана, в 1753 году 375 станов. Капитала в обращении было в 1742 году 10 000 рублей, а в 1753 году произведено товаров на 31 476 рублей. Куплено крестьян в Медынском уезде 1 двор с 12 душами мужского пола, в 1751 году там же 249 душ. Итого 261 душа. Кроме того, фабрика имела приписных 195 душ.

Фабрика Петра Нечаева в Рыбной Слободе с 1736 года; в 1742 году имела 100 станов, в 1753 116 станов. В 1747 году в Галицком уезде он купил 141 душу, да «без земель» 6 душ, кроме этого он имел 210 человек приписных. В 1782 году, по известию самого Нечаева, фабрика его «запечатана» от Ярославского магистрата.

Фабрика Григория Кишкина (в это время ею владели дети его Василий и Николай) в г. Серпухове с 1737 года. В 1742 году было 100 станов, а в 1753 году 225 станов. Соответственно за эти годы капитала в обращении было на фабрике 16 000 рублей и 35 000 рублей. Купленные крестьяне были в Алексинском уезде в с. Немцово 46 дворов с 221 душами мужского пола.

Василия Евреинова (в это время фабрику содержали

его дети Василий и Михаил) в Московском уезде с 1737 года. В 1742 году было 83 стана, в 1753 году 80 станов. Купленных было 7 душ и «отданных» из Юстиц- и Мануфактур-коллегии 23 человека. Это количество было на обеих его фабриках: на полотняной и бумажной. Очевидно, он пользовался вольнонаемными.

Ивана Мосалова в Тарусском уезде с 1738 года. На фабрике за те же годы было 74, а затем 110 станов. Сделано товаров за эти же годы на 1 000 рублей и на 2 070 рублей. Купленных крестьян у разных помещиков 20 душ. Использовался также труд наемных рабочих.

С 1740 года работала фабрика Ивана и Петра Золотаревых в Калуге. В 1742 году она имела 60 станов, а в 1753 году 38 станов. Упадок фабрики отразился и на количестве изготовляемой продукции. Вместе с приписными и купленными на фабрике было 18 душ. Недостаток восполнялся вольнонаемными.

Михаила и Ивана Фадеевых в Калуге. В 1742 году было 88 станов, а в 1753 году 40 станов. Показатели о выпускаемой продукции также говорят об упадке фабрики. Приписных и купленных без земли всего 34 человека.

Полотняная фабрика Данилы Земского в Москве была основана в 1747 году. В год открытия имела 83 стана в 1753 году 267 станов. Еще в 1744 году (он имел кроме этой шелковую фабрику) купил в Московском уезде село Купавна, в 1748 году сельцо Островки; в обоих было 146 душ мужского пола. В 1745 году в Костромском уезде село Одинцово «с деревнями». В 1750 году в том же уезде село Палкино «с деревнями» с 142 душами мужского пола. Всего 288 душ. Кроме того, он имел еще 154 человека приписных.

Фабрика Ивана и Лариона (сын) Лучининых в г. Туле с 1748 года. В 1748 году имел 120 станов, а в 1753 году 280 станов. Купленных крестьян было: в 1749 году в Алексинском уезде 190 душ мужского пола, в том же году в Тульском уезде 22 души, в Белевском уезде село Сороколетово с 324 душами мужского пола, да еще без земли 40 душ: всего 576 дуж мужского пола.

Фабрика Гаврилы Клюева в Москве и в Московском уезде «в купленном ево сельце». В 1748 году при от-

крытии фабрика имела 47 станов, а в 1753 году 132 стана. Купленных деревень имел в 1748 году в Дмитровском уезде в Каменском стану и в Вышегородском стану, всего 135 душ мужского пола. С момента организации в «ту фабрику капитала употреблено» 15 373 рубля. В обращении капитала в 1753 году было 35 000 рублей.

Фабрика Михаила Гусятникова в Зарайском уезде заведена в 1750 году с 96 станами, в 1753 году было 180 станов. Капитала «употреблено» до 15 090 рублей. В 1753 году в обращении было до 30 000 рублей. Купленных крестьян в 1750 году в Зарайском уезде было 121 душа, приписных 15 душ.

Фабрика Андрея Бабушкина в Москве с 1750 года с 26 станами, а в 1753 году имела 44 стана. Капитала «употреблено» до 10 000 рублей. Кроме этой фабрики он имел еще шелковую фабрику. Всего было куплено крестьян в Моржевском стану 30 дворов с 173 душами мужского пола. Кроме того, он имел «приписных и написанных по ревизии» 81 человека, всего 254 человека[1].

В ведомостях, которые Мануфактур-коллегия отсылала в Сенат, как правило, количество вольнонаемных рабочих не указывалось. С таким же явлением мы встречаемся в данном случае. На каждой из приведенных фабрик мы встречаем расхождение между количеством станов и количеством купленных рабочих-крестьян: рабочих нехватает и по правительственной норме, установленной на каждый стан, и по фактической потребности производства на обслуживание каждого отдельного участка работы, не говоря уже о всяких подсобных производственных работах. Расхождение это будет еще большим, если мы примем во внимание, что известная часть купленных крестьян использовалась фабрикантами на работах по сельскому хозяйству. Данные 1767 года по части полотняных фабрик дают нам такую картину по использованию купленных крестьян владельцами полотняных мануфактур:

---

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 109/37, д. 55, лл. 567 и посл.

У Настасьи Клюевой из 111 купленных крестьян на фабрике было 46 душ и 65 в деревне.

У Афанасия Гончарова из 3 642 купленных только 565 на фабрике и 3 137 в деревне, у Семена Нахимова из 1 383 купленных только 414 на фабрике и 969 в деревне, у Михаила Гусятникова из 452 на мануфактуре 150 и в сельском хозяйстве 302, у Николая Кишкина из 128 на мануфактуре только 48, у Якима Мальцева из 95 использовано только 30, у Ивана Лучинина из 1 295 использовано только 695, остальные 600 человек в деревне и у Семена Богданова из 189 только 60 на мануфактуре [1].

Понятно, что при таком положении вещей приходилось «недостаток» восполнять вольнонаемными людьми, в то время как часть купленных крестьян, очевидно, было выгоднее использовать на работе в деревне.

В некоторых случаях купленные крестьяне, которые работали в деревне, эпизодически использовались на мануфактуре для тех или иных работ, не требовавших специальных производственных навыков. У полотняных фабрикантов последней группы обращает на себя внимание тот факт, что большинство приобретенных деревень фабриканты покупали не в районе расположения мануфактур. Этот факт является дополнительным свидетельством истинных мотивов, побуждавших покупать крестьян.

То, что часть фабрикантов работала, совершенно не применяя труда купленных или приписных крестьян, говорит о том, что затруднения с рабочей силой не были в это время такими, при которых необходимо было сохранить привилегию на приобретение крестьян и деревень фабрикантами.

Шелковые фабрики

Владельцы шелковых мануфактур так же, как и владельцы суконных и полотняных фабрик, занимали особо привилегированное положение. Но по сравнению с вла-

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 109/37, д. 54, лл. 531—544.

дельцами полотняных мануфактур ведомства Мануфактур-коллегии они владели большим количеством купленных крестьян. Среди них мы почти не встречаем за этот промежуток времени фабрикантов помещиков, работающих с применением труда своих крепостных крестьян.

Относительно большее количество получаемых разрешений на покупку крестьян и деревень, как и другие привилегии, даваемые шелковым фабрикантам, можно в некоторой степени объяснить, с одной стороны, тем, что эта отрасль мануфактурной промышленности обслуживала по преимуществу растущие нужды господствующего класса, и, с другой стороны, теми доходами, которые получала казна от торговли шелком и шелковыми изделиями. Среди мануфактур по обработке шелка и шелковых изделий можно наметить три основные группы:

А. Шелковые фабрики, работавшие с применением труда вольнонаемных

Все фабрики этой категории были организованы по преимуществу во 2-й половине 40-х годов и в начале 50-х годов. Покупных крестьян и приписных рабочих не имели. Размер капиталовложений и количество перерабатываемой продукции были невелики.

Фабрика Николая Иванова в Москве с 1745 года работала наемными «бабами и девками». Занималась производством шелка «под золото и серебро» по заказам купцов. В год перерабатывала 6 пудов (и больше) шелка. В 1753 году в «обращении» было 5 000 рублей. Вложено капитала 2 000 рублей.

Дмитрия Жукова в Москве с 1746 года на 23 станах, а в 1756 году на 47 станах. Капитала вложено в 1746 году до 3 500 рублей, а в 1753 году до 5 500 рублей.

Ивана Кружевникова с Алексеем Петровым в Москве с 1752 года. Работала на 17 станах, в 1753 году на 22 станах, капитала в обращении 3 000 рублей.

Тихона Суслова в Москве с 1752 года на 11 станах, капитала в обращении до 2 000 рублей.

Алексея Леонова в Москве с 1743 года. Работала на

10 станах, а в 1756 году на 22 станах. За эти же годы капитала в обращении 5 000 рублей и затем 7 000 рублей.

Ивана Мирогова в Москве с 1742 года. Перерабатывала до 10 пудов в год. Мирогов работал по заказу купцов, как и большинство мелких фабрикантов.

Егор Холщевников в Ярославле с 1745 года на 32 станах, а в 1753 году на 65 станах. Капитала в обращении соответственно было 2 363 рубля и 9 651 рубль.

Фабрика Варака Иванисова в Астрахани с 1751 года на 60 станах, а в 1753 году на 100 станах.

Степана Прокофьева в Иркутске с 1747 года. Все время работала на 3 станах.

Ивана и Калуста Буниатовых в Астрахани с 1750 года на 15, а затем на 16 станах.

Якова Полуцкого в Москве с 1744 года. С начала заведения употребляла шелка по 10 пудов, а к 1753 году по 20 пудов. «Шелк делается по заказу кружевного ряда, тот какой им нужен бывает когда».

Из фабрик более раннего времени этой группы можно указать только на две: Михаила Ераспопова в Москве с 1741 года, на которой делался шелк «под золото и серебро». Капитала в обращении 6 912 рублей. В 1750 году фабрика Ераспопова сгорела, но была им восстановлена. В 1742 году перерабатывала больше 11 пудов.

Шелковая фабрика Моисея Сандунова в Москве с 1734 года. Капитала в обращении 1 000 рублей, работала только по заказам купцов [1].

Непосредственная работа на заказчика-купца, очевидно, предполагала определенную кредитную зависимость от представителей торгового капитала этой части «фабрикантов». Отсутствие своих собственных, более или менее крупных капиталов делало просто невозможной и самую покупку крестьян для этой категории мануфактуристов. Покупка крестьян имела смысл при том условии, если количество покупаемых крестьян было значительно, что обеспечивало возможность экс-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 109/37, д. 54, лл. 550—558.

плоатации крестьянского крепостного труда не только на самой мануфактуре, но и на купленной земле.

Б. Фабрики с приписными крестьянами

Владельцы шелковых фабрик с приписными крестьянами были по преимуществу старыми фабрикантами, основавшими свои фабрики или при Петре, или вскоре после его смерти вначале 30-х годов. Размер капиталовложений, количество производимой продукции у них выше, чем на мануфактурах предыдущей группы. Владельцы их, кроме того, имели другие фабрики или заводы. Работы на купца-заказчика — нет, товар реализуется или в своих лавках, или путем поставок в казну. Во всяком случае нет той зависимости от купца-заказчика, которая была отмечена для первой группы.

Группа фабрикантов шелковых мануфактур с приписными крестьянами немногочисленна.

Фабрика Семена Мыльникова в Москве основана в 1721 году. В 1742 году работала на 32 станах, в 1753 году на 23 станах. Приписных 69 душ. «В покупке» крестьян нет, как и у всех последующих владельцев этой группы. Капитала в обращении до 12 000 рублей.

Алексея Панфилова в Москве, с 1726 года. В 1742 году был 21 стан, в 1756 году — 27 станов. Приписных крестьян 57 человек. Покупных нет. Капитала в обращении все время 7 000 рублей.

Ивана Мочалова в Москве тоже с 1726 года. Работала в 1742 году на 21 стане, а в 1753 году на 34 станах. Приписных 27 человек. Сверх этого фабрика работала наемными. Капитала в обращении за те же годы 2 800 и 3 600 рублей.

Афанасия Гурьева в Ярославле с 1731 года (с 1753 года сына его Ивана). Работала в 1742 году на 52 станах, в 1756 году на 61 стане. Приписных крестьян 154 человека. Капитала в обращении в 1742 году 20 000 рублей.

Григория Гурьева в Ярославле с 1746 года. В начале работал на 19 станах, а в 1753 году на 41 стане. Приписных было только 7 душ, остальные рабочие были

наемными. Капитала за эти годы в обращении было 5 000 рублей, а затем 7 000 рублей [1].

В. Фабриканты с покупными крестьянами

Среди шелковых предприятий этой группы следует в хронологической последовательности указать на четыре фабрики, организованные при Петре I. Это фабрики:

Алексея Милютина в Москве с 1718 года [2]. В 1742 году он имел 131 стан, в 1756 году 132 стана. Капитала в обращении было до 10 000 рублей, в 1753 году сделано товаров на 11 453 рубля. Деревни и крестьян к фабрике покупал «по пожалованному ему дворянству»: в Алексинском уезде 600 душ мужского пола, в Вологодском уезде 39 душ, кроме купленных, Милютин имел еще 207 душ приписных. Мануфактур-коллегия отмечала, что товары «делаются хорошим мастерством».

Фабрика Андрея Бабушкина, «что на посольском дворе» заведена в 1721 году. В 1742 году работала на 30 станах, в 1753 году на 44 станах. Капитала в обращении за эти же годы было 8 500 рублей, а затем до 30 000 рублей. В 1750 году в Михайловском уезде в Моржевском стану купил село Дудино 30 дворов с 173 душами мужского пола. Приписных и «написанных по ревизии» 81 человек. Всего 254 человека.

Ивана и Андрея Евреиновых в Москве с 1721 года. В 1742 году имели 58 станов, а после раздела в 1753 году у Ивана был 31 стан, у Андрея — 61 стан. У Андрея купленных крестьян 4 человека, Иваном куплено в 1752 году в Дмитровском уезде сельцо Дмитровское с 117 душами мужского пола (без разрешения коллегии «по рангу его»). Приписных крестьян у обоих 150 человек. Капитала в обращении в 1742 году было 30 000

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 109/37, д. 55, л. 548—555.

[2] Алексей Милютин получил после заведения фабрики дворянство.

рублей. В 1753 году у Ивана — 20 000 рублей, у Андрея — 23 000 рублей.

Фабрика Игнатия Шеримана в Москве и в селе Фрянове с 1721 года. В 1742 году фабрика работала на 72 станах, в 1756 году на 116 станах, капитала в «обращении» за эти же годы было 40 000 рублей и 80 976 рублей. В 1739 году в Московском уезде в селе Фряново купил 68 душ мужского пола, в 1747 году куплено крестьян без земли 105 душ. Кроме этого, имел приписных 118 душ. Итого 291 душа.

Из шелковых фабрик, начавших работать в 30-х годах, нам известны две: Панкрата Колосова в Москве с 1735 года. В 1742 году работала на 66 станах в 1753 году на 84 станах; капитала в обращении за эти же годы было 10 000 рублей и 20 000 рублей. Куплено крестьян без земли 10 человек, приписных 55 человек. Кроме этих 65 человек использовался труд наемных.

Ивана Демидова в Москве с 1739 года. В 1742 году работала на 35 станах, а в 1756 году на 75 станах. В 1748 году фабрика сгорела, но была восстановлена. Капитала в обращении в 1742 году было 7 600 рублей, тоже и позднее. В 1739 году купил в Бреславском уезде, Каменном стану деревню Лысково 5 дворов с 14 душами мужского пола, в 1745 году в Михайловском уезде, в селе Гольдине 40 дворов, в них мужского пола 154 души, в 1750 году там же 9 дворов, в них мужского пола 34 души, в 1750 году в том же уезде 20 дворов с 60 душами мужского пола. Всего куплено 74 двора, в них мужского пола 262 души.

Из фабрик, начавших свою работу в 1742/43 годах, нам известны пять:

Петра Филатьева в Ростовском уезде, в селе Новорождественском с 1742 года. В 1742 году работала на 26 станах, в 1753 году на 35 станах. В 1753 году капитала в обращении было 10 000 рублей. От Мануфактур-коллегии разрешения на покупку деревень не было, но по наследству ему досталось от «деда его гостя Алексея Филатьева» в Ростовском уезде, в Нагорном стану 936 душ, в Московском уезде — 20 душ. Мануфактур-коллегия у него устанавливала излишек в 452 души, исходя из утвержденных правительством норм.

Мины Иконникова в г. Москве с 1742 года. В 1742 году имел 39 станов. В 1745 году куплено в Владимирском уезде сельцо Волосухино с деревнями, в них мужского пола 131 душа, да без земель 19 душ. В 1749 году там же куплено село Русановское с 240 душами мужского пола. Итого 390 душ мужского пола. К 1753 году на фабрике никакого производства не было «...по выключке ево Иконникова ис фабрикантов в Мануфактур-коллегии рассмотрение чинится».

Луки Ширвалова и Василия Макарова в Астрахани с 1742 года, а «по переведению» в Москве с 1746 года. В 1746 году фабрика работала на 77 станах, в 1753 году на 31 стане. В 1753 году куплено в Галицком уезде без земли на вывоз мужского пола 19 душ, да приписных 60 душ. В 1746 году капитала было в обращении 4 000 рублей, а в 1753 году 25 000 рублей.

Шелковый завод в Кизляре Луки Ширвалова да Василия Макарова с 1742 года. Посажено до 20 000 тутовых деревьев. С 1748 по 1750 год на заводе получено 8 пудов шелка-сырца. Убыток с 1742 по 1747 год определялся суммой в 9 000 рублей. Капитала в завод по 1750 год употреблено до 20 000 рублей. Владельцы жаловались, что заводу мешают степные народы, неприятельские действия и частые пожары [1].

Михаила Савина (в 1753 году его сына Александра) в Рузском уезде, в селе Знаменском, заведена в 1743 году. В 1743 году работала на 96 станах, в 1748 году фабрика сгорела и поэтому в 1753 году работа производилась только на 66 станах. В 1744 году было куплено крестьян без земель 2 человека, с землями в 1746 году в селе Знаменском 144 души, в 1749 году в том же уезде в селе Остафьево 31 душа, в Звенигородском уезде в 1746 году деревня Петряха с 60 душами мужского пола, деревня Стрыгина с 84 душами мужского пола, сельцо Таракановка с 33 душами мужского пола. Всего, таким образом, было куплено целыми деревнями 352 души мужского пола. Капитала в обращении в 1753 году было до 17 000 рублей, употреблено до по-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-холлегии, св. 109/37, д. 54, л. 557—558.

жара фабрики до 20 000 рублей. Товары на фабрике делались «хорошим мастерством».

С 1744 года в Москве работала шелковая фабрика, уже известного нам фабриканта Данилы Земского, в 1744 году — на 50 станах, а в 1753 году — на 93 станах. Капитала в обращении в 1744 году до 13 000 рублей, а вместе с полотняной фабрикой 100 000 рублей [1].

Шелковый завод Никифора Бирюкова в г. Астрахани с 1751 года (кроме шелкового завода Бирюков еще занимался ткачеством из хлопчатой бумаги пестряди на 4 станах). За это время было рассажено около 1 000 тутовых деревьев и сеянцев до 23 000 штук. Имел покупных крестьян 10 душ.

Григория Турунтаевского с детьми в г. Вологде с 1752 года на 4 станах, а в 1753 году — на 8 станах. Турунтаевский имел еще бумажную фабрику тоже в Вологде. К той и другой было куплено крестьян с землями в 1747 году 88 душ мужского пола в Вологодском уезде, там же в 1749 году — 40 душ, т. е. всего 128 душ мужского пола, кроме того, он имел 64 человека приписных.

Наконец, в 1753 году строилась шелковая фабрика Матвея Палтусова [2].

Фабриканты шелковых мануфактур, получавшие резрещение на покупку крестьян к своим предприятиям, так же как и владельцы иных заводов, большинство купленных ими крестьян использовали для работы в деревнях. По сведениям 1767 года у шелковых фабрикантов: Ивана Евреинова, из общего количества купленных крестьян в 135 человек на мануфактуре было занято только 20, у Андрея Бабушкина из 123 только 40 человек, у Ивана Демидова из 240 человек только 60 на мануфактуре и 180 в деревне, у Михаила Балашева из 78 на фабрике работало лишь 31 человек, у Андрея Неврозова из 36 только 14 и 22 в деревне, у Данилы Земского из 1 329 на мануфактуре занято было

---

[1] О купленных крестьянах см. раздел о владельцах полотняных фабрикантов.

[2] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 109/37, д. 54, лл. 548—558.

640 и 752 в деревне, у Мины Иконникова все 349 работали в сельском хозяйстве [1].

Количество занятых работой в купленных фабрикантами деревнях в действительности было больше, так как Мануфактур-коллегия не могла всегда проконтролировать правильность сообщений фабрикантов, и кроме того, в сводках речь идет только о количестве душ мужского пола, а не о всех крестьянах, работавших в деревне.

Фабрики по производству бумаги

Из бумажных фабрик, принадлежавших помещикам-фабрикантам, по данным 1753 года, работали: асессора Афанасия Гончарова в Малоярославском уезде, основана в 1722 году. В 1742 году фабрика работала на 22 ролах, в 1753 году на 24 ролах.

Купленных крестьян у Гончарова было 3 639 душ мужского пола, приписных 1 064 человека [2].

Фабрика князя Петра Репнина в Ростовском уезде работала с 1750 года. Имелось всего 4 ступы, о другом оборудовании сведений нет. Работа производилась крепостными крестьянами. Капитала в обращении до 3 300 рублей.

Жена графа Петра Салтыкова Прасковья Юрьевна имела бумажную фабрику в Казанской губернии, в Цывильском уезде с 1743 года, — сведений о работе ее фабрики в это время не было.

С применением труда приписных и частично вольнонаемных работали фабрики Михаила Воронцова в Симбирском уезде с 1746 года на 6 ролах и 2 чанах. Приписных «определенных от ревизии» было 66 душ. Покупных крестьян не было. Капитала в обращении имелось 10 000 рублей.

Фабрика советника Ивана Затрапезного в Ярославле (в это время его сын Алексей) основана в 1721 году. Все время работала на 12 ролах. На бумажной фабрике

---

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 109/37, д. 54, лл. 532 и сл.

[2] См. также раздел о полотняных фабриках.

вместе с полотняной было 483 души приписных крестьян. Недостаток восполнялся наемной рабочей силой.

Фабрик, работавших только вольнонаемным трудом, мы знаем две: Ивана Мосолова с 1745 года в Можайском уезде; работала в 1745 году на 6 ролах, в 1753 году — на 9. Капитала «употреблено в фабрику» до 7 000 рублей. В 1753 году в «обращении» было до 20 000 рублей.

Степана Золотарева в Калуге, основана в 1743 году. В начале фабрика имела один рол, в 1753 году — 3 рола. Капитала употреблено до 1 220 рублей, в «обращении» до 1 840 рублей. Мосолов и Золотарев совершенно не имели покупных или приписных крестьян.

Покупка крестьян к фабрикам владельцами бумажных мануфактур была незначительна и, обычно покупавшие деревни и крестьян без земли, применяли еще труд приписных, «отданных» и вольнонаемных рабочих, например: Максим Переславцев имел фабрику в Угличе с 1735 года. В 1742 году работал на 6 ролах и 3 чанах, в 1753 году на 8 ролах и 4 чанах. Он имел купленных 6 душ крестьян с землей и 20 душ без земли в том же уезде, кроме того, 7 человек «отданных разночинцев» и, наконец, наемных рабочих. В 1742 году капитала в обращении было 6 000 рублей, в 1753 году — 8 000 рублей.

Евсей и Иван Медведевы имели фабрику в Тобольске с 1744 года. Все время работали на 2 ролах. Купленных крестьян только 3 человека, «написанных в подушный оклад» 7 душ, — остальные рабочие наемные. Капитала в обращении 6 175 рублей.

Фабрика Василия Евреинова в Московском уезде основана в 1743 году. Работал на 3, а затем на 4 ролах. Купленных крестьян имел в Московском уезде только 7 душ, «отданных» из Юстиц- и Мануфактур-коллегии 23 человека. Этого количества рабочих нехватало, владелец прибегал к найму рабочей силы. Капитала в «обращении» было в 1742 году до 14 500 рублей. В 1753 году «за несостоянием» просил фабрику «записать» за своим дядей Андреем Евреиновым.

Фабрика Григория Турунтаевского в г. Вологде, основана в 1729 году; в 1742 году работала на 2 ролах,

в 1753 году — на 6 ролах. Крестьян куплено в 1747 году с деревнями 88 душ мужского пола в Вологодском же уезде, там же в 1749 году еще 40 душ. Кроме этого, он имел приписных 64 души. Капитала «в обращении» до 17 000 рублей.

Фабрика Василия Соляникова, в Переславле-Залесском основана в 1727 году. Сведения о рабочей силе не были представлены в Мануфактур-коллегию. На фабрике было 6, а затем 5 ролов. Товаров продавалось тысяч на девять.

Кроме этих фабрик в 1752—53 годах «производились строением», но еще не приступили к работам бумажные фабрики Василия и Николая Кишкиных в гор. Серпухове, Данилы Земского в Костромском уезде, «в купленном ево сельце Адищеве», статского советника Никиты Демидова в Брянском уезде, Смоленского мещанина Акима Усова в г. Смоленске, и, наконец, Василия да Ивана Постоваловых в Воронеже. Эта последняя начата была «строением» еще в 1743 году и начала в том же году работать. В 1749 году строение и плотину снесло водой и фабрикант, понеся 10 000 рублей убытка, не мог никак восстановить свою фабрику [1].

Стекольные фабрики

Из стекольных фабрик, работавших с применением труда крепостных, нам известна только фабрика Прасковьи Юрьевны Салтыковой в Цивильском уезде. Фабрика изготовляла оконные стекла, в 1752 году сделала 56 ящиков на сумму в 650 рублей.

Вольнонаемными работали фабрики:

«Цесарца» Матвея Ланкарева в Володимировском уезде, основана в 1747 году. В 1751 году товара изготовлено на 1 804 рубля. Афанасия Демидова (в 1753 году ее содержал Михаил Олесов) в Тамбовском уезде с 1748 года. Все время производила товаров на тысячу рублей с небольшим. Петра Нечаева в Рыбной слободе

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 109/37, д. 54, лл. 576—580.

основана в 1740 году, в 1753 году фабрика сгорела. В 1744 году товара выработано на 1 130 рублей.

Работали приписными без покупки крестьян: иноземца Богдана Белого в Переславском уезде с 1750 года, в год товара давал на 1 650 рублей, приписных имел 58 душ; Якова Матегорева в Сибирской губернии в Ялоторовском остроге, основана фабрика в 1723 году. Работал «написанными по ревизии».

Фабриканты, покупавшие к своим мануфактурам крестьян, как правило, имели еще приписных или вольнонаемных; среди фабрикантов стекла покупка крестьян носила еще более незначительный характер, чем в некоторых других отраслях промышленности. Фабрика тобольского купца Алексея Корнильева в г. Тобольске была основана в 1749 году, работать же она начала только с 1 апреля 1751 года. О размерах производства нам ничего неизвестно. Куплено к фабрике было 45 душ крестьян. Фабрика Петра и Емельяна Немчиновых в Доргобужском уезде с 1748 года. Вначале товара делалось на 5 285 рублей, а в 1753 году на 6 900 рублей; купленных крестьян без земель было 22 души и приписных 9 человек.

Фабрика Александра и Якима Мальцевых, в Трубчевском уезде работала с 1724 года. В 1742 году было сделано товаров на 4 000 рублей, в 1753 году — на 9 520 рублей. В Можайском уезде куплено крестьян 68 душ.

Фабрика Ивана Большого Тышкина с Андреем Виноградовым в Шацком уезде, основана в 1747 году. В 1749 году сделано было товара на 3 050 рублей, в 1751 году она сгорела и поэтому в 1753 году товара было сделано только на 1 450 рублей. В 1751 году в Касимовском уезде куплено 29 душ крестьян.

О фабриках Матвея Посникова в Сибирской губернии, Ишимского дистриката (осн. в 1743 г.), Степана Прокофьева в Иркутске (осн. в 1747 г.), курляндца Франца Ингликова с братьями (осн. в 1751 г.) и Алексея Ченцова в Медынском уезде (осн. в 1752 г.) мы не имеем сведений.

Пример стеклянных мануфактур в отношении использования ими права на покупку крестьян и дере-

вень, очень характерен: мелкие фабрикантики с грошевыми средствами в преобладающем большинстве случаев не могут купить крестьян. Очень незначительная часть их использует данную привилегию.

Суриковые и белильные фабрики

Фабрика Алексея Крылацкого в г. Ярославле с 1748 года. Работало «предприятие» очень неравномерно. Например, только за полгода 1748 года было выработано белил 400 пудов и сурика 300 пудов, а в 1753 году только 90 пудов белил и 70 пудов сурика за весь год. Крестьян в покупке не было. Очевидно, фабрика работала силами наемных рабочих. Капитал, вложенный в производство, был незначительный, всего 1 200 рублей.

Михаила Шорина в Москве, заведена в 1731 году. В 1742 году выработано сурика 300 пудов, белил 2 000 пудов, в 1753 году выработано сурика 1 350 пудов, белил 4 100 пудов. Покупных крестьян не было, приписных 13 душ. Капитала в «обращении» в 1753 году 9 000 рублей.

Григория Желвунцева в Вологде, заведена с 1749 года. Владелец имел купленных крестьян в Вологодском уезде всего 46 душ. Капитала вложено в производство 1 105 рублей.

Ивана Тюренина в Красноярске основана в 1750 году. До 1753 года всего товара произведено: сурика 50 пудов, белил 250 пудов. Капитала употреблено 3 000 рублей. Покупных и приписных крестьян не было.

Козьмы Мазина в г. Ярославле, заведена с 1749 года. В 1753 году, в полгода, сделано сурика 245 пудов, белил 270 пудов. Капитала вложено до 1 000 рублей. Крестьян в покупке не было.

Кожевенные фабрики

Фабрика Федора Богданова с товарищами в г. Москве с 1735 года изготовляла кожи пумповые, воловые, «мастерские» черные и белые. Капитала «употреблено» 15 000 рублей. Покупных и приписных крестьян нет. Работал только наемными рабочими.

Фабрика Конона Сабельщикова с товарищами в Москве, заведена в 1753 году. Производила только пумповые кожи. Работала наемными рабочими.

Замшевая фабрика Леонтия Симонова в Алаторском уезде с 1721 года. Там же, где была фабрика (в селе Кунеево), куплено 257 душ крестьян. В 1742 году капитала «в обращении» было 3 500 рублей, а в 1753 году — 6 155 рублей.

Игольные и пуговичные фабрики

Пуговичная и булавочная фабрика жены Ивана Маркова заведена в 1722 году. Фабрика ежегодно перерабатывала до 1 500 пудов меди на изготовление «мундирных и амуничных вещей». Покупных крестьян не было, приписных 49 душ. Кроме того, на фабрике работали наемные рабочие. С начала 1742 года капитала «употреблено» до 30 000 рублей, а в 1753 году — до 40 000 рублей.

Игольная фабрика наследников Панкрата Рюмина в Пронском уезде работала с 1719 года. В 1742 году было сделано игол 8 400 000 штук, в 1753 году 26 000 000 штук. Капитала «употреблено» до 7 000 рублей. Игольная Ивана Комлехина в Пронском уезде заведена в 1719 году, в 1749 году сделано 600 000 штук игол, а в 1753 году 12 204 000 штук. Работала фабрика наемными людьми, покупных крестьян не было. Капитала «употреблено» 4 000 рублей.

Плащильные, волочильные, мишурные и сусальные мануфактуры

Плащильная и волочильная фабрика Ильи Докучаева с товарищами в Москве заведена в 1735 году. В 1742 году имелось на фабрике 8 плащилен и 45 кругов. В 1753 году 14 плащилен и 84 круга. За эти же годы капитала в обращении было 48 000 рублей и в 1753 году 60 000 рублей. Работала фабрика трудом приписных и купленных крестьян, тех и других вместе было 116 душ.

Мишурная фабрика Василия Суровщикова в Москве, основана в 1743 году. Вначале имелось 2 плащильни и 24 круга, в 1753 году — 5 плащилен и 59 кругов. Капитала «в обращении» вначале было 10 000 рублей, а затем 15 000 рублей. Работала наемными рабочими.

Мишурная Михаила Засекина с товарищами с 1743 года. Вначале имелось 2 плащильни и 12 кругов, в 1753 году 9 плащилен и 75 кругов. У разных помещиков куплено 7 крестьян, остальные рабочие — наемные. Капитала «в обращении» было 9 000 рублей. Сусальная Федора Ямщикова с товарищами в г. Москве, заведена с 1753 года. Работала наемными рабочими. Капитала «употреблено» до 12 000 рублей. «По осмотрению от коллегии в семи светлицах наделанного золота и серебра явилось не малое число».

«Блездочная» фабрика Андрея Кружевникова с товарищами в Москве заведена в 1744 году. В 1753 году сделано канители, звездок, проволоки 104 пуда. Крестьян покупных не было. «Отданных» из ревизии — 13 человек.

Шляпные фабрики

Василия Большого Голоногого в г. Ярославле, работала с 1750 года. За этот год было сделано 1 200 штук шляп, в 1753 г. 5 000 штук. Работала наемными рабочими. Капитала «употреблено» 600 рублей.

Шляпная фабрика (шерстяные, пуховые и поярковые шляпы) Михаила Гусятникова с товарищами в Москве. Работала с 1745 года, в 1748 году сгорела. Работа производилась на 45 лучках. К фабрике было приписано 33 души. Остальные рабочие были наемными. Капитала в обращении в 1753 году до 40 000 рублей.

Фабрики красильные и производства красок

Фабрики Антона Тавлеева в г. Торжке и Владимирова в Ржеве заведены в 1748 г. Изготовляли бакан, синюю брусковую, кубовую краски и шишголь. Работали на фабрике только наемными людьми, покупных и

приписных крестьян не было. Капитала в обращении было до 15 000 рублей.

Фабрика красок Лукьяна Зайцева в Севске заведена в 1749 году. Изготовляла венецианскую ярь и медянку. В 1751 году яри венецианской было изготовлено 2 пуда, медянки — 5 пудов. Работала мануфактура наемными рабочими.

Фабрика Петра Сухарева с Козьмой Матвеевым в Москве заведена в 1747 году. «С начала заведения той фабрики сделано товаров: лазори берлинской 16 пудов 9 фунтов, бакану венецианского 36 фунтов, яри медянки 4 пуда», в 1753 году сделано «кармину 18 фунтов, личного румянцу 2 370 горшков, лазори берлинской 23 пуда, бакану венецианского 14 пудов, яри медянки 10 пудов». Покупных и приписных крестьян не было, фабрика работала наемными. Из казны была выдана ссуда в 10 000 рублей.

Красильная фабрика Ивана Шелковникова в Москве работала с 1749 года. В начале работа производилась в 13 светлицах, а в 1753 году — в 18 светлицах. Капитал, употребленный в производстве, все время рос, в начале было 4 000 рублей, затем 9 000 рублей.

„Картные“ фабрики

Фабрика Петра Цывилина в Москве основана в 1739 году. В 1742 году было изготовлено 800 дюжин, в 1753 году 1 320 дюжин. Капитала «в обращении» 1 200 рублей.

Фабрика «иноземки» Анны Линдерши в Москве работала с 1747 года. В начале изготовляла 1 210 дюжин карт в год, в 1753 году — 1 900 дюжин, всего на 1 950 рублей.

Фабрика Василия Кареинова в Москве работала с 1745 года. В начале делала 650 дюжин, в 1753 году — 1 400 дюжин. Капитала «в обращении» до 1 000 рублей. Все эти фабрики работали наемными людьми и не имели купленных и приписных крестьян.

Купоросные фабрики

Фабрика Ивана Клочкова в г. Воронеже основана в 1749 году. Первое время делала купороса 80 пудов, в 1753 году — 119 пудов. Работала только наемными людьми, покупных крестьян не было.

Фабрика Алексея Карасева с братьями в г. Калуге работала с 1745 года. В 1753 году было выработано до 110 пудов купороса. В 1746 году Карасевым было куплено 4 души крестьян без земли. Остальные рабочие были наемными.

Сведения о рабочей силе на фабрике Федосея Попова и Андрея Шестакова нет. Основана она была в Москве в 1753 году. Производила 25 пудов купороса в год.

Нет совершенно сведений в делах Мануфактур-коллегии о фабрике Петра Котельникова, основанной в г. Путивле в 1753 году.

Фабрики „печатания на полотне красками"

Все фабрики этой категории были очень «молодыми». Они были заведены в 1753 году. Мануфактур-коллегия только в этом году выдала разрешение на заведение этих фабрик и поэтому не имела от их владельцев никаких сведений.

Материалов или указаний, свидетельствующих о покупке к этим мануфактурам крестьян, или наличия у них приписных, нет. Надо полагать, что на них работали наемными рабочими.

Таких фабрик было четыре: Ивана и Степана Власовых в Москве, где производилось «печатание на полотнах выбоек, платков, занавесок и прочего»; Теодора Шмита тоже в Москве; Ивана Беркевнета в Москве — «печатание на немецких и российских полотнах»; Бегиме и Шведа в Москве — «печатание на полотнах выбоек, платков, занавесок и прочего».

Сургучные фабрики

Некоторые из владельцев этих фабрик совершенно не имели купленных и приписных крестьян. Другие использовали купленных и приписных крестьян на иных своих предприятиях. На сургучных же фабриках, они предпочитали использовать труд наемных рабочих.

Сведения имеются о трех сургучных фабриках: Козьмы Матвеева с товарищами в Москве, основана в 1739 году, сургуча было выработано 150 пудов на 1 968 рублей, в 1753 году 255 пудов на 5 292 рубля.

Григория Желвунцова в г. Вологде, работала с 1749 года, в 1753 году изготовила 36 пудов на 1 454 рубля.

Григория Турантаевского с детьми в Вологде, работала с 1740 года, в 1742 году сделано было 23 пуда на 928 рублей, в 1753 году 36 пудов на 1454 рубля [1].

Прочие фабрики

Трубочная и ценинная фабрика президента московского магистрата Афанасия Гребенщикова в Москве заведена в 1724 году. В 1742 году сделано было разной посуды, трубок и печных «образцов» на 1 650 рублей. В 1753 году — на 9 709 рублей. Купленных крестьян, по разрешению, данному в 1747 году, Гребенщиков имел в Ярославском уезде 310 душ и 28 душ приписных.

Фабрики латуни «и разных званий медных вещей» Ивана Бабаева и Ивана Карунина работала с 1743 года. В 1750 году меди зеленой было выплавлено из красной меди до 800 пудов. В 1753 году — 893 пуда. Капитала «употреблено» 8 500 рублей, в 1753 году «в обращении» было 13 674 рубля. Работала фабрика наемными. Купленных крестьян без земель было 4 человека.

Скипидарная и гарпиусная Аврама Евреинова (с 1750 года). Фабрики были основаны в 1719 гору Данилой Томилиным в Твери и Вологде. В 1742 году фабрики работали на 9 медных кубах, в 1753 году — на

[1] О Григории Желвунцове и Григор. Туронтаевском см. выше.

18 кубах. Купленных крестьян не было. Работали фабрики наемными людьми.

Шпалерная на полотне и на бумаге фабрика Мартына Ботлера в Москве заведена в 1751 году. С момента основания фабрики было сделано 5 500 кусков, «а впредь может делать 20 000 кусков» в год, как отмечала Мануфактур-коллегия. Покупных крестьян не было. Фабрика работала только наемными людьми. Капитала «употреблено» было 6 800 рублей.

Две фабрики беления воска работали наемными рабочими. Купленных крестьян не было. Это были фабрики: Матвея Шигонина в Москве с 1752 года, которая давала 155 пудов в год и Григория Белозерова с Григорием Малатейниковым, тоже основанная в 1752 году и дававшая воска до 500 пудов.

Мануфактура по изготовлению и починке вееров Владимира Русинова в Москве с 1750 года. Всего в год изготовляла до 50 дюжин и более. Работала наемными людьми.

Ведала Мануфактур-коллегия еще двумя производствами, одно из них было занято «сеянием ворсельных шишек». Это производство Романа Бобента в Москве, заведенное в 1748 году. В 1748 году было выпущено в продажу 15 000 шишек, в 1753 году — 60 000 штук. Работала наемными рабочими. Второе производство — маслобойная фабрика (льняное масло) советника Ивана Затрапезнова в Ярославле, фабрика работала с 1721 года. В 1742 году было изготовлено масла на 2 000 рублей, в 1753 году — на 3 259 рублей. Работа также производилась наемными рабочими людьми [1].

О фабрике печных плиток Василия Кожухова, основанной в Ярославле в 1752 году, сведений нет.

По нашим подсчетам на основе ведомостей Мануфактур-коллегии, ведомостей не очень точных, составленных только на основании показаний самих фабрикантов в 1767 году, т. е. уже после запрещения покупки ими крестьян примерно на то же число фабрикантов, т. е. на 177 человек числилось всех купленных крестьян 21 286 душ мужского пола, из них купленных без земли

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 109/37, д. 54.

только 229 человек. Если считать среднюю крестьянскую семью в 4—5 человек, то получится довольно значительная цифра, примерно, в 100 тысяч человек. На фабричной работе использовалось из этого количества немного больше 38% — всего 8 051 человек, остальные 12 954 человека работали в деревне. Установленная правительством норма покупки крестьян к мануфактурам была явно «завышена», фабриканты недокупили по этой норме в 1767 году 72 997 душ крестьян[1].

Эта «недостача в покупке» крестьян фабрикантами к установленной норме 1752 года объясняется не тем, что Мануфактур-коллегия строго регулировала и запрещала отдельным группам фабрикантов покупку деревень и крестьян, а некоторыми другими обстоятельствами.

Для мелких фабрикантов с незначительными «капиталами» приобретение крестьян было затруднено недостатком средств и невыгодно в связи с невозможностью эффективного использования их как в мануфактуре, так и в сельском хозяйстве в силу незначительных размеров самого производства. Экономическая неустойчивость мелкой мануфактуры делала слишком рискованными шаги, связанные с затратами на такое обеспечение рабочей силой этих мануфактур. Тысячи различных причин, которые могли повести к ликвидации самого производства, заставляли быть осторожными с затратами средств на покупку крестьян, так как их трудно было возвратить в случае потери прав фабриканта, а законодательство, при нарушении некоторых «кондиций», прямо угрожало «отнятием» в казну купленных деревень и крестьян.

Наиболее привилегированная часть «старых» фабрикантов, особенно тесно связанных с правительством казенными заказами, очень широко использовала труд приписных крестьян наряду с использованием права покупки крепостных крестьян, как мы это видели из приведенного материала. Покупка крестьян наиболее широко практиковалась владель-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 109/37 д. 54.

цами крупных мануфактур, которые по своим экономическим данным были уверены в завтрашнем дне и некоторые могли использовать вне пределов мануфактуры приобретаемых ими крестьян.

Запрещение Петром III покупки к фабрикам и заводам 29 марта 1762 года крестьян «с землями и без земель» и приказ «довольствоваться вольными наемными по паспортам за договорную плату», были подтверждены указом Екатерины II 8 августа 1762 года[1]. Эти указы были одним из ярких проявлений того, что правительство в 60-х годах взяло курс на постепенную ликвидацию привилегий, в которых были заинтересованы фабриканты из купечества и отмены которых добивалось дворянство.

В последующие годы, почти до момента ликвидации Мануфактур-коллегии, мы встречаем в ее делах жалобы «указных» фабрикантов из разночинцев и купцов на недостаток рабочих рук, на то, что работа вольнонаемными людьми тормозит производство и выполнение казенных заказов.

В 1767 году в Мануфактур-коллегию подал челобитную кожевенный фабрикант коллежский асессор Савва Яковлев, в которой он жаловался на недостаток рабочих рук и на то, что при найме вольных людей «за неимением к найму оных довольного числа, бывает в работе желаемого успеха препятствие...»

Яковлев указывал, что «впредь к порядочному производству потребно иметь купленных с землями и без земель... крестьян»[2].

В 1762 году сахарозаводчик Федор Дмитриев рапортом в Мануфактур-коллегию жаловался, что его фабрика, разрешение на постройку которой он получил в 1756 году с одновременным разрешением купить до 500 душ крестьян, которых он тогда не мог приобрести и в строительство которой он вложил до 70 000 рублей (для фабрики было закуплено оборудование), не имеет сейчас необходимой ему рабочей силы.

---

[1] Полн. собр. зак. 11490, 11638.

[2] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 86/165, д. 63, л. 574.

Федор Дмитриев жалуется на то, что он не может обеспечить себе постоянного и прочного контингента рабочей силы, из состава которой он мог бы иметь необходимых для его производства высококвалифицированных мастеров, ибо «наемные люди по прошествии срочных в пашпортах лет, паки к хозяивам своим и протчим властям отидут», а он снова останется без обученных рабочих.

Фабрикант откровенно сознается, что ему нежелательно платить большое жалование иностранным мастерам и иное дело, «когда крепостные мои быть имеют люди, то по обучении такого мастерства и без иностранного мастера фабрика обойтися может».

Автор челобитной подробно доказывает превосходство крепостного труда на фабрике по сравнению с вольнонаемным. Основной довод против вольного труда — «великое и немалое отягощение» для владельцев мануфактур [1].

Понятно, Мануфактур-коллегия не могла в это время вынести удовлетворяющие «указных» фабрикантов из купечества решения по их челобитным. Многочисленность челобитных, подобно приведенным и настойчивость, с которой «указные» фабриканты из купечества атакуют Мануфактур-коллегию со своими претензиями, несмотря на два указа, свидетельствует о том, как они реагировали на отмену наиболее важной привилегии, данной им петровским регламентом.

Обеспечение фабрикантов сырьем для бесперебойной работы мануфактур было одной из важнейших задач деятельности Мануфактур-коллегии. В этом вопросе правительство брало на себя очень большие обязанности, опекая купеческую и дворянскую мануфактуру. Заботы эти носили самый разнообразный характер, начиная от издания указов, повелевавших продавать определенные виды сырья только на внутреннем рынке и только содержателям мануфактур и кончая закупками дефицитного иностранного сырья и распределением его между фабрикантами.

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 316, д. 118/46, лл. 78—80.

Забота об обеспечении мануфактур сырьем прежде и больше всего касалась суконных, шелковых, полотняных и кожевенных предприятий, т. е. тех мануфактур, которые были связаны с казенными заказами, с снабжением армии и с обслуживанием личных потребностей представителей господствующего класса и самого двора.

В 1720 году был запрещен экспорт овечьей шерсти и овечьих овчин из России в другие государства. Шерсть можно было продавать «вольною» ценою на внутреннем рынке только суконным фабрикантам, владельцев суконных предприятий обязали подпиской покупать шерсть на Украине с посылкой от них специальных «нарочных», «дабы та шерсть в посторонние руки происходить не могла». Мануфактур-коллегия заставляла владельцев суконных фабрик покупать шерсть на Украине для изготовления сукна «лутчего качества» [1].

Украина должна была, по плану Петра и его помощников, в области развития русской суконной промышленности, стать основным поставщиком сырья (шерсти) для сукноделательных фабрик центра России.

Об обеспечении суконных мануфактур сырьем правительство стало задумываться значительно раньше 1720 года. Так уже до 1716 года Петром была командирована в «Шлезию» и Польшу первая партия молодых русских для обучения овчарному делу, а в 1716 году он в письме на имя Сената из Гданска писал, чтоб возвращающиеся «овчары» были посланы на Киевщину и в Азовскую губернии и там присматривали бы «в разных местах овечьи стада как в великороссийских, так и в малороссийских городах» [2].

В июне того же года, по указу Петра и приговору Сената было велено «для приготовления к суконному делу шерсти» в Киевской и в Азовской губерниях купить десять тысяч овец, в каждой губернии по 5 000 штук и организовать на местах овчарные заводы. Туда же для организации овцеводства были посланы иностранные и русские «мастера» — «овчары» [3]. Примерно

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 292, д. 9279, л. 6.

[2] ГАФКЭ, — Фонд Сената, оп. 16, д. 1/1061, л. 328.

[3] Там же, — лл. 328—329.

в это же время, при посещении гетманом Скоропадским Петербурга, Петр вел лично переговоры с гетманом о необходимости широко поставить на Украине разведение породистых овец и потребовал от него «из знатных особ (на Украине) приискать таких людей», в его регементе, которые не «оставили» бы этих планов «в забвении». Гетман обещал Петру заняться этим, но дело подвигалось очень плохо, и в 1720 году в ноябре месяце Мануфактур-коллегия совместно с Берг-коллегией, «ради напамятования» писали гетману об этом разговоре с царем. Гетман не ответил Мануфактур-коллегии, хотя письмо посылалось с курьером коллегии «бомбардиром Романом Семеновым» [1]. Распоряжения явно саботировались гетманским правительством, и Петр был очень недоволен этим обстоятельством, приказав Сенату в апреле 1722 года «з гетманом крепче и основательно определить о умножении овец и что у него по первым указам зделано. Также и в протчих местах о том добрый аншталь зделать, призвав мануфактурной коллегии членов» [2].

С этой целью Сенат вызывал президента Мануфактур-коллегии с подробным отчетом об овчарных заводах.

Осуществление планов по обеспечению суконных мануфактур сырьем путем создания крупных казенных и частных овчарных заводов встречало совершенно определенное противодействие, а суконные фабриканты требовали для своих фабрик дешевой и хорошей шерсти. Мануфактур-коллегия, наряду с созданием овчарных заводов, попыталась организовать широкую закупку шерсти. В одном из документов, адресованных неизвестному генерал-лейтенанту, было приказано взять с одной из московских суконных фабрик пуд турецкой шерсти «в ведомость о цене оной» и образцы ее по частям оставить в Дербенте, Баку, в Гиляне, в Астрабате и других городах, и велеть «против оной приискивать и проведать, нет ли такой в Бухарах и в Хиве и в протчих ближних местах и где такое найдется и сколько

[1] ГАФКЭ, — Фонд Сената, оп. 16, д. 1/1061, л. 320.
[2] ГАФКЭ, — Фонд Сената, оп. 16, д. 1/1061, л. 336.

ее и по какой цене возможно купить, о том писать к царю и в Мануфактур-коллегию. Для покупки шерсти к этому генерал-лейтенанту было прикомандировано несколько человек от Мануфактур-коллегии [1]. Сам факт характерен не только с точки зрения остроты проблемы сырья для петровских мануфактур, но также для понимания направления колониальных устремлений империи.

Как ни плохо обстояло дело с организацией казенных овчарных заводов, но по свидетельству президента Мануфактур-коллегии, к началу 1732 года на всех овчарных заводах насчитывалось все-таки свыше тридцати тысяч овец.

На наиболее крупных из них было: в Киевской губернии в Белогорской провинции 5 581 штука, в Севской провинции 4 189, в Орловской провинции 500 штук, в Воронежской губернии, в Тамбовской провинции 2 618 штук, в Шацкой провинции 2 906 штук, в Казанской губернии 692 штуки, в Сибирской губернии 495 штук [2].

Но и этому небольшому количеству овчарных заводов грозила большая неприятность, в связи с изданием указа, предписывавшего все «мужеска пола души переписав, положить в оклад». Дело в том, что все овчарные заводы содержались кормом и «работными людьми с обывателей», где были расположены сами заводы. С изданием этого указа все сборы «отрешались» в том числе, конечно, и связанные с содержанием овчарных заводов. Президент коллегии Новосильцов немедленно об этом особым доношением информировал Петра, напомнив ему, что «шерсть с овчарных заводов суконным мануфактурам паче других рассийских щедростей потребна, того ради надлежит овчарных заводов умножить и для того размножения не изобретается ли в Украине и в Слободских полках каких земель или деревень, чтоб оные заводы собственно определены были, понеже по исчислению на один солдатский мундир, кроме государственного расходу, числу овец надлежит быть не малому; чего ради Мануфактур-коллегия

[1] ГАФКЭ, Фонд Кабинета Петра I, д. 53, л. 619.
[2] ГАФКЭ,—Фонд Сената, оп. 16, д. 1/1061, л. 75 и 323.

по должности имеет попечение, чтоб как возможно добрую шерсть ввести и для того вывести гишпанских и английских баранов, которых содержать в подобных там климатах, какие в России изобрестися могут»[1].

Новосильцов от имени Мануфактур-коллегии предложил Петру новый план разведения овец в целях ликвидации острой потребности в шерсти для суконных фабрик. План Новосильцова сводился к следующему:

I. В низовых городах «по сю сторону крепости учиненной от Царицына до Палшина по реке Иловле», где был хороший теплый климат, поселить солдатские слободы из Симбирска и Пензы, которым вместе с «оборонной службой» против «кубанских набегов» поручить разведение «гишпанских» и английских овец[2].

II. Точно такое же поселение Новосильцов предлагал организовать в низовьях р. Медведицы, ближе к Дону, которые были не менее благоприятны по своим климатическим условиям.

III. Создать под Москвой опытно-показательное, образцовое овцеводство со стадом в несколько тысяч голов с тем, чтобы его некоторые из членов коллегии «надзирать» имели для «показания» правильного содержания на других заводах и чтоб по этим образцам можно было взыскивать «на протчих овчарных заводах по климатом доброй шерсти»[3].

IV. «Надлежит учинить предложение Аюке-Хану, чтоб он во всех его улусах велел объявить, дабы со овец и баранов шерсть стригли и продавали в Россию поволною ценою кому похотят, ибо им из того будет пожиток, которого они никогда не имели, а российским мануфактурам получится умножение, ибо оное им удобно»[4].

Плану этому не суждено было осуществиться: имен-

---

[1] ГАФКЭ,— Фонд Кабинета Петра I, д. 53, л. 75.

[2] Там же.

[3] К лету 1722 года, когда происходит передача овчарных заводов, Мануфактур-коллегия указывает наличие созданных ею овчарных заводов в Тамбове, Козлове, Нижне-Ломове, Керенске, Белгороде, Курске, Сумах, Ахтырке, в Коточе, Орле, Мценске, Карачеве, Путивле, Рыльске, Ярославле и Казани.

[4] ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 1/1061, л. 310.

ным указом 1 июня 1722 года велено овец со всех овчарных заводов раздать многовотчинным людям по числу их деревень в тех местах, где были расположены «заводы». Раздача должна была производиться даже в случае нежелания самих вотчинников принять овец. С размещением поголовья овчарных заводов сразу же произошла заминка, так как вотчинная коллегия и канцелярия, которые были привлечены к размещению овец, заявили, что они по районам, где находятся овчарные заводы, не располагают нужными для размещения сведениями, а без этих сведений, находившихся у этих учреждений, Мануфактур-коллегия не могла «тех овчарных заводов расположить», на что она и жаловалась Сенату [1].

Необходимость передачи заводов вотчинникам была обусловлена теми же самыми причинами, по которым передавались мануфактуры, заведенные казной частным предпринимателям. В виду затруднений с передачей овчарных заводов был избран другой путь: с санкции Петра приговором Мануфактур-коллегии от 3 августа 1722 года губернаторам Воронежскому, Киевскому, Петербургскому и управлениям провинций было предписано: «где овчарные заводы обретаются, оные заводы расположить все без остатку в тех городах многовотчинным людям, смотря по дворовому числу, так же и в слободские полки, ибо и прежде всего овцы на них были положены и к тому же оные к содержанию овчарных заводов искусны» [2].

Мануфактур-коллегия выработала «кондиции», на основе которых должны были помещиками содержаться передаваемые стада. Под страхом «жестокого наказания» помещиков обязывали содержать овец так же, как они раньше содержались на государственных овчарных заводах. Их обязали иметь «тщание» для «умножения» поголовья, чтоб шерстяные фабрики имели впредь в шерсти «довольство», а содержателям «в продаже шерсти» «немалая польза» «произрости» могла. Иноземные и отечественные «мастера» «овчары» передавались

[1] ГАФКЭ, — Фонд Сената, д. 1/1061, л. 310.
[2] ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 1/1061, л. 94.

помещикам, которые должны были их содержать и приставить к ним для обучения своих крепостных людей [1].

В целях обеспечения суконной промышленностью потребности государства по обмундированию армии правительство Петра не особенно считалось с желаниями отдельных помещиков и в случае необходимости навязывало им силой то, что находило нужным сделать в интересах крепостнического государства в целом.

В связи с ликвидацией государственных овчарных заводов, т. е. с передачей их в руки многовотчинников Мануфактур-коллегия встретила большие затруднения. Об одном из них она доносила Сенату 2 августа 1722 года:

«Для прокормления овец сено прежде сего кошено обывателями теми, в которых местах овчарные заводы обретаются, а в иных местах кошеное собиралось. Також и в овчаром и ученикам давана жалование по ассигнациям Камор-коллегии, чего Мануфактур-коллегия по должности своей оставить не может, дабы о тех овцах попечение нейметь чем их прокормить, предоставляет о том благовременно правительствующему Сенату. И хотя в Камор-коллегию для приуготовления против прежнего на овчарные заводы сена промемория послана, однакож не имеется надежды, чтоб оная без указу правительствующего Сенату то учинила, а по мнению ис Манифактур-коллегии запотребно рассуждается, чтоб повелеть Камор-коллегии пристойное число теми ж обывателей для прокормления овец сена приготовить, также овчаров и учеников жалованьем содержать, как и прежде сего, дабы те овцы по тех мест пока розданы будут, от бескормицы не померли и овчары, також их ученики, без жалованья, оставя заводы не разбрелись» [2].

Сенат подтвердил правильность изложенных соображений и, согласившись с мнением Мануфактур-коллегии, отдал подобающее случаю распоряжение.

Несмотря на все затруднения, которые встретила Мануфактур-коллегия, распределение овец с овчарных

[1] ГАФКЭ, — Фонд Сената, д. 1/1061, л. 94—97.
[2] ГАФКЭ, — Фонд Сената, оп. д. 1/1061, л. 336—337.

заводов среди «многовотчинников» все-таки было проведено.

В Белгородской провинции к князю А. Д. Меньшикову было помещено 1 450 штук, к сенатору Д. М. Голицыну — 480 штук, к фельдмаршалу Шереметьеву — 1 150 штук, к графу Головину — 560 штук и т. д.

Тоже самое было проделано в Казанской губернии, в Севской, Ярославской, Вятской и других провинциях.

К концу 1723 года было намечено к распределению и распределено по многовотчинникам с государственных овчарных заводов 14 146 овец [1].

Петр лично ознакомился с работой многих суконных мануфактур и прекрасно был осведомлен о требованиях и запросах фабрикантов. После одного из таких очередных посещений 28 мая 1724 года Московской суконной фабрики, из Кабинета было послано письмо Вельяминову, по поводу решений, принятых Петром при осмотре этой фабрики.

«Прошедшего мая 28 дня е. и. в. будучи на Московской суконной фабрике по предложению Мануфактур-коллегии указал к нам отписать, чтобы Вы послали в Малороссийское полки указы, дабы старались содержать овец также и шерсть старались снимать с них в удобное время, так как предложено будет вам от Мануфактур-коллегии, в чем вам всеми мерами е. и. в. указал в том приложить свое старание и за полковниками и старшини указал смотреть. Такоже и. в. указал отправить Вам в Шлезию для продажи довольное число волов. И как за оные выручат деньги, чтоб на те деньги купить баранов и овец шлейских и выгнать в малороссийские городы, а ежели волов нет, то послать туды на покупку баранов деньги, а какое число денег и сколько баранов и овец там купить, о том вам снестись с Мануфактур-коллегией» [2].

Инициатива с разведением породистых «шлезских» овец на Украине, и все соображения, связанные с этим, принадлежали самой Мануфактур-коллегии. Еще до этого петровского распоряжения она разрабатывала

---

[1] ГАФКЭ,—Фонд Сената, оп. 16, д. 1/1061, лл. 323—327.
[2] ГАФКЭ, — Фонд Кабинета Петра I, д. 53, л. 608.

для Украины особый «регламент о содержании овец». Указом из Кабинета в Малороссийскую коллегию требовали с посланного туда «регламента» «напечатать» столько экземпляров, сколько потребно для раздачи всем жителям малороссийским и раздав оные, смотреть прилежно, дабы потому исполнялось...»[1].

На Украину из Мануфактур-коллегии был послан специалист по овцеводству «овчар» Михаил Коминской, которого Малороссийской коллегии приказывалось содержать из доходов коллегии на основе заключенных с ним контрактов. Копии регламента по овцеводству были посланы всем полковникам Украины[2].

Инструкция по разведению овец на Украине, составленная специалистами Мануфактур-коллегии, представляет известный интерес с точки зрения попыток организации племенных заводов, улучшения породы овец и состояния зоотехнической «науки» в России XVIII века, заимствовавшей опыт передовых европейских стран в этом новом для нее деле[3].

Содержание овец по «регулам», установленным коллегией, распространялось не только на овчарные заводы, переданные многоотчинникам, — на Украине они должны были служить обязательной инструкцией для всех «обывателей». Мануфактур-коллегия и Сенат, ввиду строгих требований со стороны самого Петра, обязывают отвечать за разведение породистых овец на Украине всех, начиная от Малороссийской коллегии, гетмана Скоропадского, полковника Полуботка до рядового «обывателя». Майора Кологривова обязали приговором Мануфактур-коллегии отобрать на овчарных заводах лучших породистых баранов, «а излишних разделить на гетманские регементы в Глухов к бригадиру Вильяминову, «а в слободские полки к полковнику Лачинову, которые имеют тех баранов каждый в своей команде, малороссийским обывателям раздать

[1] ГАФКЭ,— Фонд Кабинета Петра I, д. 53, л. 615.

[2] Там же, л. 616—617. Приложен список полков, которым послан регламент.

[3] Автор не имеет возможности по технич. условиям в качестве приложения дать этой инструкции. См. ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 1/1061, лл. 321—322.

для вкоренения доброй шерсти и размножения собственных овец»[1].

Украина должна была стать основным поставщиком сырья для русской суконной промышленности. Все отмеченные нами распоряжения Мануфактур-коллегии были окончательно подтверждены указом царя от 15 июня 1724 года.

«Повелеваем всем малороссийским жителям, овец своих содержать по регулам, каковы дадутся из нашей Малороссийской коллегии и шерсть продавать на наши суконные фабрики и тою прибылью пользоваться, за что мы каждого из малороссийских жителей, кто с приложением в том будет трудица, последуя нашему повелению и для своей пользы, обнадеживаем нашею императорскою милостью. А мастеров, которые будут, каждого наставлять в содержании по тем регулам овец и надсматривать, велели мы оной же коллегии содержать на нашем жалованье»[2].

Охрана привилегий и монополий фабрикантов метрополии была так организована, что украинское хозяйство должно было играть роль чисто колониального хозяйства.

Разумеется, из этого не следует делать вывода, что на территории Украины совершенно отсутствовала промышленность. Но развитие значительно ослаблялось политикой охраны монополии фабрикантов центральных районов России и централизованной закупкой сырья, которая проводилась Мануфактур-коллегией. Этим объясняется пожалование исключительного права на покупку шерсти по установленным ценам для суконных фабрик, посылка особых уполномоченных от Мануфактур-коллегии и самих фабрикантов для организации закупок, разведение овчарных государственных заводов и принуждение к разведению племенных стад.

Да и крупные мануфактуры, возникшие на территории Украины в начале века, принадлежали или русским купцам или русским сановникам. Такова, например, парусная фабрика Меньшикова в г. Почепе в его собствен-

[1] ГАФКЭ,— Фонд Сената, оп. 1/1061, л. 337—339.
[2] ГАФКЭ,— Фонд Кабинета Петра I, д. 33 л. 73.

ном имении, законченная постройкой в 1726 году. Мастеров и все оборудование Меньшиков вывез в Почеп из своих подмосковных имений [1].

Обеспечение сырьем суконных мануфактур, при прямом посредстве Мануфактур-коллегии и других государственных учреждений, установленное при Петре, проводилось учреждением до самой ликвидации коллегии. Петровские указы об Украине и монопольной скупке шерсти были подтверждены указами 1735 года, затем 1738 года и другими. В 1739 году частным приговором коллегии была дана привилегия на покупку шерсти фабриканту суконной фабрики С. Болотину с товарищами.

В Малороссийскую генеральную войсковую канцелярию, в Воронежскую губернию и в Тамбовскую провинциальные канцелярии были посланы особые указы, которыми названные учреждения обязывались оказывать представителям Болотина «вспоможение» по закупками шерсти.[2] Также обстояло дело и с другими владельцами суконных предприятий.

***

О снабжении шелковых мануфактур сырьем Мануфактур-коллегия заботилась не меньше, чем о суконных предприятиях. Кроме беспошлинного ввоза шелка из-за границы, государственной закупки сырья, обеспечения кредитами на приобретение больших партий шелка-сырца Мануфактур-коллегия вкладывала еще большие казенные средства в организацию так называемых шелковых заводов в районе Астрахани, на Украине и других местах. Проходимцы и авантюристы из стран Западной Европы, на протяжении всего XVIII века, не прекращали своих бесконечных экспериментов по разведению плантаций тутового дерева и шелкового червя. При прямом попустительстве со стороны Мануфактур-

[1] Об украинской мануфактуре см. книгу А. Н. Оглоблина «Очерки истории украинской фабрики — мануфактуры в Гетманщине».

[2] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 292, д. 9279, л. 8.

коллегии, через руки этих иностранцев «специалистов», почти бесполезно для развития шелковой промышленности прошли, если не сотни, то многие десятки тысяч народных денег. Большинство шелковых заводов неизбежно кончали свою деятельность крахом и при каждом новом составе Мануфактур-коллегии, плохо наученные горьким опытом, руководители ее, соблазненные заманчивыми «прожектами», приступали к созданию новых заводов.

В 1742 году, по указу Мануфактур-коллегии, около Киева был заведен французским «мастером» Яном Фигереем шелковый завод. За время с 1724 по 1734 год завод давал шелка:

В 1724 году 1 фунт 24 золотника
В 1725 году — 91 золотник
В 1726 году 6 фунт. 63 золотника
В 1727 году 21 фунт
В 1728 году 10 фунт.
В 1729 году 9 фунтов 48 золотников
В 1730 году 6 фунтов 54 золотника
В 1731 году неизвестно
В 1732 году 6 фунтов 45 золотников
В 1733 году 1 пуд 14 фунт. 72 золотника
В 1734 году 38 фунт. 75 золотников[1]

Всего за 11 лет было дано шелковым мануфактурам этим заводом три пуда 35 фунтов и 91 золотник, в то время, как ежегодная потребность шелковых мануфактур определялась цифрой более чем в тысячу пудов. Иначе говоря, 400 таких заводов, как Яна Фигерея, могли бы только за 10-летний срок покрыть годовую потребность в сырье русских шелковых мануфактур XVIII века.

После «отбытия» за границу Яна Фигерея завод этот перешел к другим владельцам и повидимому был разделен на два завода: мастера грека Дирея и Юрия Леонтьева, которые за следующие 11 лет дали шелка около трех пудов.

В 1743 году заводы эти осматривались киевской гу-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 138, д. 246, л. 26.

бернской канцелярией и представителями от киевского магистрата. «Осмотр показал, что оные шелковые заводы явились в несовершенном действии, да и произвесть они Дерей и Леонтьев не могут, понеже те заводы, а наипаче казенный двор весь от Диреевой скудности и нерачительства обетшал, да и оной Дирей под именем только того шелкового произведения, время продолжает, а шелка из года в год делает со умалением, да и ученикам по силе указов жалованье и за провиант деньгами, чрез два года не производил... и видно по всему, что оной Дирей в том деле нерачителен и для того надлежит его Дирея от этого завода казенного отрешить...» [1]. Такое же мнение было и о заводе Леонтьева. По определении Мануфактур-коллегии в 1744 году заводы эти со всеми «принадлежностями» решено было отдать для «содержания и размножения» «охочим людям» [2]. В 1745 году такие предприниматели нашлись: это были купецкие люди из Севска Максим Резвой, Роман Смородин, белогородский купец Семен Ноздрин и московский первой гильдии купец Максим Кузнецов. Вряд ли они соблазнились какими перспективами, кроме получения льгот, полагавшихся фабрикантам по регламенту. Весь собиравшийся шелк с таких заводов, несмотря на его небольшой сбор, поступал, как правило, в Мануфактур-коллегию, которая продавала его фабрикантам. Точно также распределялся между фабрикантами шелк-сырец, приобретаемый Мануфактур-коллегией на иностранных рынках или привезенный в Россию иностранными купцами. Обычно такое распределение через коллегию было связано с заказами двора шелковым мануфактурам и в таких случаях фабриканты рапортами отчитывались перед Мануфактур-коллегией о выполненных ими заказах и использованном сырье. В 1755 году фабрикант Панкрат Колосов доносил рапортом в Коллегию: «По определению государственной Мануфактур-коллегии, дано мне из оной коллегии, присланного из Кизляру шелка-сырца один

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 138, д. 246, лл. 26 и 28.
[2] Там же.

пуд, ис которого велено спрясть в уток и в основу для делания обойных штофов. И вышеписанный шелк на фабрике моей спряден, с которого по разбору явилось годного в основу разных сортов девятнадцать фунтов, тридцать шесть золотников, в уток — девять фунтов девяносто золотников не годного в дело, коленчатого — шесть фунтов осмнадцать золотников, здору — два фунта восемьдесят четыре золотника, затем упали шестьдесят золотников. За дело оного шелку потреблено собственных денег: за размотку девятнадцать рублей девяносто копеек, за трощение бабам — 7 рублев 25 коп., на мельнице мастеровым людям — 4 рубля 50 коп. Всего в даче денег 24 рубля шестьдесят копеек. Того ради, вышеписанный шелк в государственную Мануфактур-коллегию при сем рапорте и объявляю, а данные мною деньги за работу повелено б было выдать мне именованному» [1]. Документ чрезвычайно любопытен для характеристики правового положения фабрикантов XVIII века и понимания взаимоотношений между Мануфактур-коллегией и подчиненным ей «промышленным сословием».

Такие же точно рапорты получила коллегия в 1755 году от других шелковых фабрикантов: Евреинова Андрея, Ивана Демидова, Захара Игнатьева, Марии Панфиловой, Александра Чавкина, Ивана Мочалова. Заказ двора выполняли одновременно 12 фабрикантов, которыми было «спрядено» 10 пудов три фунта и 90 золотников шелка. Таким образом, сразу большая часть шелковых фабрик была переключена Мануфактур-коллегией на выполнение правительственного заказа. Работа всех двенадцати фабрик была оценена в 187 рублей 66½ коп., деньги выплачены из средств, собранных за гербовую бумагу с последующей уплатой из Кабинета [2].

Эту роль центрального ведомства по распределению сырья Мануфактур-коллегия играла и при Петре I: указом 9 сентября 1724 года из Кабинета было приказано коллегии присланный из Астрахани шелк 10 пудов

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,—Фонд Мануфактур-коллегии, св. 292, д. 9250, л. 48.

[2] Там же,— лл. 35—46, 66—67.

22 фунта «употребить в дело на фабриках и вырученные деньги за шелк сырец прислать в Кабинет»[1].

В 1749 году фабриканты шелковых фабрик, поднимая вопрос об обеспечении их мануфактур сырьем, просили обязать Сибирский приказ вывозить из Китая шелк-сырец при казенном караване и отдавать его Мануфактур-коллегии для распределения по русским фабрикам за наличный расчет, а не в долг, как это обычно практиковалось[2]. Конец сороковых и начало пятидесятых годов были временем особых затруднений с вывозом шелка из Ирана ввиду внутриполитических осложнений там после смерти Шаха Надира[3].

В начале 50-х годов Мануфактур-коллегия поставила перед Сенатом вопрос о сырье для шелковых русских фабрик, требуя запретить вывоз иранского шелка заграницу через Астрахань и пропускать его только на отечественные фабрики. Коллегия заявила, что годовая потребность шелковых фабрик в сырье определяется цифрой в 1 387 пудов, а у всех фабрикантов купленного шелка имеется только 338 пудов, в то время как привезено в Москву разными купцами 1 306 пудов. Мануфактур-коллегия предложила купить весь привезенный шелк, поскольку фабриканты обязались подпиской полностью переработать его на своих мануфактурах. Часть денег на покупку этого шелка она предлагала собрать с фабрикантов, а остальные выдать из казны, так как фабриканты за наличный расчет не могли купить весь привезенный шелк. Из купленного сырья коллегия предполагала образовать необходимый годовой запас, из которого фабриканты по мере надобности могли за наличный расчет приобретать нужное им количество шелка-сырца. Все эти предложения Мануфактур-коллегии были поддержаны генерал-прокурором князем Тру-

---

[1] ГАФКЭ, — Фонд Кабинета Петра I, д. 56, л. 102.

[2] Соловьев, т. XXIII, стр. 610.

[3] Высокие цены, на персидский шелк-сырец, закупаемый в Гиляне для русских шелковых фабрик, беспокоили еще Петра I и он давал поручения тщательно проведать, как обстоит дело с полученим этого дорогого сырья с тем, чтобы для обучения шелководству переселить в Гилянь крестьянские семьи. ГАФКЭ, — Фонд Кабинета Петра I, д. 56, л. 100.

бецким. Сенат их принял [1]. Одновременно в 1752 году генерал-прокурор предложил Сенату свое мнение о дальнейшем разведении в России шелковых заводов ввиду того, что покупаемый шелк в Иране был все-таки очень дорог. Сенат согласился дать распоряжение украинскому гетману, чтоб он по всей Украине велел сделать «публикацию», не пожелает ли кто заняться шелководством. Такую же «публикацию» было предложено сделать в Слободских полках, в Оренбургской и Астраханской губерниях. Заниматься шелководством было разрешено без указов Мануфактур-коллегии, нужно было только дать знать о заведении шелкового производства. Купцам, открывавшим шелковые заводы, гарантировалось увольнение от служб и постоя и беспошлинная в течение десяти лет торговля шелком с их заводов [2].

Приведенные факты по двум наиболее привилегированным отраслям промышленности о заботах Мануфактур-коллегии по обеспечению «указных» фабрикантов сырьем с достаточной убедительностью говорят о деятельности коллегии в этом направлении и нет необходимости умножать эти примеры, их можно представить по каждой отрасли промышленности. Разумеется, степень правительственной озабоченности была прямо пропорциональна значению для государства работы тех или иных мануфактур. И если для обеспечения сырьем суконных, полотняных и шелковых мануфактур правительство не жалело отпускать десятки тысяч рублей или, например, кожевенным фабрикантам Петербурга в 1758 году Мануфактур-коллегия гарантировала закупку необходимых 1 125 пудов экспортного ворванного сала для производства кожи на «немецкий манир» [3], то в отношении обеспечения сырьем владельцев, например, бумажных фабрик в 1714 году просто был издан указ

---

[1] Соловьев, том XXIII, стр. 766—767.

[2] Полное собр. зак., 10041.

[3] Фабриканту Савве Яковлеву требовалось 600 пудов, Иоганну Ксендзу — 100 пудов, Петру Галактионову — 75 пудов, Ивану Рихтеру, Ивану Чиркину и Ивану Терентьеву и Дмитрию Афанасьеву — по 50 пудов каждому, Лукьянову — 70 пудов и т. д. УЦГАЛ АНХ, — Фонд. Мануфактур-коллегии, св. 74/149, д. 15, л. 418.

о присылке в Петербургскую канцелярию отбросов холста и лоскутья с оплатою собравшему тряпье по 8 денег за пуд [1].

Указные фабриканты, получая большие правительственные привилегии, очень часто заводили предприятия «для лица», а в действительности пользовались данными им привилегиями для беспошлинной крупной торговли на внутреннем и внешнем рынках. Получая разрешение на беспошлинную торговлю товарами, производимыми на их мануфактурах, они, как правило, вели торговлю товарами, скупавшимися внутри страны и у иностранных купцов. Это приводило к борьбе между указными фабрикантами, вложившими те или иные средства в промышленность, и купечеством, которое не могло, или не желало вкладывать средства в промышленность и поэтому лишалось известных преимуществ по торговле, освобождению от служеб, постоев и т. д.

Борьба между владельцами мануфактур, занимавшимися торговлей, и купечеством не прекращается на протяжении всей истории существования учреждения. Она нашла очень яркое отражение в законодательном материале и в материалах фондов Мануфактур-коллегии и ее конторы.

Противоречия интересов различных социальных групп шляхетства (занятого и не занятого торговлей и промышленностью), промышленников (пользующихся и не пользующихся привилегиями по торговле), купечества, противоречия внутри каждой из этих групп в отдельности создавали иногда чрезвычайно запутанную обстановку, в которой правительству трудно было найти подходящее решение, для осуществления тех конкретных задач, которые стояли перед ним, как перед аппаратом, осуществлявшим интересы господствующего класса.

Примером таких противоречий могут служить упоминавшиеся события, разыгравшиеся в коммерческо-промышленном мире Петербурга весною и летом 1722 г.[2].

---

[1] Полное собр. зак., 3127.
[2] См. стр. 69 данной работы.

Владельцы фабрик и мануфактур, не довольствуясь той прибылью, которую они получали от оптовой торговли товарами, занялись в больших размерах розничной торговлей продуктами своих мануфактур. Петербургское купечество столкнулось, благодаря этому, с большим количеством конкурентов, имевших ряд преимуществ по торговле. Обратив внимание правительства на те потери, которые оно терпит от розничной торговли промышленников (по торговому уставу последние при оптовой продаже должны были платить таможенную пошлину на гостинном дворе), купечество добилось указа, которым запрещалась розничная торговля фабрикантам [1].

Купцы организовали бойкот отечественной промышленной продукции, требуя от содержателей мануфактур снижения цен. При таком обороте дела, в эту борьбу вмешалась Мануфактур-коллегия. Президент коллегии Новосильцов обратился к Петру с письмом, в котором он писал, что «...интересенты и компанейщики от всех мануфактур просят, чтобы содержано было по их привилегиям, и в рознь продажа им была невозбранена, а рядовые ис купцы, за вышеписанным указом товары их, которые прежде торговали, ныне иных и не торгуют, а которые и те ценою дешевят».

Новосильцов очень резко ставил вопрос о тех последствиях, к которым может привести такая политика в отношении промышленников:

«И ежели сие высоким вашим указом не отменится, то неможно иметь надежды, чтоб оные начатые мануфактуры могли приходить в лутчее, потому что рядовые купцы могут всегда держать согласную цену и те товары дешевить, с той надежды, что мимо их врознь продавать возбранено» [2].

В защиту своей позиции Новосильцов приводил такие соображения:

«Буде же в мануфактурах интересантов и компанейщиков не будет обнадеживать их пожиток, то с какой надежды они и компанейщики складывать свои деньги

---

[1] Полное собр. зак., 3892.

[2] ГАФКЭ,— Фонд Сената, опись 16, д. 1/1061, л. 77.

и другие в их компании или в подобные сему дела вновь вступать могут, но ныне много таких, которые просят увольнения от компании и денег складывать не хотят».

Это последнее обстоятельство для Петра должно было явиться наиболее веским аргументом в пользу сохранения торговых привилегий фабрикантам. Новосильцовым был найден путь для удовлетворения претензий купечества. Он прямо соответствовал взглядам самого царя:

«А буде рядовые купцы продажу от мануфактур врозньи имеют себе на обиду, то надлежи им вступать в те мануфактуры, самим, ис чего может быть в мануфактурах сугубая польза: капитал может быть больше нежели ныне. Оне ж могут показывать на какие товары имеет быть расход больше и денги ис товару могут обращатся скорее»[1].

В тот же день изложенное Новосильцовым мнение было доложено Петру[2]. Последнему пришлось отменить только что изданный указ и дать разрешение на розничную торговлю промышленникам, как это предлагал сделать президент Мануфактур-коллегии[3].

На все представления Новосильцова по этому поводу 4 июня 1722 года из Сената Мануфактур-коллегия получила указ за подписью генерал-прокурора Ягужинского, канцлера Головкина, Я. Брюса, Григория Долгорукова, Мусина-Пушкина и Андрея Матвеева: «...компанейщикам зделанные свои товары купецким людям в лавки продавать не малым числом с убавкою той цены, почему врознь из лавок могут продаваны быть, а почему та убавка надлежит быть, о том определение учинить по рассмотрению в Мануфактур-коллегии. И как учинено будет, о том известие подать в Сенат. Буде же купецкие люди у них компанейщиков зделанных их товаров всех покупать не будут, то оным компанейщикам мануфактур позволить в тех рядах, где которые товары продаются, наимывать лавки и держать и продавать те свои в мануфактурах зделанные товары, ко-

[1] ГАФКЭ, — Фонд Сената, д. 1/1061, об. л. 77 и 78.
[2] Об этом имеется помета на обороте 78 листа.
[3] Полное собр. зак., 4057.

торые за продажей у них оставаться будут безвозбранно по прежним им данным привилегиям...» [1].

В 1723 году регламентом Мануфактур-коллегии эти положения о розничной и беспошлинной торговле внутри страны были окончательно закреплены. Борьба между купечеством и фабрикантами, которая неоднократно вспыхивала и в позднейшее время, попрежнему не приводила к запрещению торговли фабрикантам, как этого добивалось купечество. Владельцы промышленных заведений пользовались многочисленными льготами по торговле. Наиболее значительной из этих льгот было освобождение от уплаты внутренней таможенной пошлины. Неограниченное право торговли предметами, производимыми на «указных» мануфактурах, делало крупных фабрикантов XVIII века не только монополистами в области производства, но и монополистами рынка по реализации производившихся на их фабриках изделий, а также наиболее крупными конкурентами по продаже ряда других товаров. Поэтому борьба между купечеством и привилегированными фабрикантами шла не только по линии перекладывания служебных и налоговых тягот на плечи купечества, но и за рынок, монополии на торговлю, по линии таможенной политики [2].

Введение специального клеймения Мануфактур-коллегией всех товаров, производившихся на русских фабриках, мало гарантировало от злоупотреблений в отношении беспошлинной торговли иностранными товарами. Главный магистрат неоднократно добивался издания указов о запрещении всем фабрикантам покупать товары, «под видом якобы фабрических», и продавать их в розницу. Мануфактур-коллегия много раз подтверждала эти указы, что однако мало помогало ликвидации торговли запрещенными товарами. В 1759 году московская ратуша доношением в Коммерц-контору объявляла, что московские суконные, шелковые, полотняные и «протчих фабрик содержатели отбыватель-

[1] ГАФКЭ, — Фонд Сената, оп. 16, д. 1/1061, л. 78.

[2] Дворянство энергично вмешивалось в эту борьбу: позднее, ограничений в области торговли фабрикантов добивался Щербатов в екатерининской комиссии 1767 года. Щербатов — Соч. т. I, стр. 130—131.

ством своим протчих купцов от расположения по купечеству платежей на всякие нужнейшие необходимые расходы, без чего пробыть невозможно, не платят» и показывают, что по выданным им привилегиям им не велено платить подушного оклада «и протчих необходимых нужд за умерших», отданных в рекруты, сосланных на каторги и безвестно пропавших. Ратуша жаловалась, что благодаря перенесению всех платежей на купечество, оно придет «в конечное разорение». Ратуша требовала, чтоб фабрикантам и компанейщикам, а также и их родственникам, пользующимся привилегиями, которые не пожелают «верстаться уравнительно» в подушном окладе «и всяких расположений платить», была запрещена торговля в Москве в гостиных рядах, в лавках, чтоб им был запрещен отпуск на ярмарки, к портам и «в малороссийские» города. Ратуша настаивала на том, чтобы фабрикантам было «повелено» продать их лавки «и кожевенные и всякие купеческие их промыслы содержать, кроме фабрик воспретить и ко умножению фабрик по привилегиям тот их капитал велеть употребить им во оные» [1].

Ратуша настолько ультимативно поставила вопрос, что Мануфактур-коллегия не могла оставить его без рассмотрения. Было решено призвать фабрикантов и взять у них «известия за руками» о том, кто из их детей, братьев, племянников и прикащиков пользуется привилегиями, в каком «действии» находятся их фабрики и находятся ли при фабриках их родственники, кто из фабрикантов сколько вложил средств в производство, какие, «сверх тех фабрик», кто из них имеет торги и промыслы, «в которых рядех и в отпуски отъезжими торгами и какими товары (торгует) и кто в тех рядех из тех детей их и братьев и племянников и сидельцов при торгах, окроме фабрик имеются, и почему в том по купечеству на нужнейшие расходы платеж какой имеют ли...» [2].

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 250, д. 4671.
[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 166, д. 18, л. 26.

Были вызваны все содержатели московских фабрик и по вышеприведенным вопросам дали свои показания. Содержатель московской суконной фабрики Журавлев показал:

«...брат у меня имеетца Гаврила Журавлев, да у меня ж имеетца сын Иван Романов, да у брата у моего Гаврилы имеютца дети Ивана Данилова Гаврилова дети и живут со мною в одном доме и не в разделе, которые при той же фабрике имеютца в таком действии, в каком я сам при той фабрике нахожусь, да у нево ж брата моего имеютца дети в малых летах... Капиталу в фабрику употреблено пять тысяч рублев, а между тем торгу имеем к разным портам и в разные российские городы разными товары для пропитания дому нашего, понеже ис положенного капиталу в ту фабрику прибыли в дом свой никакой не получаем, а паче в ту фабрику прибавляем и размножаем и впредь о той фабрике, за новостию к размножению, через некоторые годы прибытка себе не признаем, а паче получаем у иностранных на кредит товары ж. И такие товары продаютца в Москве на гостинном дворе, а которые продаетца в Москве немочно, то отпущаем в другие российские городы на ярманки с платежем пошлинных денег для скорой выручки и уплаты долгов...» [1].

Аналогичные показания получены от всех остальных суконных фабрикантов и содержателей полотняных, шелковых и других мануфактур. Из показаний полотняных и шелковых фабрикантов можно установить следующее:

1. За спиной каждого из них стояла значительная группа лиц, находившаяся в той или иной деловой связи или зависимости от фабрикантов и использовавшая льготы и привилегии, данные им, в интересах наживы и обогащения.

Широкая торговая деятельность указных фабрикантов осуществлялась приказчиками, доверенными людьми из «худородного» купечества и прочими. Выяснить действительные отношения этих «захребетников» из

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 166, д. 18, л. 32—33.

среды купечества к фабрикантам на основе только показаний самих содержателей очень трудно. Но одно обстоятельство является совершенно ясным, — последние используют их, на тех или иных условиях, для расширения своей коммерческой деятельности.

2. Все фабриканты, за очень небольшим исключением, ведут торговлю на внутреннем и внешнем рынках. Большие товарные массы реализуются ими без купеческого посредничества. Почти все владельцы мануфактур пользуются привилегиями по торговле. Осуществление контроля за их торговой деятельностью со стороны коллегии было затруднительно и плохо организовывалось. Между тем, торгово-коммерческая деятельность «указных» фабрикантов наносит большой ущерб купечеству и обостряет борьбу между теми и другими.

3. Для некоторой части фабрикантов их мануфактуры являются только прикрытием широкой беспошлинной торговли, или, во всяком случае, делом второстепенным и приносящим очень небольшой доход. Это положение легко можно проследить, сопоставляя их вложения в производство с оборотами по торговле, а также по откровенным жалобам на плохой доход от фабрик и необходимость компенсации убытков от мануфактур барышами от торговли [1].

Общая линия самодержавия в первой половине XVIII века по вопросу о разрешении торговли промышленникам совершенно ясна: в целях поощрения роста мануфактур и увеличения капиталовложений в промышленность частными лицами, фабрикантам необходимо предоставление льгот по торговле.

Купечество держалось другой точки зрения: фабрикантов необходимо от всякой торговли «отрешить». Учитывая заинтересованность правительства в развитии промышленности и добиваясь запрещения торговли для «указных» фабрикантов, оно мотивировало это необходимостью заставить их весь капитал «употреблять» «в одни фабрики» [2].

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 166, д. 18.
[2] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 169, д. 134, л. 17.

Жалобы купечества на торгующих фабрикантов были предметом многочисленных постановлений Сената, который обычно передавал рассмотрение вопроса об отрешении владельцев мануфактур от торговли на совместные «присутствия» Берг-коллегии, Мануфактур-коллегии, Главного магистрата и Коммерц-коллегии. Такие решения, принятые на совместных собраниях указанных учреждений, имели место в 1746, 1747 и 1759 годах и в другие годы.

В 1759 году по предложению Сената этот вопрос в очередной раз дебатировался на объединенном заседании указанных центральных учреждений, причем было постановлено:

«Тех фабрикантов до торгов и промыслов по прежнему допущать, дабы они теми торгами наилутче могли фабрики свои умножить и распространить и от неимения тех торгов, за употреблением всего своего капитала в фабрики, от случившихся тем их фабрикам незапных убытков не приттить в крайней убыток и разорение. А чтобы они фабриканы втуне теми торгами не пользовались и общему гражданству от того тягости не происходило, тем фабриканом которые кроме фабрик имеют многие торги, ис которых некоторые сами, а других братья и дети и сидельцы в рядах торгуют и имеют же собственные свои лавки, от которых получают прибыток полагаемые окладчиками, с тех их торгов всякие подати по силе указов 1724 и 1742 году, верстаясь по богатому с протчими купцами наряду и сверх тех окладов на самонужнейшие расходы, по общим их фабриканов с купечеством согласным приговором, должно платить бесспорно.

А которые фабриканы с купечеством по богатству имеющимся в торгах окладами верстатца не пожелают, то оным фабриканом самим и братьям и детям их и сидельцам от них торгов и промыслов и лавок не иметь, а положить все свои капиталы во оные свои фабрики, по чему купечеству от них помешательства чинитца не будет»[1].

[1] УЦГАЛ, АНХ, Фонд Мануфактур-конторы, св. 58/124, д. 1, лл. 588, 589, об. 590 об.

Этим постановлением купечество добилось существенных уступок со стороны правительства и фабриканты-купцы понесли некоторое поражение, благодаря тому, что их братья, дети и — «сидельцы» уравнивались в правах со всем остальным купечеством и лишались тех привилегий по торговле, которыми они пользовались на протяжении многих лет. Конец 50-х годов XVIII века это уже то время, когда начинают раздаваться отдельные голоса против существующей системы покровительства крупной промышленности и против преследования безуказной крестьянской промышленности. В 1758 году князь Никита Юрьевич Трубецкой высказался в Сенате против привилегий, даваемых фабрикантам на монопольное производство на фабриках тех товаров, которые раньше делались ремесленниками, с запрещением последним заниматься этим производством без указов. Трубецкой мотивировал свои предложения по этому вопросу заботой о «мастеровых людях», «дабы чрез то у мастеровых людей пропитание отъемлемо не было»[1]. Это понимали и до Трубецкого и дело было отнюдь не в заботах о пропитании «мастеровых людей».

Выступление Трубецкого в Сенате было продиктовано двумя обстоятельствами: во-первых, стремлением правительства создать благоприятные условия для более быстрого развития дворянской мануфактуры за счет постепенной ликвидации привилегий «указных» фабрикантов-монополистов, которые до этого были фактическими хозяевами внутреннего рынка и диктовали ему, в известной мере, свои условия; во-вторых, это выступление было обусловлено необходимостью увеличить производство промышленных товаров в стране в связи с ростом товарно-денежных отношений.

Крепостное мануфактурное производство, несмотря на его значительное развитие, далеко неудовлетворяло быстро растущего рыночного спроса. Большинство промышленных товаров, в которых так остро нуждалось растущее городское население, могло поступать на рынок от крестьян, занимавшихся их изготовлением, от

[1] Фирсов,— «Торгово-промышленные компании», стр. 206.

мелких городских ремесленников. Но всем им ранее запрещалось заниматься изготовлением этих товаров без разрешения Мануфактур-коллегии, которая всячески преследовала «безуказных фабрикантов». Трубецкой высказывается за отмену этих ограничений и против преследований «безуказной» крестьянской промышленности.

Рассмотрим вопрос еще об одной чрезвычайно важной привилегии, которой пользовались чрез Мануфактур-коллегию почти все «указные» фабриканты, — это освобождение от торговых пошлин.

До уничтожения внутренних таможенных пошлин указом 18 декабря 1753 года, Мануфактур-коллегия имела право освобождать всех фабрикантов на основе регламента от их уплаты [1].

Однако освобождение от пошлин не автоматически распространялось на каждого «указного» фабриканта, чтобы получить это освобождение фабриканты подавали в Мануфактур-коллегию челобитные, на основании рассмотрения которых коллегия давала ту или иную привилегию просителю.

Освобождение от внутренних пошлин давалось на определенное количество лет сообразно тому, как работала мануфактура данного фабриканта, в зависимости от вложенных им капиталов в производство, от качества выпускаемой продукции, времени заведения фабрик и т. д. По истечении срока данной привилегии, которая всегда обязательно оформлялась специальным

---

[1] Внутренние таможные пошлины во всей их средневековой множественности не были унифицированы на протяжении первой половины XVIII века до отмены внутренних таможенных пошлин в 1753 г. Пошлины с продаваемых товаров в России взимались не только правительством, но и частными лицами на территории их поместий. Эти последние были отменены Петром I в 1700 г. Из многочисленных внутренних пошлин до XVIII века дожили: тамга (еще была при Петре, хотя тамга въезжая была уничтожена в 1653 г. при Алексее Михайловиче), весчее, рукознобная пошлина, померное, восмничее, пятейная пошлина (отменена только в 1777 г. Екатериной II), писчее и поводная (отменена в 1766 г.) порядное, мыт, побережное, перевоз, мостовщина и др. См. Д. Толстой — «История финансовых учреждений России». Спб. 1848 г., стр. 72—104.

указом Мануфактур-коллегии, фабрикант должен был снова ходатайствовать о получении освобождения с представлением всех данных о работе его предприятия. Крупным фабрикантам обычно освобождение от внутренних пошлин давалось при заведении самой мануфактуры, но опять-таки только на определенный срок по усмотрению Мануфактур-коллегии. В других случаях освобождение от уплаты пошлин давалось не сразу по заведении фабрики, а по истечении известного срока, за время которого Мануфактур-коллегия убеждалась в состоятельности фабриканта, в необходимости самого производства. Мотивы, которыми руководствовалась коллегия при определении срока, на которое давалось освобождение от пошлин, были самые разнообразные. Наибольшее значение при освобождении от пошлин обычно имело стремление содействовать развитию новых отраслей промышленности. Кроме того, принималась во внимание польза, которую могло извлечь государство, заинтересованность того или другого ведомства в работе вновь организуемого предприятия.

Мануфактур-коллегия не была ограничена в сроках установления длительности освобождения от пошлин. Например, фабрикант проволочной мануфактуры Никита Шестаков, при заведении в 1753 году предприятия, был освобожден от пошлин только на три года, а за два года перед этим владелец красочной фабрики Тавлеев был освобожден на 30 лет.

Этих ограничений не было и по установлению определенной номенклатуры предприятий, на которые могли распространяться указанные льготы. Поэтому среди освобожденных от пошлин мы встречаем владельцев полотняных и парусных мануфактур, владельцев шелковых, бумажных, стеклянных, красочных, купоросных, шляпных, шпалерных, сургучных, канатных, кожевенных, суриковых и белильных, картных и иных мануфактур.

В списках освобожденных от уплаты внутренних таможенных пошлин очень мало встречается владельцев суконных мануфактур. Отсутствие их в ведомостях

объясняется не тем, что они не получали фактически этой привилегии, а другими обстоятельствами: во-первых, известная часть их, получая привилегии на заведение мануфактур, освобождалась от пошлин «на вечно», во-вторых, тем, что эта группа фабрикантов меньше всего была связана с оптовой или розничной реализацией, изготовляемой продукции на широком внутреннем рынке страны, а работала по контрактам на военное и морское ведомство.

При таком положении ходатайства суконных фабрикантов об освобождении от пошлин были излишни, поэтому фамилии их не попадали в ведомости освобожденных. Та часть продукции, которая выбрасывалась ими на вольный рынок, продавалась, разумеется, беспошлинно. Те суконные фабриканты, фамилии которых встречаются в ведомостях или списках коллегии, освобожденных по ее указам от пошлин, как правило, были связаны с широким рынком.

Сенат эпизодически контролировал деятельность Мануфактур-коллегии путем запроса ведомостей о выдаче ею привилегий на освобождение от пошлин. При таких проверках коллегия должна была представлять сведения, объясняющие основания, в силу которых выдавалась данная привилегия. Нередко Сенат, минуя коллегию, сам освобождал фабрикантов от пошлин. Это практиковалось в тех случаях, когда выдача разрешения на открытие мануфактуры исходила непосредственно от Сената.

Для конца первой половины XVIII века и в самый момент ликвидации таможенных внутренних пошлин мы имеем данные об освобождении от пошлин всех фабрикантов, которые пользовались привилегией. Сведения отсутствуют по тем предприятиям, которыми ведала Мануфактур-контора.

Данные об освобождении от пошлин владельцев полотняных и парусных мануфактур могут быть представлены в виде следующей таблицы:

Фамилия владельца	Время заведения мануфакт.	Вложенный капитал в сентябре 1755 г.	Время и срок освобождения
Афанасий Гончаров	1722 г.	135 000 руб.	в 1744 г. на 10 л.
Григорий Щепочкин	1735 г.	31 000 „	в 1745 г. на 10 л.
Алексей Затрапезный	1721 г.	104 807 „	в 1745 г. на 5 л.
Григорий Кишкин	1737 г.	35 000 „	в 1745 г. на 10 л.
Егор Овощников и Василий Чурашев	1720 г.	45 000 „	в 1745 г. на 10 л.
Иван Овощников	1731 г.	15 000 „	Осв. на 10 лет (время освобождения не указано)
Гр. Шереметьев (до этого канцлера Черкасского А. М.)	1745 г.	51 505 „	в 1747 г. на 5 л.
Данила Земской	1747 г.	100 000 „	в 1747 г. на 12 л.
Моск. купцы Дмитрий и Мих. Митрофановы	1746 г.	12 849 „	Срок не указан. освоб. в 1747 г.
Тульский купец Иван Лугин	1748 г.	10 000 „	в 1748 г. на 8 л.
Купцы Семен и Григорий Сивохины	1749 г.	7 562 „	в 1749 г. на 6 л.
Вас. Евреинов (в это время сын его Андрей)	1737 г.	13 000 „	в 1749 г. на 8 л.
Купец Иван Нечаев	1749 г.	15 000 „	в 1749 г. на 8 л.
Купец Прокофий Пастухов	1738 г.	15 000 „	в 1749 г. на 8 л.
Ст. советн. Демидов	1750 г.	28 000 „	в 1750 г. на 8 л.
Купец Гаврила Клюев	1738 г.	35 000 „	в 1749 г. на 6 л.
Купец Михаил Гусятников	1750 г.	30 000 „	в 1750 г. на 5 л.
Купец Андрей Бабушкин	1750 г.	11 000 „	в 1750 г. на 8 л.
Оброчный крестьянин Рижского дворцового ведомства Матвей Шигонин	1750 г.	8 000 „	в 1750 г. на 5 л.
и другая его полотняная фабрика	1752 г.	4 000 „	в 1752 г. на 3 г.
Купец Михаил Серебрянников	1750 г.	1 450 „	в 1750 г. на 5 л.
Купец Иван Углеченинов	1751 г.	9 000 „	в 1751 г. на 6 л.
Колл. советник Иван Телепнев	1751 г.	500 „	в 1751 г. на 5 л.
Яков Евреинов	1751 г.	(сведений нет)	в 1751 г. на 5 л.

Фамилия владельца	Время заведения мануфакт.	Вложенный капитал в сентябре 1755 г.	Время и срок освобождения
Подполк. Алексей Дохтуров	1740 г.	13 500 „	в 1751 г. на 5 л.
Секретарь Ревизион-колл-гии Василий Полевой	1751 г.	7 000 „	в 1751 г. на 3 г.
„Поручик“ Николай Маслов	1751 г.	3 000 „	в 1751 г. на 4 г.
Камергер Р. Л. Воронцов	1752 г.	1 500 „	в 1752 г. на 6 л.
Купец Иван Комаров	1752 г.	5 500 „	в 1752 г. на 3 г.
Граф А. Ив. Шувалов	1752 г.	3 000 „	в 1752 г. на 8 л.
Ротмистр Салтыков .	1752 г.	(сведений нет)	в 1752 г. на 5 л.
Купец Алексей Веленин	1753 г.	(сведений нет)	в 1753 г. на 3 г.
Барон Строганов . .	1753 г.	1 700 „	в 1753 г. на 3 г.
Купец Дмитрий Попов	1753 г.	2 000 „	в 1753 г. на 3 г.
Купец Тихон Чамов .	1750 г.	18 200 „	в 1753 г. на 10 г.[1]

На основе этих данных можно утверждать, что срок освобождения от пошлин не зависел от размеров вложенного капитала. Мы видим, что одинаковое освобождение на 5 лет получил Михаил Серебрянников, вложивший капитала 1 450 рублей, и Алексей Затрапезный, вложивший свыше ста тысяч.

Точно такие же выводы можно сделать из рассмотрения данных о владельцах суконных фабрик. Из них освобождение получили кн. Григорий Шаховской в 1753 году, сроком на 7 лет при самом заведении фабрики, Федосей Постовалов в 1743 году на 10 лет, фабрика которого была заведена в 1725 году; асессор Козьма Матвеев, в 1752 году на 10 лет при заведении мануфактуры.

Из владельцев шелковых мануфактур в ведомости освобожденных мы встречаем фамилии только семи предпринимателей:

Ивана Демидова, основавшего мануфактуру в 1753 году и освобожденного на 5 лет; Григория Туронтаевского, который завел фабрику в 1752 году и получил

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 292, д. 9254.

освобождение от пошлин на 5 лет; Ивана Кружевникова и Алексея Петрова, основавших мануфактуру в 1751 году с одновременным освобождением от пошлин на три года; астраханского купца Никифора Трюнова, который завел фабрику в 1751 году и получил освобождение только в 1753 году сроком на 10 лет; астраханского армянина Якова Избелева, основавшего мануфактуру в 1750 году с одновременным освобождением на 4 года; Петра Филатьева, который завел фабрику в 1742 году и получил освобождение только в 1747 году сроком на 10 лет; Михаила Савина, открывшего фабрику в 1743 году и получившего освобождение только в 1745 году сроком на 8 лет.

Владельцы шелковых мануфактур, как это видно, редко получали освобождение от пошлин сразу же при открытии мануфактуры. Это освобождение давалось им через некоторое время. Часть из них совсем не получала привилегии на беспошлинную торговлю товарами внутри страны или получала их на непродолжительное время. Объясняется это тем, что владельцы шелковых предприятий больше, нежели содержатели других мануфактур, используя право беспошлинной торговли, заводили мануфактуры только «для лица», а сами занимались выгодной торговлей готовыми шелковыми товарами, привозимыми с Востока и из-за границы вообще.

Владельцы кожевенных мануфактур освобождались от пошлин обычно на короткие сроки. Так, Дмитрий Афанасьев получил освобождение при заведении своей фабрики только на 2 года и в 1752 году, по осмотре фабрики Мануфактур-конторой, на дальнейшее время освобождения не получил; московские купцы Конон Сабельщиков, Василий Яковлев, Тимофей Шекоматин и Никон Сабуровский при заведении мануфактуры в 1753 году, несмотря на большой вложенный капитал (26 000 рублей), освобождение получили только на 3 года; армянские купцы Иван и Давыд Томозовы в 1753 году освобождение получили на 5 лет. Остальные кожевенные фабриканты совсем не были освобождены от уплаты внутренней таможенной пошлины.

Из владельцев бумажных фабрик, к моменту отмены

пошлин были освобождены только три фабриканта и то только потому, что фабрики их были вновь заведены: барон Сиверс указом Сената в 1753 году сроком на 10 лет; Данила Земской в 1752 году сроком на 8 лет; купец Василий Ольхин в 1753 году сроком на 3 года.

Владельцы стекольных фабрик почти все были освобождены от пошлин на самые различные сроки: купец Алексей Чепцов при заведении фабрики в 1751 году на 4 года; иноземец Франц Ингликов с братьями в 1751 году сроком на три года; тобольский купец Алексей Корнильев при заведении фабрики в 1749 году сроком на 6 лет; княгиня Прасковья Салтыкова при заведении в 1749 году одновременно для стекольной и бумажной фабрики получила освобождение на 3 года; купец Василий Мальцов получил освобождение в 1746 году на 7 лет, хотя фабрика была заведена в 1724 году [1]; купец Алексей Карасев при заведении в 1752 году на 4 года, одновременно для купоросной и стекольной фабрик; профессор М. В. Ломоносов получил освобождение в 1752 году при заведении фабрики сроком на 10 лет.

Среди владельцев шляпных мануфактур были освобождены трое: петербургский купец Филипп Сокольников при заведении в 1752 году на 5 лет; московский купец Михаил Гусятников в 1748 году на 10 лет и купец города Тары Василий Медовщиков при заведении в 1753 году сроком на 5 лет.

Из владельцев красочных мануфактур: Новоторжский купец Антон Тавлеев, который вложил в производство брусковой краски до 15 000 рублей, при заведении в 1748 году получил освобождение сроком на 10 лет, в 1751 году для другой своей фабрики красок получил освобождение на 30 лет; московский купец Иван Шелковников с товарищами при заведении фабрики с капиталом в 9 000 рублей в 1749 году получил привилегию на 6 лет; севский купец Лукьян Зайцев с братьями при открытии мануфактуры в 1749 году получил освобождение сроком на 6 лет.

---

[1] Очевидно, в данном случае имело место продление срока привилегии.

Из владельцев многочисленных канатных мануфактур освобождение от пошлин имели только двое: петербургский купец Афанасий Дорофеев, освобожденный в 1753 году при открытии фабрики на 3 года, и петербургский же купец Иван Терентьев при открытии фабрики в 1746 году получил также освобождение на три года.

Из владельцев мишурных и сусальных мануфактур получили привилегии: компанейщики во главе с Алексеем Федотовым при заведении ими сусальной фабрики с такой мотивировкой: «пошлин брать невелено для того, что при отдаче им с Монетного двора серебра взята будет в казну прибыль»; московские купцы владельцы мишурной мануфактуры Михаил Засекин, Филат Шестаков и Тит Зайцев (фабрика была заведена в 1743 году) освобождение от пошлин получили только в 1749 году сроком на 8 лет. Московский купец Григорий Осипов владелец мишурной мануфактуры, которую он открыл в 1743 году, а освобождение от пошлин получил в 1748 году сроком на 8 лет.

Среди суриковых и белильных фабрикантов были освобождены: красноярский купец Иван Терепин при заведении фабрики в 1750 году на 5 лет; вологодский купец Григорий Жевлунцов с сыном Федором при заведении фабрики в 1749 году сроком на 5 лет, на этот же срок была освобождена их сургучная фабрика; другой сургучный фабрикант Григорий Турантаев (вологодский купец) получил освобождение в 1751 году на 5 лет, хотя фабрика его была заведена в 1740 году.

Из фабрикантов шпалерных фабрик был освобожден один иностранец Мартын Ботлер при заведении фабрики в 1751 году сроком на 10 лет, из игольных один московский купец Иван Комлехин именным указом 1746 года на 8 лет (фабрика была заведена в 1719 году, а в 1755 году содержалась женой князя Килдишева); при заведении фабрики в 1753 году освобожден на 3 года владелец проволочной мануфактуры Никита Шестаков; в 1752 году при открытии фабрики каразеи и кушаков московский купец Иван Кушинников на 4 года; при заведении пестрядинной фабрики астраханский купец Вартан Давыдов в 1744 году на 5 лет, по истечении срока в 1750 году привилегия не была продолжена; сит-

цевая фабрика англичан Василия Чемберлена и Рычарда Козенса при основании в 1753 году освобождена от пошлин на 10 лет; мануфактура по производству карт петербургского купца Василия Алехина при заведении в 1753 году сроком на три года и фабрика беления воска московских купцов Григория Белозерова и Григория Монатейникова при открытии в 1752 году освобождена на 5 лет [1]. Все остальные фабриканты к моменту отмены пошлин не имели привилегии на беспошлинную торговлю внутри страны.

Право беспошлинного ввоза из-за границы оборудования, инструментов и сырья для отечественных мануфактур, установленное регламентом, отнюдь не было всеобщим безусловно и автоматически распространявшимся на всех фабрикантов государства. Финансовые коллегии и Коммерц-коллегия очень тщательно следили за повышением статей государственного дохода за счет увеличения сбора пошлинных сумм за товары, привозимые из-за границы.

Освобождения от пошлины за ввоз оборудования были всегда предметом особых решений Мануфактур-коллегии по челобитным фабрикантов. Окончательное утверждение оставалось за Сенатом, куда направляла свои представления Мануфактур-коллегия.

В 1723 году Мануфактур-коллегия подала «доношение» в Сенат, которым она ходатайствовала об освобождении от ввозных пошлин за «красильные материалы» для шелковой мануфактуры компанейщиков Ивана Евреинова и Федора Старцова. Компанейщики имели привилегию, освобождавшую их от пошлин, выданную Петром в 1721 году, на пятнадцать лет. Перед этим Мануфактур-Коллегия пыталась провести освобождение этих компанейщиков от пошлин через Камер-коллегию, но там ей ответили, что без указа Сената — «коллегия учинить того не может» [2].

В 1731 году комиссия о коммерции испрашивала у Сената разрешение на ввоз беспошлинного оборудова-

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 292, д. 9254, лл. 6—16.

[2] ГАФКЭ, — Фонд. Сената; оп. 16, д. 5/909, лл. 129—130.

ния суконному фабриканту Ивану Дмитриеву, рассматривая это ходатайство, как исключение и своеобразное «награждение» фабриканта, «потому что никакого иного ему ис казны награждения, как другим фабрикантам, не было и завел он суконную и другие фабрики своим коштом» [1].

Полное освобождение от ввозных пошлин оставалось, следовательно, только формулой регламента, не отменявшей автоматически для «указных» фабрикантов обязательных для всех портовых уставов и общих таможенных тарифов.

**
*

Мануфактур-коллегия и ее контора были высшей судебной инстанцией по всем делам, касавшимся фабрик и заводов (за исключением «криминальных дел»). Ее суду подлежали сами фабриканты, их компаньоны, доверенные лица, приказчики, мастера и все рабочие, вне зависимости от их категорий и условий работы на фабрике.

Наличие высшего сословного суда и общую подсудность промышленников страны Мануфактур-коллегии отнюдь не следует рассматривать только с точки зрения не отмерших окончательно пережитков сословно ведомственной приказной организации суда XVII века.

Подсудность фабрикантов только Мануфактур-коллегии следует рассматривать как особую привилегию и особое сословное преимущество, данное им правительством. В первое время совместного существования Берг- и Мануфактур-коллегии, в период до выработки регламента 1723 года, заводчики и фабриканты не пользовались такой привилегией. Указом 19 января 1722 года предписывалось: «на Москве быть для суда и управления ис каждой коллегии по одному советнику и иметь контору для управления дел по указам своей коллегии. Также судить присудных его коллегии над ними по одному члену из Сената и иметь сенатскую контору для сего управления и исполнения указов сенацких, сим

[1] ГАФКЭ, Фонд Сената, д. 9/914, л. 208.

всем переменятца погодно, а почему им будучи в Москве поступать, зделать инструкции»[1].

В случае, если затруднялись решить дело по месту его принадлежности, то должны были отсылать нерассмотренный материал по данному судебному делу, «...куда надлежит, места для сего старые приказы, а ежели неуместятца, то на дворце также быть надворному суду...»[2]

Из этой общей системы организации суда, определенной указом 1722 года, при выработке регламента Мануфактур-коллегии, было сделано изъятие: заводчики и фабриканты, со всеми работающими на мануфактурах или имеющими отношение к работе на фабриках и заводах, получили ведомственный суд.

Мануфактур-коллегия настойчиво охраняла от всяких посягательств данные ей петровским регламентом судебные права в отношении «промышленного сословия» фабрикантов, приказчиков и рабочих. Сами фабриканты в случаях, когда имели место попытки урезать эти права, оказывали обычно энергичное давление на Мануфактур-коллегию, заставляя ее не отступать от принципов, изложенных в регламенте.

Когда указом 24 июня 1730 года были учреждены два приказа, — Судный и Сыскной, которые должны были чинить суд и расправу над всем населением страны, то Мануфактур-коллегия доношением в Сенат осмелилась напомнить последнему о своих судебных правах и функциях, данных ей Петром в 1723 году.

В доношении Сенату прямо было отмечено, что новое судебное установление и практика этих судебных органов нарушает пункт 13 регламента о том, что фабриканты и те, кто «с оными» в одном доме живут, должны ведаться судом коллегии, пункт четырнадцатый об охране прав и привилегий фабрикантов губернскими и провинциальными учреждениями, пункт 16 освобождении от пошлин и от сбора десятой деньги.

Доношение в Сенат последовало в результате того нажима, который оказали на Мануфактур-коллегию

---

[1] ГАФКЭ,— Фонд Берг-коллегии, д. № 2, л. 38.
[2] Там же.

«указные» фабриканты: 31 марта 1731 г. «разных мануфактур» и «фабрик содержатели» подали в Мануфактур-контору прошение, «которым объявили, что-де их в разные судные места мимо надлежащего суда таскают и волочат по сыскным и по наказам непрестанно»[1]. Заявление, очевидно, было подано коллективно и от большого числа фабрикантов, так как документ слова «фабриканты» и «содержатели» употребляет во множественном числе и ссылается на одну дату подачи самого челобитья.

Кроме этого, в Сенат последовали доношения со стороны отдельных фабрикантов и заводчиков.

Ликвидация этой важнейшей привилегии бироновским правительством Анны совпадает с общей тенденцией ликвидировать Мануфактур-коллегию, как самостоятельное учреждение, и уравнять в правах купечество и содержателей мануфактур. Отмена судебных привилегий и ликвидация ведомственного суда были нежелательны фабрикантам по целому ряду соображений.

Во-первых, подсудность только Мануфактур-коллегии ставила всех фабрикантов в относительную независимость от всех государственных учреждений помещичьего государства, их волокиты, требований, законных и незаконных поборов, избавляла их от произвола вотчинной власти помещиков над работавшими на мануфактурах крепостными крестьянами, в особенности по вопросу найма рабочей силы, держания беглых и т. д.

При относительной малочисленности самих фабрикантов и спаянности их с составом учреждения, суд коллегии для них был судом «скорым» и «нелицеприятным», по сравнению со всеми остальными судебными органами.

Во-вторых, ликвидация судебных прав коллегии означала правовое уравнение фабрикантов с купечеством, что было связано с несением всевозможных служб, от которых не было освобождено купечество и уплату различных поборов в московскую ратушу и в таможни за продаваемые товары.

На это и указывали фабриканты в своей жалобе-че-

[1] ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 10/914, л. 675.

лобитной в Сенат: «...первое, в выборе с московским купечеством в службу и в платеже ненадлежащих излишних поборов и в протчих в московскую ратушу и в таможню; второе, о поставке постоя в полицмейстерскую канцелярию; третье, в московской Судной приказ по челобитью разных чинов людей, якобы в держании ими на фабриках беглых и держутся многое время (фабриканты — Дм. Б.) под караулом, от чего де им чинится крайне разорение, а фабрикам остановка и помешательство...»[1]

Законность такого протеста Мануфактур-коллегии и челобитья фабрикантов, возражавших против указа, данного Сенатом от имени императрицы, была основана на той юридической «тонкости», что указ 24 июня 1730 года, которым вводились Судной и Сыскной приказы, просто утверждал, «что никоторой коллегии и канцелярии судных дел не ведать» и не называл и м е н н о Мануфактур-коллегию и владельцев фабрик и заводов, которые по другому правительственному акту (регламенту), данному за 7 лет перед этим, пользовались всеми правами независимого сословно-судебного учреждения.

Указом 12 ноября 1731 года Сенат по всем этим доношениям отменил свое же постановление: «указным фабрикантам быть судом и расправою ведомым в Коммерц-коллегии во всем так, как были ведомы в Берг-коллегии и в Мануфактур-конторе»[2].

Быть подсудными только Мануфактур-коллегии считали для себя выгодным не только фабриканты из среды купечества, но и знатные содержатели фабрик и заводов, которые также предпочитали по делам своих предприятий искать «защиты» у того же учреждения. Это обстоятельство подчеркивает важность и значение самой привилегии. В 1771 году в Мануфактур-коллегию подала челобитную фабрикантша княгиня Ирина Михайловна Юсупова (после смерти мужа она владела его суконной фабрикой) с просьбой разобрать одно из ее судебных дел и избавить ее, как владелицу фабрики, от

[1] ГАФКЭ, Фонд Сената, д. 10/914, л. 675.
[2] ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 10/914, л. 683—684.

обид земского суда, куда с жалобой на приказчика ее фабрики обратился истец. Приказчик своим «своеволием», ради интересов графини, разорял ее соседа Русановского, затоплял его луга и сенокосы, разрушал постройки, отводил от его мельницы воду и т. п. На все эти безобразия, творимые приказчиком Юсуповой, Русановский подал жалобу в Иваницкий земский суд, который занялся рассмотрением иска. Защиты от несправедливых решений последнего и просила сиятельная фабрикантша, ссылаясь на то, что она подсудна только Мануфактур-коллегии. Мануфактур-коллегия, разумеется, встала на сторону Юсуповой, «дабы от остановки ее фабрики не было ущербу государству». В земский Иваницкий суд был послан грозный указ о превышении им своих полномочий. В Малороссийскую коллегию, на территории которой происходили все эти события, коллегия послала соответствующие случаю разъяснения. Для Русановского на этом кончилась история его жалоб на фабрикантшу [1].

В некоторых случаях Мануфактур-коллегия отказывала в судебном разбирательстве по тем или иным вопросам, тяжбам, с которыми обращались к ней фабриканты [2]. В 1774 году граф и фабрикант Сиверс подал челобитье на фабриканта ситцевой фабрики Козенса, обвиняя его в том, что он рядом с фабрикой Сиверса завел «самопроизвольно» мучную мельницу и соорудив плотину, «учинил» тем самым остановку машин на фабрике Сиверса, работавших силой воды. Водою же были

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, д. 9377, л. 11 и др.

[2] Вся судебная процедура в Мануфактур-коллегии обычно состояла из следующих элементов:

1) Принятие и рассмотрение самой челобитной от жалобщика.

2) Наведение справок в законодательном материале об установленных наказаниях сообразно инкриминировавшемуся преступлению или провинности. Подборка эта производилась чиновниками Мануфактур-коллегии и вместе со всем судебно-следственным материалом предлагалась вниманию собственно коллегии, т. е. ее присутствию.

3) Следствие и допрос по данному делу, при котором составлялся протокол следствия.

Протоколы допроса обвиняемых дополнялись розысками и справками Мануфактур-коллегии. Это были справки по ревизским

затоплены огороды и земли рабочих. Весь этот «потоп», организованный Козенсом, объяснялся очень просто: Сиверс был владельцем, отданной ему из казенного ведомства бумажной фабрики в Копорском уезде близ Красного села на речке Дубровке, а Рычард Козенс имел в том же Красном селе ситцевую фабрику. Мануфактур-контора, куда была подана челобитная, ссылаясь на указ Сената 1773 года от 5 сентября, которым было велено Мануфактур-коллегии и ее конторе судить фабрикантов только в делах, касающихся до фабрики и их изделий, «а в протчих делах же судить в тех местах, в которых по законам и по материи делать следует», отклонила челобитную Сиверса: постройка мучной мельницы дело не фабричное и его надлежало ведать губернской канцелярии [1].

Упоминавшийся указ Сената 1773 года был попыткой со стороны правительства урезать права фабрикантов в части льгот, связанных с судебной привилегией. К этому времени размах судебной деятельности Мануфактур-коллегии принял необыкновенно большие размеры, а вместе с этим выросли судебные злоупотребления и взятки. Взяточничество и вымогательство чиновников Мануфактур-коллегии по судебным делам, вошли чуть ли не в пословицу [2].

Нередко фабриканты по тем или иным судебным делам, минуя Мануфактур-коллегию, адресовались не-

---

сказкам, вызов и опрос свидетелей, ведомости и иные архивные материалы самой коллегии и т. д.

4) Слушание дела со всеми материалами, в присутствии самой коллегии, иногда с вызовом и опросом обвиняемых и свидетелей. Решение присутствия оформлялось в виде указа, составленного из 2-х частей: 1) описательно-констатирующей и 2) собственно приговора.

5) Исполнение приговора силами и средствами самой Мануфактур-коллегии.

[1] УЦГАЛ, АНХ,—Фонд Мануфактур-конторы, св. 69/136, д. 41, л. 361—362.

[2] Во всей деятельности Мануфактур-коллегии судебные дела занимали чрезвычайно большое место, в особенности с момента ее восстановления в 1742 г. Часть фонда так наз. «Дела судные, распорядительные и челобитные», содержащая судопроизводственные материалы по делам фабрикантов с купечеством, мастерами, помещиками, рабочими, исчисляется во много сот единиц хранения.

посредственно в Сенат или другие высшие правительственные инстанции, обычно это бывало в тех случаях, когда челобитье касалось вопросов, связанных с жалобами на учреждения или лиц, над которыми Мануфактур-коллегия не имела власти. Например, в 1735 году фабриканты саксонцы, владельцы позументных мануфактур, подали челобитную в Сенат на Адмиралтейств-коллегию в том, что последняя отказывается покупать продукцию их предприятий, — позументы и шпажные кисти для армии, предпочитая закупать эти товары у иностранных купцов [1].

Были случаи, когда челобитчики просто обходили учреждения по управлению промышленностью, адресуясь непосредственно в Сенат. Такие факты особо часто наблюдались в то время, когда Мануфактур-коллегия была слита с Коммерц-коллегией.

Судебная привилегия, будучи очень широкой и многогранной, использовалась фабрикантами по самым различным поводам: торговые сделки, вексельные операции, тяжбы с отечественными и иностранными купцами, неустойки казны и частных лиц по поставкам, конфликты с помещиками из-за беглых крепостных и т. д. Особое значение имело для фабрикантов наличие ведомственного суда для «разрешения» конфликтов и столкновений с рабочими мануфактур. В этом отношении судебные и карательные полномочия Мануфактур-коллегии выступали в виде ничем неприкрытого орудия крепостнического угнетения и расправы с рабочими мануфактур XVIII века.

**
*

Мануфактур-коллегия в своих взаимоотношениях с другими учреждениями государства часто была вынуждена отстаивать те права, которые были ей даны регламентом Петра 1723 года. В 1734 году доношением в Коммерц-коллегию Коммерц-контора жаловалась, что некоторые государственные учреждения не желают считаться с 5 статьей регламента Мануфактур-коллегии, по

[1] ГАФКЭ,— Фонд Сената, д. 5/909, лл. 437—438.

которому другие коллегии и канцелярии не должны «вступать» в дела Мануфактур-коллегии и чинить ей «конфузию» и с 13 статьей, по которой все фабричные и фабриканты подлежат суду только Мануфактур-коллегии. Содержатели многих мануфактур жаловались в контору, что им «в губерниях губернаторы, а в городе воеводы чинят не малые турбации». В Ярославской провинции воевода Замыцкий «чинил посягательства и остановку» полотняной мануфактуры Ивана Затрапезного с братьями тем, что требовал «не подлежащего (его) суду с той фабрики мастерового человека», обвиняемого в «безаконном» супружестве. Кроме того, он задержал других «мастеровых людей», которых посадил, обвиняя их «в отбое рекрут» и не желал освободить, несмотря на письменное предписание военной коллегии [1].

Этот же ярославский воевода арестовал содержателя ленточной фабрики Степана Москотильникова, обвиняя его по ложному доносу в приеме на фабрику бежавшего дворового человека и в «потаенном расколе». Воевода учинил Москотильникову «великое разорение»: у кладовых и чуланов посбивал замки, при этом «пропало шелку и тканых лент на триста два рубля шестьдесят копеек»; с его фабрики «от великого страху» бежало 20 человек мастеровых и работных людей, «покрав» приготовленный товар и ленты [2].

Воронежская губернская канцелярия и воронежская ратуша «чинили обиды» компанейщикам местной суконной фабрики Тулеинову, Сахарову и Гордеину по разным челобитчиковым делам: «непрестанно их волочат напрасно» и «накладывают излишние сборы» [3].

Такие случаи были отнюдь не единичными, на периферии в особенности. Местные власти не всегда желали считаться с установлениями регламента Мануфактур-коллегии. Количество случаев нарушения прав и при-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 79/149, д. 51, л. 63.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 79/149, д. 51, л. 63—64.

[3] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-конторы, св. 79/149, д. 51, л. 64.

вилегий фабрикантов особенно увеличивается в период, когда Мануфактур-коллегия была объединена с Коммерц-коллегией. Коллегия по жалобам фабрикантов обычно «чинила» «протестацию» в Сенат и виновных в злоупотреблениях привлекали к ответственности.

**
*

Представляя льготы и привилегии «указным» фабрикантам, Мануфактур-коллегия очень тщательно старалась контролировать выполнение фабрикантами тех обязательств, которые они брали на себя и в целях «принуждения» их к «лучшему произведению и умножению» промышленности, не останавливалась даже перед крайними средствами воздействия.

В 1739 году был произведен осмотр фабрик Коммерц-коллегией. В Петербурге фабрики осматривал вице-президент Мелесино, в Москве советник Иван Алексеев, а в губерниях «определенная от губернских воевод обще с ратушскими члены и знатными купцами ис фабрикантов» комиссия.

В результате осмотра указом 15 марта 1739 года были исключены из числа фабрикантов, «за неразмножение», содержатель алаторской кожевенной мануфактуры Иван Семенов, содержатель кожевенной и замшевой фабрики Герасим Глазов, нижегородской ленточной и суконной мануфактуры Яков Пушилков, петербургской шелковой мануфактуры Федор Солодовников.

У названных фабрикантов были отобраны все привилегии и указы на заведение мануфактур и сами они были переданы в «ратушское ведомство», где им надлежало быть «с протчими купцами во всяких службах». Все фабрики были признаны «недействительными», содержавшимися «под видом» для отбывания от служб, «ибо наличных станов, материалов и зделанных товаров явилось самое малое число...»

У Солодовникова на его петербургской шелковой мануфактуре при осмотре были «показаны одни только инструменты» и по составленной описи за время с 1735 года «ничего в прибавке не оказалось», сырья и изготовленных товаров совершенно не было обнару-

жено. С 1729 года по 1937 год на инструменты, материалы и строительство фабричных построек Солодовников употребил всего около трех тысяч рублей и то, главным образом, на «строение двора». Фабрика «вся обветшала и стоит праздна».

У Симонова на алаторской кожевенной фабрике было в наличии кож сырых и выделанных 38 штук, сала ворванного 150 пудов, корья 300 пудов, золы 11 бочек, «зделанных» красных кож 1 500, пумповых кож 500 штук, козлиных кож в обработке 1 500 штук. У Глазова изготовленных кож 500 штук и, по свидетельству его приказчика, в год делалось не больше 300—400 штук кож.

У Пушникова в Нижнем-Новгороде было «обнаружено» только 9 ленточных станов, «а суконной фабрики и в произведении не было и нет».

О фабрикантах Симонове, Глазове и Пушникове еще в 1736 году советник Алексеев, ездивший для осмотра их фабрик, доносил, что они содержат фабрики в целях отбывания от служб, а Симонов и Глазов «больше тщатца к винокуренным заводам, которых имеют они при тех фабриках довольно». Симонов давал очень скверную по качеству продукцию с своей мануфактуры: в 1731 году криг-комиссариатом не были приняты «за негодностью», изготовленные им замшевые «камзолы и штаны», и возвращены ему назад. Коллегия считала недостаточной мерой воздействия простое исключение из числа фабрикантов, а «сверх» этого на основе инструкции наказала Симонова конфискацией купленного им к фабрике села Кунеева «со всеми принадлежностями». У Солодовникова был «отписан» «фабричный двор». У всех этих фабрикантов были отобраны мастеровые люди для отдачи «другим фабрикантам, которые свои фабрики в действительном содержании имеют» [1].

В это же время и по таким же мотивам из числа фабрикантов были выключены петербургские содержатели канатных мануфактур Григорий Овчинников, Арте-

[1] УЦГАЛ АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 56/124, д. 1, лл. 73—76

мий Эшенбурх, Христофор Тесин, владелец «пудреной и крухмальной» мануфактуры Родион Чиркин, владелец «крупяной и масляной» фабрики Еремей Кизла.

Однако исключение из числа фабрикантов, в данном случае, оказалось не совсем легким делом. Фабриканты опротестовали решение коллегии в Сенат. В том же 1739 году фабрикант Симонов подал прошение, в котором он писал, что «отрешение» его из числа указных фабрикантов неверно и «воспоследовало за содержание в том селе (Кунееве) многих винокуренных заводов и за умаление на фабрике наличных материалов». Ссылаясь на сведения таможни, он доказывал, что сделанные им товары продаются не только на внутреннем рынке, но находятся и «в заморском отпуску довольное число». Симонов просил вернуть ему все привилегии, освободить от «произведения пумповых, подошвенных и мастерских кож» в виду убыточности производства и плохого сбыта, и разрешить завести в том же селе парусную фабрику, с сохранением за ним привилегии по соляному промыслу и винокуренным заводам. Такое же прошение в Сенат подал Федор Солодовников, который плохое состояние петербургской шелковой фабрики объяснил заботами о другой своей шелковой фабрике в Москве.

Указом Сената от 19 августа 1740 года по резолюции Кабинета на доношение коллегии о «выключении» из числа фабрикантов всех названных содержателей, последовало распоряжение: «у тех фабрикантов, у которых хотя за недействительное фабрик их содержание, данные им с прочетом указы отобрать и их в ратушное ведомство отослать, однакож, чтоб им фабрикаком разорения не было, мастеровых их людей и деревень у них не отнимать, а объявить им ныне со обнадеживанием, ежели они пожелают впредь свои фабрики в надлежащем порядке содержать и к распространению оных старание иметь, то могут остатца при прежде данных им указах и от ратушского ведомства имеют быть свободны [1].

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 56—126, лл. 80—81.

По каким-то соображениям Сенат не мог согласиться с решительным мнением коллегии об исключении из числа фабрикантов сразу большого количества владельцев мануфактур и пошел на отмену решения коллегии, приняв компромиссное решение [1].

В вопросе исключения из числа фабрикантов «нерадивых», избывающих «под видом» «от служеб и постоев и протчих градцких служеб токмо под именем мануфактур», особую роль играла главная полицмейстерская канцелярия, а также петербургская и московская полицмейстерские канцелярии, заинтересованные в увеличении числа несущих «градские» службы. Особую активность проявляла московская канцелярия, которая непрестанно тревожила Мануфактур-коллегию требованиями точного учета лжефабрикантов. По настоянию генерал-полицмейстера графа Антона Дивиэра в 1745 году Мануфактур-коллегией было проведено обследование находящихся в Москве фабрик специально с этой целью.

В результате обследования из числа фабрикантов были «выключены за неразмножение»: владельцы шелковых фабрик иноземка Елена Негонцова, Федор Беляев, Андрей Соловецкий, Федот Жичин, Дмитрий Никифоров, Семен Полянский, Григорий Бормин, Алексей Суроженинов и Николай Иванов. Владелец суриковых и белильных мануфактур Иван Мазин, кожевной — Дмитрий Зайцов, «картной» — Иван Кузнецов, труб заливных — Афанасий Шапошников, фабрикант «политярных манатеиных черных полотен и кушачных» Ефим Ливенцов [2].

Борьба с фабрикантами, заводившими фабрики «для лица», велась Мануфактур-коллегией вообще систематически. В 1753 году был исключен из числа фабрикантов, по рапорту чиновника коллегии Баранова, содержатель шелковой мануфактуры Иконников. Исключение Иконникова мотивировалось тем, что фабрику свою он «содержит под видом, чтоб иметь только деревни и

---

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, л. 81.

[2] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 349, д. 4636, лл. 1, 2, 6.

пользоватца от постою и полицейских должностей», к «произведению и распространению рачения никакого шелкового и красильного мастерства не имеет». На фабрике работали только три «не экзаменованных» рабочих бывшей фабрикантши Негонцовой в то время, как им было куплено десять деревень, в которых было семьсот шестьдесят девять душ крестьян мужского пола. Понятно, что основной «доход» этот «фабрикант» получал со своих десяти деревень. Из фабрикантов Иконников был «выключен» с отсылкой в магистратское ведомство [1].

В конце 50-х годов из числа «указных» была «выключена» еще группа фабрикантов. Федор Севастьянов и Константин Алексеев, имевшие мануфактуру «печатания на российском полотне синею краской из масла». Фабрика эта была открыта по указу Мануфактур-конторы 15 сентября 1758 года. Этим же указом фабриканты увольнялись от постоев и им разрешалось купить крестьян с землей и без земель мужского пола 25 душ и женского, что «при них обретаетца». 29 декабря того же года указом Сената «велено оную фабрику почитать за рукоделие и мастерство».

Владелец красочной фабрики Андрей Медовщиков об открытии фабрики получил указ из конторы в том же году 5 октября с увольнением от постоев, «кроме караулов и бегания на пожары» и с разрешением купить 10 душ крестьян мужского пола. В 1759 году 15 февраля указом Мануфактур-коллегии производство на его фабрике было запрещено и конторе приказано отобрать у него привилегию.

Жена владельца шелковой мануфактуры капитана Карла фон Мантейфель после его смерти в 1761 г. была «выключена» из числа фабрикантов.

Владелец суконной и «шерстяных парчищ» барон Штейн получил разрешение на открытие фабрики в мае 1760 года, с освобождением от постоев, а в июне 1761 года отказался от содержания фабрики.

Владелец кожевенной фабрики Иван Кузнецов получил указ из Мануфактур-конторы на открытие ма-

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, д. 13883, л. 5,

нуфактуры в 1758 году в конце ноября, с освобождением от постоев и полицейских служеб и разрешением купить 10 душ крестьян. В 1761 году он подал рапорт в контору, в котором просил уволить от содержания фабрики, так как он «содержал» кожевенную фабрику в вотчине князя Куракина при мызе Гаченой на реке Пудости по контракту, срок которого истек, «а впредь в содержании оной дозволения не дано», а «в других местах земли для той фабрики способной не отыскано». Из фабрикантов Кузнецов был выключен [1].

«Увольнение» от содержания мануфактуры в добровольном порядке, по собственному желанию так же всегда оформлялось только с ведома коллегии. В 1770 году вдова умершего шляпного фабриканта француза Дириара подала челобитную с просьбой уволить ее от содержания фабрики, которая была заведена ее мужем по указу Сената в 1754 году. После смерти мужа в течение четырех лет она сама содержала фабрику, а теперь отказывалась «по причине недостатков... от имеющихся долгов». При челобитной возвращался указ-привилегия с просьбой вернуть его, когда она или ее наследники будут в состоянии возобновить производство. Контора приказала, в силу 16 пункта регламента, «за несостоянием фабрикантши от содержания фабрики уволить» и взыскать подати за 1765—66 годы.

В марте того же года просил «увольнения» содержатель шляпной фабрики Петр Шадрин по причине «весьма тяжелой болезни» и «за старостью». Фабрику он содержал с 1766 года. Указом конторы он также был уволен. В 1775 году просили увольнения от содержания фабрики мыла петербургские фабриканты Иван Меркулов, Щукин и Алексей Десятильников по причинам отсутствия «искусного» мастера, отдаленности фабрики от Петербурга и «другим по купечеству обстоятельствам». Они также были уволены [2].

Немедленно по «выключении» из числа фабрикантов

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 83/162, д. 58, лл. 262—263.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 70, кн. 42, лл. 9, 21, 40, 383, 392.

коллегия и контора посылали уведомление заинтересованным организациям: магистрату, полицмейстерским канцеляриям и др.

Работа и судьба мелких указных фабрикантов всецело зависела по существу от усмотрения коллегии или других правительственных инстанций. Поводом к ликвидации мануфактуры и лишению привилегии могли стать самые разнообразные причины. В 1754 году сенатским определением была запрещена работа на бумажной и картной фабрике петербургского купца Ольхина, как «бесполезной» фабрике. В действительности фабрика была закрыта по прошению владельца красносельской фабрики барона фон Сиверса, потому что на «его Сиверсовой, красносельской фабрике всяких сортов бумага делается лучшим мастерством и в таком количестве, что не только всю петербургскую губернию, но и ближайшие провинции может удовольствовать и для того надобно отвратить видимый им себе от фабрики Ольхина подрыв»[1], т. е. в данном случае речь идет об узаконенном насильственном устранении нежелательного для сановника-фабриканта конкурента с помощью высшего учреждения в государстве, ведавшего вопросами промышленности.

Мануфактур-коллегия за несвоевременную подачу ведомостей о состоянии фабрик штрафовала фабрикантов. Так, в 1767 году был оштрафован содержатель кожевенной фабрики в Архангельском уезде камергер Сергей Васильевич Салтыков, которым не были представлены сведения о состоянии фабрики за 1764 и 1765 годы. Штраф был определен в «семьдесят рублев серебряною монетой» и внесен в Мануфактур-коллегию»[2].

Штрафы фабрикантов за нарушение тех или иных взятых ими на себя обязательств встречаются очень редко в делах коллегии и ее конторы.

Насколько сложно Мануфактур-коллегии было осуществлять свое право к «понуждению» фабрикантов

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд. Мануфактур-конторы св. 70, кн. 42 и Соловьев, т. XXIII, стр. 1128.

[2] ГАФКЭ, — Связка по Мануфактур-коллегии, л. 13/63.

размножать мануфактуры и требовать точного выполнения взятых ими на себя, при получении привилегий, обязательств, может служить следующая история, проливающая, кстати сказать, некоторый свет на характер так называемых промышленных компаний XVIII века.

В 1741 году один из компанейщиков сибирской суконной фабрики Яков Боровский подал в Коммерц-коллегию (в это время мануфактурами ведала особая экспедиция при этой коллегии) челобитную на своих сотоварищей по компании: Андрея Мамонова, Дементия Плетнева и Алексея Крюкова, которые, взяв вместе с ним на себя обязательства поставить производство сукон в Сибири, никакого к фабрике «рачения не имеют» и ему «вспоможения от них не имеетца». Когда он от них потребовал для «распространения фабрики» 5 000 рублей и необходимые для суконного дела инструменты, то они не только не прислали ему просимых денег и инструментов, но за два года не удосужились ответить на его письмо. Челобитчик жаловался, что при таком выполнении обязательств по компанейскому контракту его сочленами, он придет «во всеконечное разорение» и просил допросить остальных компанейщиков, «желают ли оне капиталом спомогать и впредь фабрику производить». По наведенным справкам в делах коллегии выяснилась самая история появления компании: в июне 1731 года компанейщики получили разрешение от Мануфактур-конторы завести суконную фабрику в Сибири при китайской границе, «где пристойнее» и на своем коште. В 1732 году компания расширилась вхождением в нее новых членов, московских купцов, при этом было решено «положить» в дело капитала по 750 рублей, всего 3 750 рублей. Был составлен договор, по которому главой компании сделали Боровского и для заведения фабрики обязали его ехать в Сибирь. После организации фабрики Боровского должны были по очереди сменять другие компанейщики. Тот, кто не пожелал бы выполнять этих условий, терял вложенный им в компанию капитал. Договор предусматривал также дальнейшее вложение новых сумм на «размножение» фабрики «сколько понадобитца» «безудержания и остановки». В начале 1733

года Боровский приехал в Иркутск и затратил первую сумму денег в 3 750 рублей на покупку материалов, инструментов и рабочей силы. Этих средств было недостаточно. Тогда начинается не дающая эффекта переписка с остальными компанейщиками и просьбы к Коммерц-коллегии принудить их внести необходимые 10 000 рублей и доставить инструменты для фабрики.

Дело кажется совершенно ясным: остальные члены компании, вложив относительно небольшие средства в заведение мануфактуры, считали более выгодным заняться торговлей (все они были купцами), используя данные им, как фабрикантам, привилегии.

Им совершенно не было никакого дела до того, какова судьба задуманного ими предприятия. Коммерц-коллегия, собрав все необходимые сведения по данному вопросу, указом в контору приказала представить ей на рассмотрение подлинник контракта и, допросив остальных членов компании, прислать «скаску с обстоятельством для рассмотрения дела в Коммерц-коллегии». Любопытно отметить, что коллегия, при решении этого дела, несмотря на категорическое заявление о необходимости срочного разбора, находилась в известном затруднении в части законодательного оформления претензии Боровского, на основе чего она могла бы привлечь фабрикантов к ответственности [1]. Во всем законодательстве о промышленности, отвечающем данному судебному казусу, оказался только 22 пункт регламента Мануфактур-коллегии, но и этот 22 пункт лишь в известной степени разрешил юридическую обоснованность претензии фабриканта Боровского [2].

Иногда исключение из числа фабрикантов и лишение всех привилегий, связанных с содержанием фабрик и заводов, проводилось Мануфактур-коллегией вслед-

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, д. 9577, лл. 1—11.

[2] В 22 пар. регламента говорится, что: а) в компании «приводить нужно» «всякими легкими манерами», не принуждая сразу вкладывать большие капиталы, б) большие суммы вложенных «капиталов» в случае неудачи могут привести к большим убыткам, «для чего должна коллегия таких фабрикантов, смотря по числу расходов, наставлять с какими капиталами оные производить».

ствие прямого нажима на нее со стороны крупных «компанейщиков»-монополистов.

В 1744 году в Мануфактур-коллегию было подано челобитье майора Петра Лакостова и владельца парусной и бумажной фабрики асессора Афанасия Гончарова с просьбой рассмотреть вопрос «о убавлении вновь заведенных фабрик, в которых нужды не имеетца и остановлении по препорции, дабы прежде заведенные фабрики не подорваны были и не пришли б во всеконечное опровержение...» [1]. Фабриканты в челобитной писали, что полотняная и парусная фабрики «умножены» ими в надежде на то, что в силу регламента коллегии они будут «охранены» и в «упадок допущены не будут» вследствие конкуренции со стороны других владельцев мануфактур. Однако из заведенных ими 588 парусных станов работа производилась в это время только на 248 станах, а остальные 340 станов стояли «праздны» вследствие того, что многим фабрикантам были даны на заведение таких же мануфактур разрешение коллегией. Эти конкуренты, по их мнению, завели фабрики не для «государственной пользы», «но ища только свою малую пользу» и производили «полотна и паруса плохие, употребляли материал негодной и тем кредит настоящим их фабрикам в других государствах повредили, а и сами подержав мало многие побросали, к тому ж и на материалы великую цену наложили, отчего уже оные их фабрики в великое бессилие приходят, а они в великие убытки впали и надежды лишаются...» [2].

То же самое они писали и о конкуренции их бумажной фабрике, на которой производилось ежегодно до 55 000 стоп бумаги, а могло производиться при «тех же инструменты» до 70 000 стоп. Виновниками недостаточной загруженности предприятия и неполной использованности его технических возможностей были многочисленные, по их мнению, владельцы бумагоделательных мануфактур.

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 248, д. 4532, л. 3.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 248, д. 4532, л. 11.

Челобитная была подана 30 июля 1744 года, а 20 августа по решению Сената Мануфактур-коллегия «обще» с главным магистратом рассмотрела вопрос о «находящихся в Российской империи фабриках» под углом зрения исключения «недостойных».

Из общего количества 31 содержателя парусных фабрик было «выключено» 14 владельцев «за неразмножением и за худым мастерством». В их числе: в Московском уезде — Михаил Головкин; в Серпухове — Гаврила Серебряков, Иван Солодовников, Афанасий Шапошников, Василий, Степан и Иван Сериковы, Федор Доронин, Иван Окороков; в Калуге — Степан Золотарев, Иван Рукавишников, Федор и Яков Лукновские, крестьянин Федор Федоров; в Переславле-Рязанском — Панкрат Рюмин, Леонтий Хвасливый; в Коломне — Григорий Шустов; в Суздале — Григорий Бутримов, в Боровске — Андрей Боровский; в Вологде Федору Свешникову было разрешено делать только тонкие полотна с запрещением производить парусное полотно [1].

Кроме этого, по определению коллегии у фабрикантов: Андрея Никонова, Григория Иванова, Григория Кишкина, Петра Нечаева, прапорщика Дохтурова, «ревендушные и каламинковые полотна, делающиеся сверх данных указов, были, что явилось, запечатаны и впредь делать им запрещено» [2].

Из числа 13 бумажных фабрикантов было «выключено» пять: в Москве — Василий Короткий; в Калуге — Михаил и Иван Фалеевы; в Переславле — Панкрат Рюмин; в Серпухове — Афанасий Шапошников; в Симбирском уезде — Еремей и Ефим Масленниковы и крестьянин Данила Титочкин.

Производство группы пятнадцати монополистов полотняных фабрикантов, оказывавших давление на Мануфактур-коллегию и оставленных в числе «рачительных», характеризуется следующими данными:

---

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 248, д. 4532, л. 11.

[2] Там же, л. 12.

Фабрики	Фламск. широк.	Фламск. узк.	Ревендушн.	Каламинки	Парусных
	в аршинах				
Директора Ивана Тамеса	15 000	4 000	100 000	127 600	100 000
Егора и Ивана Овощниковых .	25 450	—	59 300	10 263	—
Василия Чурашева	12 500	—	3 000	81 050	—
Василия Евреинова	—	25 000	27 600	65 000	—
Андрея Никонова	100	—	210	1 000	500
Андрея Семенова	3 000	3 550	—	400	—
Максима Мосолова	—	—	—	—	300 кус.
Григория Кишкина	—	—	—	657	952 кус.
Майора Дохтурова	—	—	—	—	500 „
Григория Нечаева	—	—	—	—	350 „
Василия Евреинова	—	—	590	33 500	1 260 „
Ивана Золотарева	—	—	—	—	1292 „
Михаила Фалеева	—	—	—	—	175 „
Федора Свешникова	„Скатерти да салфетки делаютца“				
Итого арш. .	56 050	32 550	191 900	338 370	105 000
Кусков	—	—	—	—	6 419

Кроме того, у самих просителей ежегодно производилось: у Лакостова ревендушных тканей 728 кусков, фламских 1 201, каламинки суровой 5 350 полукусков, парусных 96 кусков; у Гончарова парусных 4 300 кусков [1].

Все производимые парусные полотна на указанных мануфактурах поставлялись петербургскому порту.

На бумагоделательных фабриках в 1744 году было произведено:

[1] Все эти данные составлены на основе представленных фабрикантами ведомостей. В каждом куске считалось по 50 аршин.

Фабрики	Стопы	Цена стопы бумаги
Ивана Полуярославцева . . .	4 000	№ 1 по 1 р. 40 к.
Василия Евреинова	5 400	по 1 р. 50 к.
Василия Соленикова	3 767	№ 2 по 1 р.
Максима Переславцева . . .	8 000	1 р. 30 к.
Федора Турунтаевского в 1742 году	3 100	№ 3 по 90 к.
Итого . .	24 067 стоп.	

Кроме этого, у майора Лакостова на его фабрике производилось 23 002 стопы, т. е. почти столько, сколько у всех остальных вместе взятых; у Гончарова в 1743 году 27 000 стоп — значительно больше, чем у всех остальных; на государственной красильной бумажной мельнице изготовлялось в год до 13 063 стоп бумаги по ценам значительно более низким, чем на частных фабриках: бумага № 1 по 93 коп. за стопу, № 2 по 84 коп., № 3 по 80 коп., № 4 по 65 коп. за стопу [1].

Принимая решение по вопросу претензий Гончарова и Лакостова, которые обязались поставлять ежегодно 70 000 стоп бумаги, Мануфактур-коллегия должна была составить план годового потребления бумаги в стране и привести его в соответствие с предполагавшимся производством бумаги, размер которого определялся ею в 144 067 стоп. План распределения бумаги, составленный Мануфактур-коллегией, интересен не только с точки зрения «планирования» учреждением выпускаемой продукции, но и с точки зрения объема и специфики бумажного рынка XVIII века. Каналы, по которым шло это распределение бумаги через Мануфактур-коллегию, с нашей точки зрения заслуживают внимания, хотя бы в качестве косвенной иллюстрации к тому, что дали петровские мероприятия в области культурных реформ.

Исходя из ассигнований на канцелярские расходы и из опыта прошлых лет, Мануфактур-коллегия считала достаточным отпустить:

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 248, д. 4532, л. 4—6 об.

1. Для Сената, коллегий, канцелярий и контор центрального управления (кроме Синода и военных ведомств) пятнадцать тысяч сто восемьдесят три стопы.

2. На Синод, военные ведомства, на всю городовую полицию, на управление дворцов, приказные избы и проч. девять тысяч шестьсот восемьдесят три стопы.

3. Такое же количество определялось на все «партикулярные помещичьи домы» и их канцелярии.

4. На церкви для регистрации обрядов и прочего.

5. На кадетскую школу, на «Сухаревскую инженерную, артиллерийскую, морскую и на все купно государевы и монастырские школы також и на чертежи».

6. На технические нужды фабрик и заводов («на дело карт, пестрой бумаги, в которую пудру обертывают... на обертки... что купить каких товаров... под пуговицы, булавки, крючки и тому подобные многие вещи...» также по 9 683 стопы.

7. На киевскую типографию, академию наук с ее типографией и на все аптеки такое же количество.

8. «На учение детей... всего шляхетства как секретарских, подьяческих, поповых, церковнических, солдатских и всех неположенных в подушном окладе и положенных описать обучающихся, к тому и во всей Малороссии и Сибири находящихся под державою Российской империи всех чужестранных народов, в том числе и азиатских детей обоего мужска и женска пола, против известного по переписи числа пяти миллионов, хотя двадцатую долю, итого двести пятьдесят тысяч душ и положа на одного пять дестей в год придет шестьдесят две тысячи пятьсот стоп».

9. На изготовление шпалер и листов для украшения комнат «в рассуждении, что оные листы во многих... домах в крестьянских и служилых избах на украшение употребляютца...» девятнадцать тысяч триста шестьдесят шесть стоп бумаги.

10. «Женскому полу» на различные уборы, «положа на каждую бабу и девку по одному листу», всего двадцать тысяч восемьсот тридцать три стопы.

11. На все полковые канцелярии и «на комиссарские книги и щет» десять тысяч стоп бумаги.

По этому плану примерного «расположения», годовую потребность Мануфактур-коллегия определила количеством в 185 980 стоп.

Таким образом, недостаток, по сравнению с тем, сколько изготовлялось на фабриках в это время, определялся цифрою более чем в сто тысяч стоп. При этом Мануфактур-коллегия прямо указывает, что ей приходится очень жестко лимитировать распределение бумаги и она при составлении этого плана не приняла в расчет целого ряда запросов: «на мужичьи из деревень к господам своим челобитья», «отписки на прокормежные», на изготовление патрон, сукон, сократила до минимума «партикулярное» потребление и многое другое, чего описать отнюдь не могла»[1]. Исключив из числа «указных» фабрикантов «нерадивых» и заведших фабрики «для лица», по остальным вопросам челобитной Лакостова и Гончарова Мануфактур-коллегия дала решительный отпор их монополистическим претензиям:

1. Им было отказано в установлении так называемой «препорции» и наоборот, коллегия считала, что полотняные и бумагоделательные фабрики, «колико возможно умножать должны, дабы российские фабрики могли тем славу и прибыток государственный приносить...» Было приказано отказать в установлении монопольного производства бумаги и «вновь фабрик заводить не запрещать».

2. «Что же касается до смотрения за теми фабриками в делании товаров лутчей добротой, в том Мануфактур-коллегия без их прошения по должности своей имеет крепкое смотрение...»[2]

Потребность на бумагу внутри страны была громадна, как это доказала коллегия, и затруднения в сбыте Лакостов и Гончаров встречали только потому, что на всех бумагоделательных фабриках бумага производилась «в доброте лутче, так напротиву того и ценою дешевле», «и сверх того, свою сделанную бумагу

---

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 248, д. 4532, л. 13—14.

[2] Там же, л. 15.

(просители) продают пред ними (остальными фабрикантами) ценою выше [1], а ежелиб они, просители, на ту свою бумагу цен не повышали, то, следовательно б, той их бумаги по множественному в России расходу никогда у них не оставалось...[2] Пойдя на известные уступки крупным содержателям парусных и бумагоделательных мануфактур, коллегия вместе с тем, как мы видим в целом ряде других принципиальных вопросов, связанных с их монополистическими устремлениями, дала им решительный отпор.

---

[1] Это обстоятельство детально было изучено и доказано чиновниками Мануфактур-коллегии в очень пространном документе.

[2] УЦГАЛ, АНХ,—Фонд Мануфактур-коллегии, св. 248, д. 4532, л. 16.

ГЛАВА V

МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИЯ И РАБОЧИЕ КРЕПОСТНЫХ МАНУФАКТУР XIII ВЕКА

Мануфактур-коллегия, на основе регламента 1723 года, ведала судом и расправой рабочих всех категорий на мануфактурах и фабриках «указных» фабрикантов вне зависимости от их принадлежности к той или иной сословной группе.

Объем прав и полномочий Мануфактур-коллегии в отношении подлежащих ее ведомству рабочих по существу не был точно определен. Все относящееся как к действиям и поступкам отдельного рабочего, так и коллектива рабочих по любым вопросам их производственной работы, юридических прав, условий производства, заработной платы, подсудности, общих норм поведения, устанавливаемых на том или ином предприятии, все это подлежало ведомству Мануфактур-коллегии, как высшему государственному учреждению над всем промышленным «указным» населением империи.

Почти для всего рассматриваемого нами периода истории крепостной «указной» мануфактуры характерны следующие основные разряды крепостных рабочих: рабочие, составлявшие собственность владельца фабрики, купленные им или принадлежавшие ему, оброчные крестьяне, работавшие по найму, приписные к фабрикам и заводам крепостные крестьяне, «вечно-отданные»,

«временно отданные», и, наконец, казенные рабочие, проданные фабрикантам с фабрикой или заводом. Как правило, эта последняя категория рабочих передавалась по ликвидации казенных предприятий на частную фабрику или в связи с какими-либо другими обстоятельствами.

Во второй половине XVIII века среди рабочих, подведомственных Мануфактур-коллегии, категория рабочих, которая ранее представляла собой государственных крестьян, позднее приписанных к казенным заводам и вместе с последними переданных в руки частных фабрикантов, занимала особое большое место среди других рабочих мануфактур.

Передача рабочих с казенных предприятий на частные мануфактуры каждый раз производилась по представлению или распоряжению Мануфактур-коллегии или Сената и обязательно оформлялась именным указом.

На мануфактурах XVIII века очень долгое время и в сравнительно больших размерах применялся труд осужденных по различным преступлениям «колодников», нищих, бродяг и т. п.

Начало использованию на фабриках деклассированного элемента было положено при Петре, оно продолжалось и после него на протяжении ряда десятилетий. При Сенате была даже учреждена специальная «экспедиция о колодниках», которая контролировала Мануфактур-коллегию в отношении использования осужденных для работы на фабриках и заводах. Мануфактур-коллегия систематически подавала в экспедицию о колодниках ведомости о содержащихся у нее и на фабриках «преступниках»[1].

Даже в середине века известная часть владельцев мануфактур предпочитала использовать в качестве рабочей силы «колодников» и Мануфактур-коллегия оказывала им в этом свою помощь.

В 1751 году, при обследовании красочной и суконной фабрики Антона Тавлеева в Торжке, её владелец заявил, что фабрика его в настоящее время бездействует

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 269, д. 6810.

потому, что он «ожидает» «определенных от правительствующего Сената», содержавшихся в Петербурге 22 колодников, с помощью которых он надеется производить работу. Необходимо отметить, что вообще фабрика не испытывала затруднений в найме «свободной» рабочей силы из крепостных оброчных крестьян и находила их даже в летнее время (по условиям производства зимою на фабрике работа не производилась). Дело было просто в том, что этот фабрикант предпочитал ожидать обещанных колодников, труд которых для него, надо полагать, был более выгоден [1].

После издания указов 1762 года, которыми запрещалась покупка фабрикантами крестьян с землей и без земли, использование на фабриках и заводах ссыльных и осужденных временно увеличилось. Однако это было явлением очень непродолжительным. К середине 60-х годов XVIII века в вопросе использования на мануфактурах такого контингента рабочей силы наметился решительный перелом, так как их труд и условия содержания становились очень невыгодными для фабрикантов.

В делах Мануфактур-коллегии встречаются, например, следующие материалы: в октябре 1766 года Мануфактур-контора получила указ из главной полицмейстерской канцелярии, которым, как обычно, сопровождалась партия бродяг, «женок и девок» для определения на фабрики «в силу указов». Мануфактур-контора вынуждена была принять решение об отсылке обратно этой даровой рабочей силы, так как «находящиеся в ведомстве Мануфактур-конторы фабриканты для работы на фабрики свои таких женок впредь брать отреклись и объявили в них ненадобность; к тому же здесь таких фабрик, на которых оных женок можно было довольное количество в рабочих употребить, не находится. И для того от главной полицмейстерской

---

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 128/44, кн. 169.

В материалах обследований чиновниками Мануфактур-коллегии, городовых фабрикантов, очень часто можно встретить факт, аналогичный приведенному.

канцелярии требовать, чтоб оная благоволила отныне впредь больше для употребления на фабрики в работу праздношатающихся, за ненадобностью их в Мануфактур-контору не присылать и распределять их по своему рассмотрению»[1].

Однако несмотря на категорический протест со стороны петербургских фабрикантов, не желавших использовать для работы на фабриках бродяг и осужденных, полицейские власти продолжали настаивать на их применении в мануфактурах.

Даже и после этого протеста фабрикантов «осужденные» и «бродяги» все еще направлялись на фабрики до середины 70-х годов и даже позже. Но использовали их теперь, главным образом, владельцы мелких предприятий тех отраслей промышленности, которые не играли большой роли в промышленности страны. Это были мишурные, волочильные и отчасти шелковые фабрики.

В 1774 году московские фабриканты через Мануфактур-коллегию еще в более резкой форме отказались от использования «праздношатающихся» рабочих. Выражая мнение московских фабрикантов, коллегия не приняла для работы на мануфактурах колодников, присланных московской розыскной экспедицией. Розыскная экспедиция еще до этого пыталась передать осужденных ярославским фабрикантам, но последние решительно «отреклись» от них. Тогда было решено устроить их на московские фабрики и обязать владельцев подпиской, «дабы за отданными жонками был крепкий присмотр и чтоб они побегов не делали и не обращались бы в противных указам поступках и имели бы их при тех работах закованных в кандалы и никуда не выпускали». Мануфактур-коллегия ответила розыскной экспедиции, что на том основании и «московские фабриканты принять оных баб на фабрики свои, чтоб за них во всем предписанном ответствовать и содержа оных скованных, за ними же еще иметь присмотр, а потому, следственно, напрасно только их и кормить, не согласны.

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-конторы, св. 87/166, об. л. 577.

Да и коллегия принудить их к тому не может, для того что и по указу 736 года велено женский пол на фабрики в работу отдавать на урочные годы токмо одних праздношатающихся, дабы они имели от работы на тех фабриках пропитание, а не таковых, которые провинились в каких-либо злодействах»[1].

Став на защиту интересов фабрикантов, которым невыгодно было применение такой рабочей силы, Мануфактур-коллегия прямо указывает на те обстоятельства, которые затрудняли использование колодников.

Столь решительный отказ свидетельствует о том, что на рынке появилось достаточно дешевой рабочей силы, использование которой теперь было выгоднее, нежели применение такого «дарового» труда. В это время на возникавшем рынке крепостного труда появляется в большом количестве оброчный крестьянин.

Крестьяне, отпущенные помещиками на оброк, на заработок в город при найме на фабрику должны были по челобитной фабриканта, к которому они нанимались, быть явлены и «освидетельствованы» в Мануфактур-коллегии[2].

Регистрация по челобитным фабрикантов рабочих, принимаемых на фабрику по паспортам, проводилась

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, д. 9500, л. 11.

[2] В делах Мануфактур-коллегии всегда оставалась копия с паспорта регистрируемого рабочего. Многочисленные копии этих паспортов могут служить весьма ценным источником для изучения состава рабочего класса мануфактур XVIII века, районов выхода оброчных и т. д. Примером такого паспорта может служить след. образец: «Объявительница сего Дмитровского уезда ведомства государственной коллегии экономии села Пятницкого деревни Мирошцово крестьянская дочь девка Татьяна Канова отпущена от Дмитровского экономического казначейства в ведомстве премьер майора и кавалера Строгова для прокормления себя работаю впредь на два года, т. е. до будущего 1777 г. ноября 21 числа. А приметами она: ростом 2 аршина, волосы на голове русые, глаза карие, нос невелик, лицом продолговатая, бела, от роду 13 лет, которая у кого жить пожелает то держать ее... и далее срочного числа нигде ей не жить и никому не держать и по миру ходить не допущать под опасением положенного штрафа. Когда же оная девка в замужество за постороннего вытти пожелает, что отнюдь без ведома казначейства не брать, и велет ей явитца в оном казначействе для взятия отпуску и платежа выходных денег. А по выходе срочного числа явитца ей в вышеописанной деревне Ми-

Мануфактур-коллегией на протяжении почти всего рассматриваемого периода [1].

Контролю Мануфактур-коллегии подлежали все сделки фабрикантов, в том числе и контракты их с свободными по найму на работу некрепостными рабочими. Без регистрации в Мануфактур-коллегии контракты не имели юридической силы. Фабриканты были заинтересованы в регистрации этих актов в Мануфактур-коллегии, так как этим гарантировалась охрана интересов предпринимателей. Любые кабальные условия таких контрактов фактически были обязательными только для нанимающейся стороны.

Примером такого договора по найму вольного человека может служить контракт, составленный при найме суконным фабрикантом Ильей Докучаевым отставного солдата Ивана Снягина:

«1774 г. апреля 12 дня московской главной суконной мануфактуры содержателю Илье Прохорову (Докучаеву) с товарищи дал сей контракт отставной солдат Иван Андреев сын Снягин в том, что быть мне Снягину на оной мануфактуре у смотрения имеющихся всяких материалов и припасов и печатей и для посылок и услуг всяких и содержания караулу при конторе и у ворот и внутри и вне мануфактурного двора. Когда же от них содержателей или от поверенных от них иметь оной караул приказано будет, от вышеописанного числа впредь на один год, и в оную мою бытность быть мне во всякой осторожности: не пьянствовать, и с мастеровыми людьми непотребства сообщества не иметь, и краж не чинить и с воровскими людьми незнатца. А за кем усмотрено мною будет какое непотребство и воровство, тс оных имья мне приводить в контору под караул, и быть оным господам фабрикантом во всяком послушании и приказанное от них дело

ронцово, чего ради во свидетельство за нижеявствующим подписанием и приложением печати сей отпуск дан ноября 30 дня 1775 года. У подлинного пишем тако: пример майору Григорий Строгов, канцелярист Илья Кривицкий, № 248». УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 293, д. 9383, л. 3.

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии св. 294/205, д. 9482—9487, за посл. годы существования коллегии.

исполнять с надлежащим рачением безоговорочно, и содержать себя во всем как честному и доброму человеку надлежит. А ежели в неисполнении по их содержательским приказом или в другом в чем перед ними содержателями являюсь виновен, и за оное им господам фабрикантам по своему рассмотрению меня наказывать, или от порученного мне дела отказать. А ежели что своею оплошностью, оное повинен я заплатить сполна без всяких отговорок...»[1]. Этим кончался длинный список обязательств по контракту нанимающейся стороны, дальше следовало очень краткое изложенное «обязательство» нанимающего: «а за оные мои труды получать мне на каждый месяц по рублю по пятидесять копеек, не требуя сверх вышеписанного ничего»[2].

Права фабрикантов на рабочих ревниво охранялись Мануфактур-коллегией. Когда в 1743 году московская полицмейстерская канцелярия хотела взять с фабрики Ефима Болотина для производства каких-то казенных работ квалифицированного рабочего Пахома Федорова (на фабрике он вырезывал челноки), то Болотин обжаловал это решение в Мануфактур-коллегию, последняя указом потребовала от полицмейстерской конторы отмены такого распоряжения[3].

В том же году Ефим Болотин подал в коллегию челобитную, которой просил вернуть из московской губернской канцелярии отданного им раньше за «провинности» и неоднократно подвергавшегося наказанию рабочего суконника Якова Алексеева. Мануфактур-коллегия, рассмотрев челобитную приказала «по силе вышеписанных, состоявшихся 1736, 1737 и сего 743 годов указов, означенного прядильщика Алексеева отдать на означенную суконную Болотина фабрику попрежнему, понеже на той фабрике обретаетца не простым работником и имеется при оной фабрике с 1735 года и переписной от Коммерц-конторы книге написан, а по объявленным указом велено таковым быть при фабриках вечно, а в службу и никуда их не брать»[4].

[1] УЦГАЛ, АНХ,—Ф. Мануф.-кол., св. 294/205, л. 1—2, д. 9508.
[2] Там же, д. 9508, л. 2.
[3] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, д. 9290.
[4] Там же, д. 9295, л. 7.

Особо считалась Мануфактур-коллегия с крупными фабрикантами. Для их фабрик специально подбирался коллегией необходимый контингент рабочей силы, их фабрики очищали от «нежелательных», «непотребных» рабочих. Так, в 1774 году поверенный шелковой фабрики содержателя Ивана Евреинова доношением в Мануфактур-коллегию просил взять с его фабрики из числа присланных к нему в 1772 году солдатских дочерей «девок Прасковью Иванову и Аксинью Никифорову», которых он не желает «содержать» на фабрике, так как они «всегда в непорядочных делах в пьянстве и в других непотребствах обретаюца».

Просьба Евреинова, конечно, была удовлетворена и «девки» были отданы на шелковую фабрику Якова и Василия Тулиновых [1].

Вмешательство Мануфактур-коллегии в вопросы перераспределения и перевода рабочих с одного предприятия на другое носило иногда еще более решительный характер, не говоря уже о том, что посылка на мануфактуры «осужденных», «бродячих» и передача приписных целиком зависели от ее решения.

В конце 30-х годов рабочие владелицы мануфактуры Марфы Карамышевой — Разборный Матвей, Алексей Иванов, Василий Кочалов и др., всего 19 человек, объявили доношением в Коммерц-контору, что «за неимением» работы у их содержательницы они находятся «праздны» и «претерпевают нужду» и просили определить их на полотняную фабрику Федора Подсевальщикова. Запрошенная фабрикантша показала, что люди эти достались ей при разделе компанейской фабрики Тамеса в 1724 году и сейчас она вследствие разорения от пожара и «...за неимением довольного капитала» не может содержать всех рабочих на своей фабрике [2]. Однако не возражая против их ухода, она из 17 человек просила оставить ей 6 рабочих.

Претензию на получение обученных и квалифициро-

---

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, д. 9513, лл. 1—5.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 167/83, д. 89, л. 29.

ванных рабочих Карамышевой заявили, кроме Федора Подсевальщикова, несколько фабрикантов.

Бывший член компании Тамеса полотняный фабрикант Овошников жаловался, что при разделе компании покойный Карамышев силой завладел причитающимися ему (Овошникову) строениями и инструментами. Его жалоба на Карамышева в Мануфактур-коллегию в то время, якобы, никаких результатов не дала и поэтому он хотел теперь получить какую-либо компенсацию за «нанесенные» ему обиды, хотя бы в виде получения рабочих.

Такие же претензии заявил и фабрикант Евреинов, к которому пожелали пойти сами рабочие в количестве семи человек.

Эта борьба фабрикантов является очень характерной иллюстрацией к вопросу о том, как обстояло дело с квалифицированной рабочей силой на полотняных фабриках в конце 30-х годов XVIII века.

Коммерц-коллегия была в очевидном затруднении при решении этого вопроса. Решение все-таки было принято:

1. Карамышевой рабочих не давать (просимых ею 6 человек) из числа фабрикантов ее выключить «за несостоятельностью», так как та часть фабрики, которая уцелела от пожара, стояла «впусте», «замкнута», и сама фабрикантша не имела никаких данных для того, чтобы находиться в числе «достойных».

2. Мастеровых отдать на фабрику «обиженного» Андрея Овошникова, «ибо и сами они мастеровые люди... требовали, чтобы определить их на тое Овошникову фабрику». Дело было, конечно, не в желании рабочих, так как часть из них просилась к Ф. Подсевальщикову.

3. Челобитная рабочих, желавших быть на фабрике Вас. Евреинова (он заводил новую полотняную фабрику), была отклонена на том основании, что фабрика другого претендента на получение рабочих Овошникова выполняла важные казенные заказы и ему для этого нужны были обученные рабочие. Последний аргумент в пользу удовлетворения челобитной Овошникова заключалася в том, что рабочие были пожалованы Петром

Тамесу еще тогда, когда Овошников состоял с ним в компании [1].

Отдавая приписных рабочих на мануфактуры, коллегия обязывала фабрикантов распределить рабочих по определенным местам и каждому обеспечить работу, «дабы праздны без работы не были» и не использовать их ни на какой другой работе, кроме фабричной. Понятно, что проследить за выполнением этих условий было трудно, но когда Мануфактур-коллегия обнаруживала нарушение «кондиций», то виновные фабриканты обычно лишались права использования ими всех приписных рабочих, или у них отбирались недостаточно использовываемые рабочие. В 1750 году так поступили с фабрикантом шелковой мануфактуры Иконниковым, рабочие которого были розданы на другие шелковые предприятия [2]. На того же Иконникова в 1753 году в Мануфактур-коллегию жаловался ткач грезетового дела Федор Васильев (к Иконникову он попал с ликвидированной фабрики иностранки Елены Негонцовой) в том, что «оной Иконников чинит ему злые притеснения и работы не дает и часто работы не бывает», при требовании заработной платы его и его детей «бьет плетьми смертельно». Федор Васильев просил «об отдаче» его и семьи на другую фабрику. Так как в Мануфактур-коллегии к тому же стоял вопрос «о выключении» Иконникова из числа фабрикантов, то по челобитью ткача Федора Васильева было принято решение: дабы «от неимения на фабрике работы без пропитания» не оказался, его самого и его семью «отдать» на другую фабрику [3].

Вмешательство Мануфактур-коллегии во все вопросы жизни и быта рабочих не имели никаких ограничений вплоть до регламентирования поведения рабочих на улице [4]. В 1743 году в Москве полицией был задержан

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 167/83, д. 89, л. 29—31.

[2] Там же, д. 13883, л. 4—5.

[3] Там же, л. 5.

[4] Вмешательство Мануфактур-коллегии в мелочи фабричной жизни носят иногда прямо анекдотический характер: в 1774 г. подмастерью часового фабриканта Марка Фазия Егору Павлову показалось, что находящийся при нем казенный ученик для исправ-

рабочий большого Суконного двора Константинов. Его обвинили «в шуму» и в хождении в неуказанные часы «со многолюдством». Рабочий на допросе не отказался, что он шумел. Коллегия приказала «при собрании мастеровых и работных людей учинить наказание плетьми, чтоб впредь как ему, так и протчим... таких продерзостей чинить было неповадно и, по учинении того наказания, отдать ево Константинова на тою фабрику в работу попрежнему с роспиской [1]. Подготовка квалифицированной рабочей силы для мануфактур была таким участком деятельности Мануфактур-коллегии, на котором традиции, завещанные петровским регламентом, сохранились до самого момента ликвидации учреждения. О какой-либо системе и планомерности в подготовке этих кадров, разумеется, говорить не приходится. Квалифицированные рабочие подготовлялись от случая к случаю, в зависимости от требований отдельных фабрикантов или заинтересованных учреждений. То же самое следует сказать по поводу выписываемых иностранных мастеров и специалистов для тех или иных отраслей хозяйства. Никакими специальными ассигнованиями на это по государственной росписи Мануфактур-коллегия не располагала. Установить затрачиваемые фактически суммы на расходы подобного рода не представляется никакой возможности в виду отсутствия подобных сведений в документах Мануфактур-коллегии и ее конторы.

Подготовка на мануфактурах квалифицированных рабочих предполагала не только общий контроль, «смотрение» за учениками, но и проведение особых экзаменов членами коллегии для окончивших обучение. Так было, например, с 12-ю учениками владельцев часовой мануфактуры французов Сандо и Баселье. Их

ления часов на Спасской башне болен «французской» болезнью. По этому поводу он подал рапорт в Мануфактур-коллегию. Мануфактур-коллегия немедленно отправила ученика на излечение в московский генеральный госпиталь. По истечении срока лечения госпиталь представил Мануфактур-коллегии счет на оплату медикаментов и лечение. У ученика, как выяснилось, была простуда с «воззжением во рту». Он снова был отправлен чинить часы.

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, д. 9296, л. 6.

ученики в 1771 году после шестилетнего обучения, держали испытание в Мануфактур-конторе [1].

По требованию других государственных учреждений Мануфактур-коллегия готовила иногда на тех или иных фабриках, требующихся этим ведомствам, специалистов. В 1761 году по требованию из военной коллегии, подписанному графом А. И. Шуваловым, были определены сроком на 7 лет на мануфактуру Гольда для обучения слесарному ремеслу школьники военного гарнизонного училища в возрасте от 12 до 15 лет. Фабриканта обязали обучать их и содержать на своем «коште» с уплатой «надлежащей» суммы за их труд [2].

В следующем году ученики подали в Мануфактур-контору жалобу на фабриканта, указывая на то, что он «употребляет» их для домашней работы «и слесарной науки в тонкости не объявляет», «обижает» питанием, платьем и обувью. Мануфактур-контора заинтересовалась этим делом и приказала фабриканту представить образцы работ его учеников. По встречной челобитной Гольде, ученикам «за непорядочные поступки и за самовольную от фабрики отлучку» было учинено «наказание розгами» [3]. Коллегия всегда стремилась следить за выполнением 12-го и 25-го пунктов петровского регламента, которыми предписывалось принимать на фабрики учеников и «работных людей» со уговором достойной платы» и «объявляя в коллегии», а также предусматривался вопрос об обучении российских учеников, условия их содержания на мануфактурах и экзамены им со стороны коллегии.

При незначительном служебном аппарате и большой загруженности другими более важными делами, естественно, эти вопросы занимали меньше времени в ее деятельности. Тем не менее до последних дней своего существования коллегия занималась ими. О найме рабочей силы фабриканты обычно доносили рапортами, избегая, как правило, указаний на условия найма рабочих. В отчетных ведомостях о состоянии фабрик Ма-

[1] УЦГАЛ, АНХ,—Фонд Мануфактур-конторы, св. 67/135, д. 38, лл. 611—612.
[2] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-конторы, д. 24, л. 441.
[3] Там же, д. 24, л. 264—270.

нуфактур-коллегия всегда требовала освещения и этой стороны в деятельности предприятия. Сплошь и рядом фабриканты в этих отчетах избегали представлять сведения, которые от них требовали.

В 1755 году Мануфактур-коллегия, рассматривая поданные от фабрикантов ведомости-отчеты, отметила отсутствие необходимых ей данных по этим вопросам и в своем «определении» приказала всем «фабрикантам послать указы и велеть им в силу оного регламента принимаемых на фабрики их мастеров и работных людях, кроме наемных поденщиков, в Мануфактур-контору, кто, на сколько времени и за какую плату и к какому мастерству на фабрику приняты, с договоров их так же и пашпортов объявлять копии, дабы Мануфактур-контора, имея о тех мастерах и учениках такое известие, могла по силе означенного регламента чинить исполнение» [1].

До самого последнего дня существования Мануфактур-коллегии фабриканты мануфактур спрашивали в каждом отдельном случае у коллегии разрешения на женитьбу рабочих мануфактур и на выход замуж работниц за нефабричных. Указом Сената 1763 года 15 сентября было велено фабрикантам «с своих фабрик мастеровых и работных людей дочерей девок» и оставшихся после умерших рабочих вдов, «буде которые тех фабрик за мастеровых людей и за их детей по добровольному их желанию в замужество итти не похотят, тех за посторонних отпускать и отпускные давать». Этот указ мог применяться только с апробации каждого конкретного случая Мануфактур-коллегией.

Разрешение коллегии требовалось и в тех случаях, когда сами фабриканты были согласны на их уход с фабрики. Челобитные «девок» и «жонок», непосредственно подававшиеся самими заинтересованными, просто не рассматривались коллегией.

В 1774 году шелковые фабриканты Бабушкины пожелали отпустить на волю крепостную «жонку» вдову Анисью Трофимову «по неимению на фабрике жени-

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 79/149, д. 51, л. 434.

хов». По их челобитной Мануфактур-коллегия отпустила Трофимову для подыскания жениха [1]. В год ликвидации коллегии содержатель шелковой фабрики Струговщиков подал также доношение в коллегию, в котором он просил, из купленных им вместе с фабрикой фабричных и крестьянских девок, выдать некоторых за посторонних. Струговщиков пишет, что несмотря на то, что это дело он для себя считает «за удобное, но без позволения государственной Мануфактур-коллегии учинить сего не отваживаеца» [2]. Ссылаясь на указ 1763 года, Мануфактур-коллегия дала свое согласие.

Но в некоторых случаях Мануфактур-коллегия очень решительно отклоняла челобитные фабрикантов.

В 1772 году фабрикант Иван Мыльников просил отпустить «для замужества отданную» Прасковью Иванову. Мануфактур-коллегия, наведя справки, выяснила, что она принадлежала помещику, поэтому в даче разрешения отказала и предложила ждать, когда будет отыскан ее хозяин и пожелает ее вернуть к себе [3].

Как видим, в этом вопросе права фабрикантов на работавших на их мануфактурах приписных и «отданных» были некоторым образом ограничены верховной санкцией и усмотрением Мануфактур-коллегии, как высшего органа по управлению промышленностью и рабочими.

Право фабрикантов на жизнь и судьбу этой категории рабочих было ограничено. Что касается судьбы рабочих, принадлежавших помещикам, то изменение их юридического положения было вне пределов полномочий самой коллегии.

Рабочие иностранцы, работавшие на мануфактурах русских и иностранных фабрикантов, подлежали ведению Мануфактур-коллегии и ее конторы по всем вопросам их работы и жизни в России. Все спорные вопросы, конфликты и их претензии к фабрикантам разбирала коллегия так же, как и дела русских рабочих.

---

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, д. 9514, л. 2.
[2] Там же, св. 332, д. 13773, л. 2.
[3] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, д. 9524, л. 1 и 5.

В 1768 году Мануфактур-контора разбирала челобитные, поданные иностранными рабочими на фабриканта медного передела Генриха Гетта о невыплате им заработной платы. При обследовании фабрики была установлена несостоятельность ее владельца и большие долги казне и частным лицам. Разбор дела контора затянула на целых десять лет, и только в 1778 году, уже после смерти фабриканта, состоялся указ Сената, которым было приказано: «оным мастеровым людям удовольствие учинить, когда ими письменные свидетельства и доказательства представлены будут». В Сенат контора сообщила, что рабочие доказательств «не представили», — это было достаточным основанием для того, чтобы они не получили ни копейки из проданного имущества Генриха Гетта. Вырученные деньги пошли на погашение казенных долгов [1]. Также поступила в 1776 году Мануфактур-контора с мастерами Андреем Генсельманом и Генрихом Фесельманом, подавшими челобитную на невыплату зарплаты зеркальным фабрикантом Вильгельмом Бахманом [2].

Различие в разборе дел иностранных рабочих, по сравнению с русскими рабочими, заключались, пожалуй, в том, что с первыми разговаривали в более выдержанных тонах и не секли за подачу челобитных на владельцев мануфактур.

Так как Мануфактур-коллегия и ее контора ведали суд и расправу над всеми «фабричными», а в том числе и над рабочими, то в ее деятельности большое место занимали вопросы, имеющие отношение к их быту, правовым и социальным условиям жизни, их взаимоотношениям с фабрикантами, волнениям и «бунтам» рабочих на фабриках [3]. Будучи высшей судебной инстанцией по всем этим вопросам, касающимся рабочих, Ма-

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, д. 27, л. 341—346.

[2] Там же, св. 70, кн. 42, л. 557.

[3] В фондах Мануфактур-коллегии и ее конторы мы находим в большом объеме судопроизводственный материал коллегии с разрешениями и приговорами по самым разнообразным вопросам, касающимся «провинностей» рабочих, их «ослушания», «продерзостей». Весь этот материал находится в части фонда Мануфактур-коллегии, известный под названием «Дела судные, распорядительные и чело-

нуфактур-коллегия при помощи своих чиновников и приданных ей солдат, обычно сама приводила в исполнение вынесенные ею приговора.

В приговоре всегда указывалось о совершении телесного наказания «при собрании» всех рабочих фабрики. Даже в случаях ссылки на каторгу решение сопровождала неизбежная формула: «...на страх протчим фабричным отослать для отсылки на поселение»[1].

В отправлении своих судебно-административных функций, как высшая инстанция по разбору всех дел рабочих, Мануфактур-коллегия основывалась на допетровском законодательстве, на общих указаниях регламента Мануфактур-коллегии, на текущем законодательстве или административных распоряжениях по частным вопросам вышестоящих государственных учреждений и, главным образом, на прецедентах в деятельности других судебных учреждений крепостнического государства.

По регламенту 1723 года Мануфактур-коллегия должна была чинить суд и разбирать споры между мастерами, рабочими и учениками на фабриках с владельцами их по всем вопросам, кроме государственных и уголовных дел. Мануфактур-коллегия обязана была также наблюдать, чтобы фабриканты «порядочно содержали мастеровых» и чтоб каждый «свою должность исполнял». Ей и ее конторе подведомственен был разбор жалоб рабочих на фабрикантов. Права и судебно-административные функции Мануфактур-коллегии, данные ей петровским регламентом в отношении рабочих на ману-

---

битные». В число этих дел входят материалы, имеющие отношение и к судебным делам фабрикантов и мастеров. Наиболее полно документы представлены за период с 1737 года по 1803 год, которые содержат в себе несколько тысяч единиц хранения в связках с № 166 по № 375 включительно; несколько сот единиц хранения связаны с судебными решениями по «провинностям» рабочих. В большинстве случаев это материал по челобитным фабрикантов о наказании бежавших с их фабрик рабочих, подмастерьев и учеников, напр.: «Дело по челобитью бумажной фабрики и картной мануфактуры содержателя Василия Короткого и учинении ученику ево Алексею Шибаеву за отлучку с фабрики наказания кошками и об отдаче ево на фабрику попрежнему». УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 293, д. 9378, л. 5

фактурах, на протяжении многих десятилетий не подвергались никаким существенным изменениям, как и сама практика учреждения по этим вопросам. Лишь при Екатерине II было разъяснено, что рабочие ведаются Мануфактур-коллегией только в делах, касающихся «до фабрик» и изготовляемой на них продукции [1]. Разъяснение это по существу не изменяло положения дел: каждый шаг в поведении рабочих можно было истолковать, как имеющий отношение к фабрике.

Объем и степень наказания рабочих, которые могла определить Мануфактур-коллегия, не были ограничены. Размер наказания колебался от внушения, наложения штрафа, до ссылки на поселения и в каторжные работы. Само разбирательство дел по челобитным и «доношениям» фабрикантов на рабочих носило не всегда одинаковый характер. В иных случаях велось следствие, опрашивались рабочие, собирались сведения по делу и вынесение самого решения обставлялось элементами судопроизводства и судоговорения. В других случаях решение принималось в административном порядке и оформлялось указом со ссылкой на законодательство.

Очень часто решение Мануфактур-коллегии о рабочих той или иной фабрики, «нарушивших» интересы фабриканта, кроме вынесения приговора о наказании за данный поступок, сопровождалось представлением прав фабриканту наказывать рабочих за те или иные поступки самому, без специального в каждом отдельном случае приговора Мануфактур-коллегии. Такими наказаниями, определяемыми самими фабрикантами, были денежные штрафы, тяжелые работы и даже телесные наказания. Это право фабрикантов на «домашнее» наказание рабочих было узаконено указом 1736 года, которым одновременно Мануфактур-коллегии (в это время Коммерц-коллегия) давалось право ссылать рабочих на поселение по представлению фабрикантов.

Семевский в своей работе приводит несколько случаев, когда фабриканты использовали это право: в 1739 году владелец суконной фабрики Полуярославцев добился ссылки 15 рабочих в Сибирь «за пьянство и

[1] Полное собр. зак., № 14028.

игру в кости и карты». В 1743 году Мануфактур-коллегия, по просьбе содержателя казанской суконной фабрики Дряблова, приказала 51 человека скробольщиков, прядильщиков и ткачей «от фабрики отрешить» и часть отдать в солдаты, часть — на другие работы [1].

В 1741 году состоянием суконных и каразейных фабрик занималась специальная государственная комиссия. Результатом ее работ были знаменитые «Работные регулы и должности и заработная плата надзирателям и мастеровым и работным людям на суконных и каразейных фабриках», оформленные указом 2 сентября 1741 года [2].

«Работные регулы» появились накануне восстановления Мануфактур-коллегии Елизаветой в 1742 году. Отсутствие специального учреждения, которое бы ведало мануфактурной промышленностью, заставило правительство передать рассмотрение важнейших вопросов промышленной политики специально учрежденной государственной комиссии. Появление этого регламента авторы его объясняли тем, что «...противные и весьма вредительные непорядки, великое своевольство и чрезвычайная продерзость у мастеровых и работных людей в большом числе суконных и каразейных фабрик к немалому разорению вкоренились, того ради крайняя нужда требует помянутым людям, для предупреждения всяких впредь худых следствий, нижеписанные о должности и мерах их регуля, для точнейшего исполнения с постановленной даемой им платы написать и дать...» [3].

Регламентом устанавливаются общий режим и нормы поведения для рабочих всех категорий.

Для всех суконных и каразейных фабрик рабочий день в период с 1 марта по 1 октября устанавливался с 4 часов утра до 9 часов вечера с 2-часовым перерывом на обед между 10 и 12 часами.

В остальные четыре месяца для обеда отводился только один час. Нарушители распорядка на фабриках должны были штрафоваться: «за первый раз сильным выговором, за другой раз вычетом за один час из за-

[1] «Крестьяне в царствование Екатерины II», стр. 478, т. 1.
[2] Полное собр. зак., 8440.
[3] Там же.

служиваемой по пропорции дневной платы, за третий раз против того вдвое, за четвертый раз вычетом из дневной его платы половины и против того последнего через весь год, как часто опаздывать будет...» [1].

Всем рабочим вменялось в обязанность «свои снасти и инструменты от сору всегда в чистоте содержать». Под опасением штрафа запрещалось приступать к работе с грязными руками, заносить на обуви и платье грязь в помещение фабрики. Три раза в обеденный перерыв фабричное помещение должно было убираться. В целях противопожарной охраны рабочие фабрики должны были нести дневные и ночные дежурства без всякой дополнительной заработной платы.

Рабочим запрещалось играть на деньги в азартные игры и появляться на улицах «в непристойном злочинстве пьянства» под опасением «неотмененного за то штрафа».

Отлучка рабочих с фабрики разрешалась регулами только с ведома фабриканта. За самовольный прогул в третий раз вычиталась заработная плата в двойном размере и, кроме того, прогульщик должен был наказываться «батожьем».

Жены и дочери рабочих должны были работать на фабриках или получать фабричную работу на дом, за плату, равную оплате труда мужчин за аналогичную работу. За уклонение от работ жен и дочерей рабочих предлагалось штрафовать. При утверждении регул правительством этот пункт утвержден не был. Разрешалась только добровольная работа женщин членов семьи рабочего.

Рабочие, проявлявшие непослушание, «противность» и грубые ругательства по адресу администрации фабрики, за такие «преступления» должны были в первый раз наказываться плетьми, в другой раз — батожьем «с платежем и вычетом заслуженной платы на 3 месяца», в третий — ссылкой на один год в каторжные работы. За оскорбление действием регулы угрожали битьем кнута и осуждением в каторжную работу «на несколько годов или вечно».

---

[1] Полное собр. зак., 8440

Заботясь о качестве продукции суконных и каразейных фабрик, правительство вводило драконовские меры, которыми оно собиралось повысить качество продукции: за плохо изготовленный товар устанавливался вычет стоимости товара (без возвращения испорченного продукта) и наказания батожьем.

Рабочие имели формальное право не принимать недоброкачественное сырье от мастеров и надзирателей.

На этой почве в 40-х и 50-х годах между рабочими и владельцами суконных предприятий происходили постоянные столкновения, когда рабочие отказывались изготовлять недоброкачественные сукна, идущие на нужды армии. Продажные чиновники Мануфактур-коллегии, подкупаемые фабрикантами, в большинстве случаев разрешали такие споры в пользу владельцев мануфактур.

Регулы устанавливали систему выплаты заработной платы рабочим: зарплата должна была выдаваться еженедельно в сумме 75%, остальные 25% выдавались в конце каждого месяца [1].

«Регулы» 1741 года устанавливают единые нормы для всех рабочих фабрики. Общий характер их таков, как будто бы законодатель исходит из одинакового юридического положения рабочих всех категорий на фабрике, или из того, что на суконных и каразейных фабриках работали рабочие только одного разряда. Между тем, как на тех и других фабриках за указанный период времени мы находим и вольнонаемных и купленных крестьян-рабочих и приписных и присланных из полицмейстерской канцелярии, осужденных за различные преступления.

Регламент 1741 года о суконных фабриках в той его части, которая запрещала принуждать жен и дочерей рабочих к работе на фабриках, не выполнялся Мануфактур-коллегией.

Например, в январе 1749 года по прошению фабриканта Болотина, Мануфактур-коллегия разрешила употреблять на работу дочерей, жен и вдов рабочих, «праздно живущих на фабрике». Рабочие Болотина бы-

[1] Полное собр. зак., № 8440.

ли осведомлены о регламенте 1741 года и заявили доношением в Сенат о незаконности действий Мануфактур-коллегии. Представитель рабочих Быков, посланный в Сенат с жалобой на фабриканта, был наказан плетьми и отослан снова на фабрику к Болотину. Сопротивление рабочих однако не было сломлено. Они написали вторую челобитную на имя императрицы. В ответ на это владельцы фабрики заковали главаря рабочих Быкова в цепи и посадили его «в пустую холодную палату» и морили голодом. В отношении остальных рабочих был установлен зверский режим и ежедневные истязания 20—50 рабочих.

Все это привело к массовому бегству рабочих с фабрики, и к лету 1749 года из общего количества в тысячу человек осталось всего 120.

Собственно, борьба рабочих на этой суконной фабрике началась задолго до 1749 года, еще в 1742 году, когда было подано прошение рабочих о том, что компанейщики Прокофий Докучаев и Василий Суровщиков незаконно удерживают у них заработанные деньги с 1737 года и о других «учиненных им разных обидах и утеснениях» и об «употреблении фабрикантами худой шерсти» [1].

Рабочие свое требование о доплате им денег Докучаевым и Суровщиковым мотивировали тем, что последние незаконно снизили расценки, установленные Мануфактур-коллегией в 1722 году, когда фабрика еще принадлежала Владимиру Щеголину.

Компанейщики снижение расценок объяснили тем, что казенное ведомство потребовало от них изготовления сукон по новым образцам и это привело их к новым дополнительным расходам, связанным с освоением производства и большими затратами на новые лучшие сорта. Поэтому, если «заработанные деньги платить им по их работничным прихотям, то им ту фабрику содержать никак невозможно» [2].

На 15 января 1742 года рабочие считали недоданных денег со стороны компанейщиков 29 539 рублей 92 коп.

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 331. д. 13553, л. 31.

[2] Там же, д. 32.

Как и следовало ожидать, Мануфактур-коллегия в удовлетворении требований рабочих отказала, мотивируя это тем, что «оная фабрика», будучи заведенной еще Петром, «от многих лет казенным коштом и ныне состоящая из суконных между первыми, которая для армии е. и. в. весьма потребна, в конечное несостояние не пришла, вышеозначенным мастеровым и работным людям по прошениям их... денег додавать не надлежит» [1].

Все остальные жалобы рабочих были отклонены, как ложные и недействительные. «Нещадное» битье плетьми, которое рекомендовал Сенат в отношении зачинщиков челобитной, было отменено на основе указа императрицы 1744 года. Мануфактур-коллегия указала рабочим, чтоб они «высочайшую милость чувствовали и впредь таких продерзостей и своевольства отнюдь не чинили», приказав быть им на той фабрике, «неоговариваясь ничем» [2].

Как мы уже видели, из этой попытки, заставить молчать рабочих, ничего не вышло и их неудовлетворенные претензии вылились в новые требования и борьбу в 1749 году.

В 1749 году Ефим Болотин заявил в Мануфактур-коллегию, что рабочие в числе более 800 человек «неизвестно с каким умыслом оставили суконное дело и работать не хотят». Опрошенные оставшиеся рабочие при допросе в коллегии показали, что они не знают о причинах недовольства и сами они «денги все получают по указу сполна без удержания».

У станков в это время из 1 000 человек работало только около 120 рабочих. В виду исключительности обстоятельств, Мануфактур-коллегия всем присутствием отправилась на фабрику для урегулирования конфликта. Рабочие заявили членам коллегии, «что они об обидах от фабрикантов и беспрестанных жестоких наказаниях подали прошение императрице, и пока указа не последует, до тех пор на работу не пойдут».

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 371, д. 13553, л. 32.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 331, д. 13553, л. 31—34.

Переговоры мирным путем не дали никакого эффекта. Тогда было приказано высечь кнутом пять человек главарей, но и это мало помогло делу, к работе приступило только 20 человек, остальные продолжали отказываться от работы, а 586 человек просто сбежали. Сенат приказал каждого десятого бить кнутом и, заковав в кандалы, сослать в Сибирь. Остальные были наказаны плетьми и силой принуждены к работе [1].

Осведомленность рабочих о «суконном» регламенте 1741 года и их попытки защищать на основе его свои права можно проиллюстрировать еще целым рядом фактов.

За 22 ноября 1742 года в журнале Мануфактур-коллегии записано:

«Впущены были пред собрание суконной фабрики директора Степана Болотина с товарищи работники Иван Семенов и Петр Иванов и просили наглО без всякого учтивства, что де заставливают те фабриканы, как их, так и протчих работных людей, в полатах где они работают сор мести и вон выносить» [2].

Рабочие заявили совершенно законную претензию, на точном основании закона, изданного за год перед этим. Однако Мануфактур-коллегия «за такие их наглые и неучтивые поступки, и чтоб они впредь безделными своими просбами коллегию не утруждали», приказала «учинить наказание: бить плетьми». Наказание было приведено в исполнение [3]. Как видно, нежелательное для фабрикантов законодательство быстро теряло свою силу, а «виновных» смельчаков, доносивших заинтересованному ведомству о нарушении этого законодательства, наказывали плетьми.

На той же фабрике в начале следующего 1743 года произошел другой инцидент на почве того же регламента. Фабриканты на собрание Мануфактур-коллегии принесли словесную жалобу на своих рабочих прядильщиков: Козьму Волкова, Максима Иванова и Семена Соловьева в том, что они «по показанным образцам (14—

[1] Полное собр. зак., 9643.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 292, д. 9283, л. 31.

[3] Там же.

15 фунтов) не прядут и чинятся ослушны, а требуют шерсти для пряжи по фанакровым образцам на основу по 17 и 18 фунтов». Рабочие присутствовали при разборе дела и «во оном их ослушании было освидетельствовано и в чем явились виновны». Мануфактур-коллегия приказала им работать по требованиям фабрикантов, а за «ослущание» всем было положено наказание: «бить плетьми, которое наказание им и учинено» [1].

Фабрика Болотина вообще славилась среди других мануфактур свирепостью расправ с рабочими. Буквально дня не проходило без какого-либо инцидента на фабрике, и Мануфактур-коллегия занималась ею изо дня в день на протяжении многих лет. Били у Болотина настолько беспощадно, что наказываемые «нестерпя тех побоев», объявляли за собою очень часто ложное «слово и дело» и за это «слово» приговаривались к еще более тяжелому наказанию. Так было, например, в 1744 году с рабочим Лебедевым [2].

Все это способствовало на данной мануфактуре росту среди рабочих раскольнических учений и массовому бегству с фабрики. Раскольничество среди рабочих фабрики Болотина приняло такие размеры, что этим вопросом заинтересовалась и занялась Раскольнических дел контора при Сенате. Особой промеморией в 1744 году контора потребовала от Мануфактур-коллегии принятия срочных мер к поимке бежавших во главе со Степаном и Никитой Михайловыми раскольников [3].

Волнения среди рабочих мануфактур были распространены не только на городских предприятиях. Известно несколько волнений также среди крестьян, купленных предпринимателями к фабрикам в деревнях.

В 1752 году отказались работать на фабрике крестьяне села Сорокалетово в Белевском уезде, купленные к полотняной фабрике тульским купцом Лугуниным. Крестьяне собрались в церкви, призвали приходского священника и, отслужив молебен, присягнули

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 292, д. 9283, л. 31.
[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, д. 9321, л. 2.
[3] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, д. 9326, л. 1—2.

не подчиняться фабриканту Лугунину и друг друга не выдавать. Однако сопротивления присланному отряду организовано с их стороны не было. При его появлении крестьяне просто разбежались [1]. Конфликты рабочих с фабрикантами, оканчивающиеся для рабочих расправой, мы встречаем и до этого времени. Так, например, в 1744 году владелица стеклянной фабрики в Волоколамском уезде дочь асессора Ивана Макеева Авдотья подала челобитную в Мануфактур-коллегию, в которой она жаловалась на рабочих мастеров своей фабрики Кирилла Никитина, Василия Шунекова, Лариона и Еремея Артемьевых и других в том, что они после смерти ее отца в работе на фабрике «хотя и обращаются», но товара делают в половину меньше, чем за прошлые годы, «отчего пошлинные деньги тратятца, а мне приходит убыток». Посланному на фабрику доверенному лицу фабрикантши мастера не желали подчиняться. Кроме того, она обвиняла их в краже 4-х ящиков стекла и просила коллегию «учинить означенным мастерам за... их ослушание и за кражу» «рачительное наказание кнутом или плетьми». Для расправы Авдотья Макеева просила прислать солдат.

По рассмотрении челобитной в присутствии Мануфактур-коллегии было приказано волоколамской воеводской канцелярии отправить на фабрику «подьячего и при нем пристойное число солдат», для учинения наказания плетьми. 19 июня был послан указ, а 19 августа 1744 года волоколамская воеводская канцелярия рапортовала об исполнении наказания [2].

Роль Мануфактур-коллегии, как учреждения, призванного охранять права фабрикантов в случаях конфликтов между ними и рабочими, особенно хорошо можно проследить на примере волнения рабочих на мануфактурах фабриканта Афанасия Гончарова в 1752 году.

Афанасий Гончаров являлся крупным фабрикантом — владел двумя мануфактурами: бумагоделатель-

---

[1] Соловьев, т. 23, стр. 688—689.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 294, д. 9582, л. 1—17.

ной и полотняной в Малоярославском уезде [1]. В 1744 году на его полотняной мануфактуре было 588 станов, а со своей бумагоделательной фабрики он давал обязательство поставлять ежегодно до 70 000 стоп бумаги [2]. На мануфактурах Гончарова по преимуществу работали приписные рабочие, но были покупные и вольнонаемные. На его фабриках было заграничное оборудование и иностранные мастера.

В 1752 году он подал прошение в Мануфактур-коллегию с просьбой принять меры по отношению к его «работным людям» и унять «возмущение» «непослушных» «к фабричным работам и к платежу подушных денег». Обращаясь в Мануфактур-коллегию за таким содействием, Гончаров, как и все фабриканты, не преминул указать на то, какая «государственная» и «народная немалая польза происходит» [3] от его мануфактур. Кроме того, очевидно, для большей убедительности в необходимости срочных мер, он указывал о выполнении им важного государственного заказа Кабинета на изготовление 400 стоп александрийской бумаги [4]. Гончаров в своем прошении жаловался на то, что рабочие Соловьев и Моисеев «с сообщниками своими Бекетовым и Хряпкиным с товарищи» «чинятся противны и непослушны» приказчикам фабрики, при «принуждении» их к фабричным работам и «возмущают» многих фабричных работных людей против платежа подушных денег, которые вычетались у них фабрикантом из заработной платы. Размах сопротивления рабочих приказчикам принял такую форму, что последние боялись собственными средствами расправляться с рабочими, а Гончаров, живший в Москве, получив доне-

[1] Кроме этого, Гончаров имел крупные поместья и мануфактуры с большим числом крепостных в Серпейском, Брянском и Мещовском уездах. Среди фабрикантов XVIII века это был один из богатейших людей, состояние которого определялось многими сотнями тысяч или даже миллионов рублей. УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Сената, д. 1562, т. I, л. 452.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 248, д. 4532, л. 11—16.

[3] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 293, д. 9446, л. 1—4.

[4] Там же, л. 1—4.

сение о происходящих событиях на фабрике, просто трусил выехать в Малоярославский уезд.

Один из задержанных рабочих, Коровин, посланный в числе других в Москву для подачи челобитной в Мануфактур-коллегию на Гончарова, в своих показаниях так рассказал о событиях на фабрике: на первой неделе великого поста в 1752 году в понедельник на фабрике был организован «сбор» всех рабочих в одной из «светлиц». На этом собрании рабочие Иван Моисеев, Федор Бентов, Евдоким Мосеев, Степан Дурак, Мина Андреянов, Ерофей Прохалев, Анисифор Хряпкин, Иван Соловьев и другие говорили о том, что всем рабочим фабрики Гончарова «не надлежит» платить подушных денег своему фабриканту, так как по указу, о нынешней ревизии подушные деньги за них, фабричных, велено платить оному Гончарову из собственной своей суммы, а с них бы, фабричных, не требовать» [1].

На собрании рабочих единогласно было решено отправить делегацию в боровскую воеводскую канцелярию для взятия копии с указа о подушном сборе.

Выделенная делегация в составе рабочих Ивана Соловьева, Анисифора Хряпкина и Ивана Мосеева принесла копию и снова на общем собрании всех рабочих в количестве 1 040 человек обсуждался вопрос о «неплатеже» подушных денег Гончарову. Было принято решение написать челобитную в Мануфактур-коллегию с тем, чтоб «исходатайствовать» от нее указ о неплатеже подушных сборов. Рабочие составили новую делегацию в Мануфактур-коллегию, на расходы которой собрали с каждого по 10 копеек. К челобитной каждый из рабочих «руку приложил» [2]. В делегацию вошло 16 человек, один из которых был задержан агентом Гончарова по поимке беглых в Москве.

Гончаров ускорил разбор конфликта подачей встречной челобитной в Кабинет, из которого в Мануфактур-коллегию последовал указ, предписывавший наказать и «смирить» немедленно зачинщиков ослушания на фабрике [3].

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануф.-кол., св. 293, д. 9446, л. 71.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 21.

3 марта 1752 года последовал указ Мануфактур-коллегии о наказании виновников происшествий на мануфактуре с предписанием ярославской воеводской канцелярии учинить наказание кнутом Ивану Соловьеву, Захару Белоусову, Степану Чернышеву, Федору Бекетову и Анисифору Хряпкину, а Ивана Мосеева, Тихона Куликова и Якова Ветошкина бить плетьми [1].

Мануфактур-коллегия даже не расследовала степень виновности каждого из этих рабочих, а определила им наказание в той мере, как об этом просил сам фабрикант. В случае оказания рабочими сопротивления при экзекуции, было дано распоряжение вызвать ближайшую военную команду для расправы. Как и всегда в таких случаях, для объявления решения коллегии собранию рабочих и для общего наблюдения был послан чиновник коллегии канцелярист Евреинов в сопровождении солдат [2]. Евреинов в своем рапорте доносил о том, что рабочих ему удалось созвать для зачтения указа «с великим принуждением». По объявлении указа рабочие «с превеликим криком» сказали, что они не желают быть в «послушании» у Гончарова и подушных денег платить не будут, так как у них имеется копия указа, которым велено этих денег не брать. На требования Евреинова дать ему эту копию они ответили отказом. Отказались также подписаться в том, что они слышали указ коллегии, но уже спустя некоторое время 64 человека рабочих, оставив работу, заявили о своем несогласии с остальными товарищами и пожелали подписаться под

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 293, л. 9226, л. 10—11.

[2] О роли и поведении чиновника Мануфактур-коллегии рассказывает один из рабочих фабрики Гончарова в частном письме своему товарищу: «Подтьячей с Москвы ис Коморд-коллегии Алексей Алексеев, по прозванию Евреин, и он читал указ на фабрике и сказал работным людям: «Вы ево купленные кресьяне Гончарова». И мы работные люди хотели показать указ свой ис Боровской канцелярии, и он сказал, потьячей Евреин «ето указ нада положить на зпину вашу и росбить на спине кнутом или плетьми». От бумажной фабрики приезжал тот же Евреин. В указе напечатано, бутто бумажники остановили кабинецкую бумагу, а мы никогда не останавливали, у нас завсегда готова и выставлена». УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 293, д. 9446, л. 19.

прослушанным текстом указа [1]. Отсутствие устойчивой солидарности — один из характернейших штрихов рабочих волнений этого периода.

Рабочие оказали сопротивление и не дали наказать своих товарищей, посланным для этой цели из Малоярославской воеводской канцелярии нарочным с «заплечных дел мастером», заявив, что «ежели-де сечь, то всех, ибо-де одни те невиновны [2].

В начале марта 1752 года от имени всех рабочих фабрики Гончарова в Мануфактур-коллегию было подано прошение с жалобой рабочих на неправильное взимание фабрикантом подушных рекрутских денег, наложение различных штрафов и вычетов [3].

Кроме незаконности самого сбора подушных денег, рабочие жаловались еще и на то, что Гончаров вместо «семигривенного окладу» собирал с них по одному рублю, присваивая себе 30 копеек с каждого человека [4]. Жульнические проделки позволял себе Гончаров и с рекрутским набором, собрав незаконно с своих рабочих за два набора 4 216 рублей. Наконец, рабочие жаловались на незаконную систему штрафов за невыполненные

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Там же, лл. 14—15.

[2] Там же, л. 96.

[3] Общая часть прошения любопытна ссылкой рабочих на петровский регламент Мануфактур-коллегии (регламент ошибочно датирован 1724 годом). Прошение ссылается на 10 пункт регламента о «смотрении» за фабриками и заводами со стороны Мануфактур-коллегии; на 12 пункт о найме рабочих фабрикантами «со уговором достойной платы — объявляя в Коллегии», на 24 пункт, по которому «всякие мануфактуры и фабрики состоят не токмо от заводчиков и положенного в оных капитала, но паче от доброго порядку и общего труда и мастеровых людей, учеников, и обретающихся во оных служителей, порядочно содержали б, а особливо русских учеников определено содержать смотря по заслугам, с награждением». Сами рабочие не могли разобраться во всех этих законодательных обоснованиях прошения, и действительно оно подписано бывшим учеником славяногреколатынской академии. УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 293, д. 9446, лл. 12—13.

[4] Все 1024 человека рабочих на фабрике Гончарова были приписными, отданными ему в силу указа 1736 года. За них он также, как и за покупных крестьян, вносил подушные семигривенный сбор в казну, вычитая его из заработной платы рабочих. В силу указа 7 января 1736 г. рабочие и их дети должны были быть при фабриках «вечно».

нормы производственной выработки, заведомо завышенные фабрикантом и на штрафы, взимаемые «за рашибенные ветром и за перетресканные от мороза стекла» [1].

Проведав о челобитной рабочих, Гончаров написал в коллегию встречную челобитную, в которой он жаловался, что с его мануфактуры, после неудачной попытки со стороны Малоярославской воеводской канцелярии «наказать» рабочих, бежало 50 человек во главе с Афанасием Головиным, Иваном Наседкиным и Михаилом Чалым. В отношении остальных рабочих фабрики за «злословие» и «противности» он просил учинить наказание, «а пущих к тому возмущению зачинщиков, за пьянство и за неоднократные от меня побеги, учиня наказание ж, послать на каторгу. А для обращения, объявленного возмущения и к принуждению их к платежу за себя подушных денег и прочих государственных поборов, определить знатную команду, на коште возмутителей и их сообщников» [2].

Челобитье Гончарова было немедленно рассмотрено Мануфактур-коллегией.

Решение гласило:

1. От Сената требовать указа, «чтоб для означенного Гончарова фабричных людей возмущения и непослушания прекращения и приведения тех людей к нему, Гончарову, и прикащикам ево в повеленное послушание к платежу подушных денег и прочих государственных поборов, повелено было с определения из состоящих поблизости к показанным фабрикам команды с офицерами, коликое число ему... потребно будет, в Военную контору подтвердить указом».

В обычных случаях Мануфактур-коллегия обходилась собственными средствами — в виде приданных ей солдат, или же с помощью местных полицейских сил. В данном случае, как видим, положение было признано очень серьезным и по этому считали за лучшее прибегнуть к воинским силам.

2. Ярославецкий воеводской канцелярии было дано

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 293, д. 9446, л. 13.

[2] Там же, л. 29.

предложение учинить наказание кнутом и послать в ссылку в Рогервик всех тех, кого укажет Гончаров, «а прочим учинить наказания по ево ж, Гончарова, желанию кнутом или плетью (кроме тех, кои под посланным указом во исполнении подписались» [1].

3. «Ложносоставное» челобитье рабочих с жалобами на фабриканта Гончарова велено было оставить без последствий.

16 апреля 1752 года Мануфактур-коллегия уполномочила особой инструкцией секретаря коллегии С. Неронова на организацию расправы и усмирение рабочих мануфактуры Гончарова с помощью военной команды в составе «одной роты з достойною из обер-офицеров персоною и с пристойным числом унтер-офицеров» [2].

Инструкцией на имя Сергея Неронова, как на представителя Мануфактур-коллегии, возлагалась вся ответственность за проведение репрессивных мер, определенных решением коллегии, а кроме того, ему давались большие полномочия:

1. С помощью военной команды на месте он должен был произвести арест группы «пущих заводчиков» и изолировать их путем отсылки под караулом в Москву для учинения наказания [3].

2. Неронов должен был еще раз «объявить» рабочим указ «с подписью» о решении, принятом коллегией, по которому они «в фабричной работе и в платеже подушных денег и в протчих государственных поборах и во всяких поведениях были послушны так, как крепостные прочих помещиков люди и крестьяне и никаких противностей и непослушений также и от фабрик собою, ни под каким видом, без позволения над ними определенных смотрителей, отлучек отнюдь под жестоким наказанием... чинить не дерзали, для того,

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 293, д. 9446, лл. 54—55.

[2] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануф.-колл. св. 293, д. 9446, л. 99.

[3] В эту группу входило несколько десятков вожаков волнения, указанных Гончаровым и его прикащиком. Список их был персонально уточнен особым определением коллегии. Кроме того, по указанию Гончарова, Неронов мог произвести дополнительные аресты рабочих. УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии св. 293 д. 9440, лл. 44—45.

что по силе указов велено при тех фабриках им и детям их быть вечно»[1].

3. В том случае, если рабочие пожелали бы подписать сообщенный им указ и не оказали бы никаких «противностей». Неронов был уполномочен сообщить «прощение» (хотя они и подлежали «наижесточайшему наказанию», как об этом говорит инструкция) и, «ни чиня им никаких наказаний и озлоблений», возвратиться в Москву.

Если бы рабочие отказались подписываться под объявленным указом, Неронов, «при вспоможении» военной команды, должен был расправиться с рабочими путем наказания кнутом, плетьми, ссылкой в Рогервик и в Москву и после этого припрозить всем остальным «наивящим» истязанием и ссылкой в каторжные работы.

4. Неронов предупреждался инструкцией, чтобы при усмирении рабочих не было «драк и кровопролития и других незаконных случаев». «Буде же паче чаяния усмотрено... что оные мастеровые в драку при объявлении им оного указа с посланной командой намерены будут конечно противиться, в таком случае с ними в драку не входить, но объявя им, что впредь с ними поступлено будет, яко злодеями, военною рукою, отойти пристойным образом без драки»[2] и рапортовать о дальнейшем в коллегию и в Военную контору.

Приведенная инструкция дает основание для утверждения, что Мануфактур-коллегия была очень искушена и опытна в вопросах подавления рабочих волнений. Этот опыт дал возможность выработать особые методы и приемы подавлений рабочих волнений, особую тактику, с учетом того, что речь шла именно о рабочих, а не о крестьянских волнениях. Инструкция, как мы видим, усиленно подчеркивает мысль о равенстве правового положения крепостных рабочих и крепостных крестьян в помещичьем государстве, подчеркивает вопрос об одинаковых правах помещика и фабриканта на рабочую силу крепостного хозяйства. Но это обстоятельство

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 293, д. 9440, лл. 99—100.

[2] Там же.

является для нас доказательством того, что для руководителей управления промышленностью в государстве было уже совершенно ясно фактическое различие между крепостными крестьянами и рабочими на мануфактуре и крестьянами в помещичьем хозяйстве, вытекавшее из особых условий организации производственного процесса и т. п. Мануфактур-коллегия боится рабочей организованности и рабочей солидарности, могущих вылиться на мануфактуре Гончарова в организованный вооруженный отпор военной команде, и поэтому рекомендует своему уполномоченному осторожность и даже компромиссы с рабочими.

Опасения Мануфактур-коллегии подтвердились: рабочие оказали вооруженное сопротивление присланной военной команде. Организация рабочих для оказания сопротивления началась еще до прибытия команды. Приказчик Гончарова Семен Санин сообщил Неронову, что рабочие 15 апреля, сорганизовавшись, взломали в хлебных магазинах и амбарах замки, забрали хлеб, имевшиеся деньги и «немалое число огненного ружья». К моменту прибытия команды рабочие были вне фабрики, организовав на территории своих жилищ отряд в 800 человек, вооруженный копьями, кольями и «каменьями». Когда команда солдат в 40 человек попыталась расположиться в рабочем поселке — в квартирах рабочих, то они угрожали, что «побьют их до смерти», и команда вынуждена была уйти и расположиться в крестьянской слободе. Рабочие отказались итти на фабрику выслушать указ и потребовали, чтобы он был прочитан там, где «они находятца в собрании». Неронов побоялся итти к вооруженным рабочим с той небольшой командой, которая была в его распоряжении. Рабочие покинули свои дома и по сведениям, которые получил Неронов, «з пожитками и з детьми, бежали якобы в Москву».

В действительности рабочие продолжали готовиться к отпору. На следующий день они заняли территорию неподалеку от фабрики, организовали круглосуточное несение караула «с своим оружием и с необыкновенными ножами, с копьями и протчим»; «выходя в поле, учились как отступать и приступать» по военному, многие из них ходили в гренадерских шапках. Но не все вос-

ставшие рабочие были готовы к активным действиям: через несколько дней к Неронову пришли 50 человек и заявили о своем желании подписаться под прочитанным указом. В течение нескольких дней Неронов выжидал.

Ко 2 мая он получил дополнительное небольшое подкрепление. Решено было послать к рабочим 10 человек гренадер с вахмистром и предложить им, оставив оружие, притти на площадь, где стоит команда, чтобы выслушать указ. Рабочие вахмистра прогнали. Тогда, чтобы прочитать указ, решено было пойти с ним к рабочим. Указ читали на значительном расстоянии, так, чтобы только «слышать было можно», не решаясь подойти близко к собравшимся рабочим. Приказ был встречен бурным негодованием, и рабочие категорически отказались под ним подписаться. Чтение кончилось большим возбуждением и вооруженным наступлением рабочих на отряд. Рабочие наступали двумя отрядами, один в 300 и другой в 500 человек, стреляя из ружей и бросая камнями в солдат. При этом «одному драгуну до крови голову прошибли, а другому руку зашибли», вырвали у нескольких солдат оружие, забросали камнями выставленную к фабрике охрану. Команда солдат отступила, как это требовала инструкция коллегии. Рабочие с криком ворвались в дом Гончарова, угрожая посадить на копье ярославецкого воеводу, офицеров и Гончарова. В доме они «отбили» 5 маленьких пушек, несколько ружей и унесли их с собой.

Команда бездействовала не только потому, что она имела на этот счет инструкцию, но и потому, что воевода и офицеры просто струсили, очутившись лицом к лицу с вооруженными рабочими и были «в великом замешании». Тревога среди них усилилась особенно тогда, когда были получены сведения о готовящемся выступлении рабочих на соседней фабрике Щепочкина, желавших поддержать своих товарищей.

Воевода Хвощинский и Неронов в своем доношении в коллегию указывали на серьезность создавшегося положения и требовали присылки военных подкреплений для подавления волнений.

Любопытны доводы в пользу «приумножения команды»:

1. «Оные люди (рабочие мануфактур. — Дм. Б.) против крестьян со многим преимуществом к дракам весьма склонны».

2. «Они и военной экзерциции во оное свое самовольствие обучались, почему кроме того, чтоб с ними поступить яко с неприятелями, обойтитца невозможно»[1].

5-го мая Мануфактур-коллегия, получив донесение Хвощинского и Неронова, вынесла решение об увеличении воинской команды до 300 солдат[2].

11 мая 1752 года Сенат вынес определение о посылке еще более сильных военных подкреплений на мануфактуру Гончарова.

Мануфактур-коллегия должна была «по своему рассмотрению» выбрать «достойного» штаб-офицера и с командой солдат от 500 до 700 человек с «надлежащим» числом офицеров отправить для подавления волнений. Команду должен был сопровождать один из членов коллегии «рангом ниже или моложе», чем посылаемый штаб-офицер. Так же, как и Мануфактур-коллегия, Сенат рекомендовал постепенность и осторожность в средствах подавления восстания. Прежде всего предписывалось «всякими способами увещевать» и в случае удачи «вступить вследствие и крайне старатца изыскать пущих к той противности заводчиков». В случае неудачи «для страху» всей командой «выпалить из ружей по них заряженными пыжами». И, наконец, полагали, если и эта мера не даст должного эффекта, поступить с восставшими как с «злодеями», усмирив волнение «военною рукою»[3]. Через несколько дней Военная коллегия рапортовала в Сенат о посылке ею на мануфактуру Гончарова к прежде посланной команде солдат в 100 человек из Рижского драгунского полка, еще 500 солдат Киевского драгунского полка под командованием подполковника Макшеева[4]. Весь материал о ходе подавле-

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-коллегии, св. 293, д. 9446, лл. 101—110...

[2] Там же, лл. 117.

[3] Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в., Изд. Акад. Наук СССР, Ин-т Истории, Москва—Ленинград, 1937 г., стр. 40—42.

[4] Там же, стр. 44.

ния волнений и следствия должен был поступить в Мануфактур-коллегию. Туда же должны были направляться арестованные и подследственные рабочие для выяснения чрез них причин волнений.

Рабочие Гончарова, убежденные в справедливости и законности своих требований, наивно полагали, что их конфликт с фабрикантом разрешится мирным путем при посредстве властей.

В начале июня они подали «объявление» начальнику военной команды бригадиру Ф. Хомякову с подробным изложением «жестоких притеснений» и жалобами на побои со стороны владельца мануфактуры [1]. Пятого июня представители рабочих Каретников и Машков от имени всех рабочих фабрики подали челобитную в Сенат, в которой они обвиняли Гончарова в подкупе членов Мануфактур-коллегии, в истязаниях рабочих и их семейств и в стрельбе по ним [2].

Обвиняя Мануфактур-коллегию и ее членов в продажности и мздоимстве, рабочие писали, что от «той Мануфактур-коллегии производства никакова не чинитца, на что он, Гончаров, имея неотменную надежду, похвалы произносил, якобы нас всех от вашего и. в. покупкою достал...», что Мануфактур-коллегия незаконно задержала 4-х человек, подавших прошение от всех рабочих, и учинила им истязание кнутом, что все беды, свалившиеся на их голову, происходят «через денежное одолжение Мануфактур-коллегии» [3] Гончаровым. Рабочие того времени, конечно, не могли подняться в своем сознании до понимания того, что Мануфактур-коллегия, будучи одной из составных частей государственного аппарата насилия господствовавшего класса, вне зависимости от факта подкупа ее чиновников, должна была стоять на страже интересов господствующих классов и в случае необходимости, охранять эти интересы всеми имеющимися в его распоряжении средствами.

Аппелируя в порядке, установленном законом, на несправедливость действий Мануфактур-коллегии в Се-

[1] Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в. Изд. Акад. Наук СССР, м-л, 1937, стр. 51.
[2] Там же, стр. 53.
[3] Там же, стр. 53—55.

нат, рабочие одновременно ведут подготовку к вооруженному отпору присланной Мануфактур-коллегией военной команде. Эта двойственность в сознании и средствах борьбы рабочего класса XVIII века — явление чрезвычайно интересное для оценки тех различий, которые намечаются между крестьянскими и рабочими волнениями.

Рабочие «по неведомо какому уведомлению», как доносили в Сенат усмирители, узнали, что на мануфактуры Гончарова идет новое подкрепление из солдат Киевского драгунского полка, и «собравшись сот до 4-х, со всем оружием вышли по тракту против той команды встречю к деревне Устью, которая на реке Медынке, чтобы оную не допустить к заводу и там учинить с нею драку» [1].

Выход рабочих навстречу военной команде означал по существу развертывание активных действий с их стороны. Это передвижение вооруженных сил рабочих было вызвано необходимостью помешать солдатам расположиться на квартирах в деревне по другую сторону реки Медынки.

Осторожность и медлительность, с которой подготавливалось подавление волнений рабочих, нервировали Гончарова, и он особым доношением в Сенат жаловался на начальника команды Хомякова, обвиняя его в «поноровке» рабочим, «сочинении» ложного обвинения на фабриканта на основании «объявлений» и «отговора» допрашиваемых рабочих и главное в том, что он не приступал к их усмирению [2].

Сенат немедленно предложил Хомякову действовать более решительно [3], а позднее он даже вынес секретное решение о предании бригадира Хомякова военному суду, в случае, если он будет «еще так слабо» поступать с восставшими рабочими.

События в районе волнения развертывались таким образом, что на стороне восставших были совершенно очевидные симпатии населения, выражавшиеся в откры-

---

[1] Там же, стр. 57.
[2] Там же, стр. 58—59.
[3] Там же, стр. 60.

той помощи восставшим рабочим. К месту расположения их приезжали из Малого Ярославца «маркитентеры и всякого чина люди» для продажи хлеба, калачей, рыбы и всякого «харча». Им продавалось оружие, «пищали, порох, свинец», кремни, бердыши, копья, рогатины и «прочие смертельные снаряды». Помощь приняла такой размах, что малоярославецкая воеводская канцелярия издала распоряжение о запрещении окрестным жителям продавать восставшим рабочим оружие и продовольствие, оповестив об этом все население [1].

Решительная расправа с рабочими фабрики Гончарова задерживалась ввиду необходимости подавить вначале движение в других местах района с тем, чтобы объединенными воинскими силами сломить мгновенно сопротивление рабочих превосходством сил и вооружения.

К 22-му июня к военной атаке было подготовлено 1 637 человек солдат Киевского, Нарвского и Рижского полков, которые прибыли из Калуги. Район фабрики был окружен со всех сторон конными и пешими солдатами по всем правилам «военной диспозиции». После неудачных переговоров о сдаче и разоружении, по восставшим был открыт артиллерийский огонь.

Первыми же выстрелами было убито 4 человека и ранено 6 человек. Хомяков доносил: «И оные возмутители и противники, как увидя свою гибель и битые от пушечной стрельбы мертвые тела, бросая свое оружие вышли, и по рукам разобраны, и взято их, противников и возмутителей 375 человек, а остальные, которые похоронились по своим домам и в слободах и огородах, посланными командами сыскиваются» [2]. Рабочие были обезоружены, у них отобрали пять заряженных пушек (которые они не сумели или испугались пустить в действие), три барабана, копья, рогатины и 500 штук ножей.

После подавления восстания тотчас же началось следствие, а затем и расправа с рабочими. Окончательный разгром, поимка бежавших и организация след-

[1] Там же, стр. 73—74.
[2] Там же, стр. 76.

ствия над рабочими была поручена генерал-майору Опочинину, который заменил бригадира Хомякова [1].

Вначале следствию подлежало свыше 182 арестованных и содержащихся под караулом рабочих, затем число их увеличилось до 480, не считая 366 бежавших рабочих [2].

Следствием было установлено, что выписка из указа, полученная рабочими из малоярославецкой воеводской канцелярии, на которую они все время ссылались, обвиняя Гончарова в незаконном сборе подушных денег, была составлена подъячим этой канцелярии Ефимом Скрыповым. Скрыпов «такое возмущение учинил для одного своего лакомства» [3].

Следственная комиссия все время была связана с Мануфактур-коллегией ввиду необходимости для комиссии уточнить правовое положение отдельных групп рабочих, историю прикрепления их к фабрике и по вопросу определения наказания каждому из привлеченных к ответственности рабочих. Опочинин регулярно доносил в Сенат о ходе следствия, а оттуда все время торопили «с скорейшим окончанием» разбора всего дела и немедленном восстановлении работы фабрики.

Рапортом Сенату Опочинин доносил, что им отдано распоряжение следственной комиссии при допросах применять плеть, кошки, а для некоторых подсудимых, судя «по важности дела», применять пытку: «накрепко пытать, выпрашивая у них истинно правды, от кого они, фабричники, подлинно огненное и другое оружие... брали и от ково именно они порох, пули и дробь или на оное свинец получали, и кто их воинской экзерциции обучал и тому всему наставлял...» [4].

Следствие тянулось очень долго, и Гончаров настойчиво добивался его окончания, наказания рабочих и возвращения их на фабрику. 31 августа Опочинин доносил в Сенат, что 27 и 28 августа учинено наказание 87 рабочим кнутом по 20—30 ударов, 154 человекам плетьми и кошками, 37 человекам наказание отложено

[1] Там же, стр. 81.
[2] Там же, стр. 86 и 88.
[3] Там же, стр. 87.
[4] Там же, стр. 91.

ввиду болезни и 25 человек зачинщиков и «заводчиков» еще содержатся под следствием [1].

Наказанные рабочие должны были приступить к работе.

Следствие над руководителями восстания вели две комиссии: первая под начальством подполковника Макшеева и вторая под начальством Опочинина. Та и другая комиссии вынесли жестокие приговоры в отношении зачинщиков восстания.

Комиссия подполковника Макшеева определила: «первого «завотчика» и «возмутителя» Ивана Мосеева и его ближних помощников, Ивана Меньшого, Соловьева, Захара Кувяткина и Ивана Сухана, всех «казнить смертью — повесить за ребра»; подьячего Ефима Скрыпова за «написание и отдачю» рабочим «фальшивой выписки» о неплатеже подушных денег Гончарову «казнить смертью — колесовать и тело его положить на колесо»; рабочие Семен Сытин, Василий Синюга, Трофим Трус, Иван Литейщиков, Кирилл Луковцов, Дмитрий Толмас, Иван Сегин, Иван Тихомиров, Василий Лапырев, Нефед Сапожников, Федор Бекетов, Петр Афанасьев, Егор Андреянов, по мнению этой комиссии, должны были быть казнены путем отсечения головы. Остальным определялись другие меры наказания и ссылка в Рогервик [2]. Решение комиссии Опочинина несколько отличалось в отношении некоторых рабочих [3].

Приговор поступил на окончательное утверждение Сената, который и вынес свое решение 1 июня 1753 года.

По определению Сената шесть человек руководителей восстания — Иван Мосеев, Иван Меньшой Соловьев, Захар Кувятин, Иван Сухан, Семен Сытин и Василий Синюга — были приговорены к «жесточайшему кнутом наказанию», после чего они закованными в кандалы должны были без «выпуска» содержаться в «тяжких» заводских работах на железных заводах Гончарова в Брянском уезде.

Замену им смертной казни наказанием кнутом Сенат

---

[1] Там же, стр. 94.
[2] Там же, стр. 129, 130.
[3] Там же, стр. 132, 133.

мотивировал так: «...дабы те фабричники с подушного оклада и других указных поборов не выбыли, и платежа с них податей с пуста быть не могло»... и тем, чтоб остальные рабочие Гончарова, «видя оное все, ...впредь от таковых ко отбывательству намерений и противностей наилутче воздержатца могли...» [1]. Подъячий Малоярославецкой воеводской канцелярии Скрыпов за написание «фальшивой выписки», был приговорен к «жестокому» наказанию кнутом и вырезыванию ноздрей». На лбу и щеках его были выжжены буквы «вор» и после этого, закованного в кандалах, сослали на вечную работу в Рогервик. Кузнец Ермолай Ефремов, ковавший оружие восставшим, и мельник Емельян Кудрин, дававший восставшим два ружья и полфунта пороху, были наказаны кнутом и также сосланы на вечную работу в Рогервик.

Семен Трус, Иван Литейщиков, Кирилл Луковцев, Дмитрий Толмас и другие, всего 11 человек, были присуждены к наказанию кнутом и плетьми [2] и возвращению к работе на мануфактуру Гончарова. Вопрос о виновности и наказании Анисифора Хряпкина, Ивана Большого Соловьева и Мины Андриянова, которых генерал Опочинин считал виновными в организации восстания, должна была доследовать и вынести свое решение Мануфактур-коллегия. То же самое решение принято и в отношении других рабочих [3]. Мануфактур-коллегия прекратила следствие и вынесла свое решение об остальных рабочих, содержащихся под ее арестом, только в феврале 1752 года [4]. Все рабочие, бывшие под следствием коллегии, были отосланы на мануфактуру Гончарова [5].

---

[1] Там же, стр. 135, 136.

[2] В выборе наказания кнутом или плетьми руководствовались в XVIII веке одним «принципом»: негодных в службу били кнутом, а годных к службе — плетьми независимо от степени виновности.

[3] «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в»., М.—Л., 1937 г., стр. 137.

[4] Упоминание о сообщенных событиях на фабрике Гончарова имеется у С. М. Соловьева, см. т. XXIII, стр. 687.

[5] «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в»., стр. 145—146.

В некоторых случаях, при разборе «тяжб» между фабрикантами и рабочими, Мануфактур-коллегия вынуждена была выносить решения в пользу последних. Как правило, такого сорта «объективные» решения коллегии совпадают с моментами особо острой классовой борьбы в стране. Во время пугачевского движения в 1773 году в Мануфактур-коллегию подали челобитную рабочие бумажной фабрики Евреинова, в которой они жаловались на «не отдачу заработных денег» и на самовольное удержание с них приказчиком Евреиновым по две копейки с рубля. Для расследования фактов, изложенных в челобитной рабочих, на фабрику был послан член Мануфактур-коллегии надворный советник Приклонский. Ознакомившись на месте с обстоятельствами дела, он должен был подтвердить справедливость требований рабочих [1].

Вопреки обычной практики дело это слушалось без волокиты: 12 декабря того же года его разбирало присутствие Мануфактур-коллегии. На допросе приказчик показал, что вычет двух копеек с рубля им производился не самовольно, а по приказанию его господ, «для того, что оные господа ево меняли медные на серебряные деньги, давали сами по две копейки на рубль» [2]. В иные времена столь откровенный и «убедительный» характер доводов в пользу беззастенчивых крепостников-эксплоататоров, возмещавших убытки, понесенные в результате разницы в курсе серебряных и медных денег, за счет заработной платы рабочих, был бы принят, очевидно, Мануфактур-коллегией для вынесения решения в пользу фабрикантов. В 1773 году положение было иное.

Мануфактур-коллегия, рассмотрев дело, приказала: «Тех фабричных удовольствовать и впредь платить им деньги в надлежащие времена без удержания и не чиня им посылки в Москву напрасные волокиты» [3]. Присвоенные деньги по две копейки с рубля было прика-

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 292, д. 9363.

[2] Там же.

[3] УЦГАЛ, АНХ,—Фонд Мануфактур-коллегии, св. 292, д. 9363, лл. 4—7.

зано возвратить. При разборе дела Мануфактур-коллегия установила, что приказчик вычеты делал по собственной инициативе «без воли госпоцкой» [1], и поэтому коллегия рекомендовала Евреинову оштрафовать его за самовольные действия.

Кроме изложенных требований, рабочие протестовали также против отдачи одного из своих товарищей по фабрике (Степана Колесова) в рекруты. Мануфактур-коллегия представила это дело на усмотрение самого Евреинова, кого он «хочет», того и отдаст из своих фабричных в рекруты. Рабочих предупредили, что если они впредь осмелятся приносить жалобы на своего фабриканта или приказчика, то будут «несомненно наказаны» [2].

Гибкость аппарата Мануфактур-коллегии, как высшего государственного учреждения, имевшего непосредственное отношение к рабочей политике, проводившейся самодержавием в годы пугачевского движения (и в ближайшее время после этого движения), можно иллюстрировать большим фактическим материалом.

Приведем еще один характерный эпизод из ее деятельности в 1776—1777 годах. В конце 1776 года в Мануфактур-контору подал челобитную «генерал-аудитора лейтенанта и красносельской бумажной фабрики содержателя Петра Кириллова сына Хлебникова поверенный служитель его Кирилл Дементьев сын Гальцов» [3].

В своей челобитной Гальцов уведомлял Мануфактур-контору о том, что в октябре, «незнаемо с каким намерением и своевольно», с фабрики, «оставя работу, бежали» черпальщик Михаил Ладыгин, плотник и выметчик Василий, «да из караульных при фабрике Федор Чубаров. «Через то при фабрике в мастерстве сделали остановку и замешательство протчим». Такими «протчими», на которых повлияло бегство, как явствует из донесения рабочих, были Дарья Чубарова (дочь бежавшего Федора), Прасковья Косенкова, Пелагея Косен-

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-коллегии, св. 292, д. 9363, л. 6.
[2] Там же, л. 7.
[3] УЦГАЛ, — Фонд Мануфактур-конторы, св. 70, кн. 42, л. 617.

кова и выметчик Матвей Шилов. «Замешательство» этих рабочих выражалось по существу в организации ими на фабрике забастовки. Все они отказались итти на работу и «из послушания совсем вышли» [1]. На всем донесении управляющего лежит отпечаток беспокойства и тревоги за события, которые могут произойти на фабрике. Он просит Мануфактур-контору розыскать бежавших и «когда сысканы будут, то допросить с каким намерением и куда бежали и по чьему научению. За своевольную их отлучку от работы, а прочих за упрямство и за прогул... через нарочно посланного, в страх другим, при фабрике учинить телесное наказание» [2].

Как оказалось, рабочие «бежали» в Петербург и принесли в Мануфактур-контору жалобу на содержателя фабрики. Жалоба эта была не подписана, ее не приняли, а рабочих арестовали, причем было приказано, допросить их, «в чем им причинены от содержателя той фабрики Хлебникова обиды» [3]. Одновременно решено было предложить фабриканту взять до окончания разбора дела арестованных рабочих опять на фабрику. На допросе «мастеровые люди» показали, «что будучи они все на вышеписанной фабрике за неполучение от содержателя оной Петра Хлебникова, противу прежде получаемого ими в бытность той фабрики в казенном содержании денежного и хлебного жалованья [4], вознамерились по своему желанию, а не по чьему от других научению, от общества всех находящихся на оной фабрике мастеровых людей подать в Мануфактур-контору о вышеписанном прошении» [5]. Как видно из этого отрывка показаний ра-

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-конторы, св. 70, кн. 42, л. 617.

[2] Там же, д. 618.

[3] Там же, л. 621.

[4] Явление чрезвычайно характерное, на него указывает целый ряд других документов: обеспеченность рабочих, заработная плата были на казенных предприятиях, как правило, выше и последняя более систематически выплачивалась. То же нужно сказать и об общем режиме: на казенных предприятиях он был мягче. Эксплоатация рабочих на частных предприятиях носила более тяжелый характер.

[5] Там же.

бочих, Мануфактур-контору всего больше интересует вопрос о том, нет ли какого «научения» рабочих извне, не действует ли здесь чье-либо организующее влияние. Классовая бдительность и настороженность учреждения резко бросается в глаза: политические уроки и выводы из участия рабочих в движении Пугачева многому научили, как видно, Мануфактур-коллегию и ее контору. Рабочие рассказали в своих показаниях, что с целью подачи жалобы они предварительно отпрашивались «об увольнении их» у приказчика фабрики Франца Бретея, тот их не отпустил, тогда они «и отлучились с той фабрики самовольно» [1].

До окончания разбора дела рабочие были отданы под расписку на фабрику. Мануфактур-контора обязала их подпиской, что они будут на фабрике при работе по-прежнему, не чиня ни малейшего упорства и «непослушания под опасением, в противном случае, им за это телесного наказания» [2].

При дальнейших допросах рабочие, более детально обосновывая свои претензии и жалобы, указали, что они не получают положенного им раньше, при казенном содержании фабрики, от фабриканта «на каждые пять человек в месяц по десять фунтов хлебного жалованья, также не получают и денежного жалованья». Причитающееся и «недоданное им и их детям» жалование. они просили Мануфактур-контору приказать фабриканту выдать им полностью, «так и впредь производить безобидно». «Детей же их женску полу к работе против желания их не принуждать, да и желающим из них производить безобидную плату». Кроме того, они просили освободить их от работы с полудня в субботу и полностью в воскресные и в праздничные дни [3].

Когда дело приняло такой оборот, то в разбор его вмешался владелец фабрики генерал Хлебников. В своей челобитной, поданной в Мануфактур-контору, он просил наказать виновных рабочих, указывая на их послу-

[1] УЦГАЛ, АНХ, — Фонд Мануфактур-конторы, св. 70, кн. 42, л. 623.

[2] Там же, л. 627.

[3] Там же, лл. 633—634.

шание и неподчинение решениям конторы, состоявшее в том, что рабочие Ладыгин и Мытков, отпросившись с фабрики, к работе не возвращались и «тем вторично из послушания моего выходят и в производствах фабрики делают остановку и убыток» [1]. Хлебников подал особое объяснение в Мануфактур-контору по поводу претензии рабочих:

«На 1-ое, коликое число в месяц провианта выдавать военно-служащим морским и сухопутным солдатам и прочим званиям велено, на то для всего государства есть законы и регламенты государя императора Петра Великого, которыми велено в выдачу производить по полуосмине, т. е. по два четверика на человека в месяц, а не более. Почему инаково им требовать не можно» [2].

Денежное жалование рабочим выдается также, как и «казенное и графское содержание», некоторым рабочим даже с прибавкой, а некоторым с убавкой «за нерадение и неуспех в мастерстве и работах». Генерал указывал при этом, что в таком вопросе он, как фабрикант, «волен». Из сообщений его по этому пункту претензий рабочих можно понять, что снижение зарплаты происходит вследствие необходимости иметь резерв квалифицированных рабочих. Этот резерв необходим для того, чтобы работа «в самую большую вешнюю воду не стояла» [3]. Хлебников утверждал, что сумма натуральной и денежной зарплаты на семью в год на его фабрике колеблется от 40 до 80 рублей, в зависимости от количества работников в семье, «чего ни один рядовой военно служащий в армии и гвардии не получает» [4]. По поводу «женщин и девок», работниц-трепальщиц (их было до 160 человек, а при казенном содержании 110 человек) и сортировщиц тряпья для бумаги, Хлебников заявил, что применение их труда происходит на всех мануфактурах, законами это не возбраняется, к тому же и работа у него самая легкая для женщин. Из этого сообщения мы узнаем, что среди этих «женщин и де-

[1] Там же, л. 637, Хлебников подал свою челобитную 3 ноября.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, л. 639.

вок» много девочек-детей в возрасте от 8—9 лет, которые ему «обходятся коштом для каждой их таковых более 10 рублей на год» [1]. Фабрикант обижался, что эти ребята «по упрямству и своевольству своему леностно работают» и не вырабатывают необходимой нормы.

Что касается субботных дней и освобождения рабочих в эти дни от работы с полдня, то он заявил, что раньше этого не было и при покупке им фабрики рабочие таких претензий не предъявляли. Выполнение их требования для него есть «убыток и разорение» [2].

Последний пункт «объяснений» Хлебникова касался непрерывной работы рабочих-рольщиков: «ролщики, как при казенном, графском и при моем содержании в праздничные и воскресные дни от работы никогда освобождены не были, да и освобождены быть не могут, да и споров в том от них никогда не происходило и быть не можем потому, что роли ходят, смотря по достатку и недостатку за плотиною в пруде воды, беспрерывно, во все сутки с переменою только людей и запасают черпалем заблаговременно полуматерию и материю, чтоб в рабочие их дни в черпке бумаги из чанов ни малейшей остановки быть не могло, как при таковых водяных машинных работах везде и во все сутки беспрерывно с переменою людей работы происходят».

В подтверждение справедливости своих требований Хлебников ссылается на существующую в России практику, например, на «железных домнах» и других заводах рабочие работают даже в рождество и пасху и на этих заводах никогда «для своевольства заводских и фабричных людей» не прерывают круглосуточной работы [3].

Эти последние замечания Хлебникова и его борьба за непрерывность производства — очень важное и характерное свидетельство того, насколько в сознании фабрикантов XVIII века к этому времени сложилось уже, вследствие существующей практики, убеждение в выгодности и необходимости беспрерывного круглогодового и даже круглосуточного производственного по-

[1] Там же, л. 639.
[2] Там же.
[3] УЦГАЛ,—Фонд Мануфактур-конторы, св. 70, кн. 42, л. 640.

тока. Покушение со стороны рабочих на эту практику Хлебников считает покушением на его законные права.

Непрерывность производства не была спецификой бумажного производства: генерал-фабрикант все время ссылается на практику других мануфактур. Это дает основание для утверждения о большой распространенности к этому времени беспрерывной круглогодовой и круглосуточной работы на мануфактурах XVIII века.

Очевидно, все эти объяснения фабриканта не удовлетворили в должной мере Мануфактур-контору и она собирала сведения по интересующему ее вопросу из других источников, в частности были взяты известия от вдовы бывшего владельца фабрики графини Сиверс о том, сколько было рабочих, какое они получали содержание и т. д. Был также послан запрос в Главную провиантскую канцелярию о том, сколько полагается «ржаной муки и гречневых круп» в месяц на пять солдат. От самого Хлебникова были потребованы конторой ведомости со сведениями о числе рабочих, их стаже, зарплате, о том, насколько меньше или больше по сравнению с зарплатой, получаемой ими у Сиверса, получают они. Хлебников представил в Мануфактур-контору ведомость, которой он пытался доказать, что претензии рабочих о снижении заработка неосновательны, а что, наоборот, имеет место повышение заработной платы.

В ответ на это в Мануфактур-контору поступил другой реестр на зарплату, составленный рабочим-черпальщиком Михаилом Ладыгиным. Из этого реестра, составленного на помесячную выдачу заработной платы, видно, что:

1. Престарелые и больные рабочие совсем были лишены заработной платы, кроме шести человек, да и тем она была снижена.

2. Снижена была заработная плата, кроме того, еще 22 рабочим. Причем, снижение это колебалось от 82 до 4½ коп. в месяц. Снижение произвели рабочим по отделке бумаги (почти все они были старые рабочие) — 8 человекам и малолетним «девкам», бывшим на разборке тряпья [1].

[1] Там же, лл. 706—707.

Противоречия в ведомостях и справедливость требований рабочих были настолько очевидны, что Мануфактур-контора вынуждена была послать своего секретаря к прежнему владельцу для тщательного выяснения вопроса о том, как обстояло дело с заработной платой у Сиверса. Посылка к Сиверсу объясняется тем, что рабочие в своих претензиях ссылались на то, что на казенном содержании и когда фабрика была во владении Сиверса, они были «удовольствованы» [1].

Внутриполитическая атмосфера 1777 года, насыщенная недавними событиями движения Пугачева, заставляла Мануфактур-контору быть очень осторожной в расследованиях и решениях по данному конфликту. Рабочие, очевидно, понимали это и весьма энергично требовали от конторы удовлетворения их требований. 20 ноября на заседании присутствия конторы был «впущен» рабочий фабрики Василий Майков, который принес на Хлебникова словесную жалобу, в том, что фабрикант после их жалобы в контору еще сильнее преследует их и некоторых держит «скованных в железах» [2]. Мануфактур-контора после этого должна была послать Хлебникову вторично указ и потребовать от него, чтобы рабочим, подавшим жалобу, «отнюдь до решения... в конторе дела, притеснения не чинить» [3].

При разборе дела Мануфактур-контора не знала, как следует поступить с освобождением от работы в субботние и воскресные дни. Она запрашивала Берг-коллегию, Вотчинную коллегию и отдельных фабрикантов, но сведения поступали самые разнообразные и противоречивые [4].

В конце концов ответ был найден в Уложении (гл. 60, § 25), которое предписывало освобождать от работы в субботу и воскресные дни [5].

Разбирательство всего дела кончилось указом Мануфактур-конторы от 29 марта 1778 года. Мотивировка

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 70, кн. 42, л. 714.
[2] Там же, л. 715.
[3] Там же, лл. 718—722.
[4] Там же, лл. 718—722.
[5] Там же, лл. 731—732.

решения целиком опиралась на законодательные акты 60-х и 70-х годов, относящиеся к неповиновению крепостных крестьян своим помещикам со ссылкой на меры наказания и расправы с крестьянством по этим указам (например, истязание крестьян Долгорукова по указу 1762 года).

Все это делалось для устрашения рабочих, так как указ зачитывался на собрании всех «мастеровых людей».

По существу претензии рабочих Мануфактур-конторa приказала: обнаруженную недодачу муки «по полфунту на человека» в месяц немедленно выдать. Впредь производить выдачу «провианта мукою, а не рожью», точно взвешивать со скидкою на вес кулей и мешков [1].

В требовании рабочих выдать недоданный хлеб в количество по 1 пуду 28 фунт. на человека было отказано потому, что рабочие не представили «никакого доказательства», а так же ввиду «давности дела» [2].

Детям в возрасте от 7 до 15 лет, работающим на мануфактуре, выдачу натурой производить, как солдатским детям в военных школах, по два четверика мукой. Денежную плату по усмотрению фабриканта от 10 до 30 коп. в месяц. С 15 лет оплату производить как взрослым «по достоинству» каждого [3].

Разумеется, это были нормы, установленные конторой по частному случаю, они не распространялись в качестве обязательных или рекомендуемых норм на всех владельцев бумагоделательных мануфактур. В повышении заработной платы некоторым черпальщикам и выметчикам до максимальной зарплаты других рабочих этих специальностей, было отказано на том основании, что хозяин велел прибавлять или убавлять зарплату своим работникам в зависимости от качества и производительности труда. Эта часть решения сопровождалась оговоркой, смысл которой состоял в том, что если хозяин, несмотря на «старания» и большую производительность рабочего, не повысит ему зарплаты

---

[1] Там же, л. 787.
[2] Там же, л. 787.
[3] Там же, л. 788.

по его просьбе, то такие рабочие, каждый в отдельности, могут «в обиде своей с верным доказательством просить в Мануфактур-конторе, где по усмотрению справедливости и надлежащее определение учинено быть имеет...» [1]. От работы в воскресные дни и в субботу за три часа до вечера рабочие должны были освобождаться, «опричь ролщиков», которых в силу условий непрерывности производственного процесса и больших потерь от остановки ролов, освободить было «нельзя».

Основанием к освобождению от работы, кроме Уложения, явился, забытый в первое время, порядок работы, установленный Мануфактур-конторой на заводах Шувалова в 1744 году также по челобитью рабочих.

Освобождая от работы в эти дни, Мануфактур-контора сделала однако ряд оговорок: во-первых, работа должна производиться и в праздничные дни, если фабрикант будет выполнять срочный заказ государственных учреждений (бумага для ассигнаций). Работа должна производиться безвозмездно при авариях на мануфактуре: прорыв плотины, пожар и т. п. Во-вторых, работа в праздничные дни должна оплачиваться отдельно, дополнительно к основной плате, но по общей норме, как и в обычные дни.

Просьба рабочих о непринуждении малолетних детей женского пола без их согласия к работе была отклонена на том основании, что дети, «шатаясь под видом посторонней работы в городе или инде где, не могли отлучаясь от фабрики быть праздными и через то впасть в неистовство», а посему, «как взрослым, так и малолетним женска полу, впредь быть при фабрике в работах неотлучно» [2].

За «ослушение» и «самовольный» уход рабочих с фабрики для подачи челобитной Мануфактур-контора ограничилась только тем, что указала на недопустимость этого впредь и приказала быть им «послушными» владельцам мануфактуры, так как они были отданы Сиверсу в потомственное владение и на этом праве проданы последним Хлебникову.

---

[1] Там же, л. 788.
[2] Там же, л. 789.

Для того, чтобы указ был понят рабочими и они «от неистолкования не понесли конторе каких затруднений», на мануфактуру послали особого чиновника для объявления «со истолкованием» на собрании всех рабочих; выборным от них была вручена копия этого указа [1].

***

Изучение деятельности Мануфактур-коллегии в «рабочем вопросе» дает основание утверждать, что она мало считалась с различиями в юридическом положении рабочих различных категорий, при вынесении своих решений, связанных с положением рабочих на мануфактурах, условиями их труда, заработной платой, правами фабрикантов по отношению к ним, общественными правами рабочих.

Правда, в отношении вольнонаемных рабочих проявлялась иногда некоторая сдержанность в решениях и судебных приговорах. В изученных источниках, относящихся к истории Мануфактур-коллегии, все рабочие, подведомственные ей, выступают и в понимании Мануфактур-коллегии и в понимании фабрикантов, как лично обязанные, крепостные рабочие. Их уравнивали существовавшие условия и отношения производства. Сами рабочие крепостной мануфактуры этого различия также не делают и, обычно, их требования к фабрикантам излагаются одновременно от лица всех рабочих мануфактур, вне зависимости от принадлежности каждого из них к той или иной юридической категории эксплоатируемого населения крепостного общества.

---

[1] УЦГАЛ, АНХ,— Фонд Мануфактур-конторы, св. 70, кн. 42, л. 791.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

ШВЕДСКАЯ ПРИВИЛЕГИЯ ГЕДЕВИГ ЭЛЕОНОРЫ О РУКОДЕЛЬНЫХ ДОМАХ[1]

Перевод с копии.

Его королевского величества привилегия о рукоделных домах:

Мы, Каролус, божиею милостию и протчая, и протчая, и протчая объявляем сим, понеже мы, последуя примерам предков наших королей шведских, тако ж радея нашим верноподданным, между протчим и полезными учреждениями, особливо о том старались, дабы всякие полезные и способные манифактуры заведены и к общей ползе произведены были, и для того от времени до времени разным людям привилегий, волностей и особливых угодностей пожаловали. Но как со временем усмотрели, что такое наше полез-

[1] В апреле 1772 г. гр. П. А. Румянцев подал Екатерине II челобитную, в которой просил, чтобы Мануфактур-коллегии контора не взыскивала с него пошлин с прибавкою «за станы» с чулочной фабрики, находящейся в его лифляндской мызе Буртники.

Мануфактур-контора в своем заседании 22 мая 1772 г. постановила сделать по челобитной Румянцева доклад, «выписав надлежащую справку из приличных законов». Одним из таких «законов» и оказалась «мануфактурная привиллегия» или «привиллегия о рукодельных домах» шведского короля Карла от 18 сентября 1669 г. Подлинник этой привилегии на немецком языке был вытребован Мануфактур-конторой из «Лифляндской генерал-губернской канцелярии». С него в Мануфактур-конторе в начале июля 1772 г. была снята копия, засвидетельствованная актуарисом Пипингом, и тогда же с этой копии в Мануфактур-конторе был сделан переводчиком Шмидтом перевод.

Скоропись. Пунктуация изменена; новая орфография; стилистические особенности («рукодельной» «зделанном», «манифактура» и т. п.) сохранены.

ное намерение ту ползу, которую мы было ожидали, не достигло, ибо одна часть по тем пожалованным волностям ничего не зделали, а только другим, кои к заведению таких манифактур охоту б имели, помешали; другие же по недостатку своему или за другими промыслами принуждены то оставить, а большая часть, выключа малое число, по зделанном некоем зачине и держанном расходе, по недоразумению и по недостатку доброго управления, производили дело свое без ползы. Того ради, особливо ж когда государство наше всякими материалами, кои на произведение манифактур годны, от бога и естества доволно снабдено, которые здесь в нашем государстве способнее произведены быть могут с прибылью, как заводчикам, так и обществу, ибо тем денги в государстве останутца мы по представлению нашей Генералкомерц коллегии за удобно и полезно находим: прежде пожалованные некоторым людем привилегии отдать некоторым местам и рукоделным домам, где по способности и ситуации места, разные сорты манифактуры, как материалы, съестные припасы и подвоз допустят, заведены быть могут, которые места в провинциях, помянутою нашею Комерц коллегиею отъисканы и назначены быть имеют. И как сие, всеобщим и завсегда привилегированным делом будет, в котором не только те, кои уже некакое рукоделие начали, но и те, которые из чужих стран здесь в наших провинциях поселится похотят, да и все протчие, кои в том некоим образом участниками быть хотят, себе ползу и прибыль получить могут; особливо-ж, дабы шведская юнош б обучена быть могла в таких рукодельях, к чему хто по натуре склонен, тако: чтоб из них, яко из настоящих семинарей, всякие добрые мастера в разных рукоделиях произойти могли, то мы уповаем, что все наши верноподданные сие милостивое старание признавать и пожалованные вольности к собственной своей и всеобщей ползе по привилегиям употреблять будут; чего ради мы, по довольному рассуждению и сношении с нашими государственными членами, по их апробации и прошению, вышеупомянутым рукоделным домам следующие привилегии и волности пожаловали, как следует:

1-е

Те, которые в рукоделном доме работают, в каком нибудь цехе или рукоделии, буде они других мещанских промыслов не производят, освобождены от всех налогов, контрибуцей, содержании боцманов и протчих тягостей, какого-б звания ни были, и оным как протчие в городех и уездах не подвергнуты и впред подвержены не будут, но от того освобождены суть, кроме пошлин и акциза, от чего нихто в городе живущий не освобожден.

2-е

Мы же милостивейше старатся будем, чтоб способные на то места приисканы были, тако-ж по возможности каждому дом с дворовым место и огород отведен, а всем вобще столько угодья, чтоб всякой дом корову или две летом держать мог; кои при за-

ведении рукоделных домов, те, которые к тому определены будут надлежаще примечать должны.

3-е

Рукодельники, кои в рукоделных домах работают, имеют ползоватся всеми волностями и цеховыми кондициями, которые в сочиненном нашею Комерц коллегиею цеховом учреждении изображены, и их рукоделию в тех местах, где они наилутче цветут, даны бывают; сверх того, имеют те, которые из иностранных земель выписаны будут, по прошествии контрактного сроку, свободно и беспрепятственно, не платя городу ничего, паки в своясы возвратится, ежели пожелают, и получать им за исправную свою работу не толко заслуженную плату без вычету, но и пристойное награждение, и на проезд денги им даны будут; буде-же-ж похотят, здесь жительством поселится, то пока они работать смогут, им в том не отказывать и в старости их (то разумеется, когда уже не в состоянии будут работать) снабдить их потребным пропитанием от тех рукоделных домов.

4-е

Вся работа, коя в рукоделных домах зделана будет, имеет при поставке, по осмотре и апробации к тому определенных без задержания исправно заплачена быть по договору и оценке, как директоры с рукоделными людми, при зачине работы рядились, и оной платеж выдать чистыми денгами, и не товарами, разве того сами доброволно пожелают.

5-е

Никакой рукоделник или рукоделным домам подчиненной человек не может за долг или дело, кое не криминално, арестован, или подкараулом взят быть, буде директоры то на себя возмут, чего ради надлежит им наперед доложится и с ними спрашиватся.

6-е

Когда же сие восприятие о заведении манифактур особливо к полze городов следует, то дабы мещанство, которое такими товарами, кои в рукоделном доме делаются, торг производят, никоим образом обижено не было; примечать надлежит, что они могут и сами заводчиками быть, и тако с положенного своего капитала прибыль получать, которой с продажи товара оптом на их часть выдет; еликож и другие, как дворяна, так и не дворяна, к тому допущены быть могут, когда оно наперед мещанству представлено, их капитал к такому делу доставать не будет, мещанство же может вторично с продажи тех товаров из своих лавок в розницу, себе прибыль достать, чего для все товары, кои в рукоделном доме делаются, не инако как оптом из пакгаузов, елико чужестран-

ные товары, продаются, продаваны быть имеют, под денежным штрафом и наказанием как ниже упомянуто будет.

7-е

Для лутчего ободрения заводчиков мы не токмо на заводы потребные места им без всякого возврату милостивейше пожалуем, но и, сверх того, потребные на загородку, столбы и колья, також и на магазейны или пакгаузы, по близости имеющиеся домы и строении, кои нам принадлежат или каким нибудь образом впредь достанутся, коих домах, как сырые материи, так и зделанные товары сохранно покласть можно.

8-е

В тот пакгауз должны рукоделные и работные люди свой товар взнесть и тогда по заключенным контрактам принадлежащей им платех себе получать; как же рукодельным людям, так и тем, кои товары их покупать хотят, накрепко запрещается под конфискованием товара и штрафа между собою торговать, кроме в пакгаузе, где купчины явятся и у определенных к продаже людей, оптом, а не иным образом, покупать должны.

9-е

Никкто же да не дерзает каким нибудь образом или под каким претекстом, какого б звания ни было, к рукоделным домам из иностранных земель выписанных или и здесь принятых рукоделников и работников отманить, или в свою собственную службу и покровительство принимать, буде они по контракту с директорами удовольствие не зделали и исправной аншит и пашпорт не предъявят; ежели кто дерзнет того зделать, то он штрафу подвержен и должен того человека паки поставить и рукоделному дому причиненной убыток заплатить; тож разумеется и о тех, кои в рукоделных домах работают и без спросу и ведома директоров оттуду отлучатся.

10-е

Никакому ж офицеру или вербовщику не дозволено рукоделника или к рукоделному дому принадлежащего человека принять или вербовать; в случае то учинится, то директоры могут, однакож порядочным образом, помощию оберстатгалтеров, губернаторов, ланцгауптманов и других коронных служителей, оных паки к себе взять, где их найдут, равномерно-ж поступать с теми, кои без отпуску убегут и скроются.

11-е

Дабы каждой охотнее был своим капиталом ссудить рукоделным домам и им помочь, то мы тем, коим мы и корона по расче-

там должны, и намерены суть тот капитал в рукоделные домы употреблять прежде других наших кредиторов удовольствовать платежем, старатся будем.

12-е

Мы же обнадеживаем сим всех тех, до коих оно касается, что такие в рукоделные домы положенные денги и товары отнюдь ни на какие наши или государственные нужды и потребы взяты не будут, но при том заводе оставлены будут; равномерно-ж никакое запрещение на такие денги и товары чинено не будет, но от того, конча освобождены суть; однако-ж сие тако разумеется, чтоб нихто не мог обижать своего ближнего умышленно по сему пункту, перевозя свое имение, которое по правам на платеж кредиторов следует в рукоделные домы и тем кредиторов своих обмануть хотел.

13-е

Ежели случится, что мы на нашу или на коронную потребу зделанных в рукоделных домах товаров взять пожелаем, то оное чинить следующими кондициами, как скоро готовые товары, которые как протчим, так и нам потребны, и употребить можем, поставлены будут, то немедленно и заплачены быть имеют; а когда на войско или инако что нарочно заказано будет, то платить треть наперед, а досталные денги по учиненной поставке; буде же мы с некоторыми партикулярными людми договор зделаем с некоторыми кондициами нечто в рукоделных домах нам заказать, то с ним в случае недостатка в платеже равномерно поступать, как в таких же случаях с другими приватными людми.

14-е

Сим дозволяется рукоделным домам, чтоб когда они по розщету и по чистым облигациам нечто претендовать имеют, должник принужден был немедленно, без суда по форме, тот долг заплатить, или инаким образом с директорами о том договорится; им же пред другими простыми кредиторами, кои законно себя не охранили, преимущество иметь.

15-е

Рукоделным домам, також и директорам, сим дозволяется-ж везде в государстве приторговать и выписать всякие сырые материи кои здесь имеются и в рукоделных домах могут изготовлены и в дело произведены быть; чего для мы их милостивейше жаловать будем отдачею им на аренду некоторых наших и казенных доходов, кои к производству их дела служить могут и прежде другим на аренду отданы бывали; буде же некоторые нам и короне принадлежащие вещи и доходы проданы быть имеют и рукоделным домам в них нужда будет, то им за умеренную цену пред другими к покупке правость иметь; мы же при нашей Камор кол-

легии определим, чтоб не токмо помянутые доходы на аренду отданы, но и последние бесспорно им проданы были; директорам же всегда знать дать, когда нечто тому подобное арендовать или продать случится.

16-е

Все сырые материи, кои для рукоделным домов надобны и из иностранных земель вывезены быть имеют, сим от платежа болшой портовой пошлины вовсе освобождаются, но только чтоб они для лутчей исправности в таможне записаны были и ⅛ процента с них рекогниционы платить, в чем тем, кои к тому определены, атестат из таможни дан быть имеет, дабы с тех товаров в других рукоделных домах також и малую пошлину не брали. Снасти, яко работные инструменты, суть от болшой и малой пошлины освобождены, однако-ж директоры должны старание приложить, дабы сколко можно такие материалы и инструменты здесь запасены, доставлены и наидешевлейше сюда вывезены были

17-е

Рукоделным домам дозволено-ж на ярмарках во всем государстве свои товары и работы продавать, как в розницу так и оптом, а кроме того, и в другие времена могут они из своих магазейнов, коих им в городах иметь волно, не в розницу, но оптом и продавать; причем и сие приметить должно, чтоб они ничего иного, но толко то, что ими зделано, продавали, под конфискованием товара и под таким штрафом, как по обстоятелству дела за справедливо нахожено будет.

18-е

Все же корабли и водовики, кои к ответу и привозу товаров при рукоделных домах употреблены будут, те все от наших и коронной службы освобождены, им же далных отягощений не причинить, как толко, что по порядку подобает; тако ж имеют и те товары, кои сухим путем отправятся со всякою прилежностию, однакож с исправным платежем провозных денег, беспрепятственно в пути поспешены быть, в чем наши лансгауптманны в потребном случае обязаны суть им вспоможение чинить.

19-е

Когда те заводы наперво в ход и состояние придут, что государство их работы доволно иметь будет, то мы постараемся специальными кондициами распродажу оных поспешить и ежели болше товару наделано будет нежели на расход в государстве потребно, то мы, сколко можно, на вывоз оных из государства лехкую пошлину наложим, по несколку процентов, дабы рукоделные домы хорошую прибыль и удовольствие от того иметь могли.

20-е

А дабы, как земские жители, так интересующие в манифактурах, от употребления поныне без полезно бывших матерей ползу себе получить могли, то в каждом рукоделном доме один человек, знающей матерей, выбран будет, которой в те места, где какая материя находится, послан быть может с платежем за его труд для дачи наставления, как с тою материею поступать.

21-е

Понеже наша шведская юношь, когда им доброе наставление и руководство дается, всякие науки скоро понимает, а у многих из них родители померли, иные ж по недостатку и неразумению не могут детям своим доброго воспитания дать, отчего юношь во всякие беспорядки и страсти впадает, того ради мы во всяком городе, где рукоделные домы будут, и воспитателной дом учредить будем, в коем бедные дети в богобоязни, добром поведении и чести, також читать, писать и в арифметике воспитаны быть имеют, и тамо свое пропитание иметь будут по то время, как в состояние придут в рукоделные домы переведены быть, дабы тамо такою работою, к чему каждой из них склонен, себе пропитание доставить; при заведении таких воспитателных домов мы о доходах — чем их содержать, тогда и резолюцию дадим.

22-е

К сему принадлежат же штрафные и предилные домы, кои при заведении рукоделных домов учреждены же будут, в которых злые люди, как мужеского, так и женского пола, держаны и работою своею кормится будут.

23-е

А дабы в сих рукоделных домах все порядочно происходило, и все конфузии и из того воспоследствующие убытки отвращены были, то мы за благорассудим, чтоб как те домы свои привилегии и учреждении имеют, по которым они жить и поступать должны в них же разумные директоры и управители определены были; о чем, також о всем протчем, что до рукоделных домов касается, наша Генерал комерц коллегия, коей правление и смотрение над всеми манифактурами во всем нашем государстве поручено, надлежащее старание иметь будет.

24-е

Особливо ж надлежит наблюдать, дабы искусные и добрые рукоделные люди, кои годную и добрую работу делать умеют и художество свое совершенно знают, доставлены были; чего для и должно в каждом рукоделном доме определить одного главным мастером, которой художеству своему основательно обучен, особли-

во-ж знал бы материалы различать, годных от негодных узнавать и на то смотреть, чтоб как материя, так и фасон добр и способен был, дабы та работа потом с лутчею прибылью продана быть могла, инструменты и работу, когда неисправности усмотрит, поправлять бы умел, годным рукоделниками, рядел бы а неспособных отставлял, особливо ж должность ево в том состоит, чтоб зделанную работу сортировать и клеймить; а чтоб таких добрых и искусных главных мастеров достать, о том должны те, до кого оно принадлежит, крайне старатися, коих здесь в государстве достать неможно, тех из иностранных земель доставит.

25-е

Главная притчина к тому, что мы под некоторою дирекциею и в особливых местах рукоделные домы заводить повелели, та есть; что когда манифактура одна от другой в далеком расстоянии заведены, то смотрение над ними против вышеписанного иметь не может, от чего государство иногда фалшивыми и негодными товарами наполнено бывает, так что добрые с худыми в бесславие придут и цену потеряют; чего для и дабы рукоделники в рукоделных домах старались доброй товар делать и купцы бы о доброте и годности товара безопасны были, то мы повелеваем сим, что все в рукоделных домах зделанные товары в пакгаузе осмотрены и каждой сорт по доброте особливыми на то учрежденны стемпелями клеймены были, с которого клеймения несколько процентов заплачено будет, дабы тем удобрить наш и коронный урон, который мы от сложения с сего манифактурного завода болшой торговой пошлины чувствуем; когда же такие стемпелные денги заплачены, то с того товару во всем государстве никакие пошлины, налоги или подати, какого б звания ни были, взяты не будут; а буде вне государства отвезутся, то платить с них, сверх стемпелных денег, отвозную болшую портовую пошлину, однако ж с таким облегчением, как в 19-м пункте упомянуто.

26-е

Для ведения книг и исправных щетов, как о покупке сырой материи, так и продаже зделанных товаров, должны рукоделные домы иметь потребное число служителей, и понеже они несколько денег и протчего в руках имеют, то определить их с поруками в те должности; они должны все книги, торги и щеты содержать в добром порядке, чтоб в каждой срок приход и расход зделан был, дабы каждой учасник свою долю ведать и оную исправно получить мог.

27-е

Ссоры и споры, кои внутри рукоделных домах между участниками, рукоделниками или другими приключится могут, имеют директорами по инструкции своей расправлены или нашею Генерал комерц коллегиею решены быть, кроме криминалных и граждан-

ских дел, кои до манифактуры не касаются, и должны в надлежащих судных местах по обыкновению слушаны и решены быть; однако ж сию юрисдикцию и протчие пожалованные привилегии тем рукоделным домам не далее иметь, но пока рукоделте в том месте в силе содержано и произведено будет.

28-е

Сие наше намерение заведением рукоделных домов восприято болше для того, чтоб городы в доброе состояние пришли, и те денги, кои поныне ежегодно за иностранные товары выходили, в государстве бы остатся могли, и она тем больше силы и изждивения в себе самой иметь могла; а прежде пожалованные разным людям привилегии на разные манифактуры сим не уничтожены, но остаются в прежней силе, особливо пока они, в силе привилегий, порядочно производятся, то им сии рукоделные домы вспоможение служат.

29-е

Чего для справится надлежит, которые из тех привилегированных особ заводы свои в таких местах имеют, где потребное на те манифактуры, достать можно и в таком случае, может она на том месте остатся, не токмо по в привилегии показанной срок, но и в предбудущие времена; те же привилегированные и наследники их могут завсегда ползоватся всеми рукоделным домам данными привилегиями, с сею кондициею, когда по недостатку в денгах они не в состоянии сколко той манифактуры товару надобно наделать, то б товарищев к себе взяли, особливо из мещанства, того ж города или из близлежащих, кои таким товаром торговать обыкли, и тем расход оному товару доставить могут, и буде их недоволно, то других людей, пока доволное число собрано будет, и тогда все их держанные расходы в их часть капиталом причтется; что ж до дирекции сих манифактур касается, то в том поступать по уставу рукоделных домов, однакож так что тот, которой оной завод сам зачал, буде он дирекцию на себя взять хочет и оную снести в состоянии, пред всеми протчими к тому избран быть имеет.

30-е

Ежели ж некоторые из привилегированных особ манифактуры свои в неспособном месте завели, то можно им другое на то способное место отвесть, в котором случае, они також данными рукоделным домам привилегиями и кондициами ползоватся могут; а буде они похотят остатся при своих привилегиях и на прежних местах по окончанию привилегированных лет, то оставить на их волю, однако ж другим, на настоящем месте привилегированным, тем не запрещено такой же сорт манифактуры завести и производить; партикулярно привилегированные же должны товары свои в рукоделные пакгаусы для осмотру и клеймения вносить и стемпелные денги платить тако ж и товары тамо продавать под конфискованием того, которое без стемпеля найдется.

31-е

Буде же случится, что нехто явится с некоторою работою или манифактурою, которая им самим изобретена или здесь прежде неделывана, но из иностранных земель привозилась, и просить будет на то привилегии, то на перво испытано и экзаменовано будет, с которым рукоделным домом та манифактура сходна, куда мы ево и отошлем и пожалуем ему за ево инвенцию одну часть, а в рукоделной дом другую часть из прибылей и ползованей, кои ему даны быть могут, таким образом, что нихто из того рукоделного дома в положенное время не делал такую манифактуру под штрафом и конфискованием товару.

32-е

А дабы на рукоделные домы назначенные места лехче достать было можно, то мы обесчаем сим те места выкупить либо чистыми денгами, либо меною, или таким образом, чтоб их цена продавцам за капитал принята была, и из того доход по расчету, как прочие себе получал; в случае ж сие протчим интересантам неспособно б было, то мы следующим образом поступать будем а именно: мы ту пропорционную сумму продавцу, буде место уступит, первой год выдадим и потом каждой год на десятую долю уменшим, чем рукоделная казна умножится имеет, тако что продавец до прешествия 10-ти лет без далней короне тягости или рукоделного дома болшого убытка, по пропорции с другими интересами свою часть получать имеет.

33-е

На последок, и дабы каждой, которой к тому случаю имеет с болшою ползою денги свои в производство рукоделных домов употребить мог, то обнадеживаем мы, как рукоделных домов вообще, так и каждого члена особливо, что мы их не токмо при вышеписанных привилегиях содержать, но и впредь, когда потребно будет, по подданнейшим их прошениям другие потребные и полезные кондиции пожалуем, да и в протчем, что к ползе манифактур служить может, по возможности помогать будем; мы же, как директоров и протчих служителей, так и рукоделников и работных людей, от вышнего до нижнего, примем в наше королевское покровительство и засчищение, и запрещаем каждому под нашим гневом, им сим данным нашим привилегиям в противность обиды или препятствии чинить. Для болшего уверения, сие за нашею королевскою печатью и подписанием высокопочтенной и любезной нашей родителницы и других наших и государственных опекунов и правителей; дано в Стокгольме сентября 18-го дня 1669-го году.

Гедевиг Элеонора

(м. п.)

Шведского государства Трухсес, Пербраге граф Висингсбургский; вместо государственного маршала Лоренц фон дер Линд;

шведской государственной адмирал Густав Отто Стейнбок; шведской государственной канцлер Магнус Габриель Делагарди.

Шведской государственной казначей Севет Бот.

Копия на неметцком языке свидетельствована актуариусом И. Г. Пиппингом. Переводил Мануфактур конторы переводчик Егор Шмид. ЦГАНХ, — Фонд Мануфактур-конторы, дело № 1 («Челобитная графа Румянцева 1772 г.»), св. 75/143, лл. 14—21.

Приложение № 2

ПРОЕКТ К СОЧИНЕНИЮ ИНСТРУКЦИИ МАНИФАКТУР-КОЛЕГИИ [1]

Понеже окрестные государствы хотя и не суще доволны натуралными материалами, но паче снабдеваются из других земель; однако же с утчрежденных манифактур и фабрик немалую славу и государственному збору приращение, безремесленные же люди обучение, а неимущие пропитание получают; наш же росийской империум пред многими иными землями сим преизобилует и потребными материалами благословенно есть, которые до сего время не так употребяемы были, как принадлежит; но паче пренебрежению преданы. А другие государства ис того богатилися и с чего признавается, что сему пренебрежению главнейшая притчина была та, что наши подданные к манифактурным делам, каким образом оные в государственную всенародную ползу произвести, искусства и прилежания не имели. Иные же иждивения и трудов ко оному приложити отважитися не хотели, разсуждая якобы те их заведенные манифактуры и фабрики, егда от оных плод усмотрится отняты б от них не были; и дабы сии и иные суемные притчины отсещася могли, того ради мы в ползу нашим верным подданным

---

[1] Публикуемый «Проект к сочинению Инструкции Манифактур-колегии» был составлен и отредактирован примерно во II половине 1723 г. президентом Мануфактур-коллегии. В. Новосильцовым.

Документ хранится в фонде Сената Государственного Архива Феодально-Крепостнической Эпохи, д. № 1/1061, лл. 393—411. Из двух имеющихся в деле вариантов регламента мы используем одну редакцию. Все поправки и исправления, которые имеются как в первом, так и во втором списке, нами опускаются, опускаются также разночтения вариантов проекта с тем, чтобы не задерживать и не осложнять опубликование основного текста.

Скоропись. Пунктуация изменена. Сохранены все стилистические особенности.

тем, которые ныне благословением божиим манифактуры и фабрики уже основали и основати намерены будут, особливо манифактур коллегиум всемилостиво учредить изволили и оному власть и мочь дали единым судиею над всеми ими и охранителем быти, дабы манифактур и фабрик содержатели и которые вновь завести намерение восприимут, от оного колегиума, или от определенных его, помощи и позволения требовали, оной же колегиум поступать имеет нижеследующим образом.

1

О ДИРЕКЦИИ ПО ВСЕРОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАД МАНИФАКТУРАМИ И ФАБРИКАМИ.

Колегиум манифактур имеет верхную дирекцию над всеми манифактурами фабриками и протчими делами, которые касаются ко оному правлению, какого б звания не были, во всей росийской империи и долженствует в верности и ревности так поступать, как в генералном регламенте ясно показано, и указами объявлено, и по сей инструкции.

Из адмиралтейского регламента пункт 1.

2

О ОСОБЛИВОЙ ДОЛЖНОСТИ ПРЕЗИДЕНТА.

Призидент должен фабрики и манифактуры, которые в близости суть, надзирать сам, как часто время допустит, а не меньше дважды или трижды в год. Буде же время до того не допустит, посылать члена осмотреть, как на фабриках и манифактурах работа и протчее, или в чем какая остановка происходит. И ежели что противного усмотрится, или что опущено будет, как наискорее колегиею тщитися исправить и в надлежащей порядок привесть.

Из адмиралтейского регламента пункт 4.

3

ЧТОБ ДРУГИЕ КОЛЛЕГИИ В ДЕЛА НЕ ВСТУПАЛИ.—

Прилежно смотрить, чтоб касающиеся манифактур колегии дела в другие колегии и канцелярии, к которым оные не надлежат, не примали и не вступали, дабы тем правлению манифактур колегии конфузии не чинили. Ежели же тако случится, то ни мало медля, надлежит о том достойную протестацию чинить. Когда ж не воспоследствует, то немедленно, у Сената о указе старатся.

Вновь.

4

О МАНИФАКТУРАХ И ФАБРИКАХ.

Понеже мы прилежное старание имеем о распространении в империи нашей к ползе общаго блага и пожитку подданых наших, дабы учредить разные манифактуры и фабрики, какие и (в) других государствах находятся и всемилостивейше повелеваем прилежное о том старание иметь, дабы вновь такие и иные куриозные художества в ымперию нашу вводить, еже надлежит чинить со общаго совету и согласия всей колегии, каким бы образом, а особливо такие, для которых материалы в росийской империи найтися могут, без убыточнее ввести и роспространить возможно, и тех людей, которые манифактуры и фабрики производить похотят, надлежащими привилегиями снабдить.

Ис привиллегей и вновь.

5

О ПОЗВОЛЕНИИ КАЖДОМУ ЗАВОДИТЬ.

Соизволяется всем и каждому дается воля, какого б чина и достоинства кто ни был, во всех местах, где за благо обрящет изобресть имеет какие манифактуры и фабрики, кто похочет заводить и о том нашем соизволении публиковать всенародно, а ежели какая манифактура вновь к произведению усмотрится, а наши подданные вступать самохотно не будут, позволяем оной колегии чинить предложение нам или Сенату со мнением, каким образом оную вкоренить и распространить.

Вновь.

6

ДАБЫ ЯВИЛИСЯ В МАНИФАКТУР КОЛЕГИЮ И ПРОСИЛИ О ПОЗВОЛЕНИИ.

Ежели кто к содержанию помянутых манифактур и фабрик охоту иметь восхощет, тем являтся в колегии нашей манифактур и о строении объявить доношением и просить позволения в нашей манифактур колегии, которой в начале смотрить того человека пожиток и достоинства и потом долженствует колегия по оным доношением, не токмо скорее решение учинить, но и всякие способы показать, коим образом с тою манифактурою ноилутче ему поступать и в доброе и неубыточное состояние привести.

Вновь.

7

О НЕИСКЛЮЧЕНИИ ДРУГИХ ФАБРИК.

Надлежит колегии осторожность иметь, когда кому дается привилегия для утверждения какой нибудь фабрики, то других, которые такие же со временем учредить похотят, не надлежит включать, чтоб их до того не допускать, ибо из ревности между заводчиками не токмо размножение может происходить, но и достоинство оных и деланные товары будут продаватся посредственною ценою и сим образом подданным нашим не без ползы быти может. Вновь.

8

О ИСКУСНЫХ МАСТЕРАХ И ОБУЧЕНИИ УЧЕНИКОВ.

Над заводчиками фабрик и манифактур смотрить накрепко, чтоб каждой при своих фабриках добрых и искусных мастеров имел, у которых бы русские обучались совершенно так, чтоб впредь могли сами без чужестранных мастеров работать, дабы зделанные вещи нашим манифактурам и фабрикам могли славу принести. Вновь.

9

ОБ ОТПУСКЕ МАСТЕРОВ ИНОЗЕМЦЕВ.

Которые мастеры вывезены будут из других государств, освидетельствовать немедленно, знают ли они своего дела и буде не знают или плохо знают, тотчас отпустить без жадного озлобления, буде же годны, содержать во всяком довольстве, и ежели и контракт выдет и свои уже обучатца; а он не похочет ехать, таких отнюдь не отпускать, но содержать как выше писано. А буде которой сам похочет, такого прежде отпуску объявить в колегии, где его колегия допросит, волею ль отъезжает и нет ли, или не было ль ему какой тесноты и доволен ли отъезжает. И буде скажет доволен, и оного отпустить, а буде скажет что какую противность или недовольство, или хотя не скажет, но вид даст недовольства, о том колегии накрепко розыскать и жестоко наказать и тщитца его где употребить, а не отпускать. Буде же весьма не захочет жить и отпустить с совершенным довольством, дабы приехав, жалобы не имел, что их хужо трактуют, и тем бы впредь вывоз мастеров не пресечен был. Из именного указу 723-го году ноября 6-го дня.

10

О ВОЛНОЙ ПРОДАЖЕ ЗДЕЛАННЫХ И О ПОКУПКЕ ПОТРЕБНЫХ ВЕЩЕЙ БЕЗ ПОШЛИН.

Ис привиллегей.

Понеже сие дело с начала не без великого труда и убытку произведено быти может, и когда того содержателя прямое усердие усмотрено будет, тогда всемилостивейше его награждать повелеваем, чтоб вещи ево, которые на той фабрике или манифактуре делатца будут продаваны, также и потребные материалы покупаны были несколько лет беспошлинно, как о том колегия по силе дела и состояния оной за благо разсудит.

11

О ПРИЕМЕ РАБОТНЫХ ЛЮДЕЙ.

Ис привиллегей.

Позволяется оным к тем их фабрикам и манифактурам учеников и протчих работных людей принимать, как о том указы наши повелевают со уговором достойной платы объявляя в колегии, а буде кто из них не дожив урочных лет збежит на другие фабрики, или х кому иному, а тот ведаючи примет и на таких, у ково будут жить, брать штраф за каждого человека по сту рублев на год, чтоб ведая оное, с одной фабрики на другие подзывать не дерзали. А ежели кто примет не ведая, то брать штрафу по указу, как и о протчих беглецах, а беглецам чинить наказание.

12

ЧТОБ НИГДЕ ИНДЕ СУДОМ И РАСПРАВОЮ НЕ ВЕДАТЬ.

Ис привиллегей.

Дабы в фабриках какого помешательства и обид ни от кого ученено не было, того ради всемилостивейше соизволяем содержателей и братей их, которые с ними в одних домех живут, так же прикащиков мастеров, учеников и работников, которые в ту компанию приняты будут, кроме сей нашей манифактур колегии, нигде инде судом и расправою не ведать (кроме важных наших дел) и никто б тем манифактурам и фабрикам препятия и остановки не чинил, под опасением за то нашего гнева и достойного им платежа за убыток, которой остановкою учинен будет.

13

О УВОЛЬНЕНИИ ОТ СЛУЖЕБ И ОТ ПОСТОЕВ.

Имеющие манифактуры и фабрики содержатели и их мастеры ученики и работники и протчие, которые подлинно в дело произведутся и действительно обучатца, илико обучению вступят, не токмо от постоев, но и от салдацкой и матроской службы свободны быть имеют, також де. Ис привиллегей.

14

О ПОСЫЛКЕ УКАЗОВ О ВСПОМОЖЕНИИ.

Во всех губерниях по вышеписанным всемилостивейше от нас пожалованым привилегиям всякое исправление и вспоможение чинить повеливаем, дабы и другие, видя нашу к ним милость, всяких чинов и народов люди с вящею охотою безопасно с надеждою в компании вступали. Ис привиллегей.

15

О ЗАПРЕЩЕНИИ ВЫВОЗУ ИЗ ЗА МОРЯ.

Понеже фабриканты, которые и размножили разоряются от вывозных товаров, которые наделано много, да никто не покупает, того ради надлежит смотрить, дабы по препорции зделанных на такие вывозные товары налагать пошлину по силе наших указов, чтоб со времянем вывоз оных был пресечен. А ежели кто своей фабрики или манифактуры зделанными вещами наш империум без вывозу из за моря тех вещей и без остановки в народе удовольствовать может, чего колегия повинна смотреть, не токмо удовольствования, но доброту и цену, и буде то от колегии усмотрено будет, то потребно вывоз тех вещей из за моря запретить, чего крепко смотрить надлежит, и сносится к Комерц колегиею. А буде не будет у них в том смотрения, то Сенату протестовать в том прилежно и нам объявлять. Из имянного указу июня 13-го дня 722 году и нынешнего 723 ноября 6 дня. И вновь прибавлено.

16

О СОДЕРЖАНИИ МАНИФАКТУР И ФАБРИК СУЩИХ НА КОШТЕ НАШЕМ.

Которые манифактуры и фабрики содержатца сопственною нашею казною, оные от манифактур колегии имеют быть в крепком смотре- Вновь.

нии дабы содержаны были в добром порядке и что надлежит к ползе и интересам нашим, того отнюдь бы опущено не было. А буде, которые в чем явятца неисправно, такие со всяким усердием и прилежностью, что к лутчему нашему интересу надлежит, исправлять и ни до какого непорядка не допускать. Или по благоизобретению охочим людем в сопственное содержание отдавать, хотя с награждением, на каких кондициях согласится можно. Ежели же от таких плода весма усмотрено не будет и содержать невозможно, о том доносить нам или Сенату со мнением.

17

О МАНИФАКТУРАХ И ФАБРИКАХ СОДЕРЖАЩИХСЯ В КОМПАНИЯХ

Вновь.

О манифактурах же и фабриках, которые содержатся компаниями, надлежит иметь прилежное смотрение, дабы не ослабевали, но в лутчее состояние произвождены были. Ежели же усмотрится, что оные ослабевать будут, то как наискорее колегию разсмотреть, от чего оное произошло, буде нерадением компанейщиков и их принуждать к порядочному содержанию, как колегия за благо разсудит. Буде же усмотрится которая манифактура или фабрика производится порядочным образом и содержатели имеют к тому радение и имеется впредь от нее надежда, а в силу за неимением достойной суммы произвести они не могут, таким колегия имеет чинить капиталем вспоможение по разсуждению их действа, с ведома сената.

18

О ИСПОЛНЕНИИ ПО ДАННЫМ ПРИВИЛЕГИЯМ.

Ис привиллегей.

Оные фундаторы манифактур и фабрик имеют по данным их привилегиям или жалованным грамотам сим обнадежены быти, что у них и у наследников их оные манифактуры и фабрики в данные им годы отняты не будут и с того их капиталу никаких податей, ни десятой денги (кроме настоящих поборов) и иных накладов не будет, и ниже что малое в их потребностях какое повреждение учинится, разве, самай, какая важная притчина из них показана будет, или сами в состоянии оные содержать не будут.

19

О ПОЗВОЛЕНИИ КУПЛИ ДЕРЕВЕНЬ

Понеже хотя по прежним указом нашим купецким людем деревень покупать было и запрещено, и тогда то запрещение было для того, что они кроме купечества к ползе государственной других никаких заводов не имели. А ныне, как всем видно, что многие люди компаниями и особно возъимели к приращению государьственной ползы заводить вновь разные манифактуры и фабрики, ис которых многие уже и в действо произошли, того ради позволяетца для размножения таких заводов, как шляхетству, так и купечеству, к тем заводам деревни покупать невозбранно с позволения манифактур колегии, токмо под такою кондициею, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотложно и для того, как шляхетству, так и купечеству тех деревень особо без заводов отнюдь никому не продавать и не закладывать и никакими вымыслы ни за кем не укреплять и на выкуп таких деревень никому не отдавать, разве кто похочет для необходимых своих нужд те деревни и с теми заводы продать, то таким продавать с позволения манифактур колегии. А ежели кто противо сего поступит, то оного всего того лишить безповоротно.

Из печатного указу февраля 7-го дня 1721 году.

20

О СОДЕРЖАНИИ ПОД ВИДОМ МАНИФАКТУР И ФАБРИК.

Ежели кто возмет манифактуру или фабрику для лица, чтоб ему тем, у кого деревни купить и другие уволнения иметь и таковых вымышлеников, до той покупки отнюдь не допускать и смотрить того накрепко. А ежели таковые явятся и их по усмотрению штрафовать отнятием той купленной деревни и сверх того штрафом.

Ис печатного указу февраля 7 дня 1721-го году.

21

О ЗАПЕЧАТАНИИ ВСЕХ НА МАНИФАКТУРАХ И ФАБРИКАХ ЗДЕЛАННЫХ ТОВАРОВ И О ВЗЯТИИ ДЛЯ ПОГОДНОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБРАСЦОВ В КОЛЕГИЮ.

Понеже курс и добрая похвала всяких манифактур происходит в доброте деланных вещей, того ради надлежит всех манифактур и

Вновь.

фабрик зделанные товары и наипаче шелковые, шерстяные, льняные, пенечные, которые уже совсем зделаны и к продаже приготовлены будут, объявить колегии или определенным от нея, которые запечатать и потом от каждого сорта оставлять для погодного свидетельства обрасца по малой части, и за то печатание каждой содержатель имеет колегии заплатить от копейки до алтына с каждой штуки по состоянию парчи, дабы чрез то объявление могла колегия ведать погодно число зделанного каждой манифактуры и доброту оных. А то за печать собранное имеет колегия определить в жалованье тем, кто смотрить того будет. А о доброте и красках каждой парчи потребные учинить регламенты.

22

О ОСОБЛИВОЙ КАМОРЕ И О СВИДЕТЕЛЬСТВЕ ВСЯКИХ МАТЕРИАЛОВ.

Понеже для свидетелства и знания велено со всяких манифактур и фабрик брать в колегию каждой вещи по части материалов, чего ради надлежит при оной колегии иметь особую камору, в которой иметь и хранить помянутые материалы, травы, краски, обретающиеся в империи нашей и привозные ис чужих краев и для свидетелства оных материалов делать разные пробы и, видя действо, с совету не токмо о силе их совершенно ведать, но чрез такие пробы, новое что находить и что явитца в лутчае действо производить, к чему надлежит назначить время, в которое в сей колегии собиратца и призвать мастеров от фабрик и о тех материалах советовать и всех мнении и усмотрении обстоятельно держать в реэстре и место оное будет пробная контора. Вновь.

23

О РАЗДЕЛЕНИИ МАНИФАКТУР И ФАБРИК ПО ЧАСТЯМ В НАДЗИРАНИЕ ЧЛЕНАМ

Хотя по генеральному регламенту и по указом нашим всем и каждому члену изображено особо в должности, по которой и поступать надлежит, однако ж, манифактур колегия дело новое о таких трактует материях, о которых всякому себе надлежит иметь сущее известие и Вновь.

знание. Того ради, для лутчего порядку, весьма потребно есть, разделить и расположить таким образом всех фабрик и манифактур, дабы всякому члену некоторая часть была в ведении и каждой член обязан будет на своем депортаменте будущих фабриках со всяким прилежанием испытывать и ведать со всяким обстоятельством. А что в чем какое дело до оных касается, дабы порядочным манером все обстоятельство и ведомости содержаны были, и когда востребуется от Колегии или из других о фабриках известия, может он ропортовать и изъяснить без конфузии и тому члену своего депортамента фабрики осматривать отправление директоров и ведать о поступках мастеровых и протчих обретающихся людей к доброту деланных вещей и о всем доносить колегии со мнением. И дабы все члены могли равным образом иметь обстоятелное известие и знать основателно, того ради надлежит всякому члену быть в надзирании депортамента своего полгода и после переменится з другим членом и иметь под ведением иную часть, чтобы со времянем все члены фундаментално ведали всех фабрик состояние, силу и дело до оных касающихся. Каждой член должен будет по прошествии своего времяни депортамент вручить другому и писма надлежащие и все пресмотрении, которые он делал будучи при своей части. При том же должен будет каждой член при окончании полугода подавать проэкты или мнении свои о всех фабриках своего правления для произведения и лутчего совершенства оных, которого мнении всей Колегии осмотрить и советуя учинить решение, как за благо изобретено будет.

24

О НЕПРИНУЖДЕНИИ СНАЧАЛА КЛАСТЬ КАПИТАЛ ВЕЛИКИЙ

Вновь.

Хотя полезно есть всякие фабрики по возможности учредить и распространить, но понеже сие дело новое и подданные наши еще не обыкли на учреждение фабрик вдруг капиталы класть, не знающе сначала в том прибыли, того ради надлежит по возможности их приводить в такую охоту со всякими лехкими манерами, не принуждая их многие капиталы сначала к тому употреблять. Ибо, хотя малыми зачинать будут но со временем, видя сами ползу, могут приба-

вить и свои фабрики распространить. К тому ж ежели с начала многими капиталами понудить, то может быть случай, что по малому расходу деланных товаров, или других ради притчин, та заведенная фабрика оставлена или весьма пресена быть имеет, от чего с великим останутца убытком.

25

О ПУБЛИКАЦИИ В ДРУГИХ ГОСУДАРСТВАХ МАСТЕРАМ И О ЗАВОДЕ ИМ МАНИФАКТУР СВОИМ КОШТОМ.

Вновь.

Дабы всяких художеств мастеровые люди ехали из других государств в нашу империю самохотно с волностию, привилегиями и другими обыкновенными авантажами, которые непременно содержаны и не нарушены быти имеют, чтоб всякой видя ненарушимые наши привилегии, мог сюда быть и учредить своими собственными иждивениями всякие фабрики и манифактуры по своему желанию, от чего нашим подданным, как наука, так и пропитание умножитися может, и чтоб те могли, свободно приехать и выехать из Росии, когда они похотят, что и во всей Эвропе чинится, и от того всякие художествы процветают, того ради потребно о том сообщить иностранной нашей Колегии, которой надлежит министрам нашим обретающимся в окрестных государствах дать указы дабы они где обретаются о таком позволении нашем о манифактурах и фабриках и о их привилегиях публиковали и прежние о том манифесты возобновили в такой силе, что ныне учреждена от нас особливо манифактур колегия, которая о всем том старание иметь и их защищать будет.

26

О ВЕДЕНИИ ИНОСТРАННЫХ МАНИФАКТУР И ФАБРИК ИХ РЕГЛАМЕНТОВ И НОВОМАНЕРНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ.

Из адмиралтейского регламента пункт 9 и вновь прибавлено.

Дабы манифактур Колегия могла иметь известие и ведать состояние манифактур и фабрик в чюжих государствах, которые со учрежденными в Росии подобные и новоманерных инструментах и машин регламентов и уставов, повелеваем оной Колегии с согласия с Колегиею нашею иностранных дел требовать чрез писма таких ведомостей от учрежденных наших при иностранных дворех министров агентов и кон-

сулев, дабы тем образом ныне сущие и впредь зачинаемые во империи нашей манифактуры и фабрики в лутчей порядок приведены быть могли.

27

О СМОТРЕНИИ НА МАНИФАКТУРАХ КАЖДОГО ДОЛЖНОСТИ И О СОЧИНЕНИИ ОНЫМ РЕГЛАМЕНТОВ.

Всякие манифактуры и фабрики состоят не токмо от завотчиков и положенного от оных капитала, но паче от доброго порядку и общего труда к ползе всей компании, чтоб при всех манифактурах и фабриках интересентом и компанейщиком поступать в согласии, а мастеровых людей, учеников и обретающихся во оных служителей порядочно содержали, того ради надлежит Колегии со всяким радением смотреть накрепко, чтоб из тех всякой свою должность исполнял, экзаминуя достоинство, а особливо русских учеников, и им велеть награждение чинить, смотря по заслугам и о всем том обстоятелно долженствует оная Колегия, уничить каждой манифактуре регламент и в тех фабриках оные публиковать. Вновь.

28

О НАДЗИРАТЕЛЯХ ИЛИ КОМИСАРАХ НА МАНИФАКТУРАХ И ФАБРИКАХ И О СЫСКУ ТРАВ И КРАСОК.

Понеже ныне, как в Московской, так и в других провинциях, в городех и уездах манифактуры и фабрики отчасти уже разсеяны и вкоренены, к тому же и впредь подается надежда к произведению оных, дабы не ослабевали, но паче влутчае состояние приведены были, того ради имеет Колегия наша манифактур для надзирания оных у Сената просить отставных афицеров или дворян и определить к тому добрых и искусных людей, сколко потребно будет и таких, яко комисаров учредить и им обстоятельны инструкции дать, по которым поступать они обязаны будут, дабы не токмо о учреждении и размножении фабрик старались, но и данные на те фабрики регламенты добрым порядком непременно б были исполнены. Тако ж потребных материалов, красок, траф и протчего сему подобного в нашей империи искали, дав им Из имянного указу июля 13 дня 1722 году и вновь прибавлено.

по штучке, которые имеют они объявить всякого чина людем, кто похочет, обещая за труды награждения по разсмотрению, кто такую материю сыщет и те камисары должны репортовать по данной им инструкции Колегию.

29

О ПОСЫЛКЕ В ЧЮЖИЕ КРАЯ ДЛЯ НАУКИ.

Вновь.

Хотя через много труд и немалое иждивение всяких художеств чюжестранные мастеры вывезены и впредь вывезены быть имеют, чрез которых наши подданные обучаются и обучатца будут, но однакож, как видно, что оные от них обучаются не фундаментално, токмо те мастеры препровождают свой термин и отъезжают паки во отечество и данные им ученики без совершенства остаютца, ибо приезжают большая часть плохие, а которые и искусные, те совершенно не обучают, понеже может быть, что не имеют ли они при своих цехах какого присяжного обязателства, чтоб иностранных им не обучать, того ради, надлежит манифактур колегии старание иметь для вкоренения и умножения в империи нашей манифактур и фабрик и для искусства художества, послать в чюжие государства из молодых людей, того ради публиковать, ежели кто из наших подданных имеет к такому обучению склонность, таких обнадежить, что ис фамилии их даны будут некоторые привилегии, по разсмотрению действа и добраго научения, а посланных определенным денежного жалованья для их пропитания, о чем Колегия имеет представить нам со мнением или Сенату, равным образом и о научении куриозных и китайских художеств.

30

О ТАБАКЕ, КОТОРЫЙ СОДЕРЖИТСЯ НА НАШЕМ КОШТЕ.

Вновь.

Понеже табашной завод в Украине содержитца из нашей казны и отдан под усмотрение Колегии, о котором по самой крайней силе и возможности старатися со времянем умножить и распространить. А в существе и в доброте был лутче, как ныне, и время от времени мог бы превосходить и равнятися с иностранными. И того для всякими образы трудится выписывать откуда пристойно мастеров и разных семен и в

империи нашей в удобных местах сеять, а что родится оной крошить и тереть разными манерами, как возможность допустит и отсылать для продажи с ценою в камор колегию. А по продаже оного табаку, прибыльные денги оставлять в той колегии, а капитал отсылать в манифактур колегию, по приеме табаку половину, а другую по продаже, чтоб табашным заводом к размножению остановки не было. А что оного табаку и каких сортов в год продано будет, о том ис камор колегии присылать ведомости, чтоб манифактур колегия, ведая на какой табак расходу болше и на удовольствование империи, что потребно будет, толикое число и приуготовляла, ибо во всех других государствах от табашного збору внутреннее богатство получается.

31

О СООБЩЕНИИ ИНСТРУКЦИЕЙ МАГИСТРАТСКОЙ И КОМЕРЦ КОЛЕГИИ.

Понеже Манифактур и Камерц колегии при том же и Главной магистрат по делам и отправлениям между собою комуникацию имеют, того ради надлежит непременно сообщится с учиненных резолюциях по жалованным привилегиям учреждениям в сочинении регламентов, касающихся до ползы купечества и фабрик и требовать без отречения общих мнений, дабы поступать в согласном и общем совете, чтоб учиненные в одной Колегии резолюция не нарушены и другой Колегии противны не были. Того ради, повеливаем Камерц колегии и магистрату сообщить копии зданных им инструкцей, також и от манифактур Колегии во оные, чтоб ведая каждой по своей должности поступать и исполнять могла. Вновь.

32

О ЦЕХАХ.

Какие в империи нашей от главного магистрата учреждены быть имеют цехи и во оных цехах какие будут художества и о должности оных данные инструкции надлежит в Манифактур колегию для ведома сообщить, чтоб манифактур колегия, ведая о цехах и художествах имела разсуждение, каких в Росии не обретается о таких старатися каким образом ввести, а которые и есть, да не в совершенном достоинстве Вновь.

делаются, о таких тщится исправить, чтоб в Росийской империи все художества деланы были во всяком достоинстве против чюжестранных.

33

О ДАЧЕ ИНОСТРАННЫМ МАСТЕРАМ РУСКИХ УЧЕНИКОВ.

Все мастеры, которые употреблены будут в какую нибудь фабрику и манифактуру, подлежат быт обязаны иметь при себе некоторое число руских в науке, а именно, четыре или пять человек, к чему компанейщики имеют определить лутчих изо всей работы удовольствовав и объявить имянно в Колегии, и дабы могли обучитца совершенно тому местерству, к какому определятся, и того для, оная колегия должна всякое попечение иметь о таких учениках и как возможно часто экзаминовать о их науке и видеть радение мастеров и компанейское смотрение, дабы от нужды, или недовольства мастерам и ученикам, или нерадением мастеров, или негодностью учеников такого плода не отлучились. Вновь.

34

О СКОРОМ РЕШЕНИИ МЕЖДУ СЛУЖИТЕЛЯМИ СПОРОВ.

Понеже между мастерами и учениками и протчими в фабриках обретавшимися работными людми часто случаются споры о самых малых делах, которые надлежат бес продолжения времяни решить, дабы за тем волокит не было, того ради позволяется колегии дабы случающиися такие споры, как инаискорее и словесно решить а не письмянно. Вновь.

35

О ПЕНКЕ.

Ис Полши в Ригу пенка изрядная идет. Того ради тщится на Украине, как в великоросийских, так и в малоросийских городех оную умножать и ако модовать пристойным образом, чтоб российская пенка в доброте не плоше других быти могла. Из имянного указу 723-го году ноября 6 дня.

36

ЧТОБ НА ВСЯКИЕ РАСХОДЫ УПОТРЕБЛЯТЬ ДЕНГИ ОТ КОЛЕГИИ, А НЕ ИЗ РАЗНЫХ МЕСТ

Понеже многие остоновки и неусмотрении манифактурам и фабрикам, содержавшимися коштом нашим, приключаются от недачи мастерам и работным людем жалованья и на покупку материалов, потому что денги на оные из разных мест отпущаются и тем продолжение чинится и дабы впредь такой остановки и продолжения не было, того ради надлежит на такие потребности и на то, что впредь оная колегия к ползе нашей империи усмотрит, употреблять денги, которые збираются в манифактур колегию за бумажное гербование ис прибылных и о росходе подавать всегда обстоятелные репорты. А осталные отсылать куда надлежит и междо тем весма прилежное старание иметь, дабы как табак, так и гербовая бумага в продаже умножалась и тем зборы пополнялися.

Вновь.

37

О ПОКУПКЕ И О ПРОДАЖЕ КАЗЕННЫХ ТОВАРОВ.

Указом нашим повелено о всяких припасах и материалах с подрятчиками договор и продажи чинить по силе адмиралтейского регламента и понеже в дирекции манифактур колегии на манифактурах и фабриках многие покупки, поделки и продажи касаются малые, о которох, мастеры и надзиратели, как скоро объявят, требуют исполнения и ежели с таких малых покупках и продаже поступать по адмиралтейскому регламенту, то учинится продолжение и остановка, а мастеры за прогулные дни (в) туне получать будут жалованье, того ради повелеваем: случающиеся на манифактурах и фабриках покупки и казенные продажи от двадцати рублев и ниже покупать, хотя не по адмиралтейскому регламенту, бес публикаций, з запискою в расходные книги и чинить о том с протчими росходы репорты, дабы тем остановки не было, а о протчих покупках, а именно, чюжестранных и в Росии обретающихся материалов и о продаже казенных товаров, так же и о содержании приходных и росходных книг и о протчих касающихся к манифактур колегии делам поступать по артикулам адмиралтейского регламента неот-

Из адмиралтейского регламента из разных пунктов и вновь прибавлено.

менно, разве такое дело случится, о котором примеру не имеется, или сыщется к прибавлению инструкция, то доложить о том нам или Сенату.

38

И понеже мы без сумнению уповаем, что манифактур колегия со всяким радением и тщанием к приращению нашей империи ползы и интереса искать и по силе сей нашей данной инструкции во всех вышеписанных пунктах верно и совестно поступать будет, еже нашею высокою протекциею и всемилостивейше вспоможением обнадеживаем. А буде, паче всякого чаяния, по силе сей инструкции и наших указов, что нерадением спущено и неисполнено будет, оная колегия имеет в том ответ дать по нашим указом и генеральному регламенту.

ГАФКЭ,— Фонд Правит. Сената, д. № 1/1061, 1719 г., лл. 393—411.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Глава I. Характерные черты торгово-промышленной политики Петра и организация Мануфактур-коллегии 26
Глава II. Регламент Мануфактур-коллегии 75
Глава III. Мануфактур-коллегия в период с 1725 года по 1779 год 116
Глава IV. Мануфактур-коллегия и «указные» фабриканты 170
Глава V. Мануфактур-коллегия и рабочие крепостных мануфактур XVIII века 312

Приложения 365
Приложение № 1—Шведская привилегия Гедевиг Элеоноры о рукодельных домах 367
Приложение № 2 — Проект к сочинению-инструкции Манифактур-колегии. 377

Редактор А. Н. Сперанский
Переплет, титул работы художника Н. В. Ильина
Технич. редактор Н. С. Епихин.
Корректор Н. В. Грузинов.

★

Сдано в набор 17/V 1939. Подписано к печати 20/IX 1939. Формат 60×92¹/₁₆
Объем 24³/₄ п. л.
34373 зн. в печ. л. Тираж 3000.

★

Уполномоченный Главлита № А 15738

★

Типография им. Воровского, Москва, ул. Дзержинского, 18. Н. 5221.

★

Цена 12 руб. 50 коп.

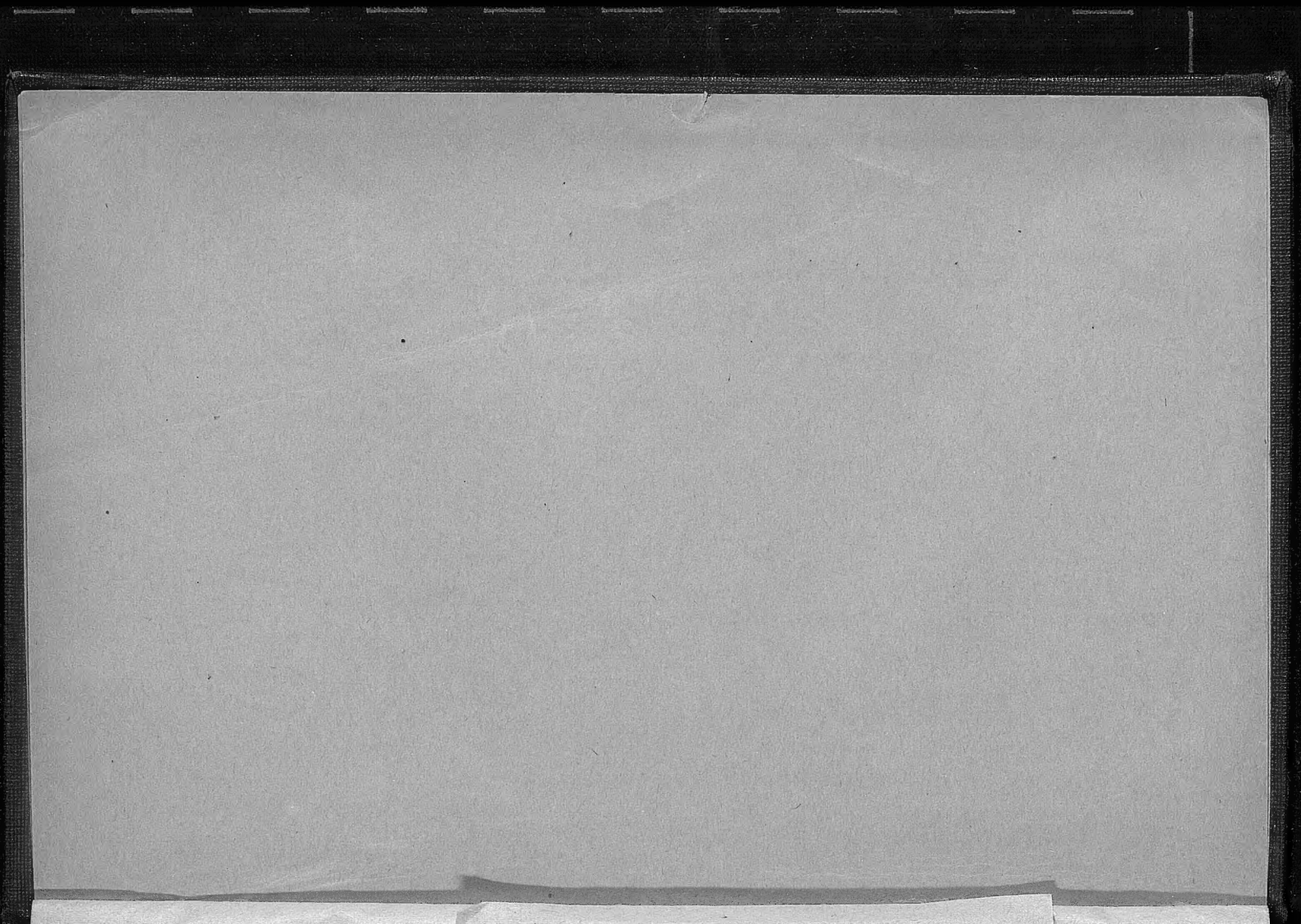
★

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
43	13, 14 св.	размерах особым правительственным управлением	размерах, особым правительственным управлением,
50	19 св.	принял	принят
72	2 св.	когда он мог	когда они могли
164	10 св.	на „издревле“	за „издревле“
166	4—5 сн.	начинали быстро расти	начинали расти
185	13 св.	как например,	как на пример
253	3 св.	некоторые	которые
257	14 св.	в Белогорский	в Белогородской
357	16 св.	как и	как в
361	6 сн.	хозяин велел	хозяин волен
393	15 св.	спущено	опущено

Т. им. Воровского. Н. 5221

Редактор А. Н. Сперанский
Переплет, титул работы художника
Н. В. Ильина
Технич. редактор [illegible]



R Groth